

Новая коллективная монография, подготовленная российскими учеными разных поколений, анализирует положение Японии в стремительно меняющемся мире Большой Восточной Азии, исторические корни, современное состояние и перспективы отношений со странами региона.

Возвращение либерал-демократов к власти в Токио и их программа «возвращения в Азию» в сочетании с аналогичными интенциями США и усилением мощи Китая, рост японских инвестиций в страны АСЕАН и диверсификация официальной помощи развитию, подготовка соглашений о свободной торговле и дискуссии о Транстихоокеанском партнерстве, роль «мягкой силы» и СМИ в этих процессах – таков круг проблем, рассмотренных в книге.

В силу важности и актуальности темы монография имеет не только академическое, но и практическое значение для широкого круга специалистов.

JAPAN IN ASIA:

PARAMETERS
OF COOPERATION

ПАРАМЕТРЫ
СОТРУДНИЧЕСТВА

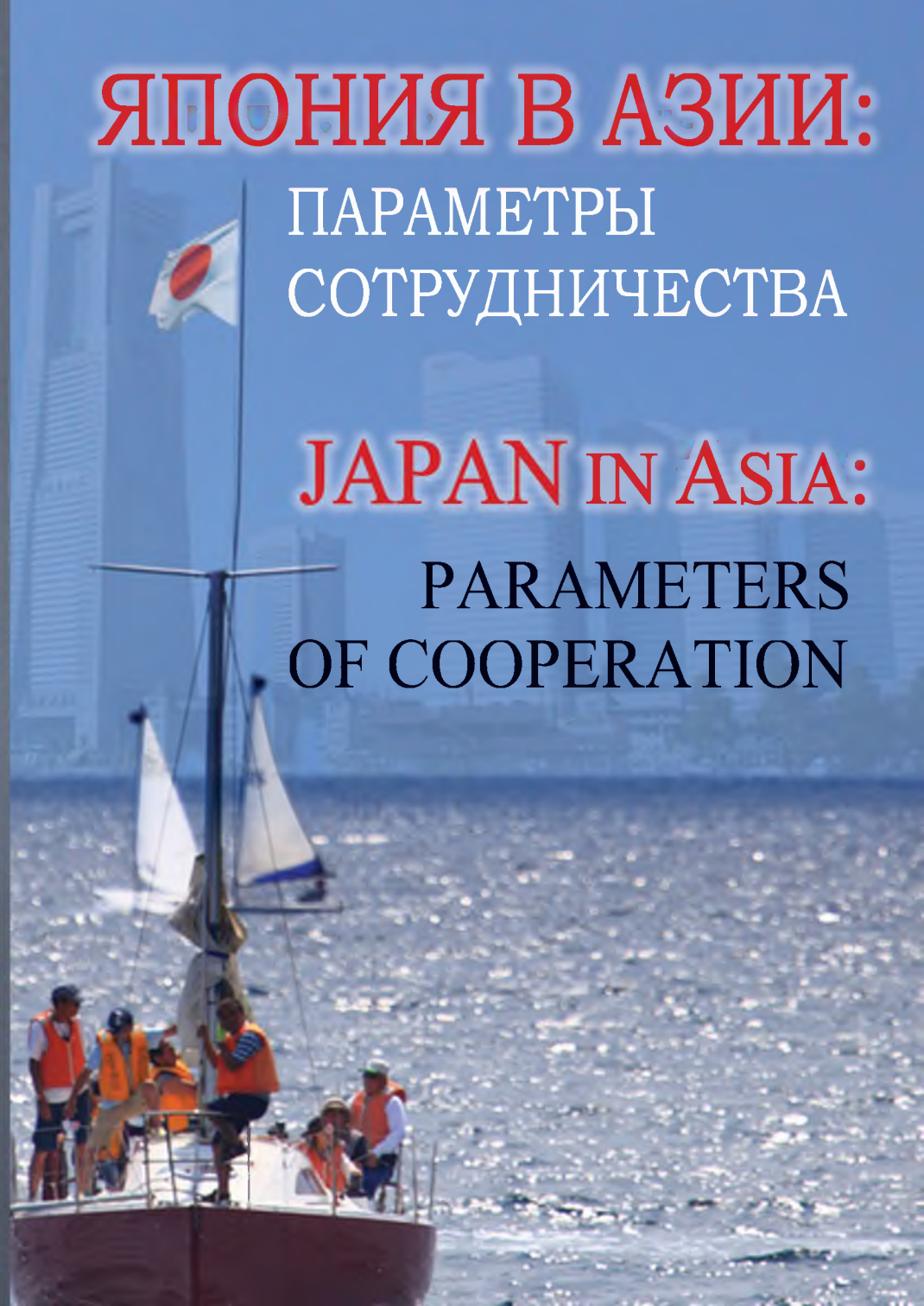
ЯПОНИЯ В АЗИИ:

ЯПОНИЯ В АЗИИ:

ПАРАМЕТРЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

JAPAN IN ASIA:

PARAMETERS OF COOPERATION

Институт востоковедения РАН
Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences

Межрегиональная общественная организация
«Ассоциация японоведов»

Институт востоковедения РАН
Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences

Межрегиональная общественная организация
«Ассоциация японоведов»

ЯПОНИЯ В АЗИИ: ПАРАМЕТРЫ СОТРУДНИЧЕСТВА.

JAPAN IN ASIA:
PARAMETERS OF COOPERATION

АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
(АИРО–XXI)

МОСКВА
MOSCOW
2013

Издание подготовлено при финансовой поддержке
Японского фонда

Руководитель проекта Э. В. Молодякова
Project leader E. V. Molodyakova
Ответственные редакторы
Э. В. Молодякова E. V. Molodyakova
С. Б. Маркарян S. B. Markaryan

Фотография на обложке

О. В. Андреевой

Япония в Азии: параметры сотрудничества. / Рук. проекта
Э. В. Молодякова. – М., АИРО-XXI. 2013 – 312 с.

Новая коллективная монография, подготовленная российскими учеными разных поколений, анализирует положение Японии в стремительно меняющемся мире Большой Восточной Азии, исторические корни, современное состояние и перспективы отношений со странами региона. Возвращение либерал-демократов к власти в Токио и их программа «возвращения в Азию» в сочетании с аналогичными интенциями США и усилением мощи Китая, рост японских инвестиций в страны АСЕАН и диверсификация официальной помощи развитию, подготовка соглашений о свободной торговле и дискуссии о Транстихоокеанском партнерстве, роль «мягкой силы» и СМИ в этих процессах – таков круг проблем, рассмотренных в книге. В силу важности и актуальности темы монография имеет не только академическое, но и практическое значение для широкого круга специалистов.

ISBN 978-5-91022-197-4

- © Институт востоковедения РАН, 2013.
Institute of Oriental Studies, Russian Academy
of Sciences, 2013.
© Межрегиональная общественная организация
«Ассоциация японоведов», 2013.
«Association of Japanologists», 2013.
© «АИРО-XXI», 2013.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие (Э. В. Молодякова)	7
Introduction (перевод А. Б. Буровой)	22
Политическая речь премьер-министра Абэ Синдзо на 183 сессии парламента (перевод А. Л. Гарибова)	36
Выступление министра иностранных дел Кисида Фумио на 183 сессии парламента (перевод А. Л. Гарибова)	52
Глава первая. Дипломатическая повестка Абэ Синдзо для Азиатско-Тихоокеанского региона (Э. В. Молодякова)	60
Глава вторая. Исторические факторы современных отношений в Большой Восточной Азии (В. Э. Молодяков)	79
Глава третья. Роль Японии в экономическом развитии стран Восточной Азии (И. П. Лебедева)	96
Глава четвертая. Япония и страны Восточной Азии: уровни социально- экономического развития и векторы экономического роста (И. Л. Тимонина)	121
Глава пятая. Проблемы японского аграрного сектора в контексте соглашений о свободной торговле (С. Б. Маркарян)	154
Глава шестая. Япония в региональных структурах АТР: механизмы экономического взаимодействия (Н. В. Стапран)	179
Глава седьмая. Роль политических факторов в развитии японо-китайских экономических отношений (П. В. Кульнева)	191
Глава восьмая. Своеобразие послевоенных японо-тайванских отношений (В. А. Перминова)	213
Глава девятая. Японо-американский договор безопасности в контексте «возвращения США в Азию» (О. А. Добринская)	237
Глава десятая. Центральнoазиатская дипломатия: афганский фактор (Н. Ю. Мурашкин)	260
Глава одиннадцатая. Япония и соперничество «мягких сил» в Азии (Е. Л. Катасонова)	276
Глава двенадцатая. Страны Большой Восточной Азии в зеркале японских средств массовой информации (К. О. Нака)	294

CONTENTS

Introduction (<i>Molodyakova E. V.</i> , translated by Burova A. B.)	7
Policy Speech by Prime Minister Shinzo Abe to the 183rd Session of the Diet.	36
Foreign Policy Speech by Minister for Foreign Affairs Fumio Kishida to the 183rd Session of the Diet.	52
Chapter 1. Political Agenda by Prime Minister Shinzo Abe for the Asia-Pacific region. (<i>Molodyakova E. V.</i>)	60
Chapter 2. Historical factors of the Modern International Relations in the region of Greater East Asia. (<i>Molodyakov V. E.</i>)	79
Chapter 3. The role of Japan in the economic development of East Asia countries. (<i>Lebedeva I. P.</i>)	96
Chapter 4. Japan and the East Asia countries: social and economic development levels, economic growth directions. (<i>Timonina I. L.</i>)	121
Chapter 5. Agricultural sector issues in the context of free trade agreements. (<i>Markaryan S. B.</i>)	154
Chapter 6. Participation of Japan in the Asia-Pacific regional structures: principles of the economic cooperation (<i>Stapran N. V.</i>)	179
Chapter 7. The role of political factors in Sino-Japanese economic relations' development process. (<i>Kulneva P. V.</i>)	191
Chapter 8. The nature of Japan-Taiwan post War relations (<i>Perminova V. A.</i>)	213
Chapter 9. Treaty of Mutual Cooperation and Security between the United States and Japan in light of the «America's Pacific Century» (<i>Dobrinskaya O. A.</i>)	237
Chapter 10. Central Asian Diplomacy of Japan: Afghan factor (<i>Murashkin N. Yu.</i>)	260
Chapter 11. Japan and the Soft powers' competition in Asia. Soft power's definition in Japan. (<i>Katasonova Ye. L.</i>)	276
Chapter 12. Countries of Greater East Asia in the Mirror of Japanese Media (<i>Naka K. O.</i>)	294

ПРЕДИСЛОВИЕ

На протяжении последнего года в контексте темы «Япония в Азии» и, более конкретно, «Япония в Большой Восточной Азии» все чаще звучит слово «возвращение». Одержав в декабре 2012 г. убедительную победу на выборах в ключевую нижнюю палату японского парламента, к власти вернулась Либерально-демократическая партия (ЛДП), а ее председатель Абэ Синдзо вернулся в кресло премьера (всего второй случай за послевоенную историю Японии). Первые официальные визиты Абэ и его ключевые министры – глава МИД Кисида Фумио и министр финансов, он же вице-премьер Асо Таро – нанесли в страны Азии, недвусмысленно заявив, что Япония «возвращается» в этот регион, точнее, снова активизирует экономическое и политическое присутствие в нем. Наконец, о своем «возвращении в Азию» заговорили и руководители США, акцентируя внимание на укреплении японо-американского стратегического и военно-политического партнерства. Анализу этих процессов посвящена настоящая коллективная монография.

Прежде всего необходимо определиться со значением понятий «Восточная Азия» и «Большая Восточная Азия», поскольку международные организации, политические институты, научные школы и отдельные авторы трактуют их по-разному. В соответствии с классификацией ООН (ЮНКТАД), в регион «Восточная и Юго-Восточная Азия» включаются 7 стран и экономических территорий субрегиона «Восточная Азия» (Китай, Япония, Гонконг, КНДР, Республика Корея, Макао, Монголия), 11 стран и экономических территорий субрегиона «Юго-Восточная Азия» (Бруней, Камбоджа, Индонезия, Лаос, Малайзия, Мьянма, Филиппины, Таиланд, Тимор, Вьетнам, Сингапур) и 9 стран субрегиона «Южная Азия» (Афганистан, Бангладеш, Бутан, Индия, Иран, Мальдивы, Непал, Пакистан, Шри Ланка). Принятые в японской и международной статистике правила включают в регион «Восточная Азия» Китай, НИЭ (Республика Корея, Китайская республика (Тайвань), Гонконг, Сингапур)

и страны АСЕАН. Пока еще менее привычное понятие «Большая Восточная Азия» обычно трактуется как «Восточная и Юго-Восточная Азия» без субрегиона «Южная Азия». Широко используемое понятие «Азиатско-Тихоокеанский регион» (АТР), на наш взгляд, не требует специальных пояснений. Авторы монографии старались придерживаться этих правил с неизбежными оговорками, диктуемыми тематикой отдельных глав. Следует также напомнить, что в бытность госсекретарем США Х. Клинтон в октябре 2010 г. впервые официально использовала понятие «Индо-тихоокеанский регион».

Монография открывается переводом речей премьер-министра Абэ Синдзо и министра иностранных дел Кисида Фумио на 183-ей сессии японского парламента (28 февраля 2013 г.) как программных документов новой администрации. Глава первая «Дипломатическая повестка Абэ Синдзо для Азиатско-Тихоокеанского региона» представляет собой комментарий к правительственной программе внешнеполитической деятельности на азиатском направлении в сочетании с общей характеристикой взглядов премьера. Возвращение во власть государственника-элитиста Абэ означает проведение осторожной консервативной политики, которой привержена «старая гвардия» либерал-демократов. Ее характерными чертами являются передача выработки национальной политики, принятия и исполнения решений, в том числе в сфере дипломатии, обратно в руки чиновников, более тесное сотрудничество с крупным бизнесом, публичное обращение к национальным и традиционным ценностям.

Показав, что он намерен непосредственно взять в свои руки разработку внешнеполитического курса страны, Абэ назвал его базовыми принципами «стратегическую дипломатию», «ценностную дипломатию» и «активную дипломатию», которые вкуче обеспечивают национальные интересы. Премьер разъяснил, что «основой нашей внешней политики будет реализация стратегической дипломатии на базе фундаментальных ценностей свободы, демократии, основных прав человека, верховенства закона; мы смотрим на мир в целом, а не только на двусторонние отношения с соседними странами». Особенностью внешней политики Японии считается ее реактивный характер, и Абэ с его «активной дипломатией», видимо, готов дать новый импульс внешнеполитической деятельности Токио. В контексте усиления борьбы за гегемонию в Азиатско-Тихоокеанском регионе между США и КНР Япония имеет свои задачи и в сфере внутренней политики, и в обеспечении национальной безопасности. В то время как японо-американский союз остается константой японской дипломатии, тенденция развития ситуации в Китае является важнейшей переменной величиной. Очевидно,

что в этих условиях Токио должен поддерживать и укреплять присущий союзу эффект сдерживания и действовать в поддержку США.

Глава вторая «Исторические факторы современных отношений в Восточной и Юго-Восточной Азии» посвящена анализу влияния событий прошлого на нынешнее состояние отношений Японии со странами Большой Восточной Азии. В них задействованы разные исторические реалии, а одни и те же события порой освещаются или действуют по-разному. Отношения с Республикой Корея и Корейской народно-демократической республикой кардинально различаются: РК – стратегический партнер Токио в сфере безопасности и важный экономический партнер, несмотря на наличие неразрешенных проблем, в том числе исторического происхождения (территориальный спор об островах Лиянкур//Такэсима//Токто); КНДР представляется большинству японцев «империей зла» и источником непосредственной угрозы. Однако в отношениях Токио и двух корейских государств присутствуют общие черты, связанные с исторической памятью о японском колониальном господстве на Корейском полуострове, которая остается «открытой раной» во многом благодаря исторической политике как Сеула, так и Пхеньяна. Основными болевыми точками исторического происхождения в отношениях между Японией и КНР остаются война 1937–1945 гг. с акцентированием внимания на «нанкинской резне» декабря 1937 г. и спор о территориальной принадлежности островов Сэнкаку//Дяоюйдао. Как и в обоих корейских государствах, в КНР японофобия, основанная на памяти о событиях прошлого, входит в официальный идеологический канон, отражаясь в учебниках, научной и популярной литературе, фильмах, памятниках и музейных экспозициях, которые являются объектом государственного контроля. Напротив, на Тайване (Китайская республика) колониальный период все чаще оценивают положительно, поскольку тогда была заложена основа послевоенного «экономического чуда», а послевоенные реалии, прежде всего отношения обеих стран с США и появление КНР, сделали Токио и Тайбэй стратегическими партнерами.

В японо-индийских отношениях исторический фактор является позитивным, хотя и второстепенным: он связан с созданием в годы Второй мировой войны, при поддержке Японии, Индийской национальной армии и правительства «Свободной Индии» в изгнании во главе с Субхасом Чандра Босом. Значение этого фактора не следует преувеличивать, но он сыграл положительную роль в создании необходимого психологического климата на начальном этапе межгосударственных отношений. Воздействие событий прошлого на послевоенные отношения Японии со странами Юго-Восточной Азии шло скорее по «индийскому», нежели по «китайскому» сценарию. Таиланд, который в 1941 г. был единственным

независимым государством Азии к югу от Японии, стал ее сателлитом, поэтому сейчас историческая память в этой стране скорректирована в сторону изживания воспоминаний об участии в войне на «неправильной» стороне, а нынешние двусторонние отношения отмечены взаимной симпатией. Провозглашение под эгидой Токио формальной «независимости» оккупированных азиатских стран (Филиппины, Бирма, Вьетнам, Лаос, Кампучия) можно назвать успешной стратегией, поскольку победители вскоре были вынуждены предоставить ее своей властью. В наибольшей степени антияпонские настроения были характерны для Филиппин, где входили в государственный идеологический канон. Опыт войны и оккупации не оказывает негативного влияния на отношения Японии с Малайзией и Сингапуром, поскольку их национальные элиты изучали и заимствовали японский опыт модернизации. Прошлое и память о нем воздействуют на отношения Японии со странами Восточной Азии не сами по себе, но как причины или подтекст нынешних проблем.

Постановка проблемы в главе третьей **«Роль Японии в экономическом развитии стран Восточной Азии и векторы экономического роста»** определяется тем, что одним из наиболее значимых сдвигов в мировом хозяйстве за последние 20–30 лет является смещение эпицентра экономического развития в восточноазиатский регион. Содействие Японии экономическому развитию государств Восточной Азии осуществляется по линии как государственных, так и частных институтов. В 1970–1980-е годы оно шло в основном по линии официальной помощи развитию (ОПР); с начала 1990-х годов все большую роль в стимулировании экономического роста стали играть частные прямые инвестиции. Для японской модели ОПР, в том числе в Восточной Азии, характерны следующие черты: значительная часть предоставляется на возвратной основе в виде займов; основные средства направляются на финансирование строительства объектов экономической инфраструктуры. Состав ее получателей также меняется: в конце 1980-х годов была прекращена помощь Республике Корея, ставшей одной из крупнейших азиатских экономик; в 2008 г. по той же причине прекращена помощь Китаю. В настоящее время основными получателями японской ОПР в Восточной Азии являются страны АСЕАН, причем на фоне сокращения помощи его «старым» членам (Малайзия, Индонезия, Таиланд и Филиппины) растет объем средств, выделяемых «новым» членам (Вьетнам, Камбоджа, Лаос, Мьянма). В последние годы происходит переориентация с оказания помощи отдельно взятым странам (с целью создания там условий, благоприятных для японских компаний) на поддержку проектов, связанных с развитием региона в целом. Япония рассматривает АСЕАН

как блок, на базе которого может быть реализована идея создания Восточноазиатского сообщества.

В настоящее время основными направлениями японской ОПР странам АСЕАН являются: содействие в ликвидации резких разрывов в уровнях социально-экономического развития стран-членов; помощь в модернизации национальных экономик; помощь в создании и развитии институциональной основы интеграции; содействие в подготовке кадров и унификации образовательных стандартов; помощь в создании региональной финансовой инфраструктуры. Многие проекты ОПР странам региона осуществлены и продолжают осуществляться в формате РРР (Public-Private Partnership), т. е. не только при техническом, но и при финансовом участии частных японских компаний, однако пришедшие по этой линии капиталы – лишь небольшой ручеек потока частных инвестиций, который хлынул туда с конца 1980-х годов. К началу 2012 г. накопленный объем прямых инвестиций японских компаний в экономику восточноазиатских стран достиг 240,8 млрд. долл., что составляет 13 % от общего объема прямых иностранных инвестиций в этот регион. Особенностью японских инвестиций является высокая доля вложений в обрабатывающую промышленность, что ощутимо стимулирует экономическое развитие стран региона. Деятельность филиалов японских компаний не только расширяет производственный и экспортный потенциал восточноазиатских экономик, но повышает технический уровень и культуру производства на местных предприятиях, а также формирует систему межотраслевого и внутриотраслевого разделения труда, углубляя интеграционные процессы в регионе. Выгоды от этого получает и сама Япония – в виде расширения экспорта, появления новых привлекательных направлений для инвестиций, притока дешевых и качественных товаров, произведенных в азиатских филиалах, и использования конкурентных преимуществ местных экономик для сохранения своей доли в мировом производстве и экспорте. Масштаб присутствия японских компаний в регионе будет только возрастать.

В главе четвертой **«Япония и страны Восточной Азии: уровни социально-экономического развития»** рассмотрены тенденции формирования новой экономической структуры региона и перспективы перепозиционирования Японии в азиатском мире. Успешно реализованная ей модель догоняющего развития на несколько десятилетий стала образцом для новых индустриальных экономик Азии. В последней трети XX в. здесь сложилась модель разделения труда, в которой Японии отводилась роль поставщика капитала, технологий, высокотехнологичной продукции, а страны-партнеры специализировались на более простой, трудоемкой продукции и играли роль производственной

базы для японских корпораций. В XXI в. коренным образом изменились структура, динамика и тренды развития экономики, на мировой арене появились новые «полюса роста», в том числе в восточноазиатском регионе (прежде всего Китай), произошел переход к мультиполярной структуре и «новому нормальному росту» (включая разноскоростную экономическую динамику развитых и развивающихся стран), сформировались успешные национальные социально-экономические модели в определенной степени альтернативные моделям стран с развитой рыночной экономикой. Все это формирует принципиально новую международную среду для развития национальных экономических комплексов и деятельности корпораций, которые сталкиваются с необходимостью изменения специализации, поиска нового места в мировой экономической структуре, выработки стратегии долгосрочного роста, способной обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие.

Сейчас Япония вместе с другими развитыми странами оказалась в низкоскоростном сегменте, уступила Китаю позицию второй экономики мира, утратила конкурентоспособность в целом ряде отраслей, включая производство некоторых видов продукции средней и высокой технической сложности. Разделение труда между Японией и странами Восточной Азии определяется межрегиональным движением промежуточной продукции, в рамках которого Токио имеет доминирующие позиции. Комплексный сравнительный анализ уровней социально-экономического развития Японии и стран Восточной Азии демонстрирует ее сохраняющееся лидерство по многим качественным параметрам роста, в том числе отражающим уровень развития социальной и производственной инфраструктуры. Японский бизнес имеет реальные перспективы продвижения своих товаров и услуг на такие растущие сегменты рынка азиатских стран как энергетика, инфраструктура и градостроение, включая проекты «умного города» (smart city), здравоохранение, образовательные услуги, экобизнес. В то же время в самой Японии уровень развития инфраструктуры оставляет широкие возможности инвестирования в данную сферу, а уровень жизни в стране обеспечивает возможности роста сферы услуг. Перспективным направлением на пути к изменению традиционной специализации страны на мировом рынке остается совершенствование ее инновационного потенциала. Всё это – объективные тенденции в развитии японской и мировой экономики, изменения в жизни восточноазиатских стран, стратегии японского бизнеса, политика правительства Японии – создает основу для того, чтобы сохранить свое место вожжа в «стае летящих гусей», но уже в новом качестве, демонстрируя модель азиатской развитой экономики с высоким качеством жизни.

В главе пятой «Проблемы японского аграрного сектора в контексте соглашений о свободной торговле» показано влияние внешне-экономических факторов на аграрную политику японского правительства, которое уже несколько десятилетий не может решиться на проведение кардинальной институциональной реформы, что должно привести к снижению себестоимости сельскохозяйственной продукции. Речь идет о заключении соглашений о свободной торговле (ССТ) и об экономическом партнерстве (СЭП), которые предполагают, в зависимости от видов продукции, либо немедленную отмену торговых тарифов, либо их постепенное снижение и, наконец, ликвидацию к окончанию десятилетнего срока договора. Япония, будучи активным экспортером промышленной продукции, заинтересована в этом процессе, но сталкивается с необходимостью снизить пошлины на импортируемую сельскохозяйственную продукцию (свыше 5 % мирового импорта), при том что отечественная в большинстве своем неконкурентоспособна на мировом рынке и защищена высокими пошлинами и квотами. Снижение и тем более ликвидация пошлин повлияет на положение в местном аграрном секторе, поэтому Япония позже других развитых стран приступила к подготовке таких соглашений. К апрелю 2013 г. она заключила ССТ с 13 странами, большинство из них – азиатские, на которые приходится около половины внешнеторгового оборота страны; с рядом стран переговоры продолжаются. По действующим соглашениям тарифы на отдельные виды сельскохозяйственной продукции были сняты, решения по другим отложены для дальнейших переговоров.

В конце 2011 г. Япония объявила о стремлении наладить стратегическое экономическое сотрудничество со всеми основными внешне-торговыми партнерами, чтобы создать всеобъемлющую Азиатско-Тихоокеанскую зону свободной торговли. Важным шагом на пути ее формирования является присоединение Токио к переговорам по созданию Транстихоокеанского экономического партнерства (ТТП). Отношение японского общественного мнения к этому вопросу неоднозначно. Экспортеры активно поддерживают присоединение к переговорам, производители и импортеры продовольствия категорически не приемлют такой вариант. Многие считают, что участие Японии в ТТП в долгосрочной перспективе окажет положительное влияние на развитие сельского хозяйства и может стать «столь необходимой шоковой терапией» для ее аграрного сектора. В марте 2013 г. премьер-министр Абэ Синдзо принял решение о присоединении к ТТП, одновременно заявив, что стремится превратить сельское хозяйство страны в перспективную отрасль, что будут налажены связи этой отрасли с различными производствами, включая логистику и информационные технологии, с целью

сделать сельское хозяйство привлекательным для молодежи. Возможно, именно в условиях угрозы отмены тарифов в аграрном секторе будут проведены институциональные реформы, которые приведут к повышению эффективности производства и росту конкурентоспособности японской сельскохозяйственной продукции.

Глава шестая **«Япония в региональных структурах в АТР: механизмы экономического взаимодействия»** открывается констатацией факта, что Япония, долгое время игравшая ведущую роль в региональном экономическом взаимодействии, в последние годы оказалась в тени Китая. Как наиболее развитая экономика в Восточной Азии она была центром регионального экономического развития и ключевым источником ОПР, которая способствовала формированию социальной инфраструктуры и имела решающее значение для экономического подъема многих стран региона. Кроме того, Япония была для них одним из важнейших источников прямых иностранных инвестиций. Сейчас многие утверждают, что ведущим партнером АСЕАН и центром регионального сотрудничества в Большой Восточной Азии стал Пекин, особенно после заключения им в 2002 г. соглашения о зоне свободной торговли с АСЕАН. Несмотря на это, Япония остается сильным экономическим игроком, важнейшим звеном в мировых логистических и производственных цепочках, поэтому ее участие необходимо для обеспечения надежности и жизнеспособности любого регионального экономического взаимодействия. При этом Токио способен выступать политическим балансиром Пекина в региональных форумах.

Следует отметить, что Япония не преуспела в либерализации собственного рынка, а из 13 подписанных ей соглашений об экономическом партнерстве ни одно не заключено с крупной экономической державой, за исключением Индии. Многие соглашения не касаются торговли сельскохозяйственной продукцией. Если Япония не либерализирует свой рынок, ее компании в скором времени могут оказаться в невыгодном положении. В 2012–2013 гг. Токио попытался наверстать упущенное, начав переговоры по заключению ССТ с Евросоюзом и трехстороннего соглашения с Китаем и Республикой Корея, однако последние забуксовали в связи с обострением политических противоречий и отказом китайских лидеров встречаться с японскими партнерами. Участие Японии в региональных экономических механизмах в ближайшем будущем будет определяться не только сугубо экономическими, но и политическими интересами, стремлением к «сдерживанию» Китая, попытками вслед за США вернуть себе лидирующую роль в регионе и потребностью в поиске новых рынков.

Глава седьмая **«Роль политических факторов в развитии японо-китайских экономических отношений»** основана на принадлежности

обоих государств к одному социокультурному и геополитическому пространству. Обострившиеся в последние годы проблемы двусторонних отношений напомнили о том, что политические трения между Токио и Пекином могут представлять потенциальную угрозу для стабильности их экономических связей. Применение модели градации состояния двусторонних экономических и политических связей, предложенной китайским ученым Лю Цзяньюном, показывает, что в японо-китайских отношениях экономическая сфера очень чувствительна к изменениям политического климата. Анализ взаимодействия экономических и политических факторов на протяжении нескольких десятилетий после восстановления дипломатических отношений между Японией и Китаем демонстрирует, что в силу углубления экономической взаимозависимости двух стран, данная сфера их отношений функционирует все более автономно по отношению к политической. Примером может служить возникшая в японо-китайских отношениях в начале 2000-х годов, при администрации Коидзumi Дзюньитиро, никогда не наблюдавшаяся ранее ситуация «расцвета экономических связей при холодности в политике».

Разумеется, политические факторы не утратили свое значение, о чем свидетельствуют возникавшие в последнее десятилетие серьезные торговые конфликты на почве политических противоречий, случаи применения Пекином экономических рычагов для оказания политического давления на Токио, потери оперирующих в КНР японских предприятий вследствие вызванных политическими факторами антияпонских демонстраций. События вокруг островов Сэнкаку ухудшили макроэкономические показатели японо-китайских отношений – товарооборота и прямых инвестиций японских компаний в Китае. Политические факторы продолжают влиять на стабильность экономических связей, но в условиях усиления взаимозависимости не только между Японией и Китаем, но между всеми странами Восточной и Юго-Восточной Азии, потери от реакции участников региональных экономических процессов на политические события становятся все более ощутимыми.

В главе восьмой **«Своеобразие послевоенных японо-тайваньских отношений»** отмечается, что в истории двустороннего партнерства были периоды как официальных, так и неофициальных контактов. На характер отношений всегда влияла общая обстановка в мире и отдельные страны региона (главным образом, КНР и США), но независимо от их статуса и других внешних факторов Токио и Тайбэй осознавали необходимость в укреплении сотрудничества. Его основа была заложена в колониальный период, когда Япония установила прочные экономические и культурные связи с островом, что создало благоприятные условия для взаимодействия на межгосударственном уровне во второй половине XX в. Определенное сходство китайского управления Тайванем после

1945 г. с японской моделью подтверждает разумность и успешность японской политики на Тайване. В период официальных отношений между Токио и Тайбэем важную роль во взаимодействии играл фактор японо-китайских отношений. Попытки поддерживать экономические связи с Пекином встречали резкую критику со стороны тайваньского руководства, но даже при временных осложнениях между Японией и Тайванем укреплялись торговые связи, культурное взаимодействие, расширялись политические контакты. Статус отношений кардинально изменился в 1972 г., когда Япония установила официальные отношения с КНР, разорвав их с Тайванем. Но и в этих условиях японо-тайваньские связи продолжали развиваться в виде контактов на рабочем уровне, торговли и научно-технического сотрудничества.

С середины 1990-х годов между Японией и Тайванем активизировалось военно-стратегическое партнерство. Теперь Тайвань, согласно «Принципам сотрудничества США и Японии в сфере обороны», входит в число «районов, окружающих Японию», что предполагает более тесные контакты между Токио и Тайбэем в сфере безопасности. В конце XX в. политические отношения расширились и даже приобрели более официальный характер, хотя обе стороны действовали в рамках принципа «одного Китая» и стремились не обострять отношений с Пекином. В начале 2000-х годов Тайвань стремился превратить Японию во «вторую опору» и стратегического союзника, возлагая надежды на ее помощь в деле международного признания. Однако Япония больше устраивает вариант, когда она может поддерживать хорошие отношения как с Тайванем, так и с КНР. Сейчас внешняя политика Тайбэя отличается сдержанностью в отношениях с Токио и Пекином, желанием избежать конфликтных ситуаций ради построения выгодного сотрудничества с материковым Китаем. Такая позиция заставляет Японию внимательнее присматриваться к действиям Тайбэя и по возможности не допускать его чрезмерного сближения с Пекином. Для Тайваня отношения с Японией, как и раньше, остаются крайне важными. Во время кризиса 2008 г. Япония помогла постепенно стабилизировать тайваньскую экономику, являясь основным инвестором и кредитором. В стратегическом отношении Япония продолжает играть значительную роль в поддержании «неопределенного» статуса Тайваня, который остается важным звеном в региональной системе обороны, создаваемой США и Японией.

Глава девятая «Японо-американский договор безопасности в контексте «возвращения США в Азию»» акцентирует внимание на стратегическом значении перемен в регионе. Решение Вашингтона о перебалансировании дипломатических, экономических и военных ресурсов в контексте усиления Китая означает, что в обозримой перспективе регион

может стать ареной противостояния великих держав. Новая политика США подразумевает укрепление традиционных альянсов, углубление партнерства с растущими державами, налаживание стабильных, конструктивных отношений с Китаем, а также повышенное внимание к работе многосторонних институтов и участие в строительстве региональной экономической архитектуры. В условиях растущего внимания Вашингтона к АТР возрастает нагрузка на традиционные альянсы, особенно на союз с Японией, который является основным элементом американского присутствия в Азии. Этот альянс давно вышел за рамки «узкой» миссии обеспечения безопасности Японии. Сегодня он не только играет роль гаранта стабильности в регионе, но и является «общественным достоянием» с глобальной сферой стратегических интересов, включающих такие направления, как борьба с международным терроризмом и распространением оружия массового уничтожения, а также со стихийными бедствиями.

В отношениях с Токио администрация Барака Обамы, уделяющая повышенное внимание Азии, столкнулась с некоторыми сложностями в период пребывания у власти Демократической партии Японии. Некоторые ее инициативы препятствовали продуктивному обсуждению роли и миссий альянса, но ситуация подтвердила безальтернативность опоры на США в условиях обострения северокорейской и китайской угроз. Возвращение либерал-демократов к власти было воспринято в США с надеждой и опасением. Вашингтон приветствует настрой премьер-министра Абэ Синдзо на повышение военной роли Японии и укрепление двустороннего сотрудничества, но его националистическая риторика может нанести вред американской политике в Азии. Проблемы территориального и исторического характера продолжают мешать военному сотрудничеству Токио и Сеула – основных союзников США в регионе. Обострение спора вокруг островов Сэнкаку создает напряженность, мешающую проведению американского курса на перебалансирование в сторону Азии. Стремительные изменения в регионе ставят перед Токио новые задачи в сфере безопасности, экономики и дипломатии.

В военном плане возвращение США в Азию поддерживается концепцией «динамичной обороны», которая предполагает обладание компактными, гибкими и мобильными силами. Особое внимание будет уделено таким относительно новым сферам, как безопасность космоса и кибер-пространства. В контексте этой политики Япония намерена развивать сотрудничество с государствами «Индо-тихоокеанского региона», придавая особое значение налаживанию мини-многосторонних форматов с участием США. Американское перебалансирование предполагает большее внимание к Юго-Восточной Азии, и Япония, вслед за союзником, корректирует свои приоритеты, активизируя сотрудничество

в сфере безопасности со странами АСЕАН. В Токио считают, что японо-американский союз должен создать широкую сеть для обеспечения безопасности и процветания в регионе, поэтому отношения между Японией и другими партнерами США приобретут большее значение. Решение проблем безопасности и поддержание порядка в регионе мыслится Токио в рамках японо-американского союза, который в новой стратегической среде должен стать более эффективным инструментом формирования будущего Азии.

Глава десятая «**Центральноазиатская дипломатия Японии: афганский фактор**» занимает особое место в монографии. Географически Афганистан не входит в рамки рассматриваемого региона, но является проблемой мирового значения. В новом веке Афганистан и Центральная Азия все чаще рассматриваются в рамках так называемой «новой Большой игры», как объекты соперничества великих держав — Китая, России, США, которые борются за ресурсы региона и влияние на его страны. Такой подход представляется ограниченным и некорректным, поскольку принижает роль самих стран Центральной Азии, рассматриваемых как объекты влияния, а не как действующие лица, пусть с меньшим внешнеполитическим потенциалом. Япония является одной из ведущих стран-доноров ОПР Афганистану и параллельно с активизацией двусторонних связей инициировала ряд международных проектов, например инфраструктурно-коммуникационный проект Центральноазиатского экономического сотрудничества (ЦАРЕС). Цель главы — дать ответ на следующие вопросы. Насколько стоит рассматривать афганское направление политики Токио как часть оборонного договора с Вашингтоном в формате разделения ответственности? Насколько эта линия самостоятельно сформирована японским внешнеполитическим истеблишментом в рамках стратегического евразийского видения, и можно ли говорить о наличии и последовательности последнего? Как совмещается двусторонний подход японского правительства с общей региональной стратегией? Какую роль играет личностный фактор в формировании японской дипломатии на афганском направлении?

В главе анализируются и сравниваются две внешнеполитические концепции, непосредственно затронувшие Афганистан и соседние с ним страны «Великого шелкового пути»: «Евразийская дипломатия» Хасимото Рютаро (премьер-министр в 1996–1998 гг.) и «Дуга свободы и процветания» Асо Таро (премьер-министр в 2008–2009 гг.). Параметрами сравнения являются авторство этих доктрин и его значение для разницы в их геополитических подходах, фракционная принадлежность политиков-авторов, общий внешне- и внутривнутриполитический контекст, значение применительно к афганской повестке дня японского МИД. Понимание стратегии японской дипломатии на афганском направлении

важно для анализа ОПР Афганистану и странам «Великого шелкового пути» — как двусторонней, так и многосторонней, ее путей, форм и институтов. Вклад неполитизированных функциональных проектов в развитии отношений между Японией, Центральной Азией и Афганистаном недостаточно освещен. Его нельзя недооценивать ввиду «тектонических» последствий для геополитической соединенности региона и способствования изменению баланса сил как внутри региональных держав, так и по отношению к рычагам давления, имеющимся у внешних игроков.

Глава одиннадцатая «**Япония и соперничество «мягких сил» в Азии**» рассматривает отношения Токио со странами региона в свете концепции «мягкой силы», которую более 20 лет назад выдвинул американский политолог Джозеф Най. Единого определения этого понятия пока нет, поскольку в каждой стране оно дополняется своими особенностями. Основной смысл концепции заключается в том, что в наши дни сила и влияние страны на международной арене измеряется не только количеством боеголовок и экономической мощью, но политическими и культурными достижениями. Необходимость развития своей «мягкой силы» признается многими государствами Азии, включая Китай, Тайвань и Республику Корея. Большое внимание уделяет этому и Токио. По мнению Най, «как первая незападная страна, сравнивавшаяся с Западом по современности и одновременно доказавшая возможность сохранения уникальной культуры, Япония имеет больше потенциальных ресурсов «мягкой силы», чем любая другая азиатская страна». К таковым относятся первое место в мире по оказанию помощи развивающимся странам, второе место по продажам книг и записей музыкальных произведений, третье по затратам на научные исследования, самая большая в мире продолжительность жизни и, конечно, успешный опыт модернизации, достижение сопоставимого с американским и европейским уровнем экономического развития без ущерба для самобытной культуры. Перспективным ресурсом является глобальное влияние японской поп-культуры в мире, прежде всего в азиатских странах.

Вместе с тем ряд факторов ограничивает развитие «мягкой силы» Японии. К ним относятся: ориентация ее культуры на консервацию особенностей своей деловой этики и образа жизни; военное прошлое, которое до сих пор сохраняет «остаточную подозрительность» в таких странах, как Китай и оба корейских государства; серьезные демографические проблемы в связи со старением общества и критическим отношением к иммиграции; языковый барьер, поскольку японский язык, несмотря на усилия государственных и частных структур, вряд ли получит широкое распространение в мире в обозримом будущем, а плохое в целом владение английским языком японцами осложняет привлечение в страну высококвалифицированной рабочей силы и научных кадров.

Наконец, еще одним ограничителем является стремительно растущая конкуренция со стороны Республики Корея, Китая и Индии. Пока ни одна из этих стран не занимает высокое положение в индексах потенциальных ресурсов «мягкой силы», но их культурное влияние в мире заметно растет, в том числе за счет диаспор. Как будут развиваться события в Азии, покажет время, но сегодня можно говорить о том, что путь к региональному лидерству лежит в том числе через развитие «мягкой силы». Страны, ставящие перед собой амбициозные цели, готовы бороться за них своими «мягкими силами», что непосредственно относится к Японии и ее соседям.

Глава двенадцатая **«Страны Большой Восточной Азии в зеркале японских средств массовой информации»** рассматривает отражение стран региона в японских СМИ, где они по объективным причинам занимают особое место, опережая остальные части света, за исключением событий глобального масштаба. Объем и подача информации из этих стран и региона в целом четко отражают как традиционные подходы и стереотипы, сложившиеся на протяжении десятилетий, так и новые, иногда сиюминутные повороты и изменения в двусторонних отношениях или международной ситуации. При этом необходимо учитывать сохраняющуюся важную роль японских газет, которые, несмотря на наступление века Интернета, остаются, в том числе в «бумажном» варианте, подлинной «четвертой властью» наряду с телевидением. Газеты оказывают прямое влияние на общественное мнение страны, косвенное, хотя и несомненное, на ее политическую жизнь и, вероятно, на выработку национальной политики. Япония и в XXI в. остается страной крупных общенациональных и региональных газет, поскольку их Интернет-версии воспринимаются большинством потребителей не как электронные СМИ, но именно как вариант печатных, тиражи которых составляют миллионы экземпляров.

Среди азиатских ньюсмейкеров безусловным лидером остается Китай, в освещении которого преобладает экономическая и политическая тематика. Образ КНР в японских СМИ можно назвать нейтрально-негативным. Критика действий официального Пекина имеет подчеркнуто сдержанный характер, однако кризисные моменты и противоречия в двусторонних отношениях не замалчиваются. Следующим по значимости ньюсмейкером являются два корейских государства, но отношение к ним различается до противоположности. Освещение Республики Корея имеет нейтрально-деловой или позитивно-заинтересованный характер, что не в последнюю очередь связано с общей атмосферой «политкорректности» по отношению к стране, которая 40 лет была японской колонией. Особенностью южнокорейской тематики является обилие «поп»-информации, что исподволь создает этой стране положительный

имидж. КНДР – единственная из рассматриваемых стран, тональность информации о которой в японских СМИ имеет однозначно негативный характер. Общий характер публикаций об Индии – положительный или нейтральный, с особым вниманием к экономической тематике и к ее успехам в сфере как экономики, так и образования, культуры и искусства. В освещении этой страны заметно отсутствие политических штампов, предвзятости и заранее заготовленных шаблонов, а также ориентация на будущее, на перспективы двусторонних отношений. Тайвань и страны Юго-Восточной Азии занимают скромное место в информационном пространстве Японии, но информация о них имеет по большей части позитивный характер. В публикациях данной тематики преобладают, с одной стороны, экономические сюжеты (двустороннее сотрудничество и перспективы Транстихоокеанского партнерства), с другой – «легкая» информация, связанная с культурой, искусством и туризмом.

Сотрудничество сегодняшней Японии со странами Большой Восточной Азии является сложным, многомерным и многовекторным процессом, а его значение выходит далеко за региональные рамки. То, как оно будет развиваться, как сложится ситуация в регионе и как будут разрешены имеющиеся в нем проблемы двустороннего и многостороннего характера, окажет прямое влияние на важнейших акторов мировой политики и экономики.

INTRODUCTION

During the last year, in the context of “Japan in Asia” and to be more specific, “Japan in the Greater East Asia”, the phrase “Japan’s return to Asia” was constantly applied. The Liberal Democratic Party of Japan has returned to power after winning a clear majority in the lower house general election on December 16, 2012. And party leader Mr. Shinzo Abe has returned to the Prime Minister office (only the second time in the history of post-war Japan). Asian countries were among the first official foreign visits performed by Mr. Shinzo Abe and his key ministers (Minister for Foreign Affairs Fumio Kishida, Deputy Prime Minister and Minister of Finance Taro Aso). Thus, explicitly stating that Japan is returning to Asia, in other words, reinforcing its economic and political presence in the region. Finally, U.S. leaders also mentioned Asian region in light of the “America’s Pacific Century”, thus focusing on the strategic and military-political partnership between the United States and Japan. Analysis of the processes mentioned above is the subject of this collective volume.

First of all, the definition of the “Eastern Asia” and “Greater East Asia” terms should be made as there are different points of view on this subject between international organizations, political institutions, scientific schools and independent researchers. Under the UN (UNCTAD) classification of major areas and regions, the concept of “Eastern Asia and South-Eastern Asia” includes 7 countries and economic areas of Eastern Asia (China, China, Hong Kong SAR, China, Macao SAR, Democratic People’s Republic of Korea, Japan, Mongolia, Republic of Korea), 11 countries and economic areas of South-Eastern Asia (Brunei Darussalam, Cambodia, Indonesia, Lao People’s Democratic Republic, Malaysia, Myanmar, Philippines, Singapore, Thailand, Timor-Leste, Viet Nam) and 9 countries and economic area of Southern Asia (Afghanistan, Bangladesh, Bhutan, India, Iran (Islamic Republic of), Maldives, Nepal, Pakistan, Sri Lanka).

Under the rules, accepted internationally and adopted in Japan, the concept of “Eastern Asia” includes China, newly industrialized economies (Republic of China, Hong Kong SAR, Singapore, Republic of Korea, Republic of China (Taiwan)) and ASEAN. Still less familiar concept of “Greater East Asia” is usually treated as the “Eastern and South-Eastern Asia” excluding “Southern Asia” countries.

A widely used concept of “Asia-Pacific region” in our view does not require special explanation. The authors of the volume tried to adhere to those rules with the inevitable qualifications based on the subjects of the chapters.

It should also be recalled that the term “Indo-Pacific region” was first officially used by Hillary R. Clinton in October 2010, when she was U.S. Secretary of State.

The monograph offers a translation of speeches made by Prime Minister Shinzo Abe and Minister for Foreign Affairs Fumio Kishida to the 183rd session of the Diet (February 28, 2013) as the program documents of the new administration.

The 1st Chapter “Political Agenda by Prime Minister Shinzo Abe for the Asia-Pacific region” is a commentary on the government’s program of foreign policy in the Asian region, combined with a general characteristic of the Prime Minister’s views. Return to power of the state-elite Prime Minister Shinzo Abe means pursuing a cautious conservative policy which is committed to the “old school” Liberal Democrats. Its features are the transfer of national policy development, decision making and execution, including those in the field of diplomacy, back in the hands of officials, closer cooperation with big business and public appeal to national and traditional values.

Showing that he is going to directly take over the development of country’s foreign policy, Prime Minister Shinzo Abe called its basic principles of “strategic diplomacy,” “diplomacy that places emphasis on universal values,” and “proactive diplomacy”, altogether forming national interests of Japan. Prime Minister explained that “fundamental to our diplomacy will be for us to develop a strategic diplomacy based on the fundamental values of freedom, democracy, basic human rights, and the rule of law, and we view the world as a whole, as if looking at a globe, rather than look only at bilateral relations with neighboring countries”. Feature of Japan’s foreign policy is its “reactive nature” and Mr. Abe is apparently ready to give a new impulse to the foreign policy of Tokyo with his “active diplomacy”. In the context of strengthening the struggle for hegemony in the Asia-Pacific region between the U.S. and China, Japan has its own objectives in the sphere of domestic policy and national security. While the Japan-U.S. alliance remains the cornerstone of Japanese diplomacy, the trend of development of the situation in China is its most important variable. Obviously, in these circum-

stances, Tokyo must support and strengthen the deterrent effect inherent to the Japan-U.S. alliance and act in support of the United States.

Chapter 2nd “Historical factors of the Modern International Relations in the region of Greater East Asia” is devoted to the analysis of the influence of past events on the current state of Japan's relations with the countries of Greater East Asia. They involve different historical realities and the same events are sometimes covered or interacted differently. Bilateral relations of Japan with the Republic of Korea and Democratic People's Republic of Korea are radically different. Republic of Korea is the strategic security and an economic partner of Japan, despite the presence of unresolved issues including those of historical nature (territorial disputes on the Liancourt/Takeshima/Dokdo Islets). Democratic People's Republic of Korea is considered by many Japanese as the “evil Empire” and the source of imminent threat. Nevertheless, there are some common features in the international relations between Japan and both Korean states associated with the historical memories on Japanese colonial rule over the Korean Peninsula. This remains the “open wound” of the international relations between those countries mainly due to the historical policy of Seoul as well as Pyongyang. The main problem issues of historical origin in the relations between Japan and China remains the second Sino-Japanese War (1937-1945) with emphasis on the Nanjing Massacre in December 1937 and the territorial dispute on Senkaku/Diaoyu Islands. The same as in both Korean states, Japanophobia in China is based on the memory of past historical events and is part of the country's official ideology reflecting in textbooks, scientific and popular literature, films, monuments and museum exhibitions that are subject to state control. In contrast, in Taiwan (Republic of China) the colonial period is often evaluated positively due to the fact that the basis of post-war “economic miracle” was laid then. And the post-war realities, especially the relationship of both countries with the U.S. and the emergence of People's Republic of China made Tokyo and Taipei strategic partners.

In the Japan-India relations historical factor is considered to be positive although of minor importance. It is associated with the creation during the Second World War (with the support of Japan) of Indian National Army and the government of the “Free India” in exile led by Subhas Chandra Bose. The importance of this factor should not be exaggerated but it has played a positive role in creating the necessary psychological climate at the initial stage of international relations.

The impact of the past historical events on the post-war relations of Japan with the South-Eastern Asia countries went into the “Indian” rather than the “Chinese” scenario. Thailand, which in 1941 was the only independent state in Asia to the south of Japan, had become its satellite so that the historical

memory in this country was adjusted towards the eradication of memories on the participation in the war on the “wrong” side. And current bilateral relations are characterized by mutual sympathy. Formal proclamation of “independence” of the occupied Asian countries (Philippines, Burma, Viet Nam, Laos and Cambodia) under the auspices of Tokyo can be considered as a successful stratagem as those countries were soon forced to cede to Tokyo its power.

To the greatest extent, anti-Japanese sentiment was typical for the Philippines where it formed the part of the state ideological canon. The experience of war and occupation had no negative impact on Japan's relations with Malaysia and Singapore as their national elites studied and borrowed the Japanese experience of modernization. Memories of the past historical events had an impact on Japan's relations with the Greater East Asia countries not on its own terms but as the cause or the subtext of the current problems.

The statement of the problem in the 3rd Chapter “The role of Japan in the economic development of Eastern Asia countries” is determined by the fact that one of the most significant shifts in the world economy over the past 20–30 years is the shift of economic driving forces to the Eastern Asian countries. Japanese aid to the economic development of the Eastern Asia countries is conducted through both public and private institutions. During the 1970-1980 years it was going mainly through the official development assistance (ODA); since the early 1990's private direct investments began to play an increasingly important role in promoting economic growth. The Japanese model of ODA, including those in Eastern Asia, has the following features: a significant portion of financial assistance is provided in the form of repayable loans; capital expenditures' financing is mainly used to stimulate the construction of infrastructure objects. The composition of its recipients is also changing: in the late 1980's the assistance to the Republic of Korea was halted due to the fact that it became one of the largest Asian economies; in 2008 the assistance to China was stopped under the same reason. At present, the main recipients of Japanese ODA in the Eastern Asia are the ASEAN countries. And with the decline in assistance to its “old” members (Malaysia, Indonesia, Thailand, Philippines), the amount of funds allocated to the “new” state members (Viet Nam, Cambodia, Laos, Myanmar) is increasing. In recent years there is a shift from assistance to the individual countries (in order to create an enabling environment for Japanese companies) to the projects support aimed to the development of the region as a whole. Japan is considering ASEAN as a block, on the basis of which the idea of creating an Eastern Asian community can be implemented.

At present, the main lines of Japanese ODA to ASEAN countries are as follows: assistance in the elimination of significant differences in socio-

economic development levels; support of the national economies' modernization processes; assistance in the establishment and development of the institutional framework of integration; support of training and unification of educational standards; assistance in establishing a regional financial infrastructure. Many ODA regional projects continue to be implemented in the form of a PPP (Public-Private Partnership), i.e. not only with the technical but also with the financial participation of private Japanese companies. But this form of financial assistance constitutes only a small share of the overall private investments inflow starting with the late 1980's.

By the beginning of 2012, the cumulative amount of the direct investments made by Japanese companies in the economy of the Eastern Asian countries reached 240.8 billion dollars, accounting for 13% of total amount of foreign direct investment in the region. The main feature of Japanese investments is the high share of those in manufacturing, which significantly boost regional economic development. The activities of the branches of Japanese companies are not only extending the production and export potential of the Eastern Asian economies but also increasing the technical level of production and corporate culture of local businesses. It also forms a system of inter-sectoral and intra-industry labor division, thus deepening the integration processes in the region.

The beneficiary of these developments is Japan itself in the form of export expansion, the emergence of new attractive destinations for the future investments, an inflow of cheap and high-quality products made in Asian branches, and the utilization of competitive advantages of the local economies in order to maintain its share of the world production and export amounts. The presence of Japanese companies in the region will only increase.

In the 4th Chapter "Japan and the Eastern Asia countries: social and economic development levels, economic growth directions" tendencies of the formation of a new economic structure of the region and the prospects of repositioning of Japan in the Asian world are analyzed. Successfully implemented, its model of the catch-up development has become for several decades a model for newly industrialized economies of Asia. In the last third of the XX century, a model of division of labor has developed there. Japan played the role of the capital, technology and high-tech products provider and the partner-countries had specialized in a simple, labor-intensive production, thus playing the role of a production base for Japanese corporations. In the XXI century, the structure, dynamics and trends of the economy development has radically changed: the new "growth centers" emerged including those in Eastern Asia (especially China), the transition to a multipolar structure and the "stable growth" phase took place (including different

levels of economic performance among the developed and developing countries). Successful national socio-economic models were formed, being to a certain degree alternative models of developed market economies.

All those facts are creating an entirely new international environment for the development of national economic systems and corporate performance. Corporations are facing with the need to change its specialization, searching for a new place in the world economic structure, and developing a long-term growth strategy, capable of ensuring a sustainable socio-economic development.

Japan now, along with the other developed countries, is part of the "low-growth" segment thus passing to China the position of the second-large economy in the world. Japan lost competitiveness in a number of sectors including production of certain products of medium and high-tech complexity. The division of labor between Japan and the Eastern Asia countries is determined by the inter-regional movement of intermediate products, where Tokyo has a dominant position. A comprehensive comparative analysis of the socio-economic development of Japan and the Eastern Asia countries demonstrates its continuing leadership on many qualitative parameters of growth reflecting its level of social and productive infrastructure development. Japanese business has real prospects for promotion of their goods and services to the Asian countries' growing segments such as energy, infrastructure and urban planning (including smart city projects), health care, educational services and ecobusiness. At the same time, the level of infrastructure development in Japan creates a great investment opportunities in this area and the living standards in the country provides the growth possibilities of the service industry. A promising direction on the way to a change of Japan's traditional specialization is the idea of improving its innovation capacity.

All those are the objective trends in the development of Japanese and the global economy, in the change of life in Eastern Asia countries, Japanese business strategy and the policy of the government of Japan. All those trends provide the basis for maintaining Japanese leadership in the flock of "flying geese" but in a new role, thus showcasing the model of developed Asian economy with high standards of life.

In the 5th Chapter "Agricultural sector issues in the context of free trade agreements" the influence of external factors on the Japanese government's agricultural policy is analyzed.

For several decades, Japanese government cannot decide on carrying out a radical institutional reform which should lead to a decrease in the cost of agricultural products, meaning the conclusion of Free Trade Agreements (FTAs) and Economic Partnership Agreements (EPAs). It implies, depending

on the product, the immediate removal of trade tariffs, or its gradual decline and, finally, its elimination by the end of the contract term of ten years. Japan, as an active exporter of industrial products, is interested in this process but faced with the need to reduce tariffs on imported (more than 5% of world imports) agricultural products despite the fact that the domestic agricultural products are largely uncompetitive on the world market and are protected by high tariffs and quotas. The reduction and elimination of tariffs will affect the situation in the local agricultural sector. That is why the preparation of such agreements in Japan had started later comparing with the other developed countries.

By April 2013, Japan had entered into FTAs with 13 countries - most of them are Asian countries accounting for about a half of Japan's foreign trade turnover; and the negotiations are still going on with the number of countries. Under the current agreements, tariffs on selected agricultural products were removed and as for the others - decisions were deferred for further negotiations. At the end of 2011, Japan announced an intention to establish a strategic economic cooperation with all major foreign trade partners in order to build up an integrated Asia-Pacific free trade zone. An important step in its formation is Tokyo's joining for talks on creation of Trans-Pacific Economic Partnership (TPP). Japanese public opinion on this question is ambiguous. Exporters are actively supporting the negotiations, while manufacturers and importers of agricultural products are strongly rejecting such an option. A common belief is that Japan's participation in the TPP will have a positive impact on the agricultural development in the long-term and become a "much-needed shock therapy" for its agricultural sector.

In March 2013, Prime Minister Shinzo Abe decided on joining the TPP, stating at the same time that he seeks to turn the country's agriculture industry into the perspective one and to establish the connection of this industry with a variety of related industries including logistics and information technology in order to make it attractive to young people. Perhaps, the institutional reforms in the agricultural sector will be carried out under the threat of elimination of tariffs, thus increasing the efficiency and competitiveness of Japanese agricultural products.

Chapter 6th "Participation of Japan in the Asia-Pacific regional structures: principles of the economic cooperation" is beginning with the statement of fact that Japan, while playing a leading role in the regional economic cooperation for years, appears in China's shadow in recent years. As the most developed economy in Eastern Asia, Japan was the center of regional economic development and a key source of ODA that facilitated the development of social infrastructure and was crucial to the economic recovery in many countries of the region. Additionally, Japan was one of the most

important sources of foreign direct investments for those countries. Now, it is claimed that Beijing had become the leading partner of ASEAN and the center of regional cooperation in the Greater East Asia, especially after the signing an agreement on free trade zone with ASEAN countries in 2002. Despite this fact, Japan remains a strong economic player, an important link in the global logistics and production chain, so its participation is necessary to ensure the reliability and viability of any regional economic cooperation. Thus, Tokyo is capable of acting as a politically balancing actor toward Beijing on regional forums. It should be noted that Japan has not succeeded in its own market liberalization and as of 13 Economic Partnership Agreements signed by Japan - none of them were concluded with a major economic powers, with the exception of India. Many of those agreements do not apply to trade in agricultural products. If Japan does not liberalize its market, Japanese companies may soon be at a disadvantage.

In 2012-2013 Tokyo tried to catch up starting the negotiations on a FTA with the European Union and the tripartite agreement with China and the Republic of Korea, however, it stalled due to the worsening of political contradictions and refusal of Chinese leaders to meet up with Japanese partners. Japan's participation in regional economic arrangements will be determined not only by purely economic reasons, but also by political interests in the near future; by the desire to "contain" China and the attempts to regain its leading (after the U.S.) role in the region and also by the need to find new markets.

Chapter 7th "The role of political factors in the Sino-Japanese economic relations' development process" is based on the idea of belonging of both states to the one socio-cultural and geopolitical area. Bilateral issues, escalated in recent years were set as a reminder that the political tensions between Tokyo and Beijing could pose a potential threat to the stability of its economic ties.

The application of the separation principle, proposed by the Chinese scholar Liu Jiangyong to the bilateral political and economic relations between two states shows that the economic sphere is very sensitive to the political climate changes into the Sino-Japanese relations.

The analysis of interactions of economic and political factors for several decades after the restoration of diplomatic relations between Japan and China demonstrates that economic sphere of their relations operates more autonomously from the political one due to the deepening economic interdependence between two countries. As an example, the situation of "cold politics, hot economy" that emerged in Japan-China relations in the early 2000's under the administration of Junichiro Koizumi and had never been observed before. Nevertheless, political factors had not lost its importance and the

evidence arose in the last decade: there were serious trade conflicts due to the political controversies, cases of economic actions executed by Beijing in order to put political pressure on Tokyo and operating losses of Japanese enterprises in China due to the anti-Japanese demonstrations caused by political factors.

Situation around the Senkaku Islands imposed an adverse effect on macroeconomic indicators of the Japan-China relations, i.e. trade turnover and direct investments made by Japanese companies to China. Political factors continue to affect the stability of the economic ties under the situation of increasing interdependence, not only between Japan and China, but between all the countries of Eastern and South-Eastern Asia. In this situation, losses from the reaction of participants in regional economic processes on the political events are becoming more visible.

In the 8th Chapter "The nature of Japan-Taiwan post-War relations" it is pointed out that phases of both formal and informal contacts took place in the history of bilateral cooperation between Japan and Taiwan. The nature of its relations was always influenced by the overall situation in the world and some countries in the region (mainly by China and the U.S.) but regardless of their status and other external factors Tokyo and Taipei are aware of the need to strengthen the cooperation. Its foundation was laid in the colonial period when Japan had established strong economic and cultural ties with the island that created favorable conditions for cooperation on the international level during the second half of the XX century. Some similarity of the Chinese control over Taiwan since 1945, with the Japanese model, confirms the wisdom and success of Japanese politics in Taiwan.

During the period of official relations between Tokyo and Taipei, the Japan-China relations played an important role. Attempts to maintain the economic ties with Beijing had met with the strong criticism from Taiwanese leadership but even during the temporary complications between Japan and Taiwan, trade ties and cultural interaction were strengthening and political contacts expending. Relationship status changed dramatically in 1972, when Japan established the formal relations with China, breaking them with Taiwan. But even in these circumstances, the Japan-Taiwan ties continued to develop as a working-level contacts, trade, scientific and technical cooperation. Since the mid-1990's, military-strategic partnership had been intensified between Japan and Taiwan. At present, according to the "principles of cooperation between the U.S. and Japan in the field of defense" Taiwan is among the "areas surrounding Japan" that suggests closer ties between Tokyo and Taipei in the security sphere. At the end of the twentieth century, political relations have expanded and even became more formalized, while

both sides have acted under the principle of "one China" and tried not to escalate its relations with Beijing.

In the early 2000's, Taiwan tried to turn Japan into a "second pillar" and a strategic ally pinning hopes on the assistance in the process of its international recognition. Japan, however, is more comfortable with the option of maintaining good relations with both Taiwan and the PRC. Now foreign policy of Taipei is characterized by the restraint in its relations with Tokyo and Beijing and by the desire to avoid conflicts in order to build a profitable cooperation with Mainland China. This position makes Japan closely observing the actions of Taipei and possibly preventing its excessive rapprochement with Beijing. As for Taiwan, its relations with Japan remain as essential as before. During the 2008 crisis, Japan helped to gradually stabilize Taiwan's economy, being its main investor and creditor.

Strategically, Japan continues to play a significant role in the maintenance of an "indeterminate" status of Taiwan that remains an important link in the regional system of defense, created by the U.S. and Japan.

The 9th Chapter "Treaty of Mutual Cooperation and Security between the United States and Japan in light of the "America's Pacific Century"" is focusing on strategic importance of the changes in the region. Washington's decision on the rebalancing of diplomatic, economic and military resources in the context of the rise of China means that the region could become in the foreseeable future, an arena of confrontation of the Great Powers. The new U.S. policy means strengthening traditional alliances, deepening the partnership with emerging powers, developing of stable and constructive relations with China as well as increasing attention to the work of multilateral institutions, as well as participating in the construction of regional economic architecture. Under the situation of growing attention from Washington to the Asia-Pacific region, the load on traditional alliances is constantly increasing especially on those with Japan that is a key element of the U.S. presence in Asia. This alliance has long been gone beyond the "narrow" security mission in Japan. Today, this alliance is not only executing the role of a guarantor of stability in the region. But it is also a "public domain" in the global sphere of strategic interests including the fight against international terrorism and proliferation of weapons of mass destruction and natural disasters.

Obama's administration, which pays the increased attention to Asia, has encountered some difficulties in its relations with Tokyo during the rule of the Democratic Party of Japan. Some of its initiatives prevented productive discussion on the roles and missions of the alliance, but the situation confirmed that there were no alternatives but the reliance on the United States in light of worsening of the North Korean and Chinese threats. The return of the Liberal Democrats to power in Japan was perceived in the U.S. between

hope and fear. Washington welcomes the intention of Prime Minister Shinzo Abe to increase the military role of Japan and strengthen bilateral cooperation but his nationalist rhetoric could harm the U.S. policy in Asia. Problems of the territorial and historical character further harm military cooperation between Tokyo and Seoul - key U.S. allies in the region. The aggravation of the dispute over the Senkaku Islands creates tensions that hinder the U.S. policy on rebalancing its attention toward Asia. The rapid changes in the region pose the new challenges to Tokyo in the field of security, economy and diplomacy. In military terms, the U.S. return to Asia is supported by the concept of "dynamic defense", which implies the possession of compact, flexible and mobile forces. The emphasis will be made on relatively new areas such as the security of space and cyberspace.

In the context of this policy, Japan is intending to develop cooperation with the "Indo-Pacific region" with particular emphasis on the establishment of mini-multilateral formats with the U.S. U.S. rebalancing involves more attention to the South-Eastern Asia and Japan, following the ally, is adjusting its priorities by intensifying security cooperation with the ASEAN countries. It is perceived in Tokyo that the Japan-U.S. alliance is to create a broad network for security and prosperity in the region, therefore relations between Japan and other U.S. partners become more important. The management of security and political order in the region is considered by Tokyo in the frame of Japan-U.S. alliance that has to become a more effective tool for shaping the future of Asia in the new strategic environment.

Chapter 10th "Central Asian Diplomacy of Japan: Afghan factor" holds a special place in this volume. Geographically, Afghanistan is beyond the scope of the area under consideration, i.e. Greater East Asia, but it is an issue of global importance. In the new century, Afghanistan and Central Asia are frequently considered as a part of the so-called "new Greater Game", as objects of great powers' rivalry - China, Russia and the United States, who are fighting for the region's resources and its impact on the countries of the region. This approach is limited and incorrect as it cuts down the importance of the Central Asian countries themselves, thus considered as objects of impact and not as the equal players although with less foreign policy potential. Japan is one of the leading donors of ODA to Afghanistan and has initiated a number of international projects, e.g. infrastructure-communication project of the Central Asian Regional Economic Cooperation (CAREC) simultaneously with the activation of bilateral ties. The purpose of the chapter is to answer the following questions:

- to what extent it is worth considering Afghan policy direction of Tokyo as part of the defense agreement with Washington in the frame of the responsibilities' sharing?

- to what extent this line is self-generated by the Japanese foreign policy establishment within the framework of Eurasian Strategic Vision and is it possible to speak about its presence and consistency?
- how the Japanese government's two-pronged approach is combined with a common regional strategy?
- which role does the personal factor play in the formation of Japanese diplomacy on Afghanistan?

The chapter analyzes and compares two foreign policy concepts that have directly affected the Afghanistan and its neighboring countries of the "Great Silk Road":

- "Eurasian diplomacy" by Ryutaro Hashimoto (Prime Minister in 1996-1998);
- "Arc of Freedom and Prosperity" by Taro Aso (Prime Minister in 2008-2009).

Parameters of comparison are the following: the authorship of these doctrines and its significance for the difference in geopolitical approaches; fractional membership of politicians-authors; general foreign and domestic political context and its significance in relation to the Afghan agenda of Japanese Ministry of Foreign Affairs. Understanding the strategies of Japanese diplomacy on Afghanistan is important for the analysis of ODA to Afghanistan and the countries of the "Great Silk Road" both bilateral and multilateral, its ways, forms and institutions. The contribution of non-politicized functional projects to the relations development between Japan, Central Asia and Afghanistan is underreported. Nevertheless, it cannot be underestimated because of the "tectonic" consequences for the region's geopolitical connectedness and facilitation of changes in the balance of forces within the regional powers, and in relation to the leverages of pressure available to the external players.

Chapter 11th "Japan and the Soft powers' competition in Asia. Soft power's definition in Japan" examines the relations of Tokyo with the countries of the region in the frame of "soft power" concept proposed by an American political scientist Joseph Nye more than 20 years ago. There is no a single definition of this concept yet, as it is enlarged with the local factors in every country. The basic point of the concept is that country's power and its influence on the international arena are measured nowadays not only by the number of warheads and economic power, but also by its political and cultural achievements. The necessity of the development of its "soft power" is recognized by many countries in Asia, including China, Taiwan and the Republic of Korea. A greater emphasis is put on this problem by Tokyo as well.

According to Nye, "as the first non-Western country that drew even with the West in modernity while showing that it is possible to maintain a unique

culture, Japan has more potential soft-power resources than any other Asian country. Today Japan ranks first in the world in the number of patents, third in expenditure on research and development as a share of GDP, second in book sales and music sales, and highest for life expectancy". Promising resource is the global influence of Japanese pop-culture on the world, especially on Asian countries.

However, there are a number of factors limiting the development of "soft power" of Japan at the same time. Among these are the focus on the preservation of its cultural characteristics of their business ethics and lifestyle; military background, which still retains a "residual suspicion" in countries such as China and both Korean states; serious demographic problems due to the aging society and a critical attitude to the immigration; the language barrier, as the Japanese is unlikely to be widely used in the world in the foreseeable future, despite the efforts of public and private entities; and the generally poor knowledge of the English language complicates the attracting in the country of highly skilled workers and researchers.

Finally, another limitation is rapidly increasing competition from the Republic of Korea, China and India. While none of these countries has a high position in the indices of potential resources of "soft power", nevertheless, their cultural influence in the world is growing significantly, including through the expatriates. The future will tell us what will happen in Asia, but today we can say that the way for regional leadership is including the development of the "soft power". Countries that set ambitious goals are willing to fight for them with their "soft powers" which is directly related to Japan and its neighbors

Chapter 12th "Countries of the Greater East Asia in the mirror of Japanese media" is analyzing a reflection of the region in the Japanese media, where it objectively occupies a special place, ahead of the rest of the world with the exception of global developments issues. The amount and presentation of information from the region's countries and the region as a whole clearly reflect both traditional approaches and stereotypes being developed for decades, and new, sometimes short-term rotations and changes in bilateral relations and the international situation. At the same time, it is necessary to take into account the continuing importance of the Japanese newspapers, including its "paper" version, which, despite the onset of the Internet age, are still remaining the true "fourth estate" alongside with TV. Newspapers have a direct impact on public opinion in the country and, by implication (though doubtfully) on its political life, and, probably, on the national policy. Even in the XXI century, Japan is still remaining a country of the major national and regional newspapers, as its online versions are perceived by

most consumers not like the electronic media by themselves, but as a supplement of its printed versions that are circulating in a millions of copies.

Among Asian newsmakers China, where the economic and political themes are prevailing, remains the undisputed leader. The image of China in the Japanese media can be classified as a neutrally-negative. Criticism of the official Beijing activities is muted but signs of crisis and conflicts in the bilateral relations are not silenced.

The next significant newsmakers are two Korean states but the attitude to them is completely opposite. Coverage of the Republic of Korea has a neutral or positive business-interested nature, mainly due to the general atmosphere of "political correctness" in regards to the country that was a Japanese colony for 40 years. South Korean special feature is the domination of the "pop"-information that creates gradually a positive image of the country. North Korea is the only country under review, key information about which is an unambiguously negative in the Japanese mass media. The general character of publications about India is positive or neutral with particular attention to economic issues and its success in the economy and education, arts and culture. In the reporting on this country, there is a noticeable lack of political cliches, prejudice and pre-canned templates. Instead, the orientation towards the future, the prospects for bilateral relations is noted. Taiwan and Southeast Asia are modestly placed in the information space of Japan, but the information about them is mostly positive. The economic subjects are mostly prevailing in the literature on this topic (bilateral cooperation and prospects of Trans-Pacific Partnership), on the other hand, there is an "easy" information related to the culture, art and tourism in those countries.

The present day cooperation among Japan and Greater East Asia is complex, multi-dimensional and multivectoral process, and its significance goes far beyond the regional framework. The direct impact on the most important actors in the world politics and economics will depend on how it will evolve, how the situation in the region will be formed and how the existed challenges of bilateral and multilateral nature will be solved.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕЧЬ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА АБЭ СИНДЗО НА 183 СЕССИИ ПАРЛАМЕНТА

1. Введение

«Сильная Япония». Люди, которые ее создали, это не какие-то другие люди. Это никто иной, как мы сами.

«Национальная независимость через личную независимость».

Мы не сможем создать наше будущее, если не откажемся от установки на то, чтобы учиться у кого-то другого, и не найдем в себе волю создавать наши собственные судьбы в соответствующих областях. Сегодня Япония столкнулась с определенными вызовами. Однако мы не должны впадать в уныние. Мы не должны сдаваться. Каждый из нас должен подняться, смотреть вперед и двигаться вперед в надежде на светлое будущее. Это единственный путь для того, чтобы передать прекрасную и сильную страну не только следующему поколению, но и всем будущим поколениям Японии.

«Лучший путь – это разделять радости и беды»

Фукудзава Юкити, который призывал к личной независимости, говорил, что граждане и государство должны делить как хорошие времена, так и плохие времена, на основе личной независимости.

Дух «взаимной поддержки» и «государственной помощи» не сводится к тому, чтобы просто спасать тех, кто потерпел неудачу.

Люди, которые обладают способностью напрягать все силы для того, чтобы жить собственной жизнью, являются братьями и товарищами, которые разделяют радости и беды друг друга. По этой причине, когда люди нуждаются в помощи, они помогают друг другу. Я считаю, что именно таким духом проникнута взаимная поддержка и государственная помощь.

2. Сильное чувство независимости у людей, пострадавших от бедствия, и ускорение восстановления

«Мы все рассчитываем друг на друга и поддерживаем друг друга».

Каждый месяц с тех пор, как я занял пост премьер-министра, я посещал пострадавшие от бедствия районы и непосредственно выслушивал людей, которые вынуждены жить в условиях эвакуации. Я увидел, что эти люди отличаются глубиной суждений, несмотря на суровые условия жизни во временных жилищах. Я почувствовал мужество этих людей, которые пытаются опираться на собственные силы, одновременно поддерживая друг друга.

В то же время, сегодня люди столкнулись с вызовами, преодолеть которые невозможно лишь волей и усилиями отдельных личностей.

В то время как, наконец, начался перенос жилья в места на возвышенностях, приобретение земли и различные процедуры вызывают значительные задержки. Существует беспокойство в связи с неопределенностью в будущем из-за продления срока пребывания во временном жилье. Пожилые люди рассказывали мне душераздирающие истории о том, что им может не хватить времени.

«Я хочу жить в собственном доме, каким бы маленьким он ни был».

Мы должны поддерживать людей, прилагающих сегодня все усилия, ускоряя восстановление. В то время как проблемы, которые необходимо решать, различаются в каждой конкретной местности, Агентство по восстановлению будет осуществлять непосредственное управление и координацию по различным вопросам, решая их один за другим.

Фукусима продолжает страдать от разрушений и ущерба, вызванных ядерной аварией. Дети даже не могут достаточно играть на свежем воздухе. Для нас вполне естественно ликвидировать правительственную вертикально-сегментированную административную структуру и не жалеть усилий по обеззараживанию местности, предотвращая репутационный ущерб от слухов, связанных с радиацией, и обеспечивая скорейшее возвращение жителей в их дома. Однако мы также должны поддерживать «надежду», которая лежит за этими усилиями.

Мы построим регион Тохоку, в котором молодежь сможет жить с надеждой в сердце. Это и есть восстановление в подлинном смысле.

Уже сегодня отрасли энергетики на основе возобновляемых источников энергии, отрасли, связанные с медициной, и другие перспективные отрасли начинают возникать в Тохоку. Для еще более динамичного осуществления реконструкции мы решили пересмотреть бюджет по

восстановлению в 19 триллионов иен [на 2011 финансовый год и до 2015 финансового года] и изыскать необходимые финансовые ресурсы.

Скоро в этом году вновь наступит 11 марта. Весна скоро придет в Тохоку, который перенес трудную и длинную зиму. Давайте работать вместе, чтобы построить Тохоку, который станет «регионом нового со-зидания и потенциала», подобно тому, как весной распускаются расте-ния, перенеся холодную зиму.

3. Воля и смелость для достижения экономического роста

Ну а теперь, способны ли сегодня молодые люди надеяться на бу-дущее японской экономики?

На нашем поколении лежит ответственность за восстановление сильной японской экономики, в которой молодежь могла бы верить в светлое будущее.

Мы будем решительно осуществлять экономическое возрождение по трем направлениям, а именно: смелая денежно-кредитная политика; гибкая фискальная политика; и стратегия роста, которая поощряет ин-вестиции в частный сектор.

Мы не сможет участвовать в глобальной экономике, которая пре-терпевает разительные изменения, если будем использовать те методы, которые применяли до сих пор.

Экономический рост Японии зависит от нашей воли и смелости выйти в море и плыть без колебаний среди бушующих волн глобаль-ной конкуренции.

Люди, проявившие подобную смелость, работая в алжирской пу-стыне, погибли. Наша страна никогда не простит презренных, безжало-стных террористов, которые обрекли их на смерть. Мы решим, что не-обходимо сделать, чтобы никто больше не стал жертвой терроризма, и будем принимать для этого конкретные меры.

Я опасаюсь, как бы этот инцидент не заставил японцев потерять во-лю и смелость распространять свою деятельность по всему миру.

Центр роста в мире распространяется от Азии до Латинской Амери-ки и Африки. Мы должны использовать зарубежный рост в интересах Японии и бесстрашно совершать броски за границы, где бы они ни проходили, чтобы жертвы этой трагедии не оказались напрасны.

В Японии много привлекательных продуктов, которые следует упа-ковать в «корзину для заграницы». Здоровая японская пища пользуется огромной популярностью во всем мире. Кроме того, Япония предлагает сельскохозяйственные продукты, которые заботливо выращиваются в течение четырех сменяющихся времен года. По мере того, как в мире увеличивается число состоятельных людей, популярность таких продук-

тов, несомненно, будет возрастать. Также для этого необходима «на-ступательная сельскохозяйственная политика». Япония это «земля, благословенная рисом». Мы восхищаемся великолепным зрелищем ри-совых террас, наряду с древней культурой. Молодые люди сохраняют эти прелестные места и будут развивать «сильное сельское хозяйство», благодаря которому смогут надеяться на будущее.

Хорошее здоровье является обычной темой, поскольку этого хочет каждый. Мы будем стремиться использовать регенеративную медицину и развивать производство лекарств с использованием стволовых кле-ток, технологию, которая возникла в Японии, а также другие передо-вые медицинские технологии, чтобы создать общество, лидирующее в мире по состоянию здоровья и продолжительности жизни. Мы будем и дальше совершенствовать японские медицинские технологии и меди-цинское обслуживание, которые предоставляет наша система медицин-ского страхования мирового уровня, и активно распространять их по всему миру, в том числе через международное медицинское сотрудни-чество.

Японские достижения в сфере контента в моде, а также культура и традиции тоже привлекают внимание во всем мире. Мы стараемся обеспечить, чтобы *анимэ* и другой контент сохраняли свою популяр-ность, а не оказались лишь временным увлечением. Кроме того, мы намерены развивать Японию как туристическую страну, которая при-влекает людей со всего света. Давайте превратим «Cool Japan» в бизнес мирового класса.

Технологии в сфере окружающей среды являются еще одним важ-ным полем деятельности. В мире, который сталкивается с дефицитом ресурсов, Япония может предложить многие решения. Здесь также ле-жат возможности для бизнеса. Япония продолжает придерживаться своей фундаментальной политики использования передовых техноло-гий, чтобы вносить свой вклад в принятие мер против глобального из-менения климата и создавать общество с низким уровнем выбросов уг-лекислого газа.

В нынешний век, когда содержимое нашей «корзины» все более ди-версифицировано – это и технологии, и услуги, и интеллектуальная собственность, – мы должны гармонизировать правила торговли и ин-вестирования на международном уровне, чтобы обеспечить эффектив-ную и справедливую международную конкуренцию.

Япония не должна быть пассивной. Будь то глобальный, региональ-ный или двусторонний уровень, я намерен добиваться, чтобы Япония являлась страной, которая создает правила, а не ждет, пока они будут созданы.

Мы будем стратегически развивать экономическое партнерство с Азиатско-Тихоокеанским регионом, Восточноазиатским регионом, Европой и другими. Максимально используя наши дипломатические возможности, мы будем защищать эти территории, когда это потребуется, и продвигаться вперед в развитии экономического партнерства, которое отвечает нашим национальным интересам.

Что касается Транстихоокеанского партнерства (ТТП), то я встречался с президентом Обамой и подтвердил, что прежнее обязательство ликвидировать все тарифы без исключения не является неременным условием для участия. В дальнейшем правительство, на свою ответственность, примет решение о том, будет ли оно участвовать в переговорах.

Мы создадим такие условия, в которых все японцы, имеющие мотивацию, смогут активно работать в центрах роста по всему миру.

(Япония станет одним из мировых центров роста).

В то же время, мы должны быть готовы не только предъявлять миру то, что исходит из Японии, но и принимать у себя лучшие компании и специалистов со всего мира, таким образом, вновь превращая ее в центр роста.

Хотят ли сегодня талантливые люди демонстрировать свои способности и возможности в Японии? Исследователи, которых не удовлетворяют условия для исследований здесь, спешно отбывают за рубеж.

Давайте построим «самую благоприятную для инноваций страну в мире». Совет по научной и технической политике служит для этого центром управления. Мы подготовим условия, в которых исследователи со всего мира будут собираться в Японии. Для этого, в частности, мы осуществим смелые нормативные реформы.

На Окинаве я встретил «надежду», которую можно назвать молодыми весенними почками. По словам студента из Соединенных Штатов, который ранее участвовал в исследованиях в Гарварде и Йельском университете, он приехал на Окинаву, потому что полагал, что здесь ему будут обеспечены исключительно благоприятные возможности для исследований. Он выбрал для продолжения исследований Okinawa Institute of Science and Technology Graduate University, открывшийся в прошлом году. Выдающихся профессоров и способных студентов со всего мира привлекает, помимо новейшего исследовательского оборудования, прекрасное местоположение университета на морском берегу. Мы создадим на Окинаве один из самых передовых мировых центров для инноваций. Япония разрабатывает инновации в передовых областях, включая первое в мире экспериментальное производство морского гидрата метана, не имеющий аналогов в мире процент успешных запусков ракет в мире и пр.

Мы также добились выдающихся успехов в морских исследованиях, что в будущем сделает Японию мировой державой в сфере ресурсов; в использовании космического пространства, что может найти применение в различных областях, включая безопасность и предотвращение стихийных бедствий; в использовании информационных технологий, что может произвести революцию в обществе, в частности, в таких областях, как дистанционная работа с помощью телевизионной связи и теле-медицина.

Покончив с сепаратизмом среди министерств и агентств и укрепив функции центра управления, мы будем энергично продвигать эти инновации, что откроет для Японии новые возможности.

Рассматривают ли ведущие мировые компании Японию как место, где они хотели бы располагаться?

В любом случае, перед Японией стоит проблема вымывания ее отраслей.

Помимо скорейшего преодоления продолжительной дефляции, мы намерены сформулировать ответственную энергетическую политику, направленную на обеспечение стабильных поставок энергии и снижение стоимости энергии. В связи с аварией на АЭС «Фукусима-1» Токийской электроэнергетической компании мы будем вырабатывать новую культуру безопасности, которая значительно повысит ее уровень. После этого мы вновь введем в действие атомные электростанции, безопасность которых будет подтверждена.

Мы будем способствовать внедрению энергосбережения и возобновляемых источников энергии в максимально возможных масштабах, чтобы свести к минимуму зависимость от ядерной энергии. В то же время, мы начнем реформу электроэнергетики.

Мы будем стремиться превратить Японию в страну, где легче всего вести бизнес.

Мы будем продвигать вперед с нормативную реформу на основе международных стандартов, не делая никаких исключений. Одно за другим мы будем устранять препятствия, которые затрудняют корпоративную деятельность. Эта задача стоит перед новым Советом по нормативной реформе.

В дополнение к уже имеющимся на сегодняшний день результатам реформ, мы также реформируем управления и системы государственной службы с учетом изменений в эпоху международной мега-конкуренции. Я ожидаю, что государственные служащие примут активное участие в строительстве государства, которое добьется триумфальных успехов в глобальной конкуренции, с чувством гордости и ответственности, в соответствии с их сферой деятельности.

Мы создадим районы, отличающиеся повышенной привлекательностью. Ключом к этому станут реформы по децентрализации, направленные на использование особенностей и специализации каждой местности. Мы будем продолжать реформировать систему мегаполисов, а также другие аспекты передачи власти на места, и ослаблять нормативное планирование. Более того, мы будем поддерживать оживление местных территорий.

(Иметь смелость поставить себе цель – стать №1 в мире).

На небольших фабриках есть люди, которые отчаянно пытаются бросить вызов корпорациям Ferrari и BMW.

Но это происходит не только в автомобилестроении. Мистер Хосогай, который имеет небольшой бизнес в токийском районе Ота, вместе с коллегами запустил проект по производству полозьев для бобслея.

«Я надеюсь создать самую быструю машину в мире», – говорит он.

Около 30 маленьких фабрик объединили свои усилия в производстве, которое они развивали годами, чтобы стать лучшими в мире, с прицелом на Олимпиаду в Сочи в будущем году.

Мы будем поддерживать усилия малых и средних компаний, а также небольших предприятий, которые имеют высокий технический и технологический уровень и сильную мотивацию. Мы создадим механизм их поддержки в разработке прототипов, открытии новых рынков и другой новой деятельности.

Это пример смелости и целеустремленности, которые направлены на то, чтобы стать лучшими в мире. Я твердо убежден, что пока у нас есть такие люди, Япония способна к развитию.

Я повторяю: мои уважаемые коллеги, давайте, как никогда ранее, поставим себе цель – быть №1 в мире.

(Экономический рост поможет бюджетам домохозяйств)

Почему мы должны поставить себе цель стать №1 в мире и добиться экономического роста? В частности, потому что мы стремимся создать занятость для людей, которые хотят работать, при этом увеличивая доход после уплаты налогов для людей, которые много работают.

Поэтому я обращаюсь непосредственно к деловым кругам и призываю их повысить вознаграждение работникам, насколько это возможно. Правительство, со своей стороны, будет использовать налоговую систему для поддержки компаний, которые возвращают свою прибыль своим служащим.

Мы уже знаем компании, которые заявили, что повысят вознаграждение своим сотрудникам в соответствии с этой политикой. Это весьма отрадное явление.

Свести концы с концами – серьезная проблема для домохозяйств. Мы восстановим сильную экономику и будем улучшать повседневную жизнь людей.

4. Стать самой безопасной страной в мире, где люди испытывают максимальное душевное спокойствие

Однако дело не только в экономике. Другой неотложной проблемой является превращение Японии в жизнестойкую нацию, которая решительно защищает жизнь и имущество японцев, подвергающихся различным опасностям.

Авария произошла в туннеле, который люди постоянно использовали для поездок. Это была авария в туннеле Сасаго.

По мере того, как я рос, появлявшиеся одна за другой автомагистрали символизировали развитие Японии. Однако инфраструктура, созданная в тот период, устаревает. Мы должны признать, что такая ситуация даже привела к человеческим жертвам.

Существует насущная необходимость сделать инфраструктуру страны более эффективной в плане защиты жизни людей. Мы также должны быть готовыми к крупным стихийным бедствиям, например, землетрясению непосредственно под столицей или в районе впадины Нанкай. Мы будем обеспечивать безопасность людей с помощью тщательно разработанных мер по предупреждению стихийных бедствий и минимизации их последствий, а также мер в отношении устаревающей инфраструктуры.

Также крайне важной является вера в общественный порядок. Мы будем усиливать меры против кибер-преступности и кибер-атак, которые угрожают Интернет-сообществу, а также против преступных синдикатов и террористов, которые несут угрозу спокойной жизни людей.

Мы также должны защищать потребителей от неприятностей, вызванных мошенническими действиями со стороны бизнеса. Мы будем работать над обеспечением безопасности и душевного спокойствия потребителей, развивая консультационные услуги на местах, укрепляя контроль, принимая другие меры.

С помощью этих усилий мы создадим Японию как «страну, обеспечивающую наибольшее душевное спокойствие в мире», которая также является «самой безопасной страной в мире».

5. Политика, обращенная к повседневным заботам людей

У каждого японца, который сейчас слушает эту речь, вероятно, имеются свои заботы и тревоги.

Это может быть семейный бюджет, образование, воспитание детей и уход за пожилыми членами семьи. Еще одна задача правительства заключается в том, чтобы обращать внимание на такие проблемы и решать их одну за другой.

Мы запустили программу «переговоры за круглым столом на местах». Министры кабинета направляются на места, чтобы непосредственно выслушать мнения людей. Мы свяжем мнение каждого человека с конкретной политикой.

(Восстановление образования, в котором дети будут играть ведущую роль)

Родителей постоянно волнует образование их детей.

На фоне насилия участились случаи, когда дети теряют свои драгоценные жизни. Мы, взрослые, должны немедленно начать действовать со всей ответственностью и волей, чтобы любой ценой защитить жизни детей. Мы будем осуществлять реальные реформы в школе в соответствии с Основным законом об образовании, который был пересмотрен шесть лет назад. В первую очередь, мы примем меры по усилению нравственного воспитания, а также будем осуществлять другие рекомендации по преодолению насилия, которые недавно были разработаны Советом по перестройке образования.

Мы создадим структуру, которая будет способна быстро и адекватно реагировать на проблемы в сфере образования. Мы будем и дальше разрабатывать фундаментальные реформы в этой сфере, в том числе мы проясним, на ком лежит ответственность. Совершенствование научных возможностей также является важным аспектом государственного образования. Для развития науки мирового уровня мы будем воспитывать способных учителей, и совершенствовать программу и другие элементы образования в соответствии с требованиями глобализации. Сила наших университетов – это сила нашей страны. Япония не сможет двигаться вперед, если мы не будем развивать наши университеты. Мы будем анализировать их структуру с тем, чтобы они числились среди лучших в мире.

В детстве я иногда мечтал о том, чтобы стать профессиональным игроком в бейсбол или полицейским. Перестройка системы образования означает помощь детям в осуществлении их устремлений и предоставление им возможности идти своим путем.

Дети будут играть ведущую роль.

С этого момента мы будем продвигаться вперед, решая конкретные вопросы перестройки образования, включая серьезные реформы, которые будут осуществлены сейчас, в эру Хэйсэй, что станет результатом пересмотра нынешней системы с шестилетней начальной школой, трехлетних средних школ первой и второй ступени и четырехлетним обучением студентов.

(Общество, которое обеспечивает поддержку в воспитании детей и уходе за пожилыми людьми)

Все мы знаем, что матери и отцы, которые отдают много сил заботе о своих детях, вынуждены выбирать: либо заниматься воспитанием детей, либо работать.

Мы сделаем так, чтобы большее число детей было охвачено деятельностью детских учреждений с конечной целью ликвидировать списки очередников в такие учреждения. Мы расширим спектр предоставляемых услуг по уходу за детьми в праздники и в ночное время, исходя из разнообразных потребностей. Мы увеличим число клубов, обеспечивающих занятия детей после уроков, а также сделаем упор на помощь в уходе за детьми на местах.

Помимо помощи в уходе за детьми, чтобы при этом обеспечить для их родителей возможность работать, мы также будем предоставлять помощь в их возвращении на работу. Мы будем оказывать помощь бизнесу, который способствует совмещению работы с уходом за детьми, и будем расширять службу занятости «Mothers' Hello Work».

Все большее число людей сталкиваются со сложной задачей совмещать работу и уход за своими пожилыми родителями.

Мы должны создавать компании, в которых можно будет совмещать обязанности по работе и по уходу за теми, кто в этом нуждается. В качестве первого шага мы распространим информацию и know-how, необходимые для того, чтобы сбалансировать эти два аспекта, как среди работающих людей, так и среди работодателей, что позволит людям получать различные виды помощи. Мы также создадим систему, при которой пожилым людям будет оказываться необходимая высококачественная помощь на местах.

Общество поможет в воспитании детей и уходе за пожилыми людьми, и не оставит семьи наедине с этими проблемами.

(Япония, в которой женщины сияют)

В то же время, есть люди, которые посвящают себя исключительно семье, воспитывая детей и ухаживая за пожилыми членами семьи. Их тяжелый труд является неоценимым и не может быть измерен лишь экономическими показателями.

Я уверен, что работа таких людей в обществе придаст новую энергию Японии. Мы будем оказывать помощь в возвращении на работу, в частности, используя экспериментальные системы занятости, чтобы эти люди могли вернуться к работе в любое время.

Мы предпримем усилия, чтобы создать страну, где женщины, которые активно работают, и женщины, посвятившие себя исключительно семье, то есть, все женщины, могли излучать уверенность и гордиться той жизнью, которую они ведут. Уважаемые члены парламента, давайте вместе создадим Японию, в которой женщины сияют.

(Общество, в котором каждый получает еще один шанс добиться успеха)

Мы будем создавать условия, при которых те, у кого есть мотивация, будь то старый или молодой, страдающий болезнью или с ограниченными физическими возможностями, могли бы активно участвовать в помощи обществу и другим людям. Япония должна наполниться жизненной энергией.

Мы будем активно поддерживать тех, кто ищет работу, в соответствии с индивидуальными обстоятельствами. Мы будем использовать Форум содействия активному участию молодых людей и женщин для выявления насущных проблем и выработки конкретных мер. Общество, в котором одна единственная неудача становится клеймом для человека и заносит его в категорию «тех, кто проиграл», не может считаться «обществом, которое вознаграждает тех, кто много работает». Мы создадим общество, в котором люди смогут предпринять любое число попыток добиться успеха.

(Создание устойчивой системы социального обеспечения)

Однако есть люди, которые в силу болезней, преклонного возраста или по другим причинам не могут добиться положительных результатов, какой бы сильной ни была их мотивация.

Мы должны создать надежную систему социального обеспечения, чтобы такие люди также могли испытывать душевное спокойствие. Поскольку наше общество продолжает стареть, а уровень рождаемости снижается, мы обеспечим необходимые финансовые ресурсы и создадим систему, которая будет поддерживать разумный баланс между ее преимуществами и ее издержками.

Мы протянем руку помощи тем, кто оказался в трудном положении, делая акцент, в первую очередь, на собственных усилиях человека и его независимости, в то же время, дополняя их взаимопомощью и государственной помощью. На основе консультаций между тремя партиями – Либерально-демократической партией, Новой Комэйто и Демократической партией Японии – Национальный совет по реформе системы социального обеспечения проведет дискуссии, после которых мы представим реформы в конкретных формулировках. Стремясь к достижению первичного баланса бюджета центрального и местного правительств, мы будем добиваться обеспечения надежной основы для финансирования, в частности, сокращения в два раза дефицита относительно ВВП к 2015 финансовому году по сравнению с уровнем 2010 финансового года, ставя целью достижение профицита бюджета к 2020 финансовому году.

6. Дипломатия и безопасность на основе принципов

Теперь я обращусь к проблемам дипломатии и безопасности.

Моя дипломатия основана на определенных принципах. Хотя я объявил пять принципов дипломатии в отношении АСЕАН в ходе моего недавнего визита в страны АСЕАН, фундаментальными принципами моей дипломатии являются: «стратегическая дипломатия», «дипломатия, делающая акцент на универсальные ценности» и «активная дипломатия», которые обеспечивают национальные интересы. Мы восстановим японскую дипломатию, которая была дискредитирована, и четко заявим нашу твердую позицию в мире.

Разумеется, краеугольным камнем нашей дипломатии является японо-американский союз.

В соответствии с принципом свободы открытого моря, вполне естественно, что Соединенные Штаты – крупнейшая морская держава, и Япония – крупнейшая морская демократия в Азии, являются партнерами, и необходимо постоянно укреплять это партнерство.

В ходе недавних переговоров с президентом Обамой мы полностью восстановили тесный японо-американский союз. Я также подтвердил, что мы имеем одинаковое стратегическое мышление и разделяем общие цели не только в сфере политики, экономики и безопасности, но также общие вызовы в Азиатско-Тихоокеанском регионе и, более того, в международном сообществе. Мне удалось ясно продемонстрировать не только народу Японии, но и людям всего мира, что прочный японо-американский союз восстановлен, и что Япония и США будут тесно сотрудничать в деле обеспечения глобального мира и стабильности.

Соглашения между Японией и США обеспечивают сдерживание – важный фактор общественного блага. В то же время, идет перестройка американских вооруженных сил в Японии в соответствии с нынешним японо-американским соглашением, и мы намерены уменьшить нагрузку на Окинаву, одновременно сохраняя сдерживание. В частности, мы не должны допустить, чтобы военно-воздушная база Футэмма оставалась в ее нынешнем месте дислокации на неопределенный срок. Мы будем строить отношения доверия, в то же время тщательно прислушиваясь к голосу жителей Окинавы. И мы будем продвигаться в решении вопроса о передислокации военно-воздушной базы Футэмма и осуществлении плана возвращения территорий к югу от Кадэна.

Абсолютно недопустимо терпеть ядерные испытания, проведенные Северной Кореей. Они однозначно нарушают резолюции Совета Безопасности ООН, и Япония решительно протестует против них и осуждает их. Если Северная Корея стремится к миру и процветанию, ей следует

понять, что подобные провокационные действия не принесут ей никаких выгод. Мы будем давать решительный ответ в сотрудничестве с заинтересованными странами, в частности, с Соединенными Штатами и Республикой Корея, а также с Китаем и Россией.

Что касается вопроса о похищениях, то моя миссия не будет завершена до того дня, когда семьи всех похищенных смогут обнять своих родственников. В рамках политики «диалога и давления» в отношении Северной Кореи я сделаю все возможное, чтобы обеспечить три пункта обеспечения безопасности и немедленное возвращение в Японию всех похищенных, получение полного отчета о похищениях и выдачу преступников, виновных в похищениях.

Мы решительно призываем Северную Корею предпринять конкретные действия для комплексного решения существующих проблем, включая похищения, ядерную и ракетную проблемы.

Нет никаких сомнений, что острова Сэнкаку являются неотъемлемой частью территории Японии, в свете исторических фактов и на основе международного права. Более того, не существует проблемы территориального суверенитета, которую было бы необходимо решать относительно островов Сэнкаку.

Мы также призываем к сдержанности с тем, чтобы Китай воздерживался от опасных действий, которые могли бы обострить ситуацию, подобно недавнему захвату радаров управления стрельбой японского эсминца. Страны должны действовать в соответствии с международными правилами.

В то же время, поскольку японо-китайские отношения являются одними из наиболее важных двусторонних отношений, мы призываем вернуться к изначальной позиции «взаимовыгодных отношений на основе общих стратегических интересов» для контроля за ситуацией, чтобы отдельные проблемы не влияли на отношения в целом. Моя дверь всегда открыта для диалога.

Республика Корея является наиболее важной соседней страной, с которой мы разделяем фундаментальные ценности свободы и демократии, а также имеем общие интересы. Я искренне поздравляю нового президента Пак Кын Хе с ее вступлением в должность. Несмотря на то, что в отношениях между Японией и Республикой Корея существуют некоторые сложные вопросы, мы будем сотрудничать в построении серьезного, ориентированного на будущее партнерства, достойного XXI века.

Наши отношения с другой соседней страной, Россией, имеют огромный потенциал. Я надеюсь, что мой визит в Россию, запланированный на этот год, придаст новый импульс развитию японо-российских

отношений. Я буду работать над развитием японо-российских отношений в целом, чтобы построить соответствующие отношения с Россией как партнером в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В то же время, я буду упорно добиваться урегулирования проблемы огромной важности, проблемы Северных территорий, и последующего заключения мирного договора.

Мы будем углублять сотрудничество с Австралией и Индией, а также со странами АСЕАН и другими морскими азиатскими государствами; при этом краеугольным камнем остаются тесные японо-американские отношения. Через такие международные структуры, как Группа Восьми (G8), Группа Двадцати (G20) и 5-я Токийская Международная конференция по африканскому развитию (TICAD V), которая будет проводиться в Японии, Япония будет осуществлять свою ответственность в соответствии с ее статусом ведущей державы, работая над решением общих проблем, таких, как бедность и развитие, которые стоят перед международным сообществом.

7. Кризис здесь и сейчас

Что касается безопасности, то обстановка вокруг Японии становится все более напряженной; продолжаются провокации против нашей территории, территориальных вод и воздушного пространства, а также против самого нашего суверенитета.

На днях я посетил Окинаву и имел возможность выразить поддержку сотрудникам японской Береговой охраны, полиции, военнослужащим Сил Самообороны, которые несут службу на переднем крае. Я сам видел, насколько серьезно они настроены и бдительны. Я также выражаю признательность их семьям, которые позволили им отправиться нести службу.

Я намерен полностью поддерживать этих мужчин и женщин, которые полны решимости защищать жизнь и имущество наших граждан, а также нашу территорию, территориальные воды и воздушное пространство.

Мы увеличим расходы, связанные с обороной – впервые за 11 лет. В будущем мы пересмотрим основные направления программы национальной обороны и будем усиливать боеспособность Сил Самообороны, в том числе, в юго-западном районе Японии.

Мы начнем изучать вопрос о создании Совета национальной безопасности, который будет служить центром управления для японской внешней политики и политики в области национальной безопасности. Одновременно в рамках Консультативной комиссии по реорганизации

правовой основы безопасности мы будем отстаивать соответствующую позицию Японии в международной ситуации XXI века.

Перед лицом кризиса важно не терять перспективу.

Неизменный национальный интерес Японии заключается в том, чтобы моря, являющиеся основой существования Японии, были открытыми, свободными и мирными.

«Мы старались защитить принцип, имеющий первостепенное значение для всего мира, а именно, принцип, согласно которому международное право должно преобладать над использованием силы».

Это сказала бывший британский премьер-министр Маргарет Тэтчер по поводу войны на Фолклендах.

«Власть закона на море». Я хочу обратиться к международному сообществу и заявить, что сегодня любые изменения status quo путем насилия и угроз не смогут обрести законную силу.

Кризис в области безопасности не является «проблемой кого-то другого». Это кризис присутствует здесь и сейчас. Сегодня, в этот самый момент, сотрудники Береговой охраны, полиции, военнослужащие Сил Самообороны стойко и решительно выполняют свои задачи. Они не боятся бурного моря и воздушной турбулентности. Они с гордостью несут свою службу в самых тяжелых условиях. Мои уважаемые коллеги, будь то представители правящих или оппозиционных партий, разве мы не выразим им сейчас, в этом зале, нашу глубокую благодарность?

8. Заключение

Каибара Эккэн, выдающийся ученый периода Эдо, заботливо выращивал цветок пиона. Однажды, когда Эккэн отсутствовал, молодой человек, который в его отсутствие занимался его делами, сломал стебель цветка. Юноша волновался, что Эккэн рассердится на него, но тот его простил, сказав: «Я выращивал пион, чтобы принести радость, а не злость».

Эккэн отличался широтой взглядов и терпимостью; он помнил о своей первоначальной цели, с которой выращивал пион, и сохранил эту установку.

Я призываю собравшихся здесь законодателей задуматься. С какой целью мы решили стать членами парламента?

Причина заключается в нашем желании сделать нашу страну лучше, посвятить себя работе на благо общества, а не тратить время на политиканство и взаимные конфликты. Участвовать в конструктивных дискуссиях в духе взаимной терпимости и добиваться результата для блага страны и людей – вот наша миссия как национальных законодателей. Давайте вести переговоры между различными партиями и парламент-

скими группами и делать честные выводы, даже если речь идет о сокращении числа мест [в Палате представителей] и пересмотре избирательной системы.

Давайте развернем обсуждения о Консультативном совете по Конституции в каждой палате парламента и проведем широкое общенациональное обсуждение вопроса о пересмотре Конституции.

Разумеется, правящие Либерально-Демократическая партия и Новая Комэйто несут основную ответственность за политическое управление. Кроме того, я намерен предпринять усилия, чтобы участвуя в постоянных серьезных дискуссиях с коллегами-законодателями от других партий и парламентских групп получить их согласие.

Я закончу свое политическое выступление призывом ко всем собравшимся здесь вспомнить их первоначальные благородные намерения, когда они решили стать членами парламента. Я призываю вас к участию в конструктивных дискуссиях.

ВЫСТУПЛЕНИЕ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ КИСИДА ФУМИО НА 183 СЕССИИ ПАРЛАМЕНТА

Обзор

Я принял пост министра иностранных дел в декабре прошлого года, когда японская внешняя политика была в кризисе. За прошедшие два месяца КНДР провела ядерное испытание. Китайские корабли неоднократно вторгались в японские территориальные воды, а китайские самолеты нарушали наше воздушное пространство. Были также случаи, когда китайские боевые корабли действовали против нас радары управления стрельбой. В результате всего этого я осознал серьезность обстановки, в которой оказалась Япония с точки зрения ее безопасности.

В течение этого периода мы также столкнулись с террористической атакой в Алжире и беспорядочными убийствами на Гуаме, что подтвердило необходимость защиты японских граждан и компаний от различных угроз по всему миру.

Я намерен трезво смотреть на эти кризисы, с которыми столкнулась Япония в течение последних двух месяцев. Я буду проводить политику, которая обеспечит безопасность нации от этих кризисов и опасностей, угрожающих миру и стабильности Японии и в глобальном плане, и, таким образом, способствовать миру и процветанию.

В то же время, я намерен проводить стратегическую дипломатию на основе фундаментальных ценностей свободы, демократии, основных прав человека, верховенства закона. Я сделаю так, чтобы мнение и позиция Японии стали известны всему миру и, таким образом, мы заслужим доверие во всем мире.

Три основы внешней политики

В этих условиях я намерен предпринять максимальные усилия, чтобы развивать нашу внешнюю политику в широкой перспективе, опираясь

на три основы. Это – укрепление японо-американского союза, углубление отношений сотрудничества с соседними странами и усиление экономической дипломатии как инструмента оживления японской экономики.

Первая основа – укрепление японо-американского союза, фундамента японской дипломатии и безопасности, который является необходимым условием реагирования на сложную ситуацию с безопасностью в регионе и различные угрозы по всему миру. На саммите во время недавнего визита премьер-министра Абэ Синдзо в Соединенные Штаты Америки оба лидера заняли совместную позицию относительно стратегического понимания задач по глобальным вопросам, подчеркнули прочные связи, на которых основан японо-американский союз внутри страны и за рубежом, и ясно указали, что Япония и Соединенные Штаты работают рука об руку во имя мира и стабильности во всем мире. Я сопровождал премьер-министра Абэ во время этого визита и встречался с госсекретарем Керри, которого заверил в тесном сотрудничестве двух наших стран. Мы и дальше продолжим укреплять японо-американский союз и развивать сотрудничество в различных областях.

Недавно я посетил Окинаву в качестве министра иностранных дел. Мы намерены осуществить перестройку американских войск в Японии, включая передислокацию военно-воздушной базы морской пехоты Футэмма в соответствии с существующими соглашениями с Соединенными Штатами, и постараемся уменьшить нагрузку на Окинаву. В частности, мы должны отказаться от неограниченного использования базы Футэмма. Мы будем продолжать ее передислокацию и осуществлять План консолидации Окинавы без проволочек, одновременно внимательно прислушиваясь к голосу жителей Окинавы и укрепляя отношения доверия с ними.

Вторая основа японской внешней политики заключается в углублении наших отношений с соседними странами и развитии сотрудничества с позиции широкой и стратегической перспективы. Мы постараемся обеспечить, чтобы мир и стабильность в регионе были основаны на верховенстве закона, а не на власти и силе. В наших дипломатических инициативах мы будем в полной мере использовать не только двусторонние отношения, но также трехсторонние и многосторонние структуры в Азиатско-Тихоокеанском регионе, такие, как Восточно-Азиатский Саммит.

Северокорейские пуски ракет в прошлом году и недавнее ядерное испытание являются абсолютно неприемлемыми для Японии, и она решительно осуждает их. Япония координирует свои действия с Соединенными Штатами и Республикой Корея, а также с другими заинтересованными странами, такими, как Китай и Россия. Япония выступает за

принятие Советом Безопасности ООН новой жесткой резолюции и вновь призывает Северную Корею предпринять конкретные действия на основе резолюций Совета Безопасности ООН и Совместного заявления по итогам шестисторонних переговоров, такие, как немедленное прекращение ядерных и ракетных разработок, включая работы по обогащению урана. В соответствии с Пхеньянской декларацией Японии и КНДР Япония продолжит работать над комплексным решением вопросов, вызывающих озабоченность, таких, как похищения, ядерные и ракетные проблемы. В частности, мы предпримем максимальные усилия для решения проблемы похищений на основе позиции, согласно которой нормализация отношений не может быть достигнута без решения этого вопроса. Кроме того, Япония будет развивать взаимодействие с другими заинтересованными странами для создания нового механизма изучения ситуации с правами человека в Северной Корее на Совете ООН по правам человека в следующем месяце.

Отношения с Китаем являются одними из наиболее важных для Японии двусторонних отношений, и мы будем развивать «взаимовыгодные связи на основе общих стратегических интересов» с позиции широкой перспективы. С другой стороны, источниками озабоченности в регионе являются отсутствие прозрачности военного развития Китая и повышенный рост его морской активности в окружающих водах. Острова Сэнкаку являются неотъемлемой частью территории Японии в свете исторических фактов и на основе международного права. В самом деле, острова Сэнкаку находятся под юридически обоснованным контролем Японии, и не существует проблемы территориального суверенитета, которую следовало бы решать в отношении этих островов. Япония будет проявлять сдержанность в отношении ситуации вокруг Сэнкаку с твердой решимостью защищать свои территории, морское и воздушное пространство. Мы решительно призываем Китай проявлять сдержанность, чтобы избежать дальнейшего обострения ситуации.

Обращаясь к угрозам в регионе, включая Северную Корею, Япония делает акцент на своих отношениях с Республикой Корея, которая разделяет фундаментальные ценности и интересы, такие, как обеспечение мира и процветания в регионе. Республика Корея является партнером Японии, и они идут рука об руку. Япония будет предпринимать усилия по созданию ориентированных на будущее, многоуровневых и более прочных двусторонних отношений с широкой перспективой, таким образом, чтобы отдельные проблемы не подрывали отношения в целом. Япония также будет и дальше развивать экономические связи с Республикой Корея с помощью различных мер, таких, как развитие двусторонней торговли и инвестиций, а также сотрудничество между японскими

и корейскими компаниями в третьих странах. Спор вокруг островов Такэсима не может быть быстро решен, но Япония будет настойчиво разъяснять корейской стороне, что Япония не может принять того, чего не может принять.

Что касается японо-российских отношений, то, в стратегическом плане, мы будем прилагать усилия для развития сотрудничества во всех сферах, включая безопасность и экономику, с перспективой построения партнерских отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Несмотря на то, что по-прежнему сохраняется значительное различие в позициях России и Японии по вопросу о Северных территориях, главной нерешенной проблеме между двумя странами, мы намерены настойчиво работать в целях заключения мирного договора с Россией путем решения вопроса о принадлежности четырех островов. В этой связи мы ожидаем, что визит премьер-министра в Россию, запланированный на этот год, даст новый импульс развитию японо-российских отношений.

В 2013 г. исполняется 40 лет дружбе и сотрудничеству между Японией и АСЕАН, и я уже посетил некоторые страны АСЕАН и Австралию в начале этого года. В свете «Пяти принципов японской дипломатии в отношении АСЕАН», недавно объявленных премьер-министром Абэ, мы намерены использовать юбилейный саммит Япония-АСЕАН, запланированный на декабрь, как возможность дальнейшего укрепления отношений с АСЕАН. Япония выстраивает стратегическое партнерство и дружественные отношения со странами АСЕАН, Индией и Австралией и другими странами региона, и мы будем укреплять эти связи. В частности, мы намерены поддерживать усилия Мьянмы на пути к демократическим и экономическим реформам. Япония также намерена укреплять отношения с Монголией, где развивается демократия, и достигнут значительный экономический рост, а также со странами Океании. Мы также сотрудничаем с европейскими странами, с которыми разделяем фундаментальные ценности, со странами Латинской Америки, которые укрепляют свои позиции в международном сообществе, со странами Ближнего Востока и Северной Африки, которые проводят демократические реформы.

По мере того как экономическая глобализация развивается ускоренными темпами, инициативы, направленные на оживление японской экономики, обеспечивают путь к усилению страны, позволяя ей, таким образом, вносить вклад в дальнейшее глобальное развитие. Поэтому, в качестве третьей основы своей внешней политики, Япония будет стремиться укреплять свою экономическую дипломатию как средство оживления национальной экономики.

Мы будем расширять экспортные возможности и способствовать созданию благоприятных условий для инвестиций японских компаний

за рубежом. Чтобы сделать Японию более привлекательной как центр производства и инвестиций, мы будем осуществлять стратегическую ориентацию на высокоразвитое экономическое партнерство, в частности, с Азиатско-Тихоокеанским регионом, Евразийским регионом, Европой. Для этого Япония мобилизует свои дипломатические ресурсы для осуществления экономического партнерства, которое послужит национальным интересам. Что касается Транстихоокеанского партнерства (ТТП), правительство примет решение о том, следует ли присоединяться к переговорам о ТТП на основании недавнего Саммита Япония-США. Мы также будем активно участвовать в развитии и осуществлении международных экономических правил в таких структурах, как Всемирная Торговая Организация (ВТО), Азиатско-Тихоокеанское Экономическое Сотрудничество (АТЭС), G8 и G20.

Япония будет использовать официальную помощь развитию (ОПР) и свои зарубежные дипломатические миссии, чтобы поддерживать экономическую жизнеспособность других стран. Кроме того, правительство намерено активно поддерживать местные правительства и японские компании, включая малые и средние предприятия, которые работают на зарубежных рынках. Для обеспечения стабильных поставок энергии, минерального сырья и продовольственных ресурсов, Япония намерена укреплять свою ресурсную дипломатию, включая диверсификацию стран, осуществляющих поставки.

Усиление мер безопасности и дипломатические инициативы для защиты японских граждан и компаний, сталкивающихся с различными угрозами

Я пользуюсь этой возможностью, чтобы еще раз выразить свои искренние соболезнования семьям и друзьям жертв террористической атаки в Алжире. Чтобы потеря этих драгоценных жизней не оказалась напрасной, будут приняты меры для усиления безопасности японских граждан и компаний, работающих за рубежом. В рамках этого процесса мы усилим наши разведывательные и аналитические возможности с помощью таких мер, как укрепление отношений с правительственными агентствами в Северной Африке и регионе Сахель и сформируем команду экстренного реагирования, которая может быть быстро развернута в случае чрезвычайных ситуаций за рубежом. Кроме того, будут приняты меры для быстрого и точного получения и распространения информации в сфере безопасности для японских граждан, проживающих за рубежом. С этой целью будет пересмотрено управление системой регистрации этих граждан, будут усилены структуры в государственно-

частном секторе, а информационные технологии, включая электронную почту и веб-сайты, получают более широкое применение.

В ответ на растущее разнообразие угроз на международной арене будут приняты соответствующие меры. Япония подтверждает свою решимость бороться с терроризмом в сотрудничестве с международным сообществом. Она примет серьезные меры и безотлагательно осуществит их в соответствии с тремя основными направлениями: 1) усиление мер против международного терроризма; 2) поддержка стабилизации в регионах Сахеля, Северной Африки и Ближнего Востока; 3) развитие диалога и обменов с исламскими и арабскими странами.

Для обеспечения безопасности судоходства, помимо антипиратских операций у побережья Сомали и в Аденском заливе, мы продолжим расширять нашу помощь в обеспечении безопасности на море и действия закона в заинтересованных странах.

Япония будет усиливать меры против угроз в киберпространстве и будет активно сотрудничать в разработке международных правил в космической деятельности.

Ответ на глобальные проблемы

Я намерен активно участвовать в решении глобальных проблем. Поскольку я родился и вырос в разрушенной ядерным взрывом Хиросиме, я намерен приложить все усилия для работы в структуре «Инициативы по нераспространению и разоружению», поддерживая и укрепляя международный режим ядерного разоружения и нераспространения на основе Договора о нераспространении ядерного оружия. Помимо северокорейской ядерной проблемы, Япония также серьезно озабочена нынешней ситуацией с ядерной программой Ирана. Мы призываем Иран безотлагательно принять серьезные меры для мирного и дипломатического решения проблемы.

Япония также будет вносить свой вклад в укрепление ядерной безопасности во всем мире, делясь с международным сообществом информацией и уроками, извлеченными из аварии на атомной электростанции «Фукусима-1».

Что касается изменения климата, то Япония пересмотрит обязательство о 25-процентном сокращении выбросов парниковых газов и сформулирует активную дипломатическую стратегию по проблеме глобального потепления.

Мы продолжим развивать широкое сотрудничество в миротворческой деятельности, включая отправку личного состава для миротворческих операций ООН и участие в развитии людских ресурсов. Сегодня Япония направляет подразделение Сил Самообороны в миссию ООН в

Республике Южный Судан, и мы продолжим активно поддерживать стабилизацию и государственное строительство в Южном Судане. Чтобы обеспечить более быструю и эффективную поддержку, мы продолжим изучение возможностей нашей правовой структуры.

Проблема установления мира в Афганистане является серьезным вызовом международному сообществу. В рамках борьбы с терроризмом мы продолжим играть активную роль в этих усилиях в соответствии с нашими международными обязательствами.

Что касается мирного процесса на Ближнем Востоке, мы будем работать над скорейшей реализацией «решения о двух государствах» и продолжим наращивать нашу помощь палестинцам. Япония также намерена играть активную и значительную роль в ситуации в Сирии, где наступил гуманитарный кризис.

Мы будем стратегически и эффективно использовать официальную помощь развитию. Формулируя повестку дня на период после 2015 г., мы усилим наше участие в таких сферах, как здравоохранение, развитие людских ресурсов, уменьшение опасности стихийных бедствий и катастроф на основе принципа безопасности людей, и будем способствовать прогрессу по этим направлениям.

В то время как высокие темпы роста Африки привлекли международное внимание в последние годы, она по-прежнему сталкивается с многочисленными проблемами, решение которых требует участия всего международного сообщества. Учитывая это, на 5-й Токийской Международной Конференции по Африканскому Развитию, которая пройдет в июне в Иокогаме, мы будем выступать за развитие сотрудничества ради безопасности людей и за установление мира и стабильности в Африке. Мы также намерены поддерживать японские компании в расширении бизнеса с Африкой и в Африке, и будем выдвигать инициативы, которые помогут обеспечить качественный рост в этом регионе.

Повышение эффективности Организации Объединенных Наций путем организационной реформы и перемен в управлении, а также усиление ее функций являются жизненно важными для эффективного решения глобальных проблем. Мы будем активно способствовать скорейшему реформированию Совета Безопасности и постоянному членству в нем Японии.

Мы продолжим работу по правам человека и гуманитарным проблемам через ООН и двусторонние диалоги по правам человека, и намерены также активно участвовать в международных инициативах по правам человека, включая защиту прав женщин. Исходя из Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей (Гаагская конвенция), которая придает первоочередное значение инте-

ресам детей, правительство намерено представить ее и соответствующее национальное законодательство на утверждение в парламент в ходе текущей сессии с целью скорейшего присоединения к ней. Мы просим парламент ускорить обсуждение, чтобы одобрить Конвенцию уже в ходе текущей сессии.

Повышение комплексных возможностей дипломатии, чтобы голос Японии был услышан

Чтобы Япония могла соответствовать сложной обстановке в сфере безопасности в Восточной Азии и противостоять различным рискам по всему миру, необходимо коренным образом укрепить системы проведения нашей внешней политики. Усиление нашей дипломатической политики и политики в сфере безопасности является приоритетом кабинета Абэ, и Министерство иностранных дел будет активно осуществлять соответствующие инициативы.

В то же время, мы будем усиливать информационную деятельность в отношении нашей внешней политики как внутри страны, так и на международной арене. В частности, мы намерены излагать позицию Японии по вопросу ее территориальной целостности.

Важной дипломатической задачей является усиление международного присутствия Японии. С этой целью мы будем пропагандировать достоинства и привлекательные черты Японии, ее культуру, а также облегчим распространение японского языка за рубежом.

Мы предпримем максимальные усилия, чтобы поддержать кандидатуру Токио как столицы Олимпиады 2020 и Паралимпийских игр как возможность доказать миру, что Япония полностью оправилась от последствий Великого восточно-японского землетрясения.

Заключение

Сегодня от нас требуется преодолеть кризисную ситуацию в международных отношениях вокруг Японии. Я намерен сосредоточить свои усилия на том, чтобы внешняя политика Японии послужила миру и процветанию в стране и во всем мире. Я прошу о сотрудничестве со стороны членов парламента, я прошу о сотрудничестве и понимании со стороны всех японцев.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА АБЭ СИНДЗО ДЛЯ АЗИАТСКО- ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Данная глава представляет собой расширенный комментарий к программе внешнеполитической деятельности на азиатском направлении правительства Либерально-демократической партии (ЛДП), изложенной в парламентских речах премьер-министра Абэ Синдзо и министра иностранных дел Кисида Фумио.

Внутриполитический контекст деятельности кабинета Абэ

Впечатляющий успех ЛДП на досрочных выборах в нижнюю палату парламента 16 декабря 2012 г. привел в кресло премьера ее председателя Абэ Синдзо. Это всего лишь второй за послевоенную историю Японии случай, когда ушедший в отставку премьер-министр повторно стал лидером партии и главой правительства¹. Результаты выборов можно оценить как тотальную победу консерваторов в целом, а не только либерал-демократов. Вторым по значимости победителем следует считать Партию возрождения Японии (ПВЯ), созданную накануне выборов и возглавляемую экс-губернатором Токио Исихара Синтаро и мэром Осака Хасимото Тору. Именно успех этой партии придал победе консерваторов тотальный характер. В определенной степени эту победу подкрепляет успех партнера ЛДП по коалиции – партии Новая Комэйто. Имея 325 мест, коалиция ЛДП и Новой Комэйто получила более двух третей мандатов в 480-местной нижней палате, необходимых для преодоления вето верхней палаты, которую на тот момент контролировала оппозиция. Абэ признал, что избиратели обеспечили ему победу не из любви к ЛДП или ее идеям, но разочаровавшись в правлении Демократической партии Японии (ДПЯ).

¹ The Japan Times. 28.09.2012.

Внешняя политика Японии в период нахождения у власти либерал-демократов (1955–1993, 1994–2009) определялась следованием в фарватере Вашингтона, прежде всего в сфере геополитики, обороны и безопасности, с возможными девиациями в сфере внешнеэкономической деятельности. Пришедшие к власти в результате беспрецедентной по масштабам победы на парламентских выборах 30 августа 2009 г., демократы подтвердили, что военно-политический союз с США остается краеугольным камнем внешней политики страны, но объявили курс на «более глубокие и более равноправные» двусторонние отношения, что было расценено как заявка на проведение более самостоятельной политики. На практике это привело лишь к неудачной попытке Токио пересмотреть соглашение 2006 г. о передислокации авиабазы Корпуса морской пехоты США Фугэmma, расположенной в префектуре Окинава.

В остальном внешнеполитическая риторика демократов ограничивалась заявлениями настолько общего характера, что не позволяло говорить о наличии у них долгосрочной стратегии или понимания национальных интересов. Не было заметно каких-либо внешнеполитических успехов; напротив, происходило обострение отношений с соседними странами, включая КНР и Республику Корея, просматривалась неспособность разрешить текущие проблемы двусторонних отношений. Положение дел позволяло говорить о кризисе внешней политики Японии, главным фактором которого являлось отсутствие у ДПЯ глобальной стратегии, четкой формулировки геополитических интересов страны и практического опыта внешнеполитической деятельности.

Приход на пост премьер-министра Абэ Синдзо, которого можно охарактеризовать как государственника-элитиста, означает проведение осторожной консервативной политики, которой привержена «старая гвардия» либерал-демократов: передачу выработки национальной политики, принятия и исполнения решений, в том числе в сфере дипломатии, в руки чиновников (демократы пытались нарушить эту давнюю традицию); более тесное сотрудничество с крупным бизнесом; публичное обращение к национальным и традиционным ценностям.

Солидный консерватизм премьера должен создавать впечатление стабильности и надежности. Правительство Абэ объявило своей главной задачей оживление экономики, подорванной дефляцией. Население ждет от либерал-демократов «чуда» именно в экономике, причем быстро. У них не так много времени, поскольку в июле 2013 г. пройдут выборы, на которых переизбирается половина палаты советников. От их результатов будет зависеть многое в политике ЛДП и в судьбе самого премьера, рейтинг поддержки которого в течение первых ста дней пребывания в должности поднялся до отметки в 70%².

² The Japan Times. 04.04.2013.

Первая политическая речь Абэ в качестве главы правительства на очередной сессии парламента 28 января 2013 г.³ принципиально отличалась от той, что он произнес в 2006 г. Тогда он подчеркивал исторические, культурные, традиционные ценности Японии, а также говорил о намерении пересмотреть Конституцию. Теперь он не стал озвучивать идею изменить официальную интерпретацию 9-ой статьи Основного закона, отвергающей войну, чтобы Япония могла осуществить право на коллективную самооборону, а также изменить саму статью. Это связано, очевидно, с тем, что одержимость премьера конституционной реформой, патриотическим воспитанием и переоценкой ряда событий прошлого могла бы посягнуть на изменение самой природы послевоенного японского государства, оттолкнуть от него избирателей, которые надеются на улучшение экономической ситуации, усилить напряженность в Восточной Азии и заставить сопредельные страны смотреть на Японию с подозрением.

Возвращение во власть ЛДП во главе с Абэ, которого называют «ястребом» и «националистом», вызвало неоднозначную реакцию не только в Японии, но и за рубежом. Сразу зазвучали голоса о том, что приход «ястребов» несет угрозу сопредельным странам. Высокопоставленный представитель МИД Республики Корея выразил озабоченность сдвигом японского руководства вправо и тем, что такая политика «может нанести серьезный ущерб геополитическому и торговому климату в Северо-Восточной Азии». Китайский аналитик полагает, что «Япония возбудит новые подозрения у своих соседей, если нынешний политический поворот вправо не прекратится вовремя»⁴.

Отметив в своей первой парламентской речи, что Япония столкнулась с кризисом в сферах экономики, дипломатии, образования, а также в результате ущерба от катастрофы 11 марта 2011 г., Абэ заявил, что больше всего его беспокоит экономический кризис, поэтому центр внимания будет перенесен на решение внутренних проблем. Стратегия Абэ, которую уже прозвали «абэномикой», внезапно стала глобальным брендом и популярным лозунгом. Эта стратегия, представляющая собой сочетание больших правительственных расходов и смягчение кредитно-денежной политики Центрального банка, т. е. политика крупномасштабного монетарного смягчения, обрела большой успех как рыночная стратегия. «Абэномика имеет отношение к безусловному количественному смягчению, накачке экономики деньгами и, возможно, стратегии роста. Логическое обоснование заключается в том, что количественное смягчение приведет к росту инфляции до 2% – и это окажет

благоприятное влияние на экономику, подстегнув рост и увеличение числа рабочих мест»⁵.

Фундаментальные принципы японской внешней политики

Как показывают первые шаги Абэ в качестве премьера, он решил взять в свои руки определение и проведение внешней политики. Это является существенным отступлением от прежней традиции, которая позволяла министрам иностранных дел и обороны руководить делами, относящимися к сферам дипломатии и безопасности.

Фундаментальными принципами внешней политики премьер назвал «стратегическую дипломатию», «ценностную дипломатию» и «активную дипломатию», которые вкупе обеспечивают национальные интересы. Абэ разъяснил, что «основой нашей внешней политики будет реализация стратегической дипломатии на базе фундаментальных ценностей свободы, демократии, основных прав человека, верховенства закона; мы смотрим на мир в целом, а не только на двусторонние отношения с соседними странами»⁶. Выразив намерение «восстановить японскую дипломатию, которая была дискредитирована»⁷, премьер тем самым признал, что на данный момент она переживает кризис. Характерной особенностью внешней политики Японии традиционно признавался ее реактивный характер, и Абэ с его «активной дипломатией», видимо, готов дать новый импульс внешнеполитической деятельности.

В развитие установок, которые премьер-министр обозначил в своей парламентской речи, министр иностранных дел Кисида Фумио в речи на 183-ей сессии парламента 28 февраля 2013 г. представил свое видение основных направлений японской внешней политики, которая базируется на трех основах. «Первая основа – укрепление японо-американского союза, фундамента японской дипломатии и безопасности, который является необходимым условием реагирования на сложную ситуацию с безопасностью в регионе и различные угрозы по всему миру. ... Вторая основа ... заключается в углублении наших отношений с соседними странами и развитии сотрудничества с позиции широкой и стратегической перспективы. ... В качестве третьей основы своей внешней политики Япония будет стремиться укреплять свою экономическую дипломатию как средство оживления национальной экономики»⁸.

Расстановка приоритетов в деятельности кабинета Абэ в принципе совпадает с направлением деятельности администрации Б. Обамы.

⁵ The Japan Times. 07.04.2013.

⁶ http://www.kantei.go.jp/foreign/96abe/statement/201302/28_siseuhousin_e.html

⁷ http://www.kantei.go.jp/foreign/96abe/statement/201301/28syosin_e.html

⁸ <http://mofa.go.jp/announce/fm/kisida/speech/130228.html>

³ http://www.kantei.go.jp/foreign/96abe/statement/201301/28syosin_e.html

⁴ <http://campaign.ru20.constantcontact.com/render?Itr=61ka8eab8cv=0...>

Согласно ежегодному прогнозу ИМЭМО РАН, «главным приоритетом администрации будет реализация глубоких внутренних социальных и экономических реформ, поддержка которых американскими избирателями собственно и предопределила результаты выборов. Поэтому внешняя политика и политика безопасности будут в большинстве случаев оставаться в тени внутренних проблем... Одновременно, исподволь, в ходе второго президентства Б. Обама, вероятно, будет пытаться выстраивать для страны долгосрочную стратегию, в рамках которой снижение односторонней вовлеченности США в международные дела будет компенсироваться ответственным взаимодействием с другими авторитетными, как старыми, так и новыми мировыми игроками»⁹.

Таким авторитетным старым игроком и партнером США в АТР, безусловно, является Япония. Это буквально сразу после прихода к власти подтвердил Абэ, заявив, «разумеется, краеугольным камнем нашей дипломатии является японо-американский союз»¹⁰. Действительно, верность курсу на стратегическое партнерство с Вашингтоном в рамках существующего военно-политического союза и «договора безопасности» – одна из политических констант послевоенного периода. Япония была и остается стержнем американской стратегии в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Внешнеполитические интересы каждой страны имеют свою специфику и в целом, и в каждом регионе. При этом, безусловно, имеются как совпадающие, так и несовпадающие интересы. Последние ведут к появлению элементов соперничества, конкуренции, а иногда и противоборства. При выработке внешнеполитической стратегии необходимо учитывать, насколько значимы эти позиции, имеется ли поле пересекающихся интересов всех заинтересованных сторон.

В Японии традиционно основной вектор дипломатии «прочитывался» из направления первых зарубежных поездок вступивших в должность премьер-министров, даже если они имели протокольный или символический характер. На протяжении нескольких десятилетий первый визит наносился в США – главному внешнеполитическому партнеру. Таким образом, подтверждалась верность стратегическому курсу на сотрудничество в сфере обороны и безопасности, а также попутно решались накопившиеся политические и экономические проблемы.

Иногда первые визиты совершались по соседству – в Китай и Республику Корея. Именно так поступил Абэ Синдзо, когда впервые в 2006 г. стал премьером. Это был продуманный шаг для смягчения напряженности в отношениях с этими странами, усилившейся при его предшественнике Коидзуми Дзюнъитиро. Тогда Япония и Китай при-

няли концепцию «взаимовыгодных стратегических отношений». Можно сказать, что японская внешняя политика, по сути, имеет два важнейших измерения – американское и китайское.

Свое второе премьерство Абэ начал оригинально – с визита в страны Юго-Восточной Азии: Вьетнам, Таиланд и Индонезию. Конечно, Вашингтон остается на первых позициях «путевого листа» японского премьера, и отсрочка его визита до конца февраля была вызвана причинами технического свойства. Сразу после победы на выборах Абэ заявил, что в ближайшее время не собирается посещать Пекин, поскольку условия для визита не созрели. Одновременно он решительно высказался по поводу островов Сэнкаку, спор о территориальной принадлежности которых вызвал в прошлом 2012 г. обострение японо-китайских отношений. Премьер заявил, что принадлежность островов Японии не является предметом дискуссий. Выразиться по-другому он просто не мог, ибо не мог занять более мягкую позицию, чем его предшественник демократ Нода Ёсихико. Из Токио действия Китая однозначно видятся как вызывающие и провокационные, тем не менее базовой стратегией кабинета Абэ в отношении Пекина является совмещение жесткой и умеренной линий, чтобы сбалансировать отношения между диалогом и сдерживанием. Советник правительства Яти Сотаро определил такую стратегию формулой «участие и ограничение». При этом «ограничение» понимается как принятие мер предосторожности или предупредительных мер, чтобы предотвратить риски¹¹.

Послание японского премьера американскому президенту

Прибыв в конце февраля 2013 г. с официальным визитом в Вашингтон, Абэ сказал президенту Обаме, что он «вернулся», имея в виду свое вторичное премьерство, а с ним «вернулась и Япония». Это была заявка на активизацию внешней политики, сделанная в стиле его политического ментора Коидзуми. Переговоры лидеров Японии и США включали проблемы безопасности (недавние ядерные испытания в КНДР, поведение Китая в споре с Японией вокруг островов Сэнкаку). Однако главной темой была внутривластная повестка Абэ: создание условий для участия Японии в переговорах о Транстихоокеанском партнерстве.

Подводя итоги визита в Вашингтон, премьер с удовольствием отметил: «Мы... имеем одинаковое стратегическое мышление и разделяем общие цели не только в сфере политики, экономики и безопасности, но и в отношении общих вызовов в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в

⁹ Россия и мир: 2013. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз. М., 2012, С. 90.

¹⁰ http://www.kantei.go.jp/foreign/96abe/statement/201301/28suosin_e.html

¹¹ The Japan Times. 11.02.2013.

международном сообществе»¹². Стороны договорились скорректировать основные направления стратегического партнерства. Оно предусматривает сдерживание Китая и КНДР, которое связано с увеличением активности военно-морских сил КНР, а также с обострением территориальных конфликтов в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях.

После встречи с Обамой японский премьер сказал: «Доверие и связи в рамках союза полностью восстановлены». Это многозначительное заявление было направлено, прежде всего, против прежнего правительства Демократической партии и создавало неблагоприятное впечатление, что демократы нанесли ущерб японо-американским связям в сфере безопасности. ЛДП считает своей заслугой, что союз остается прочным, и американские военные базы в Японии в целом функционируют в штатном режиме. Однако нельзя забывать о том, что японское население, в первую очередь на Окинаве, платит немалую цену за американские гарантии безопасности, вера в надежность которых начинает давать сбой.

Более того, аналитики полагают, что в последнее время японцы все больше начинают беспокоиться по поводу новых угроз безопасности страны, связанных с изменением ситуации в Северо-Восточной Азии. Речь идет о военной модернизации Китая и его активности на море, усилении агрессивности политики руководства КНДР, а также обостряющихся территориальных спорах между соседними странами.

Растущая обеспокоенность по поводу безопасности Японии имеет большое значение, поскольку в результате становятся возможны серьезные изменения в политике безопасности, которые были немыслимы еще два десятилетия назад. Эти изменения включают смягчение закона об экспорте вооружений, установление правил и масштабов действия Морских сил самообороны, чтобы они могли применять силу для защиты торговых судов, расширение типов миссий, которые могут выполнять силы самообороны. В январе 2013 г. правительство приняло решение впервые за последние 11 лет увеличить бюджет министерства обороны в 2013 фин. году на 6 млрд. иен (60 млн. долл. США). Это напрямую связано с обострением отношений с КНР из-за спорных островов¹³. В мае исследовательская группа по проблемам обеспечения безопасности при Совете национальной обороны ЛДП опубликовала рекомендации, в которых предлагалось придать вооруженным силам страны потенциал для удара по военным базам противника на его территории, собственную морскую пехоту для обороны отдаленных островов и повышенные возможности противоракетной обороны¹⁴.

¹²The Japan Times. 26.02.2013.

¹³ Киодо цусин. 05.01.2013.

¹⁴ ИТАР-ТАСС 13.05.2013.

Поддержкой подобных установок можно считать прошедшие в июле 2013 г. в Калифорнии совместные учения вооруженных сил США и Японии по отработке взаимодействия при высадке морского десанта. Эти учения проводились по просьбе Токио, который крайне озабочен обороной своих отдаленных островов в Восточно-Китайском море. Япония не имеет там военных гарнизонов и намерена принять экстренные меры по их защите. Китай просил не проводить отработку десанта, ссылаясь на то, что это может усилить недоверие и напряженность в регионе. Однако позиция Пекина не была принята во внимание. Ответом стало заявление, что учения не направлены против каких-либо третьих стран.

По мнению японских аналитиков, «нынешняя ситуация вокруг Японии с точки зрения безопасности обязывает ее повышать обороноспособность, включая увеличение военного бюджета. Однако для мира в Восточно-Китайском море, где растет озабоченность возможностью неожиданного военного столкновения, наиболее важным фактором являются дипломатические усилия, особенно сотрудничество в сфере безопасности»¹⁵.

В ходе продолжающегося «стратегического разворота» в Азию, США будут увеличивать свое влияние, прежде всего в тихоокеанском регионе, «создавая здесь устойчивую систему сдержек и противовесов с Китаем, сочетая элементы политики военного сдерживания со стратегией сохранения экономического и политического вовлечения потенциального оппонента». Динамика ситуации здесь во многом будет зависеть не только от развития отношений США с КНР, но и от их отношений с другими государствами региона. По соседству, в Южной Азии США, расширяя сотрудничество с Индией и сохраняя в сфере своего влияния Пакистан и Афганистан, будут закладывать новые основы своего влияния в данном ареале. На встрече с госсекретарем США Дж.Керри премьер Абэ заявил, что большое внимание Вашингтона к АТР служит стимулом для Японии и других стран. Но на политику Токио, безусловно, будет влиять весь комплекс глобальных и региональных проблем.

В контексте усиления борьбы за гегемонию в Азиатско-Тихоокеанском регионе между США и КНР Япония имеет свои задачи и в сфере внутренней политики, и в обеспечении национальной безопасности. В то время как японо-американский союз остается константой японской дипломатии, тенденция развития ситуации в Китае является важнейшей переменной величиной. Очевидно, в этих условиях Токио должен поддерживать и укреплять присутствующий союзу эффект сдерживания и действовать в поддержку США. Ключевым фактором здесь является японская поддержка Филиппин. Для поддержки вооруженных сил США, дисло-

¹⁵ The Japan Forum on International Relations (JFIR) E-Letter//20 April 2013, vol. 6, №2. P. 18.

цированных в Японии, Филиппины представляют перевалочный пункт между важными базами на Окинаве и в Австралии. Расположение Филиппин ставит их в центр региона, где может появиться вакуум военной силы. США стремятся вернуться на Филиппины, базы на которых они покинули в начале 1990-х годов. Токио со своей стороны «готов сотрудничать с Манилой в модернизации филиппинской береговой охраны. Смягчение Японией трех принципов экспорта вооружения внесло бы значительный вклад в японскую помощь Филиппинам»¹⁶, – сообщил источник в МИД Японии.

Проблемы японской дипломатии в Восточной Азии

О внешнеполитических проблемах Абэ в первой парламентской речи говорил мало и осторожно, соблюдая в основном положительную тональность. В частности, он тщательно избегал упоминания о КНР и Республике Корея в связи со спорами по поводу островов Сэнкаку/Дяоюйдао в Восточно-Китайском море и островов Такэсима/Токто в Японском море. Однако эти проблемы серьезно осложняют ситуацию в Восточной Азии. Именно в этом регионе наблюдаются рост национализма, обострение территориальных споров, отсутствие эффективных механизмов сотрудничества в сфере безопасности. Экономическая взаимозависимость Японии, КНР и Республики Корея усиливается, но дипломатические отношения между ними характеризуются соперничеством и недоверием.

Касательно территориальной проблемы, Абэ лишь сказал, что «нет никаких сомнений, что острова Сэнкаку являются неотъемлемой частью территории Японии в свете исторических фактов и на основе международного права». Более того, по его мнению, «не существует проблемы территориального суверенитета над островами Сэнкаку ... Мы призываем к сдержанности с тем, чтобы Китай воздерживался от опасных действий, которые могли бы обострить ситуацию, подобно недавнему захвату радарными управления стрельбой японского эсминца. Страны должны действовать в соответствии с международными правилами»¹⁷. Абэ пообещал решительно защищать японские территории и воздушное пространство и одновременно искать пути углубления диалога для улучшения двусторонних отношений¹⁸.

В отношении проблемы Сэнкаку Япония располагает поддержкой своего главного партнера – Вашингтона. «Хотя США не занимают какой-то определенной позиции по вопросу об окончательном суверенитете

над островами, мы признаем, что они находятся под управлением Японии», – заявила Х. Клинтон в бытность госсекретарем, повторив, что Вашингтон, в соответствии с двусторонним «договором безопасности», обязан защищать острова в случаях вооруженного нападения. «Мы выступаем против любых односторонних действий, которые могут подорвать японское управление»¹⁹. Таким образом, впервые было ясно заявлено о возражениях Вашингтона против насильственного изменения статус-кво вокруг островов. Об этом же заявил министр обороны США Ч. Хэйгел, выступая в Сингапуре на встрече глав военных ведомств стран АТР в рамках «Диалога Шангри-ла». Одновременно он подчеркнул, что «построение позитивных и конструктивных отношений с Китаем... является неотъемлемой составляющей новой американской политики в азиатском регионе»²⁰.

Вашингтон, который является важным «игроком» в ситуации вокруг островов Сэнкаку/Дяоюйдао, во время визита Абэ подтвердил намерение поддержать Японию в возможном конфликте из-за них. США открыто заявили, что действие японо-американского «договора безопасности» и других соглашений в сфере обороны распространяется на Сэнкаку, как и на всю японскую территорию. Другими словами, в случае любого нападения на эти острова США будут защищать их вместе с Японией. Однако «США меньше всего хотели бы военного столкновения между Китаем, который занимает все более агрессивную позицию по вопросу о Сэнкаку, и Соединенными Штатами, которым придется защищать Японию в соответствии с обязательствами по договору безопасности»²¹. По словам З. Бжезинского, США не хотели бы оказаться в подобной ситуации.

Одновременно японскому лидеру было дано понять, что ему следует расширять каналы связи с Китаем и его руководителями. Это крайне важно для предотвращения инцидентов, которые могут привести к обострению ситуации. Министр обороны Онодэра Ицунори отметил, что «для преодоления кризиса вокруг Сэнкаку Япония и США должны укрепить стратегическое сотрудничество»²².

На суверенитет над Сэнкаку претендует и Китайская республика (Тайвань). 10 апреля 2013 г. Япония и Тайвань подписали соглашение о рыболовстве, обойдя вопрос о суверенитете над этими островами. Подобное действие соответствует тайваньской Инициативе мирного урегулирования спора в Восточно-китайском море, согласно которой, если

¹⁶ The Japan Times. 16.01.2012.

¹⁷ http://www.kantei.go.jp/foreign/96abe/statement/201301/28suosin_e.html

¹⁸ The Japan Times. 12.01.2013.

¹⁹ Киодо цусин. 20.01.2013.

²⁰ <http://tokyo-hatsu/livejournal.com/?skip=15> (01 June 2013).

²¹ The Asahi Shimbun. 01.05.2013.

²² <http://tokyo-hatsu.livejournal.com>

суверенитет разделить невозможно, то ресурсы могут быть разделены посредством совместного освоения. Президент Ма Инцзю предложил решать вопросы, связанные с рыболовством, разработкой ресурсов и другими противоречиями в водах этих островов в форме трех двусторонних диалогов, а затем провести трехсторонние переговоры для согласования оставшихся вопросов²³. Но Япония и Китай полностью отвергли подобные предложения.

По соглашению Япония не позволяет тайваньским рыбакам вторгаться в свои территориальные воды, но им будет позволено вести промысел в эксклюзивной экономической зоне, которая включает богатые запасы рыбы. По мнению аналитиков, Япония пошла на значительные уступки Тайваню по поводу прав на рыболовство, чтобы избежать «войны на два фронта» с Пекином и Тайбэем по проблеме Сэнкаку. Как известно, Китай призывает Тайвань создать единый фронт против Японии по этому вопросу.

Выступая по национальному телеканалу NHK, Кисида заявил, что рост военных расходов КНР и увеличившаяся активность ее военно-морских сил несут угрозу не только Японии, но и всему азиатскому региону. Одновременно он подчеркнул, что Токио рассчитывает на улучшение отношений с Пекином и на встречу лидеров двух стран на полях международных саммитов. Во время турне по странам Юго-Восточной Азии Абэ повторял, что «японо-китайские отношения являются одними из важнейших двусторонних отношений для Японии. Мы будем продолжать развивать их, спокойно и твердо поддерживая и укрепляя связи с Китаем»²⁴. «Дверь для переговоров между нами всегда открыта, – вторит ему глава МИД. – Надеюсь, нам удастся наладить связи с новым руководством Китая»²⁵.

На фоне изменения баланса сил в регионе, которое обуславливается становлением Китая как одной из крупнейших региональных держав вкупе с его формирующейся глобальной ролью, а также характером внешней политики США, наблюдается обострение отношений Японии с Китаем и Республикой Корея. Следует заметить, что японцы в целом с оптимизмом смотрели на развитие отношений с Китаем и испытывали к нему симпатию. По ежегодным опросам общественного мнения до 1989 г. более 68% испытывали симпатию к Китаю, а более 66% считали двусторонние отношения благоприятными.

Ситуация начала меняться в последние десять лет, особенно в недавнее время в результате реакции Пекина на столкновение китайского рыболовецкого судна с кораблями японской береговой охраны в 2010 г.

²³ Материалы по Китайской республике (Тайвань) предоставлены П.Кульневой.

²⁴ <http://www.nippon.com/en/editor/f00016/>

²⁵ Киодо цусин. 24.03.2013.

и последовавшими антияпонскими протестами. Конфликт резко обострился после 11 сентября 2012 г., когда японское правительство выкупило ряд островов архипелага Сэнкаку у их частных владельцев – граждан Японии. Пекин посчитал, что такой демарш призван подкрепить права Токио на эти территории. Результатом стала эскалация конфликта. Китайские корабли десятки раз заходили в зону этих островов, а самолеты залетали в воздушное пространство над ними. В 2012 г. симпатии к Китаю в японском обществе сократились до 18%; количество тех, кто симпатии не испытывает, выросло с 26,4% в 1988 г. до 80,6%. Число тех, кто считает отношения благоприятными, сократилось до 4,8%; неблагоприятными их считают 92,8% респондентов²⁶.

Аналитики полагают, что своими действиями Китай испытывает на прочность японо-американский союз, а возможно, хочет подорвать позиции Абэ, который перед выборами обещал занять жесткую позицию в отношении китайских притязаний на острова Сэнкаку.

Следует отметить, что премьер Абэ сам подчас делает заявления, которые вызывают опасения в отношении политики Японии, в первую очередь у Китая и Республики Корея. Это касается, например, его отношения к так называемым «извинениям Мураяма». Возглавлявший японское правительство в 1994–1996 гг. социал-демократ Мураяма Томиити в 50-ю годовщину капитуляции Японии 15 августа 1995 г. принес недвусмысленные извинения за японскую «агрессию во время Второй мировой войны, которая принесла огромный ущерб и страдания людям во многих странах, особенно азиатским народам». Он назвал это «неопровержимыми историческими фактами» и принес свои «искренние извинения». Абэ полагает, что Японии следует «оставить позади эти ужасные страницы», что расценивается, как желание премьера пересмотреть оценку исторического прошлого страны.

Одно из первых официальных заявлений правительства Абэ касалось намерения пересмотреть так называемое «заявление Коно» от 4 августа 1993 г. Тогда генеральный секретарь кабинета министров Коно Ёхэй заявил, что японские военные «принуждали» к сексуальному рабству женщин с Корейского полуострова и из других мест и выразил по этому поводу «глубокое сожаление». Эти высказывания были сделаны на основании официального правительственного расследования вопроса о сексуальном рабстве. Японский парламент собрал большое число документальных свидетельств такого рабства, которое осуществлялось в рамках японской военной политики. МИД открыто признал, что «пункты отдыха» (эвфемизм, использовавшийся для смягчения реальных событий)

²⁶ <http://mail.yandex.ru/neo2/#message/2350000001128000642>

«действовали по запросу военных властей того периода... и женщины жили в нищете... в атмосфере принуждения»²⁷.

Абэ упорно отрицает эти факты, хотя признает, что вопрос о том, «правда это или нет», стал дипломатической проблемой в отношениях с Республикой Корея. Он хочет отказаться от «заявления Коно», что неизбежно осложнит двусторонние отношения, несмотря на то что у Японии и Республики Корея много общих интересов в сфере безопасности. При этом Вашингтон старается дать понять Токио, что любой отказ от прежних извинений за использование сексуальных рабынь в период Второй мировой войны лишь усугубит ситуацию.

В последнее время наблюдается не только обострение исторических и территориальных споров между Японией и Республикой Корея, но и конфликты во многих сферах двусторонних отношений, начиная с экономического сотрудничества. Такая ситуация вызывает озабоченность и даже раздражение у США, которые много сделали для сближения своих ключевых союзников в Восточной Азии и укрепления инфраструктуры трехстороннего военного стратегического сотрудничества²⁸.

Возможно, обострение отношений с Китаем и Южной Кореей не в последнюю очередь подтолкнуло Японию к попытке разыграть «северокорейскую карту», протупыванию почвы для возобновления диалога с Пхеньяном. Поводом для такого предположения послужила поездка в столицу КНДР советника при секретариате правительства Иидзума Исао. Япония озабочена тем, что оказывается как бы исключенной из числа активных участников решения северокорейской проблемы.

Вектор дипломатии на Юго-Восточную Азию

Первое зарубежное турне в качестве премьер-министра Абэ совершил по странам Юго-Восточной Азии. В преддверие этой поездки глава МИД Кисида и министр финансов Асо Таро посетили Мьянму, Филиппины, Сингапур и Бруней. Позже премьер, впервые за последние 36 лет, посетил Мьянму, пообещав списать ее долги на 2 млрд долл. и оказывать помощь в демократизации и экономическом развитии. Таким образом, за первые полгода пребывания у власти члены правительства посетили семь из десяти стран АСЕАН. В 2013 г. исполняется 40 лет дружбы и сотрудничества между Японией и странами АСЕАН. По мнению аналитиков, Абэ намерен укреплять там экономические и политические позиции Токио в противовес усиливающемуся влиянию Китая.

²⁷ The Japan Times. 10.02.2013.

²⁸ <http://www.ru.journal-neo/node/119738>

Как известно, именно Азию сделал главным направлением своей политики дед Абэ по материнской линии Киси Нобусукэ, возглавлявший правительство в 1957–1960 гг. Именно он в определенном смысле «помирил» Японию с Азией, за исключением стран «советского блока» и Республики Корея. В целом была решена проблема репараций и компенсаций по итогам Второй мировой войны и заложены основы дальнейшего, прежде всего, экономического сотрудничества с ними.

Визит Абэ в Юго-Восточную Азию вписывается в «стратегическую дипломатию», но на первый план выходят цели тактического характера. В частности, лидеры Японии и Вьетнама договорились укреплять двустороннее экономическое сотрудничество. «Токио и Ханой предстоит решать схожие проблемы в нашем регионе, потому мы должны укреплять партнерские отношения»²⁹, – отметил премьер. Он подтвердил желание японской стороны участвовать в ряде проектов во Вьетнаме, в частности в строительстве АЭС и разработке месторождений редкоземельных металлов. Японские компании, занимающиеся строительством объектов атомной энергетики, давно присматриваются к Вьетнаму. Токио готов также выделить Ханой кредиты на сумму до полумиллиарда долларов для обновления инфраструктуры.

Кроме того, Вьетнам и ряд других стран региона спорят с КНР о правах на ряд территорий в Южно-Китайском море. Премьер-министры Японии и Вьетнама заявили, что все споры и проблемы в любом регионе должны решаться путем мирных переговоров на основе международного права, и выступили против попыток насильственно изменить статус-кво в Южно-Китайском море. Одновременно Абэ отметил: «Японо-китайские отношения являются одними из важнейших двусторонних отношений для Японии. Мы будем продолжать развивать эти отношения спокойно и твердо, поддерживая и укрепляя связи с Китаем»³⁰. Видимо, не случайно территориальная тема затрагивалась во всех визитах.

Индонезия и Таиланд, по оценке экспертов, становятся все более важной инвестиционной базой для японских компаний, которые задумываются о переводе туда части мощностей из «неспокойного» Китая. Дело, конечно, не только в прямых потерях от волнений и погромов, но и в том, что производство в этой стране обходится все дороже из-за роста заработной платы местным работникам. Экономические отношения Китая и Японии связаны слишком тесно, чтобы подвергать их по-настоящему серьезным рискам. Наблюдающиеся в них проблемы имеют сугубо тактический характер. Япония может использовать создавшуюся

²⁹ ИТАР-ТАСС. 14.05.2013.

³⁰ <http://www.nippon.com/en/editor/f00016/>

ситуацию для диверсификации региональных бизнес-связей за счет других стран.

Премьер-министр Таиланда высоко оценила заинтересованность японского бизнеса в участии в инфраструктурных проектах, включая работы по предотвращению наводнений и строительство высокоскоростных железнодорожных линий. Она особо приветствовала партнерство с Японией в проекте развития особой экономической зоны Тавой в соседней Мьянме.

Визит Абэ в Индонезию, несмотря на сокращенный график из-за кризиса с заложниками в Алжире, важен тем, что здесь были озвучены «пять новых принципов японской дипломатии» в отношении АСЕАН, которые важны для японской политики в АТР в целом. Премьер-министр еще на пресс-конференции 11 января 2013 г., накануне турне, отметил, что «визит в страны АСЕАН будет исключительно важным. Я хочу изложить свои идеи относительно азиатской дипломатии»³¹.

Приведем эти принципы полностью. «Первый принцип – защищать свободу мысли, высказываний и слова в регионе, где встречаются Тихий и Индийский океаны. Это универсальные ценности, которые обрело человечество, и они должны полностью осуществляться. Второй – обеспечить, чтобы на морях, которые столь важны для всех нас, было обеспечено верховенство закона и правил, а не силы. Третий – обеспечение действия свободных, открытых, взаимосвязанных экономик как части японской дипломатии. Мы должны обеспечить сближение экономик с помощью торговых и инвестиционных потоков, с помощью движения людей и товаров. Усилия и вклад Японии в укрепление связей в Азии, такие, как строительство Южного экономического коридора в районе Меконга, начинают приносить реальные плоды в регионе... Четвертый принцип – развитие плодотворных культурных связей между народами Японии и этого региона, над этим я продолжу работать. Пятый и последний принцип – развитие обмена среди представителей молодого поколения, которые поведут наши страны в будущее»³².

Нынешние пять принципов Абэ в отношении стран АСЕАН можно рассматривать как продолжающуюся реализацию доктрины, предложенной в 1977 г. тогдашним премьер-министром Фукуда Такэо. Точнее, это была не «доктрина» в строгом смысле слова, а определение направлений азиатской политики либерал-демократов. Главным было обращение премьера к АСЕАН как организации, а не к отдельным странам, включавшее три позиции: 1. Япония никогда не будет военной державой; 2. Япония будет укреплять связи с АСЕАН на основе взаимопонимания

³¹ Там же

³² <http://www.nippon.com/en/editor/f00016/>

«от сердца к сердцу»; 3. Япония будет равноправным партнером для АСЕАН и ее членов. По мнению аналитиков, «такое развитие событий представляется благоприятным после того, как японская дипломатия ранее плыла по течению, особенно в течение трех лет, когда у власти находилась ДПЯ»³³.

Своим визитом Абэ обозначил дипломатическую ориентацию своей внешней политики, которая при сохранении верности японо-американскому союзу будет продвигать многостороннее сотрудничество, а также всемерно наполнять содержанием двусторонние отношения. Япония уделяет большое внимание странам АСЕАН, которые продолжают развиваться как центр роста и намерены создать Сообщество АСЕАН (ASEAN Community) к 2015 г. как базу регионального сотрудничества, поддерживать единство этой организации, работать со всеми входящими в нее странами, а также с Австралией для выстраивания системы отношений в Юго-Восточной Азии.

Некоторые зарубежные СМИ, в частности китайские и корейские, предположили, что первый визит премьер-министра именно в Юго-Восточную Азию является маневром, направленным на «сдерживание» Китая и затягивания сети вокруг него. Но Китай глубоко интегрирован в глобальную экономику, и является ключевым партнером для многих стран Восточной Азии и всего АТР. Поэтому «сдерживать» его невозможно, да это и не принесет никому выгоды. Скорее всего, на глобальной и региональной повестке дня стоит вопрос о том, какой создавать политический и экономический порядок, как его создавать и на каких принципах. Все заинтересованные страны должны участвовать в этом процессе.

Отношения Японии с Индией и Австралией в контексте американской политики «поворота в сторону Азии»

Американская политика «поворота в Азию» предусматривает новое видение географии региона, простирающегося вплоть до Индийского океана, включая прибрежные государства Южной Азии. Учитывая, что пути транспортировки энергоресурсов и коммерческих грузов проходят через Индийский океан и Малакский пролив по пути в Восточную Азию, тогдашний госсекретарь США Х. Клинтон в 2010 г. использовала понятие «Индостихоокеанский регион»³⁴.

Действительно, баланс сил здесь в дальнейшем будет определяться, в первую очередь, событиями в двух регионах: Восточная Азия и Индийский океан. Таким образом, Япония и Индия могут сыграть важную

³³ Там же

³⁴ Подробнее см. гл. 9 настоящей книги.

роль в укреплении мира и стабильности в Азии и помочь обеспечить безопасность жизненно важных морских коммуникаций в Индо-Тихоокеанском регионе. Две страны договорились развивать сотрудничество в оборонной и экономической сферах на основе Совместного заявления о развитии стратегического и глобального партнерства (2011 г.)³⁵.

Быстро растущие азиатские экономики связаны между собой морем, и «морские демократии», такие как Япония и Индия, заинтересованы в сотрудничестве ради построения стабильного порядка в Азии, основанного на общепризнанных правилах и нормах. Около 97% всего объема международной торговли Индии осуществляется по морю; в Японии этот показатель приближается к 100%. Поскольку обе страны бедны энергоресурсами и сильно зависят от импорта нефти из района Персидского залива, они серьезно озабочены любыми попытками взять под контроль (в своекорыстных целях) маршруты поставок энергоресурсов и транспортные пути. Соответственно, поддержание мира и законности на море, включая беспрепятственное и безопасное судоходство, является жизненно важным для их безопасности и экономического благополучия. Акцент на проблемах обороны, в частности, безопасности на море, связан с тревогой обоих партнеров в связи с территориальными претензиями Пекина в морской зоне около Китая и с развитием портов в Индийском океане – зоне влияния Индии, в том числе в Пакистане и Шри-Ланке.

Абэ еще во время первого премьерства уделял большое внимание двусторонним отношениям с Индией. Во время визита в Дели в 2007 г. он подписал «Совместное соглашение о планировании новых аспектов стратегического и глобального партнерства», содержащее «дорожную карту». Она охватывала такие сферы, как политическая безопасность, оборонное и экономическое сотрудничество, форум бизнес-элит, наука, техника, образование, культурные связи. Тогда же он выдвинул концепцию «Расширенной Азии» и выступал за укрепление отношений между Токио и Дели на основе стратегических интересов и общих демократических ценностей. Концепция предполагала широкое сотрудничество стран, связанных Тихим и Индийским океанами, когда оно выходит за географические границы. Ведущая роль в этом отводилась Японии и Индии³⁶. Аналитики оценивали концепцию Абэ как альянс демократий в противовес растущему могуществу и влиянию Китая в экономической и военной сферах³⁷.

В настоящее время уровень и активность индийско-японских контактов является беспрецедентным. Ежегодные встречи премьер-министров

стали традиционными. В ноябре 2012 г. премьер-министр Индии отложил запланированный визит в Японию, поскольку там предстояли всеобщие выборы, и совершил его в мае 2013 г. Несмотря на это, в запланированный срок было подписано чрезвычайно важное для Токио соглашение о поставке из Индии редкоземельных металлов, жизненно необходимых японской экономике. Индийские средства массовой информации позитивно оценили возвращение Абэ и его «креативную дипломатию»³⁸, считая, что она послужит на благо будущему индийско-японских отношений, поскольку страны «являются естественными партнерами в Азии»³⁹. Министр иностранных дел Индии заявил, что в его стране «хорошо помнят Абэ и воспринимают с большим энтузиазмом. Его возвращение к власти является мощным сигналом о том, что мы будем двигаться вперед быстрее и дальше, и наши отношения... еще более углубятся»⁴⁰.

Япония и Индия заинтересованы в укреплении своего пока еще очень недавнего стратегического сотрудничества, но для этого требуется тщательная и аккуратная подготовка, в первую очередь японского общественного мнения. Особенно это касается деликатной темы развития военных связей, поскольку Абэ уже в декабре 2012 г. заявил о намерении развивать сотрудничество в сфере безопасности с Индией и Австралией.

Австралия занимает важное место в тихоокеанской политике Японии. Не случайно в программу турне Кисида по странам АСЕАН входила встреча с его партнером из Австралии Б.Карром. Главы МИД подтвердили углубление двустороннего сотрудничества в сфере безопасности и других областях и согласились работать над заключением соглашения об экономическом партнерстве. Основой для нынешнего этапа сотрудничества Японии и Австралии являются общие политические ценности, власть закона, сильные рыночные экономики, открытая торговая политика, взаимодополняющие интересы в сфере политики и безопасности. Канберра и Токио активно взаимодействуют в развитии экономического сотрудничества в Тихоокеанском регионе, в частности, через форум АТЭС и другие региональные механизмы и институты. С точки зрения Канберры, углубление двусторонних отношений с Токио в сфере безопасности усилит региональную безопасность. В то же время Австралия разделяет опасения части японской общественности и озабоченности в регионе относительно того, как может происходить превращение Японии в «нормальную страну» и как это скажется на безопасности в регионе. Несмотря на всю значимость отношений с Японией, Австралия пони-

³⁵ Kyodo. 30.12.2011.

³⁶ <http://www.internationaldigest.org/2012/12/26/analysis-of-Shinzo-Abe-broader-Asia>

³⁷ <http://72.30.186.176/search/srpache?ei=YTF-8&p=Abe+Shinzo&fr...>

³⁸ Rising Powers Initiative-Sigur Center for Asian Studies. Policy Alert#52-May 30, 2013.

³⁹ <http://campaign.r20.cjstantcontact.com/render?11r=k61a8eab&v=0...>

⁴⁰ Daily Yomiuri. 28.03.2013/

мает и то, насколько ценны для нее динамичные экономические отношения с Китаем.

Подписав в 2007 г. «Совместное заявление о сотрудничестве в сфере безопасности», Австралия оказалась второй – после США – страной, с которой у Токио есть такое соглашение. Оно послужило прообразом «Совместной декларации о сотрудничестве в сфере безопасности» Японии и Индии, подписанной в 2008 г. Таким образом, можно предположить, что на пространстве Индо-Тихоокеанского региона возможно появление новой конфигурации системы обеспечения безопасности.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ СОВРЕМЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В БОЛЬШОЙ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ¹

Определенные события прошлого вспоминаются или забываются. Все зависит от того, что правительство и народ считают необходимым.

Хаясэ Синдзо, японский историк

Одной из особенностей отношений Японии со странами Большой Восточной Азии является то, что на их современное состояние существенное влияние оказывают исторические факторы – значительно большее, чем на отношения со странами Европы, Латинской Америки и, тем более, Африки. Для них и в XXI в. актуальны слова немецкого историка Э. Нольте о «прошлом, которое так и не прошло». Точнее, в данном случае речь идет о прошлом, наследие которого – чаще отрицательное, реже положительное – пытаются «активировать» различные политические и общественные силы как в самой Японии, так и за ее пределами.

Дискуссии об историческом факторе в современной политике Японии и ее соседей обычно сводятся к событиям войны на Тихом океане и предшествующего ей десятилетия, начиная с оккупации Маньчжурии осенью 1931 г. Они действительно играют большую роль в исторической памяти, но проблема ими не ограничивается. Более того, в отношениях Японии с каждым из азиатских соседей задействованы разные исторические реалии, а одни и те же события порой освещаются или действуют по-разному. Поэтому влияние исторических факторов на современные отношения Японии с восточноазиатскими странами удобнее рассматривать не хронологически или проблемно, а географически.

¹ Основное внимание в настоящей главе уделено работам японских авторов последних 15–20 лет. По соображениям объема пришлось отказаться от анализа влияния исторических факторов на отношения в сфере культуры. Материалы информационных агентств Киодо и ИТАР-ТАСС использованы без дополнительных ссылок.

Республика Корея и Корейская народно-демократическая республика

Казалось бы, отношения Японии с Республикой Корея (РК, Юг) и Корейской народно-демократической республикой (КНДР, Север) не могут иметь между собой ничего общего.

Республика Корея – стратегический союзник США (как и сама Япония) и стратегический партнер Японии в сфере обороны и безопасности. Несмотря на неизбежную конкуренцию, Сеул – важный экономический партнер Токио. Руководители стран и главы их внешнеполитических ведомств регулярно встречаются, в том числе в форматах «тройки» с участием США или КНР. Южнокорейская масс-культура популярна в Японии, пожалуй, больше, чем в какой-либо другой стране. В двусторонних отношениях имеется целый ряд неразрешенных проблем, в том числе исторического происхождения, включая территориальный спор за острова Лиянкур (они же Такэсима в Японии и Токто в Корее), но позитив, несомненно, перевешивает. Во всяком случае, мало кто в Японии считает Южную Корею врагом.

Ситуация с КНДР, на первый взгляд, полностью противоположная. Для большинства японцев, по крайней мере, хоть как-то интересующихся политикой, это несомненная «империя зла», непосредственно угрожающая их стране ракетами и, возможно, атомной бомбой, и вечная «страшилка» для СМИ, ретранслирующих каждое грозное заявление Пхеньяна и повторяющих каждый пугающий слух, каким бы нелепым он ни был. Между Японией и КНДР нет дипломатических отношений, а единичные контакты на правительственном или околоправительственном уровне (не говоря уже о высшем) становятся «новостью номер один» и предметом многочисленных комментариев. Между Токио и Пхеньяном практически нет экономических отношений: ввоз северокорейских товаров в Японию запрещен; вывоз японских товаров в КНДР и перевод денег туда жестко ограничены санкциями, которые с каждым ядерным испытанием или пуском ракеты на «Севере» становятся все строже. Да и память о японцах, похищенных северокорейскими спецслужбами в прошлом веке, заботливо поддерживается. Позитива тут нет – один негатив. Однако есть и общие черты.

Это прежде всего содержание и особенности исторической памяти, которую моделирует государственная политика как на Севере, так и на Юге. 40 лет японского колониального господства (де-факто 1905–1945 гг., де-юре 1910–1945 гг.) остаются для всего полуострова незаживающей раной². Точнее, раной, которой не дают затянуться, которую продолжает

² Нисиока Цутому. Никкан «фрэкиси мондай»-но дзидзидцу. (Правда о японо-корейских «исторических проблемах»). Токио. 2005.

беречь пропаганда обоих корейских государств для воздействия на Японию. Редкий случай, когда позиции Юга и Севера совпадают в главном. Это четко проявилось в 2010 г., когда Сеул и Пхеньян потребовали от японского правительства очередных извинений в связи со 100-летием официальной аннексии Кореи. Заявления Пхеньяна в Токио, по понятным причинам, проигнорировали, но позиция Сеула в некоторой степени была учтена при подготовке заявления тогдашнего премьер-министра Кан Наото по поводу печального юбилея.

Северокорейская пропаганда уделяет меньше внимания колониальному прошлому, больше – настоящему, где Япония выступает как ближайший союзник «американских империалистов» и их «сеульских маррионеток», которые только и делают что готовят агрессию против КНДР. Отсюда воинственные заявления Пхеньяна – которых японцы искренне боятся – о возможности нанесения ракетных ударов по американским базам на территории Японии (но не по военным объектам сил самообороны и, тем более, не по гражданскому населению). «Ужас не в том, что северные корейцы могут послать в нашу сторону ракету, – заметил в беседе с автором настоящей работы один японский аналитик, – а в том, что она может полететь куда угодно, и это непредсказуемо».

Вскоре после прихода к власти в 2009 г. Демократической партии Японии северокорейская пропаганда попыталась запустить «пробный шар» о возможности официальной нормализации отношений с Токио при условии получения многомиллиардной компенсации за годы колониального гнета. Это заявление, как и следовало ожидать, осталось без ответа.

Иными словами, требовать от Токио денег или уступок, ссылаясь на колониальное прошлое, Пхеньяну бесполезно. Зато использование этого фактора с целью «давить на жалость» части японского общественного мнения может иметь некоторый успех. В сегодняшней Японии многие осмеливаются открыто одобрять и, тем более, поддерживать политику Пхеньяна – как внешнюю, так и внутреннюю – ввиду ее крайней и вполне объяснимой непопулярности. Исключение составляют разве что «просеверная» Лига корейских граждан, проживающих в Японии (Чхонрён), и некоторые радикальные «леваки». Однако гораздо большее количество японцев – в основном «левых», ориентирующихся на коммунистов и социал-демократов, – выступает против жесткого курса в отношении КНДР, отделяя «режим» от «народа», против санкций и осуждающих заявлений, ссылаясь на то, что Северная Корея имеет право «жить как хочет», а ее апологеты, в том числе в Японии, имеют право высказывать свою точку зрения в рамках действующего законодательства.

В подтексте этого – колониальное «наследие мрачных времен», стыдиться которого требует сильная в японском обществе «политкор-

ректность». Открыто одобрять аннексию Кореи в современной Японии могут позволить себе только ультраправые радикалы. Для публичной персоны подобное заявление равносильно политическому самоубийству. Консерваторы ограничиваются витиеватыми речами по принципу «не все было так плохо» и напоминаниями о вкладе Японии в материальное развитие Корейского полуострова³, однако и это вызывает недовольство леволиберального мейнстрима, влияние которого, особенно в общенациональных СМИ и сфере образования, весьма велико и очень заметно.

В отношениях с РК важен как раз фактор колониального прошлого, потому что в настоящем между Токио и Сеулом нет никакого *реально-го* политического антагонизма, но есть понимание общих стратегических и тактических интересов в сферах как обороны и безопасности в регионе, так и экономики. Несмотря на периодический обмен резкими официальными и особенно неофициальными заявлениями, проблема островов Лиянкур не сравнима с проблемой Сэнкаку/Дяоюйдао – источником действительно серьезных трений с Китаем. Южная Корея полностью контролирует острова Лиянкур и прилегающие к ним территориальные воды, так что никаким японским кораблям туда не зайти. В отличие от китайцев, японцы – ни неофициально, ни тем более официально – не решаются ни на какие активные действия в отношении этих островов, а будут ограничиваться петициями и митингами, которые, как показала практика, не оказывают на Сеул никакого воздействия.

В настоящем между Японией и РК не существует иных проблем, которые нельзя было бы решить «в рабочем порядке». Более того, возникновение подобных проблем крайне невыгодно США, поскольку стратегическое партнерство Вашингтон-Токио-Сеул остается гарантией если не всеобщей безопасности в регионе, то, как минимум, мирного статус-кво, в поддержании которого заинтересовано большинство его стран, включая Россию. Однако Южной Корее нужен не только рычаг для возможного влияния на Японию, но и средство внутривнутриполитической «национальной мобилизации». Для этой цели «образ врага» по-прежнему работает.

Не все японцы видят в Южной Корее друга и союзника, но едва ли кто-то считает ее – в отличие от Северной – врагом. А если считает, то никогда в этом не признается, по крайней мере, публично. Этнически

³ Наиболее радикальные работы в этом ключе написаны не-японцами: Чхве Ги Хо (яп. *Тэ Кихо*): 1) Никкан хэйго-но дзидзицу. (Правда о японо-корейском объединении). Токио, 2003; 2) Никкан хэйго. Рэкиси сайкэнсё. (Японо-корейское объединение. Пересмотр истории). Токио, 2007; Хуан Вэнь-сюн (яп. *Ко Бунъю*). 1) Канкоку ва нихондзин га цукутта. (Японцы создали Корею). Токио, 2012 (впервые: 2005); 2) Канкокудзин-ни осизтай Нихон то Канкоку-но хонто-но рэкиси. (Подлинная история Японии и Кореи, которую я хочу рассказать корейцам). Токио, 2013. Первый автор – кореец, второй – тайванец.

окрашенные антикорейские высказывания в сегодняшней Японии будут восприняты примерно так же, как юдофобские – в Германии. Вместе с тем японофобия в Южной Корее – в форме памяти о колониальном прошлом по принципу «не забудем, не простим» – не просто является политически корректной, но входит в канон государственной исторической политики и политики памяти. Цели поддержания памяти о «вине» и «зверствах» Японии служат многочисленные мемориалы и «музеи японской оккупации», книги и кинофильмы, научные труды и популярные брошюры. По большей части это предназначено для «внутреннего употребления», хотя иностранных туристов не проведут мимо таких мемориалов, а государственные и частные структуры охотно поддерживают изучение иностранными учеными «японской экспансии» или «антиколониальной борьбы». Такая политика легко объяснима, однако препятствует объективному и всестороннему исследованию колониального периода корейской истории в РК и не способствует этому за рубежом. Табуированными остаются и связанные с ним темы, вроде службы корейцев в колониальной администрации или в японской императорской армии.

Демонстративное открытие в 2011 г. напротив японского посольства в Сеуле памятника «женщинам комфорта» (корейкам, вынужденным сексуально ублажать японских солдат в борделях при воинских частях, – большая для обеих стран тема, продолжающая оставаться предметом историографических и юридических споров⁴) вызвало официальный, но безрезультатный протест Токио, поскольку эта частная инициатива не противоречит южнокорейским законам, а «власть употребить» правительство РК не пожелало. Бывший в то время премьер-министром Нода Ёсихико сделал несколько резких, по японским понятиям, заявлений о том, что «проблема закрыта», вызвав недовольное ворчание местных «левых». Его преемник Абэ Синдзо вскоре после вступления в должность в конце декабря 2012 г. и вовсе дал понять, что Токио может пересмотреть свое официальное заявление 1993 г. относительно «женщин комфорта», выдержанное в компромиссно-извиняющихся тонах. Ну а сделанное в мае 2013 г. заявление лидера Партии возрождения Японии Хасимото Тору о том, что японским солдатам «надо было как-то отдыхать после тяжелых боев» и что аналогичные публичные дома имелись при многих армиях мира, вызвало бурю негодования не только на Корейском полуострове.

⁴ Ёсими Ёсиаки: 1) Дзюгун ианфу. (Армейские «женщины комфорта»). Токио, 1995; 2) Нихонгун ианфу сэйдо то ва нани ка. (Что такое система «женщин комфорта» японской армии). Токио, 2010; Онума Ясуаки. Ианфу мондай то ва нани датта но ка? (Что такое проблема «женщин комфорта»). Токио, 2007; Нисиока Цutomу. Ёку вакару ианфу мондай. (Проблема «женщин комфорта» в общедоступном изложении). Токио, 2007, 2012.

Словом, «трогать» Южную Корею в силу действия исторических факторов японским политикам противопоказано, но можно вволю критиковать Северную – в силу действия факторов и призраков настоящего. Хотя последние заявления и действия администрации Абэ, включая визит советника премьер-министра Исидзима Исао в Пхеньян в мае 2013 г., могут стать началом нового этапа двусторонних контактов.

Китайская народная республика

Основными болевыми точками исторического происхождения в отношениях между Токио и Пекином остаются война Японии в Китае в 1937–1945 гг. (про оккупацию Маньчжурии в 1931 г. и создание годом позже марионеточного государства Маньчжоу-го в Китае вспоминают реже), с акцентированием внимания на «нанкинской резне» декабря 1937 г., и спор о территориальной принадлежности островов Сэнкаку/Дяоюйдао. Если первая проблема возникает в основном в связи с памятью о прошлом, то вторая является причиной нынешнего политического конфликта между странами, который впрочем, вопреки мнению «алармистов», не перерастет в военный и не чреват разрывом двусторонних отношений.

Как и в обоих корейских государствах, в КНР японофобия, основанная на памяти о событиях прошлого, входит в официальный идеологический канон и в политику памяти, материально отражаясь в учебниках, научной и популярной литературе, фильмах, памятниках и музейных экспозициях, которые являются объектом государственного контроля⁵. Главные темы – борьба китайских патриотов (не только коммунистов, но и Гоминьдана) против японских агрессоров и «зверства» последних, символом которых стала «нанкинская резня». Пишущий эти строки ранее подробно рассмотрел споры вокруг нее, значение которых выходит далеко за пределы историографии⁶. Невозможность примирить позиции сторон по данному вопросу стала одним из главных камней преткновения в работе японо-китайской комиссии историков, созданной по договоренности глав правительств двух стран, при том что Токио делегировал туда не ревизионистов, а представителей умеренно-консервативного академического мейнстрима. Для нашей темы важно,

⁵ В этой связи отмечу работы иностранных авторов, выступающих как сторонние наблюдатели, в сборнике: (Ed.) *Caroline Rose. Sino-Japanese Relations. History, Politics, Economy and Security. Vol. II. History Revisited*. London, 2011: 1) *James Reilly. China's History Activism and Sino-Japanese Relations*; 2) *Parks M. Coble. China's "New Remembering" of the Anti-Japanese War of Resistance, 1937–1945*; 3) *Rana Mitter. Behind the Scenes at Museum*.

⁶ «Нанкинская резня» и послевоенная Япония // *Молодяков В. Э. Япония в меняющемся мире. Идеология. История. Имидж*. М., 2011.

что периодическая актуализация «нанкинской резни», которую все чаще многозначительно называют «забытым холокостом», имеет не только идеологический, но и прагматический характер в связи с современными проблемами и реалиями.

Память о событиях минувшей войны также актуализирована в регулярных протестах официальных лиц КНР и Республики Корея против визитов японских депутатов и членов правительства в синтоистский храм Ясукуни, в котором почитаются все павшие за страну и императора, начиная с периода *бакумацу* (1854–1868 гг.) и заканчивая Второй мировой войной. Во многих странах этот храм считается символом японского милитаризма, а его посещение – публичным одобрением агрессии; такой же позиции до сих пор придерживаются многие японские «левые». Данная проблема исследована в отечественной науке⁷, что избавляет от необходимости подробно говорить о ней. Сказанное можно отнести и к «проблеме учебников истории» – официальным протестам (не говоря о неофициальных) Пекина и Сеула против «неверного», с их точки зрения, освещения событий прошлого, прежде всего 1930–1940-х годов, в некоторых японских учебниках, допущенных Министерством образования к использованию в школах⁸. Предметом официальных протестов КНР и РК также становятся высказывания отдельных японских политиков о событиях прошлого, содержание которых идет вразрез с идеологическим канонизмом этих стран.

Спор вокруг территориальной принадлежности островов Сэнкаку, которые контролирует Япония и на которые претендуют КНР и, скорее формально, Тайвань (Китайская республика), напротив, имеет сугубо актуальный характер, хотя и здесь присутствует исторический фактор⁹. Указания на то, кому и когда принадлежали острова, встречаются в аргументах обеих сторон, чаще в китайских, хотя в обоих случаях ссылки на события прошлого выглядят как ритуальные заклинания. Важно другое – современное положение дел. Япония не просто считает острова своей территорией, но контролирует их. США подтвердили, что действие «договора безопасности» распространяется на Сэнкаку, т. е. они помогут Японии защитить их от любого посягательства со стороны «третьих стран». В то же время китайские военные корабли и рыболо-

⁷ *Молодякова Э. В.* Проблема святилища Ясукуни // *Синто: память культуры и живая вера*. М., 2012.

⁸ Между гордостью и стыдом: восприятие национальной истории // *Молодяков В. Э.* Япония в меняющемся мире. Идеология. История. Имидж. М., 2011.

⁹ Из книг, появившихся после нового обострения ситуации весной 2012 г., отмечу: *Тоёсита Нарахико*. «Сэнкаку мондай» то ва нани ка. (Что такое «проблема Сэнкаку»). Токио, 2012; *Магосаки Укэру*. Кэнсё. Сэнкаку мондай. (Анализ проблемы Сэнкаку). Токио, 2012; *Ябуки Сусуму*. Сэнкаку мондай-но какусин. (Суть проблемы Сэнкаку). Токио, 2013.

вещки суда продолжают регулярно заходить в воды вокруг островов, проверяя не столько прочность японской обороны, сколько политическое терпение Токио.

Считая Сэнкаку своей территорией, Япония не признает существование территориального спора с Китаем и не видит в этом предмета для переговоров, о чем премьер-министр Абэ заявил уже на одной из первых пресс-конференций после вступления в должность. Формулировка официальной позиции Китая звучит столь же решительно. Проблема заключается лишь в том, сможет ли Япония удержать острова – или Китай отберет их силой. Попытки Пекина решить проблему силовым путем встретят силовое же противодействие Токио и Вашингтона. В случае начала военных действий Китай не сможет рассчитывать ни на чью поддержку – ни военную, ни политическую, ни экономическую – разве что со стороны Северной Кореи. Так что кампания будет проиграна еще до ее начала.

Китайская пропаганда придумала остроумный «асимметричный ответ» на позицию Токио в отношении Сэнкаку с использованием исторического фактора: поставила под сомнение – правда, полуофициально – законность принадлежности Японии архипелага Окинава и островов Рюкю. Королевство Рюкю, которое в 1879 г. окончательно вошло в состав Японии, в средние века платило дань Китаю, но признавало своим сюзереном не его, а княжество Сацума на острове Кюсю. Существующая сегодня Партия независимости Рюкю является маргинальной организацией, не пользующейся популярностью даже на Окинаве¹⁰, так что всерьез рассчитывать на разыгрывание сепаратистской карты Пекину не приходится, хотя в Японии эти претензии вызвали к жизни ряд алармистских публикаций¹¹. Это еще один пример того, как исторические призраки прошлого могут быть использованы для решения – или, напротив, провоцирования – проблем настоящего.

Тайвань (Китайская республика)

Совершенно другая ситуация сложилась на Тайване, где полувековой период японского колониального господства (1895–1945 гг.) все чаще оценивают позитивно. Трудно оспорить тот факт, что японцы заложили основу для его послевоенного «экономического чуда». Именно в колониальный период были созданы не только инфраструктура Тайваня,

но системы здравоохранения и образования, радикально изменившие жизнь многих поколений тайваньцев¹².

В годы пребывания у власти на Тайване партии Гоминьдан позитивно оценивать японскую колониальную политику было не принято, поскольку противоборство с Японией было одной из основ политики и идеологии режима Чан Кайши в «континентальный» период, хотя в «островной» период этот же режим использовал многое из опыта своих предшественников. Послевоенные реалии, прежде всего отношения обеих стран с США и появление КНР, делали Токио и Тайбэй если не прямыми союзниками, то стратегическими партнерами. Китайская республика была одной из первых стран, с которыми Япония установила дипломатические отношения после восстановления государственного суверенитета в 1952 г. и в дополнение к Сан-Францисскому мирному договору заключила двусторонний договор. Это было сделано по настоянию США и несмотря на противодействие «прокитайского» лобби в самой Японии. Первым послом в Тайбэй был назначен дипломат-ветеран Ёсидзава Кэнкити, бывший посланник в Китае в 1920-е годы и министр иностранных дел в 1931–1932 гг., что было призвано подчеркнуть особую важность, которую в Токио придавали отношениям с Тайванем. Другим знаковым событием стал официальный визит в Тайбэй в июне 1957 г. премьер-министра Киси Нобусукэ. Бывший «экономический диктатор» Маньчжоу-го, бывший член «военного кабинета» Тодзио и бывший «военный преступник», Киси встретился с Чан Кайши как с союзником и едва ли не другом, поскольку оба были одинаково озабочены проблемами азиатского сотрудничества и противостоянием коммунистической экспансии. На консервативном фланге японской политики появилось антикоммунистическое и антикитайское «тайваньское лобби»¹³, которое с течением времени утратило идеологизированность и трансформировалось в существующую ныне «группу поддержки» отношений с Тайбэем.

Посещавшие послевоенный Тайвань удивлялись доброжелательному отношению местного населения к японцам, особенно по контрасту с

¹² Замечу, что большая часть книг на эту тему написана не академическими учеными: Нихондзин, Тайван-о хираку. (Японцы, осваивавшие Тайвань). Токио, 2013; *Сакано Нарутака*. Нихон тоти дзидай-но Тайван. (Тайвань под японским управлением). Токио, 2012; *Катакура Ёсифуми*. Тайван-ни икитэ иру Нихон. (Живая Япония на Тайване). Токио, 2009. Наиболее апологетические работы принадлежат *Ко Бунъю*: 1) Тайван ва нихондзин га цукутта. (Японцы создали Тайвань). Токио, 2001; 2) Тайван ва Нихон-но сёкуминти дэ ва накатта. (Тайвань не был японской колонией). Токио, 2005.

¹³ *Кая Окинори*. Сэндзэн сэнго хатидзюнэн. (Восемьдесят довоенных и послевоенных лет). Токио, 1976. С. 337–354; *Wakamiya Yoshihumi*. The Postwar Conservative View of Asia. How the Political Right Has Delayed Japan's Coming to Terms With its History of Aggression in Asia. Tokyo, 1998. P. 125–138.

¹⁰ <http://www.bekkoame.ne.jp/i/a-001/index.html>

¹¹ *Ко Бунъю*. Тюгоку га Окинава-о эру хи. (День, когда Китай захватит Окинаву). Токио, 2011; *Мэзүми Рюносукэ*. Окинава га Тюгоку-ни нару хи. (День, когда Окинава станет китайской). Токио, 2013.

Кореей, хотя в обеих странах интенсивно проводилась политика «деколонизации». Если высказывать откровенно прояпонские настроения, в связи с событиями прошлого, в период правления Чан Кайши и Цзян Цзингю было «неполиткорректно», то и формирование антияпонских настроений не входило в государственный идеологический канон, как это делалось в КНР и в обоих корейских государствах. Более того, немалая часть тайваньцев воспринимала гоминьдановский режим, жестоко подавивший восстание 28 февраля 1947 г., не как «освободителей от японского ига», но как «еще одних колонизаторов», особенно после оставления им континентального Китая осенью 1949 г. и введения на острове военного положения в 1950 г., отмененного только 15 июля 1987 г. Ситуацию усугубил контраст с уходом японских войск и администрации с острова осенью 1945 г., который прошел без каких-либо эксцессов, не говоря о вооруженной борьбе, как в Маньчжурии или на Корейском полуострове. От новых хозяев многих тайваньцев оттолкнули такие факторы, как высокомерное отношение к ним как к «японским пособникам», нуждающимся в «перевоспитании» с целью «искоренения рабской морали», коррупция новой администрации, забравшей власть и собственность у японцев, но не поделившей с местным населением, и даже насаждение «пекинского» китайского языка, практически не известного на острове, с запретом на употребление японского языка, с которым на протяжении нескольких десятилетий ассоциировались образование и возможность карьеры¹⁴.

Приход на президентский пост первого тайваньца Ли Дэньхуэя в 1988 г. ознаменовался началом не только внутривосточной демократизации, но и политики «тайванизации». «Тайванецентричный» президент поставил под сомнение совместимость и, тем более, тождественность тайваньской и китайской самоидентификации – одну из идеологических основ внутренней политики Гоминьдана на протяжении всего послевоенного периода. Получивший образование в Японии и успевший послужить в императорской армии в конце войны, Ли Дэньхуэя известен симпатиями к этой стране, которую неоднократно посещал в частном порядке и где он хорошо известен. На Тайване его позицию многие считают «прояпонской», поскольку он, в частности, выступает против претензий на острова Сэнкаку и называет их «японской территорией»¹⁵. К Ли Дэньхуэю был близок по взглядам его преемник-демократ Чэн Шуйбянь, в то время как нынешний президент-гоминьдановец Ма Инцзю считается

настроенным относительно «антияпонски», в том числе из-за резких высказываний по поводу преступлений японской армии в Китае и призывов «простить, но не забыть» события прошлого.

Отсутствие официальных дипломатических отношений не мешает Японии поддерживать с Тайванем не только экономическое, научное и культурное, но и политическое сотрудничество по ряду направлений. Этим занимаются в основном парламентарии, общественные деятели и ученые, не связанные формальностями дипломатического протокола, а их статус позволяет официальному Токио игнорировать периодические протесты Пекина (например, по поводу выдачи въездной визы Ли Дэньхуэю в 2007 г.). Перспективным направлением научного сотрудничества двух стран является совместное изучение колониального прошлого Тайваня, положительные стороны которого персонифицируются в деятельности выдающегося государственного деятеля Гото Симпэй, гражданского губернатора острова в 1898–1906 гг. На Тайване колониальный период все чаще рассматривают в контексте модернизации и в связи с послевоенным развитием. В научном мире самой Японии данная проблематика, наконец, реабилитирована и стала «легитимной» темой академических исследований, свободных от идеологически-мотивированного осуждения колониализма, характерного для большей части послевоенного периода¹⁶. Так что в данном случае исторические факторы оказывают положительное воздействие на современные двусторонние отношения.

Индия

Японо-индийские отношения несоизмеримы по масштабу с японо-китайскими, однако лишены присущего им драматизма и могут быть охарактеризованы как гармоничные. Пиетет по отношению к древней индийской цивилизации и ее богатой культуре является важным компонентом восприятия этой страны в Японии. Впрочем, японцы считают Индию страной не только великого прошлого, но и великого будущего, перспективным направлением сотрудничества во многих сферах.

В современных японо-индийских отношениях исторический фактор является второстепенным, однако играет положительную роль. Как ни странно, речь идет не о восприятии Индии как родины буддизма – одной из главных религий Японии, несмотря на давнюю научную традицию индологии и буддологии. Японский буддизм был исторически связан с китайским и, можно сказать, детерминирован им; священные тексты,

¹⁴ Huang Chin-Huei. The Transformation of Taiwanese Attitudes toward Japan in the Post-colonial Period // (Ed.) Li Narangoa & Robert Cribb. Imperial Japan and National Identities in Asia, 1895–1945. London, 2003.

¹⁵ Ли Дэньхуэя (яп. *Ли Токи*): 1) Нихонкоку-э-но мэссэджи. (Послание к Японии). Токио, 2007; 2) Ниттай-но «кокорото кокорото-но мусуби». (Японо-тайваньская «сердечная связь»). Токио, 2012.

¹⁶ С 2009 г. в университете Васэда функционирует Институт по изучению Тайваня // <http://www.waseda.jp/prj-taiwan>. С 2012 г. в университете Такусёку. осуществляется международный проект, посвященный истории Тайваня в колониальный период.

написанные на санскрите и пали, японцы прочитали в китайских переводах и с китайскими толкованиями.

В случае Индии действующий исторический фактор также связан с событиями Второй мировой войны – с созданием Индийской национальной армии (ИНА) и правительства «Свободной Индии» в изгнании во главе с *нетаджи* Субхасом Чандра Босом, лидером радикального крыла Индийского национального конгресса. Победа Японии над Россией в 1905 г. придала мощный импульс «пробуждению Азии», включая национальное и антиколониальное движение в Британской Индии. Уже в 1900-е годы японские националистические организации оказывали помощь азиатским борцам против «белого империализма» и даже представляли им убежище в Японии при явном попустительстве властей¹⁷. По мере усиления японо-английских противоречий в межвоенный период в Японии росло число желающих разыграть «индийскую карту» против Лондона. Апогеем этого стала поддержка, которую Токио и Берлин оказали Субхасу Чандра Босу и его единомышленникам в годы Второй мировой войны.

Расчет стран «оси» на то, что на территории Индии бойцов Индийской национальной армии встретят как освободителей от британского колониального господства, – провалился. ИНА не удалось «освободить» никакую часть материковой Индии, поэтому правительству в изгнании пришлось расположиться в Сингапуре. Невысокими оказались и боевые качества ИНА, однако назвать ее «марионеточной» или «коллорационистской» нельзя, поскольку большинство ее волонтеров руководствовалось идейными патриотическими соображениями. После войны многие из них приняли участие в движении за независимость Индии, формальное провозглашение которой – под эгидой японцев – в 1943 г. не было признано Великобританией, но полностью игнорировать его было уже невозможно.

Значение опыта ИНА и «братства по оружию» с японцами в годы войны на Тихом океане не следует преувеличивать, однако это сыграло положительную роль на начальном этапе японо-индийских межгосударственных отношений, в том числе в деле создания позитивного психологического климата силами участников событий. Бывший противником Боса и принявший в годы войны сторону «союзников», Дж. Неру в октябре 1957 г. посетил Японию с официальным визитом, итогом которого стала двусторонняя декларация о солидарности азиатских стран.

¹⁷ *Накадзима Такэси*. «Накамурая»-но Босу. Индо докуруицу ундо то киндай Нихон-но адзисаюги. (Бос из «Накамурая»). Движение за независимость Индии и японский паназиатизм нового времени). Токио, 2005; 2012. Герой этой книги – индийский революционер Радж Бехари Бос, эмигрировавший в Японию, был однофамильцем *нетаджи* Боса.

Несмотря на то, что это была лишь декларация, «визит Неру оказал серьезную моральную поддержку усилиям японской дипломатии по поискам новой роли в Азии, ее попыткам гармонизировать свои интересы в Азии с тесными отношениями с США»¹⁸. Истории ИНА и жизни ее вождя посвящено немало работ японских авторов или переведенных на японский язык, которые увидели свет в 1960–1990-е годы (отметим, что в эти же годы в Индии вышло много книг о Японии и об отношениях с ней), однако в последнее время к ним прибавилось мало нового¹⁹. Сейчас опыт ИНА воспринимается скорее как «исторический миф», что можно видеть, например, в известном японском фильме «Пурайдо» («Гордость», 1998), но и это подчеркивает позитивный характер влияния исторического фактора на отношения между Токио и Дели.

Страны Юго-Восточной Азии

Воздействие событий прошлого на послевоенные отношения Японии со странами Юго-Восточной Азии шло скорее по «индийскому», нежели по «китайскому» или «корейскому» сценарию. Провозглашение независимости завоеванных или оккупированных азиатских стран: «Вторая Филиппинская республика» (1943–1945 гг.)²⁰, «Государство Бирма» (1943–1945 гг.)²¹, «Вьетнамская империя», «Государство Лаос» и «Королевство Кампучия» (1945 г.) – можно назвать успешной пропагандистской стратагемой даже с учетом марионеточного характера их правительств, не признанных «союзниками». Полученная от японцев «независимость» была аннулирована, однако не считаться с ростом национально-освободительного движения победители не могли. Одни предоставили ее без особых колебаний, как США – Филиппинам, другие после поражения в вооруженной борьбе, как Франция – Индокитаю, превратившемуся в три отдельных государства.

По-разному сложились и послевоенные судьбы национальных лидеров, добровольно или вынужденно сотрудничавших с оккупантами. Отрешенный от власти Хосе Лаурель провел некоторое время в тюрьме, но затем принимал участие в послевоенном развитии отношений Филиппин с США и Японией и официально считается третьим президентом этой страны. Бирманский лидер Ба Мо (с которым сотрудничал

¹⁸ История Японии. Т. II. М., 1998. С. 571.

¹⁹ *Хара Каё*. Индо-но докуруицу сиси то нихондзин. (Борцы за независимость Индии и японцы). Токио, 2003.

²⁰ *Икэхата Сэцухо*. Нихон сэнрёка-но Фирипин. (Филиппины под японской оккупацией). Токио, 1996.

²¹ *Такэсима Ёсинари*. Нихон сэнрё то Бирума миндзоку ундо. (Японская оккупация и бирманское национальное движение). Токио, 2003.

Аун Сан – отец очень популярной в Японии Аун Сан Су Чжи) много лет находился в заключении и был полностью исключен из политики. Вьетнамский император Бао Дай и лаосский король Сусаванг Вонг так и остались французскими марионетками, лишёнными реальной власти; первый вскоре оказался в эмиграции, второй провёл на престоле более полувека. Наконец, камбоджийский король Нородом Сианук стал самым выдающимся деятелем своей страны в XX веке.

Оккупация Голландской Индии не сопровождалась кровопролитными боями, но была сопряжена со многими лишениями для местного населения. Японцы не успели предоставить ей формальную независимость, хотя обещали сделать это и контактировали с индонезийским национально-освободительным движением²². Его лидер Ахмад Сукарно, сотрудничавший с японцами, но преследовавший свои цели, провозгласил независимость Индонезии 17 августа 1945 г., через два дня после заявления Японии о выходе из войны, но и эта декларация не была признана «союзниками». Некоторое количество японских военнослужащих, оставшихся на архипелаге, примкнуло к движению за независимость²³.

К началу войны на Тихом океане Таиланд был единственной независимой страной Азии к югу от Японии. Не покушаясь на его независимость, японцы превратили королевство в своего сателлита. В обмен на помощь в войне против Франции в 1940–1941 гг. Таиланд допустил японские войска на свою территорию, объявил войну США и Великобритании и принял участие в боевых действиях на стороне Японии. Обратившееся к «союзникам» с просьбой о мире только 19 августа 1945 г., правительство сумело вывести Таиланд из войны с минимальными потерями, сохранив преэминентность государственной власти, хотя ему пришлось отказаться от территорий, захваченных с японской помощью у Французского Индокитая и Британской Малайи, и выплатить контрибуцию Англии.

Позднейшая история этой страны знала отдельные проявления антияпонских настроений (например, выступления во время визита туда премьер-министра Танака Какуэй в 1974 г), но это скорее связано с попыткой изжить воспоминания об участии в войне на «неправильной» стороне. «Рядовой тайлонец не знает, что в годы войны его страна была

союзницей Японии. Многие вообще уверены, что Япония их оккупировала»²⁴. В новом тысячелетии японо-тайландские отношения отмечены несомненной взаимной симпатией, в которой аналитики отмечают воздействие «монархического» и «буддийского» факторов.

Опыт войны и оккупации в настоящее время не оказывает заметного негативного влияния на отношения Японии с Малайзией и Сингапуром, хотя влиятельная в этих странах китайская диаспора, пострадавшая от оккупантов, после получения ими независимости приложила немалые усилия к тому, чтобы придать местной политике памяти анти-японский характер. Однако действовали и другие факторы. До того как предоставить независимость этим странам, Великобритания в 1950-е годы приложила усилия к примирению с Японией, в которой после войны видела союзника, а не конкурента и, тем более, врага²⁵. Затем новые национальные элиты, персонификацией которых стали популярные в Японии Ли Куан Ю и Мохамед Махатхир, изучали и успешно заимствовали японский опыт модернизации. Разумеется, на положительный имидж Токио в Юго-Восточной Азии работает и официальная помощь развитию.

Влияние исторического фактора в отношениях Японии со странами Юго-Восточной Азии заметно и в том, кто с японской стороны занимался их послевоенной нормализацией. Особую роль сыграли те, кто в годы войны или до нее жил в этих странах и знал их реалии, а в ряде случаев – по долгу службы или по личной инициативе – поддерживал местные национально-освободительные движения. Многие из них, особенно бывшие военные, оказались не у дел в послевоенной Японии и были вынуждены искать новое поприще для применения своих сил. Вряд ли случайно ключевой фигурой этого процесса стал Киси Нобусукэ, возглавлявший японское правительство в 1957–1960 гг.

Технократ довоенного времени, объявленный «военным преступником», но так и не преданный суду, Киси по окончании оккупации сделал блестящую карьеру, став в 1955 г. генеральным секретарем Либерально-демократической партии, затем министром иностранных дел и премьером. В мае и ноябре 1957 г. он совершил два турне по Азии, посетив сначала Индию, Пакистан, Цейлон (Шри Ланка), Таиланд и Тайвань, затем – после визита в Вашингтон – Южный Вьетнам, Камбоджу, Лаос, Малайзию, Сингапур, Индонезию, Австралию, Новую Зеландию и Филиппины. Итогом стали предусмотренные Сан-Францисским мирным

²² Акцент на этом сделан в работах *Гото Кэнъити*: 1) Сёваки Нихон то Индонэсиа. (Япония и Индонезия в период Сёва). Токио, 1986 (перевод: Ken'ichi Goto. "Returning to Asia": Japan-Indonesia Relations, 1930s–1942. Tokyo, 1997); 2) Нихон сэнрёки Индонэсиа кэнкю. (Исследование Индонезии периода японской оккупации). Токио, 1989.

²³ *Хаяси Акиаки*. Тобу Дзява-но Нихондзин бутай. (Японские войска на Восточной Яве), Токио, 2009. Свидетельства участников событий: (Ed.) Anthony Reid & Oki Akira. The Japanese Experience in Indonesia: Selected Memoirs of 1942–1945. Athens, 1986; (Ed.) Remco Raben. Representing the Japanese Occupation of Indonesia: Personal Testimonies and Public Images in Indonesia, Japan, and the Netherlands. <The Hague, > 2000.

²⁴ *Shinzo Hayase*. A Walk Through War Memories in Southeast Asia. Quezon city, 2010. P. 115. Вышедшая впервые по-японски в 2007 г., эта книга содержит интересные наблюдения об историческом факторе в отношениях Таиланда и Японии.

²⁵ *Junko Tomaru*. The Postwar Rapprochement of Malaya and Japan, 1945–1961. Oxford, 2000. В этой работе (гл. 6) особо отмечена роль Н. Киси.

договором репарационные соглашения с Бирмой, Филиппинами, Индонезией и Южным Вьетнамом, которые обошлись Японии более чем в 1 млрд. долларов по тогдашнему курсу; еще 700 млн. долларов были обещаны в качестве частных займов и инвестиций. Основная часть была «уплачена» технологиями, средствами производства, товарами и услугами, которые могла предложить Япония и в которых так нуждалась другая сторона. «В этом был важный психологический момент «личного» участия Японии и японцев в реконструкции тех стран, куда полтора десятилетия назад они пришли с оружием. <...> Киси приносил извинения за содеянное в годы войны и возлагал венки к памятникам погибшим, но прежде всего призывал забыть старое и открыть новую эру экономического и политического сотрудничества. <...> Беспрецедентная в тогдашней истории Японии акция не только принесла конкретные политические результаты в виде деклараций, соглашений, договоров и т. д., но изменила образ Японии к лучшему даже в таких странах, как Филиппины²⁶ и Австралия, где японофобские настроения со времен войны были особенно сильными»²⁷. Из некоммунистических стран Азии Киси не смог нормализовать отношения только с Республикой Корея; в 1965 г. дело завершил его ближайший политический союзник Сиина Эцусабура, занимавший пост министра иностранных дел.

Несмотря на опыт оккупации в годы войны на Тихом океане и союза с США в годы «холодной войны», в последние десятилетия успешно развивается сотрудничество между Японией и Вьетнамом (о периоде Южного Вьетнама уже мало кто вспоминает)²⁸. Пока не вполне понятно влияние исторического фактора на заметно активизировавшиеся в последние годы отношения Японии и Мьянмы (Бирмы), в историческом опыте которой сочетались кровопролитные бои времен Второй мировой войны, лишения, связанные с оккупацией и деятельностью японской военной администрации, и поддержка японцами местного национально-освободительного движения; в годы военной диктатуры в Мьянме эта тема фактически оставалась под запретом²⁹.

События прошлого и память о них воздействуют на современные отношения Японии со странами Большой Восточной Азии не сами по

себе, но как причины или подтекст нынешних проблем. Объяснять сегодняшнюю ситуацию только историческими факторами, разумеется, неверно, но и игнорировать их нельзя, ибо прошлое так и не прошло. В одних случаях оно мешает развитию отношений (опять-таки не само по себе, а будучи орудием в руках определенных сил), в других – помогает, во всех – так или иначе влияет.

²⁶ Осуждение оккупации и героизация антияпонской борьбы были основами идеологического и историографического канона послевоенных Филиппин: *A. V. N. Hartendorp. The Japanese Occupation of the Philippines. Vol. 1–2. Manila, 1967.* Ср.: Филиппин-но рэкиси кёкасё карамита Нихон. (Япония в филиппинских учебниках истории). Токио, 1997.

²⁷ *Мецгерин В. П. Возвращение в Азию: Киси Нобусукэ // Япония второй половины XX века: проблемы и судьбы. М., 2003. С. 88–89.*

²⁸ *Кимура Хироси* и др. Нихон Бэтонаму канкэй-о манабу хито-но тамэ-ни. (В помощь изучающим японо-вьетнамские отношения). Токио, 2000. Анализ исторического контекста: *Masaya Shiraishi. Japanese Relations with Vietnam: 1951–1987. Ithaca, 1990.*

²⁹ Свидетельство очевидца: *Hayase S. A Walk Through War Memories in Southeast Asia. P. 140.*

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

РОЛЬ ЯПОНИИ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ СТРАН ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

В последние 20–30 лет одним из главных направлений структурных сдвигов в мировом хозяйстве стало все большее смещение эпицентра экономического роста в азиатский регион. Сначала мир заговорил об экономическом чуде, т. е. о резком рывке в экономическом развитии, совершенном четырьмя «азиатскими тиграми» – Республикой Корея, Китайской республикой, Сингапуром и Гонконгом. Затем на траекторию быстрого и устойчивого экономического роста одна за другой стали выходить страны АСЕАН (прежде всего, «старые» его члены – Малайзия, Индонезия, Таиланд и Филиппины), а несколько позже – и Китай, превратившийся к настоящему времени во вторую по экономической мощи державу мира.

Несомненно, что своими экономическими достижениями азиатские страны обязаны, прежде всего, своим собственным усилиям – последовательному осуществлению курса на индустриализацию, мерам по развитию институтов рыночной экономики, улучшению системы образования и расширению доступа к ней широких слоев населения и т. д. Но очевидно также, что немалую роль в экономических успехах этих стран сыграли и различные виды сотрудничества и помощи со стороны развитых государств, благодаря чему к ним пришли капиталы, передовые технологии, высококвалифицированные специалисты. Среди этих государств особое место занимает Япония.

Азиатский регион и, прежде всего, ближайшие соседи Японии – государства Восточной Азии¹ еще с конца 1970-х годов, с провозглашения так называемой доктрины Фукуда, стали приоритетным направлением

экономической дипломатии Японии. Практически все японские политики, занимавшие пост премьер-министра страны после Т. Фукуда, выступали с какой-нибудь программой или инициативой, направленной на расширение и углубление экономического сотрудничества с государствами Восточной Азии. Одной из последних и наиболее значимых из них стала идея создания Восточноазиатского сообщества, выдвинутая в 2009 г. тогдашним премьер-министром Ю. Хатояма. Это сообщество мыслится как огромная по масштабам зона свободной торговли, которая будет охватывать 10 стран АСЕАН, Японию, Китай и Южную Корею.

Причины, обуславливающие повышенный интерес Японии к развитию экономических связей со странами Восточной Азии, совершенно очевидны – это и географическая близость, и наличие в ряде из них значительных запасов топливно-сырьевых ресурсов, и обилие дешевой рабочей силы, и расширяющиеся из года в год масштабы их внутренних рынков. Но главное – это огромный потенциал экономического роста стран региона, «оседлав» который, Япония рассчитывает придать «второе дыхание» своей собственной экономике, которая на протяжении двух последних десятилетий находилась в состоянии либо вялого роста, либо спада и стагнации. Иными словами, Япония в высшей степени заинтересована в быстром социально-экономическом развитии стран Восточной Азии, поскольку от этого напрямую зависят перспективы роста ее собственной экономики.

Содействие Японии экономическому развитию государств Восточной Азии осуществляется по линии как государственных, так и частных институтов.

Официальная помощь развитию

Как известно, основным инструментом реализации целей внешне-экономической политики развитых государств в отношении развивающихся является официальная помощь развитию (ОПР). Что касается японской ОПР странам Азии, то она представляет собой своего рода феномен в современном мире – и с точки зрения объемов, и по масштабности и разнообразию решаемых ею задач, и в плане проработки целей и последовательности действий по их реализации.

Следует отметить, что для многих стран Восточной Азии (Китая, Малайзии, Филиппин, Вьетнама, Камбоджи и т. д.) Япония является основным источником средств, поступающих по линии ОПР, а для самой Японии Азия всегда была главным объектом приложения этой помощи. Так, в 1970-е годы на азиатский регион приходилось до 90 % общего объема средств, выделяемых Японией на ОПР, в 1980-е – до ¾, в 1990-е – более 60%, в 2000-е – 50–60%². По нашим подсчетам, за период

¹ В соответствии с принятыми в японской статистике правилами в данной работе в регион Восточная Азия включены Китай, НИЭ (Республика Корея, Китайская республика, Гонконг, Сингапур) и страны АСЕАН.

² Japan's ODA White Paper 2011. Т., 2012. Р. 51.

с 1990 г. по 2010 г. общий объем ОПР, предоставленной Японией восточноазиатским странам, составил 170,6 млрд. долл., в том числе 41,9 млрд. долл. получил Китай, а 128,7 млрд. долл. – страны Юго-Восточной Азии³.

Для модели японской ОПР странам Азии (как, впрочем, и другим странам и регионам) характерны следующие черты. Во-первых, значительная ее часть предоставляется в виде займов, т. е. на возвратной основе. Во-вторых, основные средства направляются на финансирование объектов инфраструктуры.

Модель японской ОПР с ее акцентом на финансирование объектов инфраструктуры и предоставление средств на возвратной основе довольно часто подвергается критике как не отвечающая главной цели ОПР – преодолению бедности. Однако по мнению японских специалистов из НИИ экономики, торговли и промышленности, хотя эта модель и не нацелена напрямую на ликвидацию бедности, содействуя экономическому развитию страны-реципиента помощи, она способствует тем самым и борьбе с бедностью. Свою позицию они обосновывают следующим образом.

Что касается акцента японской ОПР на возвратности средств, то во многих случаях льготные займы оказываются эффективнее, чем гранты. Во-первых, рано или поздно их придется возвращать, поэтому страна-реципиент не «проедает» их, а использует для финансирования тщательно отобранных проектов. Кроме того, повышается мотивация к эффективному управлению объектом после завершения строительства, поскольку необходимо зарабатывать прибыль для погашения задолженности. Что же касается упора на строительство объектов инфраструктуры, то с точки зрения стимулирования экономического роста они обладают двойным эффектом. С одной стороны, сооружение этих объектов приводит к возрастанию спроса в стране-реципиенте на машины, оборудование, материалы и рабочую силу. С другой стороны, благодаря этому создаются материальные условия, необходимые для притока иностранных прямых инвестиций – эффективного средства стимулирования экономического роста⁴. При этом, на наш взгляд, вопрос о том, кто является подрядчиком проектов, реализуемых с помощью японской ОПР – местные фирмы, японские или иностранные компании – с точки зрения задачи стимулирования экономического роста имеет

³ Ibid. P. 167. Имеется в виду объем «чистой» помощи (за вычетом средств, выплачиваемых странами-реципиентами в счет погашения задолженности).

⁴ Тодзёкоку-но хинкон сакугэн ни окэру сэйфу кайхацу эндзё-но якувари. (Роль официальной помощи развитию в преодолении бедности в развивающихся странах). RIETI (Research Institute of Economy, Trade and Industry). Discussion Paper Series, 2010, December. P. 9–11.

второстепенное значение, поскольку экономика страны-реципиента получает дополнительные импульсы к развитию независимо от национальной принадлежности подрядчика.

Часть японской ОПР странам Азии, представленная финансовыми грантами и техническим сотрудничеством, направляется непосредственно на решение различных социальных проблем. В последнее десятилетие конкретное наполнение этих видов помощи осуществляется в тесной увязке с «Целями развития тысячелетия», провозглашенными ООН в сентябре 2000 г. В соответствии с этим документом к 2015 г. предполагается искоренить чрезмерную бедность и голод на планете, достичь всеобщего начального образования, обеспечить гендерное равенство и повысить роль женщин в обществе, снизить детскую смертность, поднять уровень медицинской помощи роженицам, добиться прогресса в борьбе со СПИДом, малярией и другими болезнями, обеспечить сохранение окружающей среды⁵. На японские гранты в этих странах строятся школы и больницы, водопроводы и очистные сооружения, обновляются дренажные и ирригационные системы, создаются системы предупреждения и защиты от стихийных бедствий. Японские специалисты помогают местным крестьянам осваивать новые культуры и новые технологии, работают в местных школах, больницах, университетах. Сотни студентов из азиатских стран проходят обучение в Японии по таким специальностям, как медицина, сельское, лесное и водное хозяйство, естественные науки, информационные технологии⁶.

Очевидно, что помимо помощи странам-реципиентам в решении различных социальных проблем гранты и техническое сотрудничество создают благоприятную обстановку для притока частных японских прямых инвестиций, поскольку улучшают имидж страны-донора в глазах местного населения и снижают тем самым риски для частных компаний.

Как отмечалось выше, из 170,6 млрд. долл., предоставленных Японией странам Восточной Азии в период с 1990 г. по 2010 г., 42 млрд. долл. или почти ¼ достались Китаю. Не вдаваясь в анализ различных аспектов и граней проблемы предоставления японской ОПР Китаю, всесторонне рассмотренных в статье Е. Б. Ковригина⁷, отметим лишь, что без японской помощи превращение Китая в современную промышленную державу заняло бы гораздо больше времени. Более того, совершенно очевидно, что именно благодаря построенным здесь в 1980-е – 1990-е годы на средства японской ОПР десяткам объектов транспортной,

⁵ Приводится по: “JICA Annual Report 2012”. Т., 2012. P. 66.

⁶ Тодзёкоку-но хинкон сакугэн ни окэру сэйфу кайхацу эндзё-но якувари. С. 9.

⁷ См. «Китайско-японские отношения через призму официальной помощи развитию (ОПР) в 1980-х–2000-х годах». Ежегодник Японии 2012. М., 2012.

производственной и социальной инфраструктуры были подготовлены материальные условия для массового притока прямых иностранных инвестиций. Ярким подтверждением значения японской ОПР для развития экономики Китая может служить следующий факт, приведенный в статье Е. Б. Ковригина. В 2000 г. право стать столицей Олимпийских игр 2008 г. оспаривали Пекин и Осака. Предпочтение было отдано Пекину как обладающему более современной, чем Осака, инфраструктурой. Пикантность ситуации состояла в том, что значительная часть объектов пекинской инфраструктуры была построена или модернизирована именно за счет японских займов⁸.

После этого случая помощь Японии Китаю стала «затухать», а с 2008 г. была прекращена вовсе. Как отмечается в «Белой книге по японской ОПР», теперь стороны будут совместно бороться с такими вызовами, как изменение климата, загрязнение окружающей среды, болезни и т. д. Кроме того, японская сторона намерена и дальше оказывать содействие Китаю в создании нормативной базы, благоприятной для прихода и деятельности японских компаний. Если вспомнить, что еще в 2007 г. Китай превзошел Японию по размерам добавленной стоимости, созданной в промышленности, то такой ход событий представляется вполне естественным.

Еще раньше, в конце 1980-х годов, была прекращена помощь Южной Корее, которая к этому времени стала одной из крупнейших азиатских экономик, в том числе и благодаря огромному вкладу Японии (по линии ОПР) в создание современной инфраструктуры. Примечательно, что позже, став одним из доноров ОПР, эта страна взяла на вооружение именно японскую модель помощи – с акцентом на займы и объекты инфраструктуры⁹.

В настоящее время основными получателями японской помощи в Восточной Азии являются страны АСЕАН. Как отмечалось выше, за период 1990-х – 2000-х годов эти страны получили от Японии в виде займов, грантов и технической помощи огромную сумму – около 129 млрд. долл. С течением времени состав получателей ОПР постепенно меняется: на фоне сокращения масштабов помощи «старым» членам АСЕАН – Малайзии, Индонезии, Таиланду и Филиппинам – происходит нарастание объема средств, выделяемых «новым» его членам – Вьетнаму, Камбодже, Лаосу, Мьянме. Если в 1980-е – 1990-е годы первые получали до ¾ общего объема японской помощи региону (в том числе львиную долю займов)¹⁰, а по-

⁸ Там же. С. 112–113.

⁹ Тодзёкоку-но хинкон сакутэн ни окэру сэйфу кайхацу эндзё-но якувари. С. 12.

¹⁰ A Report from the Study Group on Assistance to the South-East Asian Region – Regional Integration and Development Aid. JICA Research Institute Study Report. March 2007. P. 38.

следние довольствовались в основном гуманитарной помощью (в форме поставок медикаментов, продовольствия, содействия в ликвидации последствий стихийных бедствий и т. д.), то в 2000-е годы помощь им существенно расширилась, главным образом за счет займов на сооружение различных объектов экономической инфраструктуры. Хотя бывшие прежде основными реципиентами японской помощи «старые» члены АСЕАН и продолжают периодически получать от Японии крупные займы, в последние годы они все чаще имеют отрицательный баланс по «чистой» японской ОПР, т. е. не столько получают новые займы, сколько расплачиваются по старым. В этой группе лишь Индонезия продолжает оставаться постоянным получателем японской помощи, в то время как Малайзия, например, в последнее время лишь погашает полученные ранее займы¹¹.

Еще одной важной особенностью японской ОПР странам АСЕАН является все большая ее переориентация с оказания помощи каждой отдельно взятой стране (с целью создания условий, благоприятных для прихода частных японских компаний), на поддержку проектов, связанных с развитием региона в целом. В последние годы этот подход стал преобладающим при принятии решений о предоставлении помощи странам региона, что связано со следующими двумя обстоятельствами. Во-первых, Япония стремится всемерно содействовать успешному претворению в жизнь планов по завершению объединения стран АСЕАН, намеченному на 2015 г., понимая, насколько значительными будут экономические выгоды от этого для японских компаний. Во-вторых, Япония рассматривает АСЕАН как блок, на базе которого может быть реализована идея о создании Восточноазиатского сообщества.

С целью содействия региональной интеграции Япония внесла определенные коррективы в свою концепцию оказания помощи странам АСЕАН, и в последние годы основными направлениями ее ОПР этому региону стали:

1. содействие в ликвидации резких разрывов в уровнях социально-экономического развития стран региона, помощь в модернизации их национальных экономик;
2. помощь в создании и развитии институциональной основы интеграции;
3. содействие в подготовке кадров и унификации образовательных стандартов;
4. помощь в создании региональной финансовой инфраструктуры.

Как известно, одним из условий успешного продвижения интеграции является выравнивание уровней социально-экономического развития

¹¹ Japan's ODA White Paper 2011. P. 167.

участвующих в ней стран. Поскольку в этом плане состав АСЕАН отличается чрезвычайной пестротой (например, ВВП на душу населения в Малайзии составляет более 4 тыс. долл., а в Лаосе и Камбодже – 300–400 долл.), Япония существенно расширила помощь наиболее бедным странам региона – Вьетнаму, Камбодже, Лаосу и Мьянме, которые (вместе с Таиландом) образуют группу стран бассейна Меконга. Еще в начале 2000-х годов помощь этим странам была выделена в отдельное направление в рамках программы расширения сотрудничества Японии со странами АСЕАН, а с ноября 2009 г. стали проходить ежегодные встречи на высшем уровне «Япония – Меконг», на которых обсуждаются наиболее острые для региона проблемы и определяются конкретные формы и проекты японской помощи. На первом саммите Япония объявила о предоставлении странам бассейна Меконга в 2010–2012 гг. по линии ОПР 500 млрд. иен для реализации 63 проектов, а на четвертом саммите, прошедшем в апреле 2012 г. – о выделении им в 2013–2015 гг. еще 600 млрд. иен на реализацию 57 проектов (часть из них – новые, часть – продолжающиеся)¹².

Значительная доля этой помощи – низкопроцентные займы на строительство или модернизацию различных объектов транспортной инфраструктуры – автомобильных дорог, мостов, портов, аэропортов, причалов и т. д. Большая часть этих объектов предназначена для обеспечения комплексного развития транспортной системы в бассейне Меконга и охватывает все виды транспорта – автомобильный, морской и воздушный. Например, вместе с Азиатским банком развития Япония участвует в финансировании строительства автодороги для грузовых перевозок от Хошимина до Бангкока через Пномпень (в рамках проекта Asian Highway). В рамках другого крупного регионального проекта – Артерия жизни Восток -Запад и Южный экономический коридор (Vital Artery for East-West and Southern Economic Corridor) – Япония строит мосты через р. Меконг и модернизирует автомобильные дороги в прилегающих к ней районах. Так, например, в 2013–2015 гг. будет осуществлена реконструкция национальной дороги № 1 в Лаосе и национальной дороги № 9 в Камбодже, а также начато строительство моста Ниак Лоюнг (Neak Loeung, Камбоджа). С целью совершенствования портовой инфраструктуры региона планом сотрудничества Япония-Меконг на 2013–2015 гг. предусмотрены продолжение строительства многоцелевого терминала в порту Сиануквилль (Sinaukwille, Камбоджа), проведение реконструкции глубоководного порта Давэй (в рамках совместного проекта Таиланда и Мьянмы), строительство объектов портовой инфраструктуры в Латьхюен (Lach Huayen) и продолжение строительства морского порта

¹² www.mofa.go.jp

Каймэпхивай (Cai Mer Thi Vai, Вьетнам) для приема крупных морских судов. Что касается воздушного транспорта, то продолжатся работы по строительству терминала 2 в международном аэропорту Нойбай (Noi Bai, Вьетнам) и работы по расширению международного аэропорта во Вьентьяне (Лаос)¹³.

Наряду с инфраструктурными проектами регионального масштаба Япония поддерживает и проекты, имеющие важное значение для развития национальных экономик стран бассейна Меконг. Например, в Камбодже она финансирует реконструкцию дренажных и ирригационных систем, строительство водопроводов, развитие энергетики. Лаосу предоставлен заем на создание в южных районах страны энергетической системы, которая свяжет воедино существующие линии и позволит осуществить электрификацию сельских районов. Вьетнаму выделена помощь на строительство очистных сооружений, систем канализации и рециклирования сточных вод. Кроме того, Япония участвует в строительстве двух линий городской железной дороги в Ханое и одной – в Хошимине (по второй линии готовится проектная документация)¹⁴.

Наконец, поскольку страны бассейна Меконг находятся лишь на начальной стадии индустриализации, Япония считает возможным реализовать здесь идею низкоуглеродного экономического роста с целью сохранения природной среды региона. С учетом этого японские специалисты разрабатывают проекты создания системы устойчивого использования, сохранения и управления водными ресурсами р. Меконг. (Один из проектов, система сброса воды в Пномпене, построенная на японский грант, уже введена в строй и прошла первые испытания). Другое важное направление – проекты развития сельского хозяйства в бассейне Меконга, который, по мнению японских специалистов, в будущем может стать производителем продовольствия общемирового значения. С целью сохранения окружающей среды здесь также осуществляются пилотные проекты и проводится подготовка кадров для борьбы с лесными пожарами.

Хотя главной целью ОПР Японии странам бассейна Меконга является содействие их экономическому росту, одновременно она осуществляет здесь и целый ряд программ гуманитарного характера, непосредственно направленных на борьбу с бедностью и решение наиболее острых социальных проблем. Цель этих программ – достичь к 2015 г. по меньшей

¹³ Japan-Mekong Action Plan. Tokyo Strategy 2012 //www.mofa.go.jp/. Следует отметить, что помимо Японии участие в строительстве объектов транспортной инфраструктуры в бассейне Меконга принимают и другие страны (в первую очередь, Китай, Ю. Корея, Австралия).

¹⁴ JICA Annual Report 2012. Т., 2013. Р. 27–28; Japan-Mekong Action Plan. Tokyo Strategy 2012 //www.mofa.go.jp/

мере четырех из семи провозглашенных ООН «Целей развития тысячелетия», а именно: снизить детскую смертность, поднять уровень медицинской помощи роженицам, добиться прогресса в борьбе со СПИДом, малярией и другими болезнями, обеспечить сохранение окружающей среды.

Несмотря на то, что по уровню социально-экономического развития «старые» члены АСЕАН существенно превосходят «новичков», Япония и им продолжает оказывать помощь в развитии инфраструктуры и модернизации различных сфер и отраслей их национальных хозяйств. Часть этой помощи направлена непосредственно на содействие интеграционным процессам в АСЕАН. Так, например, в рамках проекта Морской экономической коридор АСЕАН она оказывает помощь странам региона в налаживании системы перевозок по типу Ro-Ro (включая создание необходимой инфраструктуры и замену или модернизацию судов)¹⁵. Другая часть – это проекты, необходимые для «расшивки» узких мест в их национальных экономиках. Так, например, в Индонезии, испытывающей крайнюю нужду в транспортной инфраструктуре, с 2011 г. на основе специального межправительственного соглашения осуществляется проект по строительству в Джакарте метрополитена (с наземными и подземными линиями, срок окончания строительства – 2020 г.). Филиппинам в марте 2012 г. был выделен заем на строительство скоростной автодороги, которая свяжет Манилу и прилегающие к столице районы (Central Luzon Expressway Project). Таиланду оказывается помощь в борьбе с наводнениями путем поднятия уровня шоссе и дорог и строительства шлюзов. Ему также выделена помощь на замену и модернизацию танкерного флота¹⁶. Наконец, в ряде городов стран АСЕАН японские специалисты помогают местным органам власти в создании и развитии системы городского планирования и участвуют в разработке конкретных проектов с использованием передовых японских технологий (начиная с объектов городской инфраструктуры и кончая системой сбора мусора).

Таким образом, помощь в создании материальной базы интеграции, т. е. различных объектов инфраструктуры, позволяющих расширить и ускорить передвижение людей и грузов между странами ЮВА и способствующих ускорению их экономического развития, является главным направлением поддержки Японией интеграционных процессов в АСЕАН. Однако наряду с этим она содействует и развитию институциональной основы интеграции.

¹⁵ Ro-Ro (roll-on, roll-off) – специальные суда для перевозки грузов на колесной основе (автомобилей, грузового транспорта, железнодорожных вагонов). В отличие от других судов на них осуществляется горизонтальная погрузка груза (через нос или корму).

¹⁶ JICA Annual Report 2012. P. 28.

Быстрое экономическое развитие стран региона сопровождается непрерывным нарастанием объемов торговли между ними, что требует повышения эффективности торговых расчетов и ускорения прохождения таможенных процедур. Еще 1990-е годы Филиппины, Индонезия, Малайзия, Таиланд и Вьетнам получили от Японии помощь на модернизацию своих таможенных служб, которая включала поставку соответствующего оборудования и обучение персонала новым технологиям обработки и систематизации данных. Сейчас такая помощь оказывается Мьянме, Лаосу и Камбодже.

В последние годы основным направлением содействия Японии странам АСЕАН в области унификации институциональных структур стала помощь в реализации программы Asia Cargo Highway, направленной на повышение степени совместимости их таможенных процедур. Особенность этой программы состоит в том, что она включает несколько ступеней, по которым страны продвигаются в зависимости от достигнутого уровня развития их таможенных служб.

1. Ратификация и введение международных правил и стандартов, установленных ВТО и Международным таможенным союзом.

2. Внедрение электронной системы таможенной очистки, создание «одного окна» для таможенных, иммиграционных и карантинных процедур, освоение технологии эффективного управления рисками.

3. Введение системы АЕО (Authorized Economic Operator), позволяющей существенно облегчить и ускорить прохождение таможенных процедур для компаний, которые зарекомендовали себя как соответствующие требованиям безопасности грузоперевозок и нормам и правилам международного законодательства¹⁷.

Япония рассчитывает, что реализация этой программы позволит в будущем достичь совместимости таможенных процедур не только между странами АСЕАН, но и между нею и этими странами.

Следует отметить, что наиболее отсталым странам региона Япония оказывает помощь в создании самих институтов рыночной экономики, тем самым подтягивая их до уровня остальных стран. Так, например, в 2011 г. при содействии Японии Камбоджа приняла Гражданский кодекс и Кодекс о гражданских процедурах.

Еще одно направление содействия интеграции – помощь в подготовке кадров и унификации образовательных стандартов. Нехватка специалистов в области образования, здравоохранения, сельского и лесного хозяйства, инженеров и техников – проблема, общая для всех стран региона. Для решения этой проблемы Япония не только принимает на обучение сотни студентов из этих стран, но и организует разного рода программы

¹⁷ Ibid. P. 31.

обучения на местах. Например, в Лаосе и Камбодже созданы Японские центры по подготовке специалистов и предпринимателей для работы в наиболее подходящих для этих стран отраслях (таких, как производство продовольствия, одежды, туризм, некоторые машиностроительные производства). В ответ на просьбу Вьетнама помочь поднять уровень подготовки специалистов в местных университетах до международных стандартов (высказанную на прошедшем в 2011 г. саммите), на базе Ханойского индустриального университета организована подготовка специалистов в области машиностроения и металлообработки. Но наиболее масштабный проект в этой области – это открытие в 2011 г. в Куала-Лумпуре Малайзийско-Японского международного технологического института, состоящего из четырех факультетов: электронных систем, точной механики, природоохранных и зеленых технологий и технологии управления. Для закупки необходимого оборудования был использован льготный японский заем; кроме того, был создан консорциум из 24 японских университетов, которые поочередно направляют на преподавательскую работу в Куала-Лумпур своих специалистов¹⁸.

Что касается содействия унификации образовательных стандартов стран АСЕАН, то эта работа осуществляется в рамках проекта ASEAN University Network (который курирует JICA – Японское агентство международного сотрудничества). Цель этого проекта – углубление сотрудничества между азиатскими университетами и оказание им помощи со стороны Японии в разработке образовательных стандартов и программ.

Наконец, особым направлением содействия интеграции стало участие Японии в развитии финансовой инфраструктуры региона. Вскоре после азиатского кризиса 1997–1998 гг. Япония выступила с инициативой создания Азиатского валютного фонда и взяла на себя лидерство в ее реализации. Главная цель этого фонда – предотвращение цепного распространения кризиса путем предоставления странам, испытывающим нехватку иностранной валюты, краткосрочных валютных ресурсов (путем обмена их национальной валюты на доллары из резервного фонда). Реализация этой идеи началась с заключения серии двухсторонних своповых валютных соглашений между странами региона, а окончательно она была оформлена в марте 2010 г. Азиатский валютный фонд представляет собой многостороннее своповое валютное соглашение между 10 странами АСЕАН, Китаем (включая Гонконг), Ю. Кореей и Японией. Размеры фонда – 120 млрд. долл., из которых на долю Японии приходится почти 1/3 (38,4 млрд. долл.). Помимо оказания в случае необходимости финансовой помощи странам-участницам в задачи фонда входят консультирование их финансовых органов по вопросам валютных курсов и движения капитала, создание эффективной системы

¹⁸ Ibid. P. 27.

взаимных расчетов, а также сбор и архивация экономической и финансовой статистики. В 2011 г. при фонде был создан исследовательский орган (ASEAN +3 Macroeconomic Research Office), цель которого – выработать собственные «правила игры» и постепенно ослабить зависимость условий предоставления помощи от стандартов МВФ. Кроме того, Япония активно содействовала (а фактически – взяла на себя руководство) развитию рынка облигаций в Восточной Азии. В мае 2010 г. по ее инициативе было принято решение о создании при Азиатском банке развития траст-фонда – Credit Guarantee and Investment Facility – для гарантирования облигаций азиатских компаний, номинированных в национальных валютах. Стартовый капитал траст-фонда составил 700 млн. долл., из которых 200 млн. долл. внесла Япония (в лице Японского банка международного сотрудничества)¹⁹.

Нельзя также не упомянуть об участии Японии в деятельности Азиатского банка развития, который занимается финансированием самых разных проектов в странах Азии. Япония не только являлась инициатором его создания (в 1966 г.), но и продолжает оставаться крупнейшим его акционером. В настоящее время ей (наряду с США) принадлежат 12,756 % его акций²⁰.

Говоря о роли японской ОПП в экономическом развитии стран Восточной Азии, следует отметить, что многие проекты были осуществлены и продолжают осуществляться в формате PPP (Public-Private Partnership), т. е. не только при техническом, но и при финансовом участии в их реализации частных японских компаний. Однако пришедшие по этой линии в Азию японские капиталы – это лишь небольшой ручеек того мощного потока частных японских инвестиций, который хлынул в регион с конца 1980-х годов. При этом следует еще раз подчеркнуть, что без той масштабной и многоплановой помощи, которая была оказана Японией странам региона по линии ОПП и которая существенно улучшила условия для деятельности частных компаний, масштабы присутствия японского бизнеса в регионе были бы значительно скромнее.

Частные прямые инвестиции и характер торговых связей

К началу 2012 г. накопленный объем прямых инвестиций японских компаний в экономику восточноазиатских стран достиг 240,8 млрд. долл., что составляет 13 % от общего объема прямых иностранных ин-

¹⁹ Japan's ODA White Paper 2011. P. 105.

²⁰ <http://en.academic.ru/dic.nsf/enwiki/1219>. При этом следует иметь в виду, что в ответ на призыв лидеров G20 увеличить ресурсы международных банков для расширения финансирования развивающихся стран Азиатский банк развития в течение 2010–2011 гг. увеличил размеры капитала в три раза – с 55 млрд. долл. до 165 млрд. долл.

вестиций в этот регион (1873,3 млрд. долл.). В некоторых странах доля японского капитала существенно выше: так, например, на Филиппинах она составляет 37,1 %, в Таиланде – 25,2 %, на Тайване – 21,0 %. В Китай японские компании вложили 83,4 млрд. долл., в страны АСЕАН (Индонезию, Малайзию, Таиланд, Филиппины и Вьетнам) – 78,8 млрд. долл., в НИЭ Азии (Ю. Корею, Тайвань, Сингапур и Гонконг) – 78,6 млрд. долл.²¹.

Особенностью японских прямых инвестиций в странах Восточной Азии является очень высокая доля инвестиций в обрабатывающую промышленность. В среднем по региону она составляет более 60 %, но в некоторых странах – еще выше (в АСЕАН – около 70 %, в Китае – порядка 3/4)²². Общее число азиатских филиалов японских промышленных компаний составляет более 9,5 тыс., из них 3,8 тыс. расположены в Китае, 2,8 тыс. – в странах АСЕАН, 2,9 тыс. – в НИЭ. Эти предприятия дают работу 2,3 млн. человек и производят продукцию, стоимость которой (около 50 трлн. иен) эквивалентна примерно 60 % японского экспорта. По нашим расчетам, производственный потенциал восточно-азиатских филиалов составляет порядка 8–9 % потенциала национальной японской промышленности. Если вспомнить, насколько огромна мощь последней, то можно легко представить, насколько ощутим вклад японского капитала в экономическое развитие региона.

Филиальная сеть японских компаний в Восточной Азии включает предприятия самых разных отраслей промышленности, но во всех странах ее основу составляют предприятия машиностроения – в среднем по региону на них приходится около 3/4 общего объема продаж филиалов, в т. ч. в Китае (включая Гонконг) – 70 %, в АСЕАН4 – 84 %, в НИЭЗ – 58 %²³. Этот факт с точки зрения стимулирования экономического роста в этих странах имеет особое значение, поскольку отрасли машиностроения обладают высоким мультипликационным эффектом, т. е. своим развитием через каналы производственных связей способствуют росту производства в широком круге смежных отраслей (начиная с металлургии и кончая производством пластмасс и тканей).

В отраслевом составе машиностроительных филиалов между странами наблюдаются некоторые отличия. В Китае довольно равномерно представлены все отрасли: в общем объеме продаж продукции машиностроения доля автомобилестроения составляет 41,6 %, электромашиностроения – 32,3 %, общего машиностроения – 16,1 %, точного машино-

строения – 10,0 %. В АСЕАН 4 основу машиностроения составляет автомобилестроение – на него приходится 58,2 % в продажах машиностроительных филиалов (на долю электромашиностроения – 29,1 %, общего и точного машиностроения – соответственно 6,7 % и 6,0 %). В НИЭ преобладающие позиции занимает электромашиностроение: его доля в продажах машиностроительных филиалов составляет 52,4 %, в то время как на автомобилестроение приходится 22,3 %, общее машиностроение – 18,0 %, точное машиностроение – 7,3%²⁴.

В результате прихода в регион японских машиностроительных компаний мощный импульс к развитию получили местные производства, выпускающие разнообразную промежуточную продукцию – детали, компоненты, пластмассы, химические материалы, металлы, металлоизделия и т. д. Это было связано, в частности, с тем, что практически во всех странах одним из условий допуска иностранных прямых инвестиций было требование об обеспечении определенной доли местного контента в стоимости продукции (например, в автомобилестроении стран АСЕАН она должна была составлять не менее 40 %). Одним из способов решения этой задачи стал массовый приход в восточноазиатские страны мелких и средних японских фирм-производителей промежуточной продукции. Но одновременно японские компании активно искали подходящих поставщиков и среди местных предприятий. В результате за период 2001–2010 гг. доля местных и внутрирегиональных поставок в общем объеме поставок деталей и материалов на японские машиностроительные филиалы возросла с 61,3% до 69,4%, а доля поставок из Японии снизилась соответственно с 36,1% до 28,5%²⁵. Что же касается распределения ролей в обеспечении поставок между национальными предприятиями и японскими филиалами, то здесь вырисовывается следующая картина: чем более развита страна, тем выше доля в поставках национальных предприятий. Так, например, в Ю. Корее национальные предприятия обеспечивают 90,2% общего объема местных поставок (японские филиалы – 4,3 %, прочие иностранные филиалы – 5,5 %), в Китае – 55 % (37 % и 8 % соответственно), в Таиланде – 44 % (51 % и 5 %)²⁶.

Очевидно также, что присутствие в Восточной Азии японских компаний – производителей как конечной, так и промежуточной продукции, способствует повышению технического уровня и культуры производства в странах региона. Японские компании не только оснащают

²¹ www.Jetro.go.jp/; UNCTAD data base. Inward and Outward foreign direct investment (2011, Stock).

²² Тёкусэцу тоси (сисан) дзандака (тшикибэцу гёсюбэцу) (Объем прямых инвестиций по регионам и отраслям) // www.boj.or.jp/

²³ Рассчитано по: Trends in Overseas Subsidiaries (Quarterly Survey of Overseas Subsidiaries). March 28, 2013. P. 1–2 // www.meti.go.jp/

²⁴ Ibid. P. 9, 11, 13.

²⁵ Summary of the 41st Survey on Overseas Business Activities (conducted in July, 2011) // www.meti.go.jp/

²⁶ JETRO Survey of Japanese-Affiliated Companies in Asia and Oceania (FY 2012 Survey). P. 50.

передовой техникой и оборудованием вновь открывающиеся филиалы, но и занимаются модернизацией ранее созданных предприятий, направляя на эти цели немалые средства. Так, за период 2006–2010 гг. общий объем инвестиций в оборудование на азиатских филиалах составил 7 трлн. 580 млрд. иен (порядка 80 млрд. долл.), из которых на долю Китая пришлось 3 трлн. 180 млрд. иен, на страны АСЕАН – 3 трлн. 80 млрд. иен, на НИЭ – 1 трлн. 320 млрд. иен²⁷.

О возросших технических возможностях азиатских филиалов свидетельствуют следующие факты. Так, например, в электромашиностроении наряду с широким кругом изделий бытовой техники и электроники азиатские предприятия японских фирм выпускают сейчас и такую высокотехнологичную продукцию, как компьютеры, информационная техника, лазерные принтеры, факсимильные аппараты, multifunctional телефоны, цифровые камеры, мобильные телефоны и т. д. В производстве промежуточной продукции, помимо широкого круга стандартных электронных деталей, они освоили выпуск интегральных схем, компонентов для мобильных телефонов и информационной техники и т. д. Свидетельством роста технического уровня предприятий автомобилестроения является изменение характера поставок деталей из Японии, а именно постепенный переход от поставок деталей по методу Semi-Knock-down (SKD) к поставкам по методу Complete-Knock-down (CKD). Если при первом варианте ввозятся полностью подготовленные к сборке детали и узлы, которые остается лишь скрепить гайками и болтами, то при втором – детали ввозятся в разобранном виде, а их сварка, покраска, оснастка и сборка осуществляются на месте. В результате происходит постепенное повышение в стоимости конечной продукции доли добавленной стоимости, создаваемой на местных предприятиях.

Весьма показательны в этой связи результаты масштабного обследования, проведенного МЭТИ в 2008 г., которые отражают оценки японскими компаниями технического уровня своих зарубежных филиалов, расположенных в разных странах мира (в обследовании приняли участие более 8700 компаний). В отношении азиатских филиалов ситуация выглядит следующим образом.

Как показывают данные таблицы, несмотря на огромный разрыв между уровнями экономического и научно-технического развития стран этого региона и Японией, в 2008 г. уже от 70 до 75 % предприятий (а в НИЭ – около 80 %) обладали техникой и технологиями, адекватными уровню японских национальных предприятий. При этом, следует иметь в виду, что повышение технического уровня азиатских филиалов приводит

²⁷ Summary of the 41st Survey on Overseas Business Activities (conducted in July, 2011). [//www.meti.go.jp/](http://www.meti.go.jp/)

Таблица 1
Оценки японскими компаниями
технического уровня своих азиатских филиалов (%*) **

Страны и группы стран	Филиалы, участвующие в производственной кооперации с японскими предприятиями			Филиалы, участвующие в производственной кооперации с предприятиями других стран			Филиалы, не участвующие в производственной кооперации		
	уровень выше японского	уровень адекватен японскому	уровень ниже японского	уровень выше японского	уровень адекватен японскому	уровень ниже японского	уровень выше японского	уровень адекватен японскому	уровень ниже японского
Азия в целом	0,7	71,1	28,2	1,0	74,0	25,0	1,4	75,4	23,2
Китай	0,8	70,5	28,7	1,2	74,1	24,7	1,5	74,5	23,9
АСЕАН ⁴	0,5	70,6	28,8	1,1	73,8	25,1	1,6	76,6	21,8
НИЭ	–	79,5	20,5	0,6	78,5	20,9	0,8	79,3	19,8

* Доля филиалов соответствующего уровня в общем их числе.

** Источник: Кайгай дзигё кацудо (Деятельность зарубежных предприятий). 2009. С. 25. [//www.meti.go.jp/](http://www.meti.go.jp/)

к росту технических возможностей и местных предприятий, связанных с ними цепочками производственных связей, поскольку последние вынуждены подтягиваться к жестким требованиям, предъявляемым к их продукции японскими заказчиками.

Еще одним очевидным результатом прихода в страны Восточной Азии японских прямых инвестиций является быстрое нарастание объемов товарооборота и изменение характера торговли между ними и Японией. В 1990-е–2000-е годы темпы расширения торговли Японии со странами региона почти вдвое превышали темпы роста ее торговли с остальным миром, и в результате в 2011 г. доля Восточной Азии в японском экспорте достигла 52,8 % (433 млрд. долл.), а в японском импорте – 41,5% (354,2 млрд. долл.)²⁸.

О характере торговли между Японией и странами Восточной Азии позволяют судить следующие данные.

²⁸ www.jetro.go.jp/

Во-первых, основная часть японского экспорта в этот регион (порядка 60 %) представлена машиностроительной продукцией инвестиционного назначения (машинами, оборудованием, деталями, узлами, компонентами). При этом в Восточную Азию направляется около половины всего японского экспорта этой продукции.

Во-вторых, Восточная Азия является крупнейшим потребителем всевозможных промышленных полуфабрикатов. На нее приходится более 2/3 общего объема японского экспорта этой продукции, в том числе около 3/4 экспорта химических полуфабрикатов и порядка 2/3 экспорта металлов. При этом доля промышленных полуфабрикатов в общей стоимости японского экспорта в этот регион составляет более 30 %.

В-третьих, опережающими темпами растет экспорт промежуточной продукции, в первую очередь деталей, материалов и компонентов. В последние годы в экспорте Японии в Китай доля промежуточной продукции достигала 60%, в страны АСЕАН – 70 %. При этом, например, доля региона в японском экспорте IT-деталей и компонентов составляет около 80%.

Иными словами, структура японского экспорта в этот регион отличается преобладанием товаров инвестиционного спроса (в совокупности на конечную и промежуточную продукцию инвестиционного назначения приходится около 90 % общей его стоимости) с высокой долей промежуточной продукции.

Что касается импорта Японии из стран Восточной Азии, то для него характерны следующие черты.

Во-первых, его также отличает высокий удельный вес продукции машиностроения (около 40% общей стоимости), а доля стран региона в общем объеме импорта Японией этой продукции превышает 70%.

Во-вторых, около 1/3 импорта машиностроительной продукции инвестиционного назначения – это различные детали, узлы и компоненты, предназначенные для сборочных производств японской промышленности. При этом доля стран региона в японском импорте IT-деталей и компонентов достигает 85–90%.

В-третьих, страны Восточной Азии стали для Японии основным поставщиком машиностроительной продукции потребительского назначения (так, на них приходится более 90 % ввоза Японией бытовой техники и электроники). Подавляющая часть (более 80%) импорта разного рода товаров повседневного спроса также поступает в страну из Восточной Азии²⁹.

Приведенные данные позволяют сделать вывод о том, что в восточноазиатском регионе происходит быстрое расширение и углубление

²⁹Рассчитано по: www.stat.go.jp/data/nenkan/zuhyou

разделения труда между азиатскими и японскими предприятиями, развиваются процессы внутриотраслевой и межотраслевой специализации и кооперации, в центре которых находится машиностроение.

В последние годы процесс разделения труда между Японией и Восточной Азией вступил в новую стадию – стадию формирования системы оптимального размещения производства в масштабах всего восточноазиатского региона с учетом конкурентных преимуществ, существующих в каждой стране.

Свидетельством движения в направлении формирования такой системы являются многочисленные случаи закрытия японскими компаниями своих предприятий в одних странах и открытия – в других, усиление концентрации производства как готовых изделий, так и промежуточной продукции на определенных предприятиях или в определенных районах, изменение позиций отдельных восточноазиатских стран в японском импорте и экспорте готовой и промежуточной продукции и т. д. Причем в самые последние годы в этот процесс стали включаться и наиболее отсталые страны региона – Камбоджа, Мьянма, Лаос.

По мере расширения филиальной сети японских промышленных компаний в Восточной Азии и роста ее производственного потенциала менялся и характер торговых отношений в восточноазиатском регионе в целом. Прежде всего, следует отметить, что многократно возросли сами объемы внутрирегиональной торговли – с 300 млрд. долл. в 1990 г. до 1 трлн. 971,5 млрд. долл. в 2010 г. или в 6,6 раза. При этом в структуре внутрирегиональных товарных потоков произошли следующие изменения.

Во-первых, снизилась доля продукции первичных отраслей (сырья, сельхозпродукции, морепродуктов и т. д.) – с 7–8 % в 1990 г. до 5,5 % в 2010 г.

Во-вторых, доля полуфабрикатов, снижавшаяся до середины 2000-х годов, затем начала расти и к концу декады вернулась на прежний уровень – 30–35 %.

В-третьих, резко возросла доля деталей и компонентов – с 15 % в 1990 г. до 1/3 в 2010 г.

В-четвертых, в тенденции происходил рост доли конечной продукции инвестиционного назначения (машин и оборудования) – с 15 % в 1990 г. до 20 % в 2010 г.

В пятых, с середины 1990-х годов стабилизировалась доля товаров потребительского назначения – на уровне 5 %³⁰.

Таким образом, в настоящее время основными чертами структуры товарных потоков в восточноазиатском регионе являются следующие:

³⁰ METI White Paper on International Economy and Trade. Т., 2012. Р. 295–296.

высокая доля промежуточной продукции (полуфабрикатов, деталей и компонентов) – около 2/3; весьма высокая доля конечной продукции инвестиционного назначения (машин и оборудования) – около 20%; преобладающие позиции продукции машиностроения (конечной и промежуточной) – более 50% от общего объема товарооборота.

Все это свидетельствует о том, что не только на направлении Японии – страны Восточной Азии, но и в масштабах всего восточноазиатского региона развиваются процессы внутриотраслевого и межотраслевого разделения труда, в центре которых находится машиностроение. И хотя очевидно, что стимулы к развитию этих процессов существуют и за пределами сети филиалов японских промышленных компаний, нельзя отрицать важную роль последних в их расширении и углублении.

Таким образом, приход в Восточную Азию японских компаний и создание здесь тысяч их филиалов способствовали не только ускорению экономического роста стран региона и повышению степени индустриализации их экономик, но и расширению внутрирегиональной торговли и развитию процессов региональной экономической интеграции.

В контексте рассматриваемых вопросов нельзя не обратить внимания на еще один аспект, а именно на то, что по мере роста производственных возможностей и технического уровня азиатских стран они все больше наступают на позиции Японии как во внутрирегиональной торговле, так и в торговле региона с внешним миром. В центре этих процессов находится Китай, который еще в 2007 г. превзошел Японию по размерам добавленной стоимости, созданной в обрабатывающей промышленности, и занял лидирующие позиции в производстве целого ряда продуктов. Так, например, в мировом производстве цветных телевизоров в конце 2000-х годов доля Китая составила уже 42 %, доля Японии – 5 %, а доля прочих стран Азии – 18 %, в выпуске персональных компьютеров (включая ноутбуки) соответствующие доли составили 96 %, 2 % и 2 %, мобильных телефонов – 51 %, 3 % и 30 %, электронных деталей – 24 %, 37 % и 23 %, в производстве автомобилей – 13 %, 17 % и 9 % соответственно. При этом доля Японии в экспорте из региона конечной продукции электромашиностроения за 2000-е годы сократилась с более чем 50 % до 10 %, а доля Китая, напротив, увеличилась с 15 % до более чем 50 %. Тот же порядок цифр характеризует и ситуацию в области экспорта конечной продукции общего машиностроения: за те же годы доля Японии сократилась с более чем 60 % до 14 %, а доля Китая возросла с 2–3% до почти 50 %³¹.

Постепенно снижается и доля Японии во внутрирегиональных поставках промежуточной машиностроительной продукции, из которых

³¹ Цусё хакусё. 2010. С. 171, 173.

около 60% приходится на детали для электромашиностроения, а еще около 30% – на детали для общего и транспортного машиностроения. Так, если поставки этой продукции из Японии в АСЕАН и НИЭ за 1998–2008 гг. возросли примерно в два раза, а поставки в Китай – в 4, 8 раза, то поставки из НИЭ в Китай выросли за это же время в 7,1 раза, а из АСЕАН в Китай – в 9,5 раз. Одновременно поставки из Китая в НИЭ возросли в 5,5 раз, в АСЕАН – в 11,1 раза, в Японию – в 5,5 раз³².

Более того, в результате быстрого экономического развития стран Восточной Азии, повышения доходов населения постепенно снижается и роль Японии как потребителя конечной продукции, производимой в регионе. Так, если еще в начале 2000-х годов она была основным центром потребления этой продукции, то к концу десятилетия по объему ее импорта (10,75 млрд. долл.) она уже уступила странам АСЕАН (10,93 млрд. долл.) и лишь ненамного превзошла Китай (10,27 млрд. долл.)³³.

Иными словами, импульсы к экономическому развитию восточноазиатских стран во все возрастающей степени исходят от самих этих стран, в то время как позиции Японии как производителя, экспортера и потребителя многих видов промышленной продукции постепенно ослабевают.

Однако, отмечая эту тенденцию, следует иметь в виду следующие обстоятельства. Во-первых, свои позиции «мировой фабрики» Япония уступает восточноазиатским странам, прежде всего, Китаю, добровольно. При этом японские компании переводят на местные филиалы в основном производство продукции с невысокой долей добавленной стоимости и применяют здесь уже «отработанные» технологии с тем, чтобы за счет использования местных конкурентных преимуществ сохранить свою долю на мировых рынках и в мировом производстве. Во-вторых, речь может идти лишь об относительном ослаблении позиций Японии. Ведь передавая этим странам «нижние этажи» своей промышленности, Япония в то же время осваивает производство наиболее сложных, высокотехнологичных продуктов, воплощающих последние достижения мирового НТП, и сохраняет при этом свое огромное превосходство над ними по качественным составляющим промышленного комплекса, таким как технический уровень производственного аппарата, научно-исследовательский потенциал, качество и номенклатура производимых товаров, уровень производительности труда, показатели энерго- и материалоемкости и т. д.

И, наконец, совершенно очевидно, что формирование в Восточной Азии рынка с огромным потенциалом спроса создает новые возможности не только для компаний, ведущих здесь свой бизнес, но и для национальной японской промышленности. При этом речь идет не только

³² Там же. С. 171–172.

³³ Там же. С. 175.

о расширении инвестиционного спроса, связанного с продолжением индустриализации азиатских экономик и с реализацией здесь крупных инфраструктурных проектов, проектов в области энергосбережения и защиты окружающей среды, но и об огромном потенциале расширения потребительского спроса.

Дело в том, что страны региона проходят через период так называемого демографического бонуса, т. е. периода, когда демографическая структура населения оказывается особенно благоприятной для целей экономического роста и расширения потребления³⁴. Так, для Ю. Кореи – это период с 1990 г. по 2020 г., для Таиланда – с 1995 г. по 2030 г., для Китая – с 2000 г. по 2030 г., для Вьетнама – с 2005 г. по 2040 г., для Индонезии – с 2010 г. по 2040 г. и т. д. Сама Япония прошла через период демографического бонуса в 1965–1990 гг.³⁵

Обычно в этот период происходит быстрое расширение средних слоев населения, что и наблюдается в большинстве восточноазиатских экономик. По данным за 2011 г., в азиатских странах к группе лиц со средними доходами (от 5 тыс. долл. до 35 тыс. долл. на семью в год) относилось уже 53 % населения (1,67 млрд. человек), а к группе лиц с высокими доходами (свыше 35 тыс. долл.) – 3% (110 млн. человек). По расчетам, к 2020 г. доля первой группы возрастет до 72 % (2,42 млрд. человек), а второй – до 10 % (320 млн. человек)³⁶.

Очевидно, что понятие «средний класс» применительно к странам Восточной Азии с точки зрения количественных и качественных характеристик далеко не соответствует представлениям о среднем классе на Западе. Более того, эти характеристики существенно различаются и в пределах самого восточноазиатского региона – в силу различий как в уровнях социально-экономического развития входящих в него стран, так и в традициях, культуре, образе жизни людей и т. д. Поэтому, как подчеркивают японские специалисты, для того, чтобы успешно осваивать быстро развивающиеся местные рынки, японским компаниям необходимо тщательно изучать особенности спроса средних слоев в каждой из стран и налаживать производство товаров, максимально учитывающих местные особенности.

Одна из таких особенностей – это появление и быстрое расширение так называемого молодого среднего класса. Это проживающие в городах

молодые люди среднего достатка, стиль жизни которых формируется под влиянием западных фильмов, книг, музыки, рекламы и т. д. У них ярко выражена склонность к восприятию западного образа жизни (в Китае их называют «сяо цзы – маленькие буржуа»). Мебель и предметы интерьера они покупают в «ИКЕА» и «Мудзи», при выборе одежды, обуви, аксессуаров отдают предпочтение западным брэндам, проводят свободное время в кафе, ресторанах и барах, внимательно относятся к своему здоровью и внешности, регулярно посещая спорт-клубы, салоны красоты и т. д.³⁷. Иными словами, это – категория сильно мотивированных потребителей, запросы которых вполне адекватны уровню качества товаров и услуг, которые предлагают японские компании.

Следует отметить, что учитывая огромный потенциал расширения внутреннего спроса в странах Восточной Азии, японские компании, открывшие здесь свои филиалы, во все большей степени переориентируют их деятельность с экспорта на внутренние рынки. Особенно заметной эта тенденция стала после мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг., последствия которого до сих пор окончательно не преодолены западными экономиками. Так, согласно данным одного из последних обследований ДЖЭТРО, в 2012 г. доля экспорта в общем объеме продаж японских филиалов составила: в Ю. Корею – 18,6%, Таиланде – 28,2%, Китае – 35,0%, Малайзии – 47,7%, на Филиппинах – 54,8%, во Вьетнаме – 61,3%, в Индонезии – 28,0%³⁸. Что же касается вопроса о том, на какие категории местных потребителей ориентируются японские филиалы, то ответы распределились следующим образом: на средний класс ориентируются 82,3 % компаний, на богатых – 48,6%, на бедных – 20,3%³⁹.

О переориентации японских филиалов на местные рынки, переносе центра тяжести на потребности нарастающего среднего класса свидетельствует и происходящая в последние годы передача на азиатские филиалы из Японии таких функций, как разработка и дизайн продукта с тем, чтобы с самых ранних стадий производственного процесса учесть специфику местного спроса. Кроме того, в последнее время для более полного понимания и учета особенностей местных рынков японские компании расширили наем на управленческие и инженерные должности местных специалистов, хотя до сих пор в силу специфики японской системы управления – с одной стороны, и определенного скептицизма в отношении

³⁴ Период демографического бонуса – это период, когда численность работоспособного населения (от 15 до 64 лет) по меньшей мере вдвое превышает численность зависимых лиц (до 14 лет и старше 65 лет).

³⁵ Nori Kawazu. Consumer Trends and Expansion of Retail Markets in Growing ASEAN Economies. NRI Papers. No 182, March 2013. P. 4.

³⁶ Akio Egawa. The Uneven Distribution of the Benefits of Growth Impeding the Expansion of Asia's Middle-Income Stratum. NIRA Monograph Series. 2012, October. P. 6–7.

³⁷ Ibid. P. 8–9.

³⁸ JETRO Survey of Japanese-Affiliated Companies in Asia and Oceania. FY 2012 Survey. December 2012. P. 56.

³⁹ Ibid. P. 33. Поскольку одна и та же компания может выпускать продукцию, предназначенную для разных категорий потребителей, общий итог превышает 100 %.

возможностей последних – с другой, они предпочитали заполнять эти вакансии за счет лиц, командированных из Японии.

Очевидно, что переориентация на освоение быстрорастущих рынков стран Восточной Азии открывает новые возможности для мелких и средних предприятий Японии, тем более что с точки зрения приспособления к особенностям местного спроса они гораздо более гибки, чем крупные компании. При этом новым полем их деятельности могло бы стать производство продуктов, предназначенных для удовлетворения спроса слоев населения, объединяемых в категорию BoP (Base of Economic Pyramid), т. е. огромной группы людей с невысокими доходами, на которую приходится основная часть потребительских расходов населения в странах этого региона.

К категории BoP относятся лица, чей годовой доход не превышает 3 тыс. долл. Лица, чей доход составляет от 3 тыс. долл. до 20 тыс. долл., относятся к категории MoP (Middle of Economic Pyramid), а те, кто получает в год более 20 тыс. долл. – к категории ToP (Top of Economic Pyramid). Сейчас в мире насчитывается порядка 4,7 млрд. людей, относящихся к категории BoP, причем большинство из них живут в Азии и Африке. Несмотря на скудные доходы рынок потребления лиц этой категории составляет огромную величину – около 5 трлн. долл.⁴⁰.

Однако рынок BoP представляет интерес не только и не столько из-за своих нынешних огромных размеров, сколько из-за перспектив «перелива» потребителей этой категории в рынок MoP и многократного расширения масштабов потребления в будущем. Так, по расчетам экономистов из научно-исследовательского института Номура, к 2030 г. в результате быстрого экономического роста и демографических изменений в странах Азии и Африки размеры рынка BoP сократятся до 3 трлн. долл., а размеры рынка MoP, напротив, возрастут по меньшей мере в три раза – до 70 трлн. долл. При этом численность лиц категории BoP сократится до 3 млрд. человек, а категории MoP возрастет до 5,5 млрд. человек, из которых 60 % составят «мигранты» из категории BoP⁴¹. Иными словами, возможности захвата японскими компаниями в будущем огромного рынка MoP будут зависеть от того, насколько успешны они будут в освоении нынешнего рынка BoP.

Именно в расчете на то, что нынешние контингенты BoP со временем составят основную массу потребителей многообещающего рынка MoP, японские компании и начинают свой BoP – бизнес в Азии.

Поскольку потребители категории BoP резко отличаются от тех, на кого обычно рассчитывают японские компании, старт здесь особенно

труден. С учетом этого обстоятельства с 2009 г. японское правительство стало оказывать помощь компаниям, начинающим BoP-бизнес в Азии. Речь идет о финансировании работ по изучению на месте возможностей для открытия дела и помощи в поиске возможных партнеров. К началу 2012 г. по линии МЭТП, Японского агентства международного сотрудничества и ДЖЭТРО было профинансировано 62 проекта. Различные схемы поддержки японских компаний разработаны и осуществляются и по линии других государственных ведомств. При этом специалисты государственных институтов, консультирующие частные компании по вопросам BoP-бизнеса, рекомендуют им обратить внимание на следующие моменты. Области, где особенно востребован BoP-бизнес – это производство продуктов питания, водоснабжение и очистка воды, здравоохранение, образование, защита окружающей среды, энергоснабжение и энергосбережение. Иными словами, товары и услуги, предлагаемые BoP-бизнесом, должны в большинстве своем иметь социальную направленность и решать задачи улучшения качества жизни наименее обеспеченных слоев населения. При этом компаниям не следует замыкаться лишь на узком сегменте своего бизнеса, а с учетом особенностей социокультурной среды и уровня социально-экономического развития каждой конкретной страны работать и в других сферах (например, прежде чем продавать очистители воды, привить населению навыки мытья рук перед едой). Далее, для успеха дела полезно было бы взять на вооружение «стратегию пирамиды», т. е. производить однотипные продукты, наиболее простые и дешевые виды которых могут быть предложены BoP-потребителям, а более сложные и дорогие – MoP-потребителям. Это позволит приучить будущих потенциальных потребителей категории MoP к японским брендам. И, наконец, поскольку большинство товаров BoP-бизнеса – это товары социальной направленности, их реализацию можно было бы осуществлять не непосредственно потребителям, а через представительства международных организаций, местные органы власти, сельскохозяйственные кооперативы и т. д., т. е. те организации, которые занимаются решением разного рода социальных вопросов. Понятно, что такая схема существенно облегчила бы задачу продвижения японских товаров на местные рынки⁴².

* * *

Таким образом, как было показано выше, Япония сыграла весьма значительную роль в ускорении социально-экономического развития стран Восточной Азии. На первых этапах, в 1970-е – 1980-е годы, ее содействие экономическому развитию стран региона осуществлялось в

⁴⁰ S. Watanabe, T. Hiramoto, N. Tsuzaki. Developing BoP Business as the Principal Strategy in Emerging and Developing Economies. NRI Papers, No 172, April 1, 2012. P. 1–2.

⁴¹ Ibid. P. 2.

⁴² Ibid. P. 7–11.

основном по линии ОНР и было направлено на создание материальной базы экономического роста, т. е. строительство разного рода объектов экономической инфраструктуры. Это направление японской помощи сохраняет свою актуальность и сегодня, особенно для наименее развитых стран региона, но с начала 1990-х годов все более значимую роль в стимулировании экономического роста в регионе начинают играть частные прямые инвестиции. При этом особое значение имеет тот факт, что подавляющая часть японских прямых инвестиций сосредоточена в обрабатывающей промышленности. Благодаря деятельности японских филиалов происходит не только расширение производственного и экспортного потенциала восточноазиатских экономик, но и повышение технического уровня и культуры производства на местных предприятиях, связанных с ними цепочками производственных связей. Кроме того, поскольку в рамках восточноазиатской производственной базы японских компаний происходит формирование системы межотраслевого и внутриотраслевого разделения труда, это объективно содействует углублению интеграционных процессов в регионе.

Конечно, помощь Японии экономическому развитию стран Восточной Азии не носит альтруистского характера. Выгоды от ускорения их социально-экономического развития получает и сама Япония – это и возможности расширения экспорта для японских предприятий, и появление новых привлекательных направлений для инвестиций японских компаний, и выгоды, получаемые японскими потребителями в результате притока в страну дешевых и качественных товаров, произведенных на азиатских филиалах, и использование японскими компаниями конкурентных преимуществ местных экономик для сохранения своей доли в мировом производстве и экспорте и т. д. В частности, что касается филиальной сети японских промышленных компаний в Восточной Азии, то, например, в 2010 г., они заработали здесь почти 2/3 всей прибыли от деятельности своих зарубежных филиалов (4 трлн. 800 млрд. иен из 7 трлн. 570 млрд. иен), хотя доля их азиатских филиалов в общем объеме продаж составляет порядка 45%⁴³.

Иными словами, выгоды от содействия Японии экономическому росту восточноазиатских экономик и повышению уровня их социально-экономического развития получают обе стороны. Несомненно, что масштабы присутствия японских компаний в странах региона будут нарастать, поскольку использование заложенного в их экономиках потенциала роста жизненно необходимо для оживления и выхода на траекторию устойчивого роста самой японской экономики.

⁴³ Summary of the 41st Survey on Overseas Business Activities (conducted in July, 2011). // www.meti.go.jp/

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЯПОНИЯ И СТРАНЫ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: УРОВНИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ВЕКТОРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

В начале XXI в. мы становимся свидетелями и участниками эпохальных событий: мировой социально-экономический, политический, культурный ландшафт стремительно и, главное, непрерывно меняется. Рост «волатильности» и неопределенности – это уже не характеристики какого-либо периода, пусть даже достаточно длительного, а неотъемлемая черта современного развития. Кризис 2008–2010 гг. – первый мировой кризис эпохи глобализации – это лишь внешнее проявление глубинных изменений механизма глобальной экономики и ее отдельных элементов, имея в виду как национальные экономические комплексы, так и хозяйственные субъекты – от гигантских транснациональных компаний (ТНК) до мельчайших семейных предприятий. Приведем в связи с этим мнение главного исполнительного директора «General Electric» Дж. Иммелта, который полагает, что «нынешний экономический кризис не является частью цикла. Это – перезагрузка, эмоциональная, социально болезненная, экономическая перезагрузка. Те, кто это понимает, будут успешны. Непонимающие обречены»¹.

Развивая эту мысль, известный американский социолог Р. Флорида формулирует свое понимание происходящего: «Большая перезагрузка – широкое, фундаментальное преобразование экономического и социального порядка, которое связано не только с экономическими или финансовыми факторами в строгом смысле слова. Настоящая Перезагрузка изменяет как отдельные способы модернизации производства, так и весь экономи-

¹ Из выступления на ежегодной конференции Business for Social Responsibility в 2008 г. Цит. по: Большая перезагрузка: как кризис изменит наш образ жизни и рынок труда// Классика-XXI, 2012. С. 11.

ческий ландшафт... Со временем это приводит к формированию нового образа жизни, определяемого новыми желаниями и потребностями, новыми моделями потребления, создавая условия для расширения производства и повышения продуктивности, для появления лучших рабочих мест»².

Мысль о необходимости реформирования современной экономической системы звучала и в выступлении Б. Гейтса на Всемирном экономическом форуме в Давосе в январе 2012 г., где, характеризуя современный капитализм как «феноменальную систему», он, тем не менее, заявил: «Мы переживаем тяжелое время, когда закончился один период, но не начался другой»³.

Современные изменения структуры, динамики и трендов развития мировой экономики, выразившиеся в появлении на мировой экономической арене новых «полюсов роста», в том числе в восточноазиатском регионе (имея в виду, прежде всего Китай)⁴, переход к мультиполярной структуре мировой экономики⁵ и так называемому «новому нормальному росту» (подразумевающему в том числе разнотемпную экономическую динамику развитых и развивающихся стран), формирование достаточно успешных национальных социально-экономических моделей в определенной степени альтернативных моделям стран с развитой рыночной экономикой формируют принципиально новую внешнюю, международную среду для развития национальных экономических комплексов и деятельности корпораций. В этих условиях правительства развитых стран – и в этом смысле Япония не исключение, а скорее один из наиболее ярких примеров – оказываются перед жесткой необходимостью изменения своей международной специализации, поиска своего нового места в мировой экономической структуре, выработки стратегии долгосрочного роста, способной обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие, принимая таким образом новые вызовы в условиях изменчивости внешней среды.

² Большая перезагрузка: как кризис изменит наш образ жизни и рынок труда// Классика-XXI, 2012. С. 12.

³ <http://expert.ru/2012/01/26/davos-protiv-krizisa>

⁴ В 2007 г. появилась работа директора Всемирного банка (ВБ) по Китаю и Монголии Д. Доллара «Азиатский век или мультиполярный век?» (Asian century or multi-polar century?), в которой автор анализирует феномен превращения азиатских стран, в первую очередь, Китая в драйвер глобального экономического роста и влияние этого феномена на общую конфигурацию мировой экономической системы // *Dollar D.* (World Bank Country Director, China and Mongolia); Asian century or multi-polar century?// World Bank Policy Research Working Paper 4174, March 2007 // <http://documents.worldbank.org/curated/en/2007/03/7471906/asian-century-or-multi-polar-century>

⁵ В 2011 г. концепция мультиполярности в более полном и законченном на сегодняшний день и почти «официальном» виде нашла отражение в докладе ВБ «Мультиполярность: новая глобальная экономика». Multipolarity: The New Global Economy// <http://documents.worldbank.org/curated/en/2011/01/14407725/multipolarity-new-global-economy-global-development-horizons-2011>

В данной главе речь пойдет о формировании новой «экономической структуры» региона Восточной Азии⁶ и месте в ней Японии, которая, как известно, стала первой азиатской страной, вырвавшийся в число мировых лидеров. Это впоследствии стало одним из факторов модернизации экономик других азиатских стран. Ее успешная модель догоняющего развития на несколько десятилетий стала образцом для новых индустриальных стран Азии первой, а затем и второй волны. В результате в регионе сложилась и определенная модель разделения труда, в рамках которой Японии отводилась роль поставщика капитала, технологий, высокотехнологичной продукции, а страны-партнеры специализировались на более простой, трудоемкой продукции и играли роль производственной базы для японских корпораций.

В XXI в. ситуация коренным образом меняется. Япония утрачивает свою конкурентоспособность в производстве многих видов продукции обрабатывающей промышленности (например, доля высокотехнологичной продукции в экспорте Китая выше, чем в японском экспорте), а страны Восточной Азии (в частности, Республика Корея, НИС второй волны и даже Китай) отчасти лишаются конкурентного преимущества в виде дешевой рабочей силы. В то же время Азия и в первую очередь Восточная Азия становится приоритетным регионом и во внешнеэкономической политике Японии, и в стратегиях ее корпораций. Не случайно, что первым зарубежным визитом нового премьер-министра Японии С. Абэ в январе 2013 г. стало турне по странам Восточной Азии (Вьетнам, Таиланд, Индонезия). При этом важно подчеркнуть, что в своих выступлениях во время визита японский премьер не раз высказывал мысль о равном партнерстве Японии и стран АСЕАН⁷.

Каково реальное соотношение экономических потенциалов и уровней социально-экономического развития в Восточной Азии? Какую роль будет играть Япония в Восточной Азии? Сможет ли она претендовать

⁶ В соответствии с классификацией ООН (ЮНКТАД), в регион «Восточная и Юго-Восточная Азия» включаются 7 стран и экономических территорий субрегиона «Восточная Азия» (Китай, Гонконг, КНДР, Республика Корея, Макао, Монголия, Тайвань), 11 стран и экономических территорий субрегиона «Юго-Восточная Азия» (Бруней, Камбоджа, Индонезия, Лаос, Малайзия, Мьянма, Филиппины, Таиланд, Тимор, Вьетнам) и 9 стран субрегиона «Южная Азия» (Афганистан, Бангладеш, Бутан, Индия, Иран, Мальдивы, Непал, Пакистан, Шри Ланка) В случае, когда мы будем использовать международную статистику, мы будем придерживаться именно этой классификации, если не указано иное. Однако, в целях проведения точечного сравнительного анализа, мы будем выбирать наиболее динамичные и актуальные с точки зрения исследования японской проблематики страны и экономические территории, в том числе страны группы БРИК и страны-члены АСЕАН. // http://unctad.org/en/Pages/DIAE/World%20Investment%20Report/WIR2011_WebFlyer.aspx

⁷ The Bounty of the Open Seas: Five New Principles for Japanese Diplomacy. January 18, 2013 // mofa.go.jp/announce/pm/abe/abe_0118e.html; Abe's Visit to Southeast Asia and Japan's Five New Diplomatic Principles// <http://www.nippon.com/en/editor/f00016>

на место экономического лидера, нужно ли ей к этому стремиться и в чем может состоять смысл ее лидерства? Какое место занимает регион во внешнеэкономической стратегии Японии? Каким будет разделение труда между Японией и ее ближайшими соседями? Для исследования всех этих и многих других актуальных для понимания нынешней и будущей ситуации в Японии и регионе необходимо понять реальные экономические позиции Японии в мире и Азии, обозначить уровни, стадии и траектории экономического роста в регионе в контексте тех глобальных изменений в мировой экономике, о которых говорилось выше.

Место Японии в мировой и азиатской экономике.

В течение всего послевоенного периода вплоть до второй половины 1980-х гг. Япония последовательно наращивала свой удельный вес в мировом совокупном продукте (ВВП), приближаясь к мировому лидеру – США, что, собственно, и отражало успехи ее модели догоняющего развития. Этому способствовало то обстоятельство, что Япония продолжала реализовывать свою успешную модель индустриальной экономики даже тогда, когда другие развитые страны уже более активно переходили к экономике услуг, для которой характерны умеренные и низкие темпы роста. Однако, с конца 1980-х гг. началось плавное снижение доли Японии в мировом ВВП, которое происходило однако практически синхронно с движением этого показателя для всей группы развитых стран. При этом следует учитывать, что значительный временной отрезок исследуемого периода пришелся на 1990-е – 2000-е гг., когда Япония переживала экономическую депрессию, последствия финансово-экономического кризиса и катастрофы марта 2011 г.⁸ Какое же место занимает японская экономика в мировом производстве товаров и услуг сейчас? (см. Таблицу 1).

В соответствии с расчетами по ППС, Китай еще в конце 1990-х гг. обогнал Японию по абсолютным размерам ВВП, в 2000-е годы по этому показателю ее обошла и Индия. А в 2010 г. произошло эпохальное событие: Япония формально утратила статус второй экономики мира (расчет по текущему валютному курсу), уступив эту позицию Китаю, и стала «второй азиатской экономикой».

В условиях перехода мировой экономики к двухскоростной динамике Япония оказалась в низкоскоростном сегменте. Более того, в период финансово-экономического кризиса 2008–2010 гг. экономический спад в Японии был более глубоким, нежели в других развитых странах, и восстановление экономики после кризиса идет медленнее (см. Таблицы 2 и 3).

⁸ Подробнее см. Тимонина И. Л. Япония в глобальной экономике: настоящее и будущее// Глобальные вызовы – японский ответ, М., 2008. С. 151–175.

По темпам экономического роста в 2011–2012 гг. Япония существенно уступает и другим развитым странам и странам – соседям по Азии.

Таблица 1. Доли стран и групп стран в мировом ВВП (%)

Страны и группы стран	1950	1970	1990	2000	2007	2011	2012
Весь мир	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Развитые страны, в том числе:	59,7	58,0	54,8	51,5	56,3	51,5	50,1
США	28,3	22,5	20,6	20,8	21,3	19,1	18,9
Япония	2,9	7,0	8,6	7,3	6,6	5,6	5,6
Германия	5,6	5,8	5,0	4,5	4,3	3,9	3,8
Франция	3,9	4,2	3,7	3,3	3,2	2,9	2,7
Великобритания	5,9	4,0	3,4	3,0	3,3	2,9	2,8
Развивающиеся страны*	25,0	24,2	33,3	41,4	39,1	41,1	42,2
Индия	2,9	2,3	3,1	4,2	4,6	5,7	5,6
Китай	4,6	3,3	6,7	12,7	10,8	14,3	14,0
С переходной экономикой (социалистические страны)	15,3	17,8	11,9	7,1	4,5**	4,3**	4,3**
Россия (СССР)	6,4	7,6	5,1	2,4	3,2	3,0	3,0

Примечания: по ППС

* мир – минус развитые минус Центральная и Восточная Европа и СНГ; **СНГ;

Рассчитано и составлено по: IMF World Economic Outlook: October 2008.P. 253; April 2012. P.180; October 2010. P.185; April 2013. P. 139

<http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2013/01/index.htm>

<http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2008/02/pdf/text.pdf>

<http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2010/02/index.htm>

На фоне замедления темпов экономического роста одной из ключевых проблем для Японии стала относительная утрата конкурентоспособности в целом ряде отраслей промышленного производства, включая некоторые отрасли средней и высокой технической сложности.

Таблица 2. Темпы роста ВВП в мире и отдельных странах и группах стран в 2004 – 2012 гг. (% к предыдущему году)

Страны и группы стран	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012*
Все страны мира	4,1	3,5	4,1	4,0	1,5	-2,3	4,1	2,7	2,3
Развитые страны	3,0	2,4	2,8	2,6	0,0	-3,9	2,8	1,4	1,1
в том числе:									
Япония	2,4	1,3	1,7	2,2	-1,0	-5,5	4,4	-0,7	2,2
США	3,5	3,1	2,7	1,9	-0,4	-3,5	3,0	1,7	2,0
ЕС27	2,6	2,0	3,3	3,2	0,3	-4,4	2,1	1,5	-0,3
в том числе:									
Франция	2,5	1,8	2,5	2,3	-0,1	-3,1	1,7	1,7	0,3
Германия	1,2	0,7	3,7	3,3	1,1	-5,1	3,7	3,0	0,9
Развивающиеся страны	7,4	6,8	7,6	7,9	5,3	2,4	7,5	5,9	4,9
Восточная Азия	8,3	8,6	10,0	11,1	7,0	5,9	9,4	7,6	6,3
в том числе:									
Китай	10,1	11,3	12,7	14,2	9,6	9,2	10,4	9,2	7,9
Южная Азия	7,5	8,2	8,5	8,9	5,8	5,5	7,3	6,0	5,2
в том числе									
Индия	8,3	9,3	9,6	9,7	7,5	7,0	9,0	7,0	6,0

*Оценка

Составлено по: UNCTAD Trade and World Development Report 2012, p. 2.

По индексу глобальной конкурентоспособности ВЭФ Япония занимает очень достойное 10 место из 144 стран, причем по сравнению с началом 2000-х гг. ее рейтинг существенно повысился (см. Таблицу № 4). Из других азиатских экономик выше Японии в рейтинге 2012–2013 гг. стоит только Гонконг, «ближайшие» места других стран региона: Тайвань – 13 место, Республика Корея – 19, Малайзия – 25, Китай – 29, Таиланд – 38, Индонезия – 50, Индия – 59⁹. По оценке экспертов ВЭФ, вместе с 34 другими странами Япония находится на стадии «конкуренции, движимой инновациями» (из экономик Восточной Азии в эту группу входят только Тайвань и Гонконг).

⁹ The Global Competitiveness Report 2012–2013. P. 10

// <http://reports.weforum.org/global-competitiveness-report-2012–2013>

Таблица 3. Темпы роста реального ВВП в странах Азии (2012 – 2014 гг. – прогноз)

Страны	2010	2011	2012	2013	2014
Япония	4,7	-0,6	2,0	1,6	1,4
Китай	10,4	9,3	7,8	8,0	8,2
Гонконг*	6,8	4,9	1,4	3,0	4,4
Республика Корея	6,3	3,6	2,0	2,8	3,9
Тайвань**	10,8	4,1	1,3	3,0	3,9
Индия	11,2	7,7	4,0	5,7	6,2
Индонезия	6,2	6,5	6,2	6,3	6,4
Малайзия	7,2	5,1	5,6	5,1	5,2
Филиппины	7,6	3,9	6,6	6,0	5,5
Сингапур	14,8	5,2	1,3	2,0	5,1
Таиланд	7,8	0,1	6,4	5,9	4,2
Вьетнам	6,8	5,9	5,0	5,2	5,2

*специальный административный район Китая (далее Гонконг)

** провинция Китая (далее Тайвань)

Составлено по: Regional Economic Outlook: Asia and Pacific. April 2013// <http://www.imf.org/external/pubs/ft/reo/2013/APD/eng/areo0413.htm>

Однако при использовании индекса ВЭФ для оценки национальной конкурентоспособности, следует учитывать особенности методики его расчета¹⁰: этот индекс все же в большей степени определяет условия, потенциал поддержания и повышения конкурентоспособности компаний и всей национальной экономики.

¹⁰ Индекс глобальной конкурентоспособности (GCI) представляет собой одну из наиболее комплексных и авторитетных оценок силы и слабости национальных экономик. Публикуется с 1979 г., в настоящее время – по 144 странам. Составляется на основе анализа открытой информации по странам и экспертных оценок. В составлении рейтингов участвуют ведущие исследовательские организации стран, являющиеся партнерами программы оценки конкурентоспособности, а также предпринимательские организации. В частности, при составлении рейтинга 2007 г. было опрошено более 11 тыс. бизнес-лидеров в 131 стран. GCI, разработанный для ВЭФ профессором Колумбийского университета К. Сала-и-Мartiном, был впервые опубликован в 2004 г. В 2007 г. GCI был усовершенствован. Теперь он состоит из 12 компонентов: качество институтов, инфраструктура, макроэкономическая стабильность, здоровье и начальное образование, высшее образование и профессиональная подготовка, эффективность рынка товаров и услуг, эффективность рынка труда, развитость финансового рынка, технологический уровень, размер рынка, конкурентоспособность компаний, инновационный потенциал // The Global Competitiveness Report 2007–2008.

Показателем же реальной конкурентоспособности экономики страны, отдельных отраслей, компаний, по нашему мнению, может скорее служить положение на международном рынке. В последние десятилетия происходит снижение доли Японии в мировой торговле (впрочем, это характерно для всей группы развитых стран). В 2011 г. Япония занимала 4 место в мировом торговом обороте (и по экспорту, и по импорту), а ее доля в мировом товарном экспорте составляла 4,5 % против 10,3% в 1986 г.¹¹

Таблица 4. Позиции Японии в рейтингах конкурентоспособности Всемирного экономического форума.

Год	Рейтинговый номер по Индексу глобальной конкурентоспособности*
2012	10
2011	9
2010	6
2009	8
2008	9
2007	8
2006	7
2005	10
2004	9
2003	11
2002	11
2001	21
2000	21

Составлено по: The Global Competitiveness Report 2000/2001 – 2012/2013// <http://reports.weforum.org/global-competitiveness-report>

Примечание:

* до 2004 г. включительно рассчитывался Индекс конкурентоспособности роста.

Факторы, обуславливающие снижение доли Японии, как и других развитых стран в мировой торговле, в общем-то, известны. Это – переход этих стран на постиндустриальную стадию развития, в той или иной мере сопровождающийся деиндустриализацией, конкуренция со стороны успешно индустриализирующихся развивающихся стран Вос-

¹¹ Trade profile WTO 2011 (апрель 2013) // <http://stat.wto.org/CountryProfile/WSDBCountryPFView.aspx?Language=E&Country=JP>

точной Азии и Латинской Америки, прогрессирующая транснационализация бизнеса. В условиях, когда производственные системы компаний представляют собой разветвленные международные сети, основными субъектами международной (а правильнее сказать, трансграничной) торговли становятся не столько страны, сколько компании, растет доля внутрифирменных торговых операций, а предметом международной торговли все больше становятся не товары и услуги, а добавленная стоимость¹². В 1998 – 2011 гг. вклад промежуточной продукции в рост экспорта Японии составлял около 75%, для Китая этот показатель равнялся примерно 40%, стран Восточной Азии (за исключением Китая) – 60%, стран АСЕАН (Индонезия, Малайзия, Филиппины, Сингапур, Таиланд, Вьетнам) – около 77 %¹³.

Разделение труда между Японией и странами Восточной Азии в настоящее время определяется межрегиональным движением промежуточной продукции, в рамках которого Япония имеет доминирующие позиции. Япония имеет положительное сальдо в торговле промежуточной продукцией с Республикой Корея, Китаем, Тайванем, странами АСЕАН¹⁴. В результате между Японией и странами Восточной Азии складывается следующая модель разделения труда: Япония сохраняет свое конкурентное преимущество в экспорте частей и компонентов, материалов и другой промежуточной продукции, импортируя первичную продукцию и потребительские товары. Однако при этом складывается такая ситуация, при которой Япония «отдает» значительную часть добавленной стоимости странам, где размещаются производства японских корпораций, что и становится одним из факторов снижения доли страны в мировой торговле.

Вполне закономерна тесная взаимосвязь и взаимообусловленность описанной выше модели торговых отношений в регионе и потоков прямых инвестиций (ПИИ). Движение японских ПИИ и в регионе, и в

¹² Для введения в контекст данной проблематики адресуем читателя к исследовательскому проекту Всемирной торговой организации (ВТО) под названием «Made In The World», участники которого анализируют проявления и последствия изменения структуры мировой торговли, связанные с прогрессирующей транснационализацией бизнеса. В рамках данного проекта ВТО был подготовлен и опубликован целый ряд докладов и статей, в том числе «The Shifting Geography of Global Value Chains: Implications for Developing Countries and Trade Policy» 2012; «Trade in value added: what is the country of origin in an interconnected world?» 2011; «Measuring value-added trade: what's in it for developing countries?» и другие// http://www.wto.org/english/res_e/statist_e/miwi_e/miwi_articles_e.htm

¹³ Попутно заметим, что во внутрирегиональном экспорте стран АСЕАН в 2000–2011 гг. увеличилась доля потребительских товаров – с 17 до 27%, в то время как доля промежуточной продукции снизилась в тот же период с 26 до 20%, что свидетельствует о росте потребительского рынка в этих странах// Regional Economic Outlook: Asia And Pacific. April 2013. P. 8, 18// <http://www.imf.org/external/pubs/ft/reo/2013/APD/eng/areo0413.htm>

¹⁴ 2011 JETRO Global Trade and Investment Report. International Business as a Catalyst for Japan's Reconstruction. P. 79–80.

глобальном масштабе характеризуются значительным преобладанием их экспорта из Японии над импортом¹⁵. Японские инвестиции составляют заметную часть притока ПИИ и играют важную роль в экономике ряда стран Восточной Азии (например, в 2010 г. ПИИ, поступившие из Японии в Сингапур, были эквивалентны 14,6% ВВП этой страны, для Таиланда этот показатель равнялся 11,7%, Гонконга – 9,3%)¹⁶. Доля Азии в накопленных за рубежом ПИИ составляла в 2010 г. около 25% против 19% в 2003 г., в то время как удельный вес Северной Америки сократился с 42 до 31%¹⁷. В 2011 г. чистый годовой приток японских ПИИ в Китай был уже сопоставим с инвестициями в США – соответственно 12,6 и 14,7 млрд. долл.¹⁸

Итак, по целому ряду основных традиционных количественных показателей, характеризующих место страны в мировой экономике и международном экономическом обмене, Япония уступает свои позиции¹⁹. Вместе с тем в условиях меняющейся экономической действительности, очевидно должны вноситься коррективы и в систему приоритетов экономического развития стран и регионов, и в систему оценки уровня развития стран.

С учетом данного обстоятельства так ли уже очевиден факт утраты Японией своего лидирующего положения в мире и регионе? Для прогнозирования будущей экономической структуры восточноазиатского региона, необходимо понять, каковы реальные позиции Японии в регионе и насколько полно она использует здесь свой экономический потенциал? Насколько выгодно для Японии сложившееся ныне разделение труда и может ли вообще сохраняться нынешнее положение вещей?

Комплексная оценка уровня социально-экономического развития Японии и стран Восточной Азии

Для ответа на эти вопросы важно оценить реальный уровень социально-экономического развития Японии в сравнении с другими странами,

¹⁵ Подробнее см.: *Тимонина И. Л.* Иностраный капитал на японском рынке // Япония, открытая миру. М. 2007. С. 138 – 162; *Тимонина И. Л.* Япония в глобальной экономике: настоящее и будущее // Глобальные вызовы – японский ответ. М. 2008. С. 151 – 175.

¹⁶ 2011 JETRO Global Trade and Investment Report. International Business as a Catalyst for Japan's Reconstruction. С. 12.

¹⁷ 2011 JETRO Global Trade and Investment Report. International Business as a Catalyst for Japan's Reconstruction. P. 79–80

¹⁸ JETRO Trade Investment report 2012 // http://www.jetro.go.jp/en/reports/white_paper

¹⁹ Исследуя данный вопрос мы должны принимать во внимание то обстоятельство, что Япония вынуждена принимать вызовы нового века, еще не полностью освободившись от наследия периода «догоняющего» развития и последствий длительной рецессии 1990-х годов, кризиса 2008–2010 гг. и катастрофы 2011 г. И эти серьезные, но все же преходящие проблемы необходимо отделять от фундаментальных изменений, происходящих в японской экономике, мире и регионе.

как развитыми, так и динамично растущими «соседями». Такой анализ даст возможность оценить потенциал будущего развития Японии, выявить уязвимые точки и одновременно «незакрытые» сегменты спроса, которые могут стать «площадками» для роста в будущем. Кроме того, проблема адекватной оценки уровня социально-экономического развития Японии актуальна с точки зрения понимания реальной экономической и политической структуры и перспектив развития региона Восточной Азии, АТР и всего мира.

Гипотеза, которую мы попытаемся подтвердить или опровергнуть, может быть описана двумя положениями. 1) По качественным характеристикам социально-экономического развития Япония превосходит любую из стран региона Восточной Азии. 2) Япония имеет перспективы предложить странам региона модель «организации жизни», что станет стимулом для экспорта товаров и услуг в страны региона.

С учетом новых экономических реалий представляется целесообразным дополнение традиционных экономических показателей «первого ряда» по которым в первую очередь судят об экономических успехах страны (ВВП, ВНД на душу населения, экспорт, импорт и др.), набором формализованных количественных и качественных индикаторов, позволяющих оценить достижения страны в сфере качества жизни и инновационного развития. В комплекс таких взаимодополняющих индикаторов целесообразно включить составляющие рейтинга Better Life ОЭСР, индекса конкурентоспособности (ИГК) ВЭФ, индекса человеческого развития UNDP, параметры индекса «экономики знаний» Всемирного банка. Данные индикаторы, как и их составляющие, не являются абсолютно объективными, и, тем не менее, использование их в совокупности с признанием большей значимости наиболее актуальных в контексте современных тенденций мирового развития (в частности, индикаторов качества жизни, привлекательности страны, инновационного развития) повышает уровень достоверности результатов. Выявление и совпадение «сильных» и «слабых мест» страны в различных индексах и индикаторах, может способствовать выявлению возможностей и обнаружению тех «лакунов», в которые могут быть направлены усилия японского бизнеса и государства и которые могут стать точками роста. В то же время выявление потребностей других стран региона позволит оценить возможности японского «экспорта систем и решений».

Индекс «Лучшей жизни» (Better Life) ОЭСР позволяет сравнить благосостояние в разных странах по 11 аспектам, которые эксперты организации выделили в качестве важнейших показателей условий и качества жизни (см. Таблицу 5)²⁰.

²⁰ Исследование базируется на концепции, согласно которой традиционные макроэкономические показатели не полностью отражают качество жизни и его оценку людьми. Индекс

Таблица 5. Значения субиндексов Индекса «Лучшей жизни» ОЭСР

Субиндексы	Япония	США	Германия	Республика Корея
Жилищные условия	4,7	7,8	6,1	5,7
Доход	6,0	10,0	5,2	2,5
Работа	7,1	7,5	7,3	5,1
Общество	7,8	8,0	9,0	4,1
Образование	8,8	8,0	7,7	7,8
Экология	7,3	7,9	9,3	6,3
Гражданские права	4,8	7,7	4,0	5,9
Здоровье	5,0	8,4	7,0	4,8
Удовлетворенность	3,9	7,6	6,0	7,0
Безопасность	9,9	8,8	8,0	9,0
Работа/отдых	3,3	5,7	8,1	5,0
Среднее значение	6,2	7,9	7,1	5,7

Источник: <http://www.oecdbetterlifeindex.org/ru/countries/japan-ru/>

Методика оценки данного индекса не предполагает определения общих рейтинговых мест, однако, если вывести средние показатели по 11 позициям (с условием равной значимости каждой из них), то мы увидим, что Япония имеет более низкий общий показатель по сравнению с США и Германией, и опережает Южную Корею. При этом низкие значения имеет по таким позициям как «жилищные условия», «гражданские права», «удовлетворенность жизнью» (27 место в общем рейтинге)²¹ и «работа/отдых» (соотношение рабочего и свободного времени, 34 место в общем рейтинге). Между тем, в сфере безопасности Япония второй год подряд набрала наибольшее количество баллов, а в области образования заняла второе место, благодаря высокому охвату и качеству образования, грамотности и академическим достижениям граждан.

Если опираться на средний показатель по 11 позициям, то в последнем рейтинге Япония заняла 21-е место из 36-ти²². По сравнению с резуль-

охватывает 34 страны-участницы Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в которой объединены большинство развитых экономик мира и несколько развивающихся экономик, а также основных партнеров – Бразилия и Россия. Со временем Индекс будет расширен и охватит других четырех ключевых партнеров ОЭСР: Индию, Индонезию, Китай и ЮАР/http://www.oecdbetterlifeindex.org/ru/about/ru_whats-your-better-life-index

²¹ 70% опрошенных японцев отметили, что у них за день происходит больше положительных событий (ощущение отдыха, гордость за выполненную работу, радость), чем отрицательных (боль, беспокойство, печаль и скука). Средний показатель по странам ОЭСР – 72%.

²² В «общем зачёте» второй год подряд первое место занимает Австралия, затем идут Норвегия и США.

татами прошлого года Япония опустилась в рейтинге на две ступени, что, очевидно, связано с малым количеством баллов в таких областях, как баланс между работой и личной жизнью и удовлетворённость жителей страны своей жизнью²³.

По ИГК ВЭФ (общее 10 место в 2012 г.) Япония имеет низкие показатели²⁴ по следующим позициям: бизнес-образование, стоимость сельскохозяйственной продукции, закрытость рынка, а высокие²⁵ – по целому ряду показателей, оценивающих развитие социальной и производственной инфраструктуры, а именно состояние дорожной инфраструктуры, инфраструктуры авиатранспорта, коммуникационной инфраструктуры, здравоохранение и начальное образование.

В рейтинге стран по **Индексу развития человеческого потенциала** (ИРЧП) Программы развития ООН (Human Development Index UNDP)²⁶ Япония занимает общее 10 место со высокими значениями всех субиндексов и положительной динамикой в последние 30 с лишним лет²⁷.

Если сравнивать позиции Японии по этому важнейшему из используемых международным сообществом в настоящее время индексов уровня и качества жизни стран с позициями других развитых государств, новых индустриальных экономик, стран АСЕАН и двух быстро растущих крупных экономик Восточной Азии, то мы увидим следующую картину (см. Таблицу 6). Япония прочно занимает место в группе

²³ Использованы фрагменты комментария, помещенного по адресу// <http://news.leit.ru/archives/12491>

²⁴ По этим показателям место Японии в рейтинге ниже, чем ее общая позиция.

²⁵ По этим показателям место Японии в рейтинге выше, чем ее общая позиция.

²⁶ Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) – интегральный показатель, рассчитываемый ежегодно для межстранового сравнения и измерения уровня жизни, грамотности, образованности и долголетия как основных характеристик человеческого потенциала исследуемой территории. Он является стандартным инструментом при общем сравнении уровня жизни различных стран и регионов. Составляющие индекса: *Доход на душу населения* по ППС; *ожидаемая продолжительность жизни при рождении* (Life expectancy at birth) – количество лет, которое может прожить новорожденный младенец, если существующие на момент его рождения преобладающие тенденции в области показателей смертности для конкретных возрастных групп останутся без изменений на протяжении всей его жизни); *сводный индекс образования* (состоит из двух показателей: *ожидаемой продолжительности обучения* (Expected years of schooling) – количество лет образования, которое, как ожидается, может получить ребенок, достигший официально установленного возраста поступления в школу, если в течение его жизни сохранятся преобладающие тенденции в области показателей охвата населения образованием и *средней продолжительности обучения* (Mean years of schooling) – среднее количество лет образования, полученного лицами в возрасте 25 лет и старше в течение жизни, основанное на показателе образовательного уровня населения, пересчитанном в количество лет обучения на основе теоретической продолжительности каждого уровня полученного образования// <http://viperson.ru/ipc.php>

²⁷ <http://hdrstats.undp.org/en/countries/profiles/JPN.html>

стран с очень высоким уровнем человеческого потенциала (от 0,905). Из стран Восточной Азии в эту группу входят только Республика Корея и Сингапур, «на пороге группы» находится Гонконг. При этом значения индекса в лидирующей группе очень близки (максимальный показатель Норвегии – 0,955). Другие страны Восточной Азии (помимо трех названных выше «новых индустриальных экономик», по Тайваню информация отсутствует) следуют с большим отрывом, и разброс показателей по всей группе также значителен). Таким образом разница в значении ИРЧП между первой и третьей по ВВП экономиками мира, т. е. США и Японией составляет 0,025, а между второй и третьей – Японией и Китаем – 0,21, т. е. больше в 8,5 раз. Результат, в общем-то, ожидаемый.

Таблица 6. Индекс развития человеческого потенциала

	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (лет)	Средняя продолжительность обучения взрослых (лет)	Доход на душу населения по ППС, в постоянных международных долл. 2005 г. (долл.)	Ранжирование*	Значение индекса
США	78,7	13,3	43480	3	0,937
Германия	80,6	12,2	35431	5	0,920
Япония	83,6	11,6	32 545	10	0,912
Республика Корея	80,7	11,6	28231	12	0,909
Гонконг	83	10	45598	13	0,906
Сингапур	81,2	10,1	52613	18	0,895
Малайзия	74,5	9,5	13676	64	0,769
Китай	73	7,5	7945	101	0,699
Таиланд	74,3	6,6	7722	103	0,690
Филиппины	69	8,9	3752	114	0,654
Индонезия	69,8	5,8	4154	121	0,629
Вьетнам	75,4	5,5	2970	127	0,617
Индия	65,8	4,4	3285	136	0,554

*Всего представлено 186 стран

Составлено по: <http://hdrstats.undp.org/en/indicators/103106.html>

<http://hdrstats.undp.org/en/countries/profiles/USA.html>

<http://hdrstats.undp.org/en/countries/profiles/CHN.html>

<http://hdrstats.undp.org/en/countries/profiles/DEU.html>

<http://hdrstats.undp.org/en/countries/profiles/IND.html>
<http://hdrstats.undp.org/en/countries/profiles/JPN.html>
<http://hdrstats.undp.org/en/countries/profiles/KOR.html>
<http://hdrstats.undp.org/en/countries/profiles/SGP.html>
<http://hdrstats.undp.org/en/countries/profiles/HKG.html>
<http://hdrstats.undp.org/en/countries/profiles/THA.html>
<http://hdrstats.undp.org/en/countries/profiles/PHL.html>
<http://hdrstats.undp.org/en/countries/profiles/VNM.html>
<http://hdrstats.undp.org/en/countries/profiles/MYS.html>
<http://hdrstats.undp.org/en/countries/profiles/IDN.html>

Сравним приведенные результаты с оценками рейтинга независимо британского аналитического центра The Legatum Institute (подразделение международной инвестиционной группы «Legatum»)²⁸. В 2012 г. Япония занимала в этом рейтинге 22 место (см. Таблицу 7).

По соотношению позиций Японии и других стран региона ситуация здесь сходна с той, которая имеет место по ИРЧП, с той лишь разницей, что малые индустриальные экономики здесь стоят выше Японии за счет более высоких показателей по группе «Личные свободы» (Гонконг, Тайвань) и «Экономика» (Гонконг, Тайвань, Сингапур).

Принципиально важными в наше время являются оценки **инновационного потенциала** стран: конкурентная борьба компаний, отраслей и национальных экономик в целом заметно сместилась в научно-технологическую и инновационную сферу. Комплексную оценку инновационного потенциала стран проводит Всемирный банк²⁹. В рамках методики «оценки знания» (Knowledge Assessment Methodology – КАМ) здесь оценивается около 80 количественных и качественных параметров, которые в совокупности позволяют определить степень «продвинутой» страны по пути формирования «экономики знаний», необходимым условием развития которой является наличие инновационного потенциала. Показатели, применяемые в данной методике, оцениваются по четырем основным параметрам «экономики знаний»: 1) экономическое стимулирование и институциональные особенности, 2) образование и человеческий капитал, 3) уровень развития ИКТ, 4) текущий уровень инновационной

²⁸ Центр занимается изучением проблем общественного благополучия с 2006 г. и составляет рейтинг по Индексу процветания стран мира (The Legatum Prosperity Index), который рассчитывается по 8 категориям показателей общественного благосостояния для каждого государства на основе данных статистики, экспертных оценок, социологических исследований по 142 странам. Статистические данные, используемые в рейтинге, получены из ООН, Всемирного банка, ОЭСР, ВТО, Gallup, Economist Intelligence Unit, IDC, Pyramid Research и других институтов. В редакционный совет издания Индекса входят представители ряда ведущих университетов и исследовательских центров// <http://gtmarket.ru/ratings/legatum-prosperity-index/info>

²⁹ http://info.worldbank.org/etools/kam2/KAM_page5.asp

активности. КАМ используется для подсчета двух индексов – индекса знаний (Knowledge Index – KI) и индекса экономики знаний (Knowledge Economy Index – KEI)³⁰. Позиции Японии в рейтинге по индексу экономики знаний и индексу знаний в 1995 и 2012 гг. представлены в таблице 8.

Таблица 7.

Позиции стран в рейтинге The Legatum Prosperity Index (2012)

	Рейтинговая позиция	Экономика	Предпринимательство	Управление	Образование	Здравоохранение	Безопасность	Личные свободы	Социальный капитал
США	12	20	12	10	5	2	27	14	10
Германия	14	6	18	16	15	5	21	12	15
Гонконг	18	9	15	23	39	30	5	23	25
Сингапур	19	3	11	15	41	22	12	54	39
Тайвань	20	7	24	31	4	29	11	27	24
Япония	22	12	23	22	23	6	16	42	20
Республика Корея	27	23	19	30	7	24	40	56	51
Малайзия	45	15	44	35	40	45	62	111	100
Вьетнам	53	39	73	61	80	80	55	99	35
Китай	55	11	66	65	50	67	101	128	29
Таиланд	56	18	61	64	70	71	99	129	19
Индонезия	63	43	85	80	84	95	68	80	27
Филиппины	67	47	75	63	72	93	112	55	72
Индия	101	57	99	49	100	104	114	67	138

Составлено по: <http://www.prosperity.com/>; <http://gtmarket.ru/ratings/legatum-prosperity-index/info>

³⁰ Подробнее см. Масленников Н. Методология «оценки знаний» и инновационный потенциал Японии. Японский опыт для российских реформ, 2007, выпуск первый // <http://www.japan-assoc.ru/publikacii/nauka/japon-opyt-2007-1/metodologija-ocenki-znaniy-i-innovacionny-potencial-japonii.html>

Таблица 8.

Основные индексы и параметры «экономики знаний» для Японии, других развитых стран и стран Восточной Азии

Страны	KEI		KI	Экономическое стимулирование и институциональные особенности		Текущий уровень инновационной активности		Образование и человеческий капитал		ИКТ	
	2012	1995		2012	1995	2012	1995	2012	1995	2012	1995
Германия (8) *	8,90	8,91	8,83 (10)**	9,10	9,03	9,11	9,20	8,20	8,52	9,17	8,92
США (12)	8,77	9,53	8,89 (9)	8,41	9,30	9,46	9,55	8,70	9,44	8,51	9,84
Тайвань (Китай) (13)	8,77	8,36	9,10 (4)	7,77	7,80	9,38	9,21	8,87	8,11	9,06	8,33
Гонконг (Китай) (18)	8,52	8,43	8,17 (23)	9,57	9,31	9,10	8,69	6,38	6,62	9,04	9,11
Япония (22)	8,28	8,77	8,53 (18)	7,55	8,19	9,08	9,31	8,43	8,81	8,07	8,80
Сингапур (23)	8,26	8,40	7,79 (31)	9,66	9,62	9,49	9,05	5,09	5,94	8,78	9,00
Республика Корея (29)	7,97	8,16	8,65 (15)	5,93	6,93	8,80	8,22	9,09	9,13	8,05	8,34
Малайзия (48)	6,10	6,26	6,25 (52)	5,67	7,16	6,91	6,28	5,22	4,62	6,61	6,98
Китай (84)	4,37	3,99	4,57 (86)	3,79	3,46	5,99	4,07	3,93	3,68	3,79	4,77
Филиппины (92)	3,94	5,07	3,81 (97)	4,32	4,57	3,77	4,09	4,64	6,25	3,03	5,38
Вьетнам (104)	3,40	2,94	3,60 (99)	2,80	2,64	2,75	2,34	2,99	2,28	5,05	4,50
Индонезия (108)	3,11	3,68	2,99 (110)	3,47	4,08	3,24	2,38	3,20	3,07	2,52	5,20
Индия (110)	3,06	3,57	2,89 (112)	3,57	3,57	4,50	3,70	2,26	2,51	1,90	4,50

Примечания: * в скобках – место в рейтинге по KEI; ** в скобках – место в рейтинге по KI
Индексы рассчитаны по методу, учитывающему различия в численности населения отдельных стран.
Составлено по: http://info.worldbank.org/etools/kam2/KAM_page5.asp

Как мы можем видеть, рейтинговая позиция Японии за 17 лет снизилась. Наиболее высокий показатель в настоящее время, как и раньше, Япония имеет по параметру «Текущий уровень инновационной активности», который рассчитывается на основе численности исследователей в стране, числа патентных регистраций в США, числа статей в научно-исследовательских изданиях. В то же время самые низкие показатели у Японии по параметру «Экономическое стимулирование», включающему такие позиции как тарифные и нетарифные барьеры, качество регулирования и законодательство (подобная ситуация наблюдалась и в 1995 г.). Что касается сравнения со странами региона, то за исследуемый период Япония «пропустила вперед» Тайвань и Гонконг (по KEI). Разрыв в значении индекса с Китаем сократился с 4,78 до 3,91, а с Республикой Корея – с 0,66 до 0,31. Сингапур вплотную приблизился к Японии: разрыв минимальный – 0,02 против 0,37 в 1995 г. Среди других стран Восточной Азии приблизиться к Японии смогли Малайзия и Вьетнам, и увеличили отставание Филиппины, Индия и Индонезия, хотя и в том, и в другом случае разрыв остается значительным и несравнимым с различиями между странами лидирующей группы.

Важнейшим показателем уровня и потенциала социально-экономического развития является качество образования. Одним из индикаторов успехов стран в данной сфере могут служить рейтинги университетов (при понимании условности результатов всех оценок). В рейтинг 100 лучших университетов мира по версии THE World University Rankings³¹ вошли 11 учебных заведений стран Азии (см. Таблицу 9), в том числе 2 из них – японские, 2 – сингапурские, 2 – гонконгские, 3 – корейские, 2 – китайские. Таким образом, «численного превосходства» здесь у Японии нет, хотя Токийский университет и занимает самую высокую позицию в регионе.

В то же время в первом рейтинге азиатских университетов Times Higher Education (THE) японские учебные заведения заняли 22 из 100 мест, и Токийский университет возглавил список. Китай, Тайвань и Южная

³¹ Рейтинг лучших университетов мира (THE World University Rankings) – глобальное исследование и сопровождающий его рейтинг лучших высших учебных заведений мирового значения. Рассчитан по методике британского издания Times Higher Education (THE) при участии информационной группы «Thomson Reuters». Считается одним из наиболее влиятельных глобальных рейтингов университетов. Разработан в 2010 г. «Times Higher Education» совместно с «Thomson Reuters» и пришел на смену популярному рейтингу «World University Rankings», который выпускался с 2004 г. «Times Higher Education» совместно с компанией «Quacquarelli Symonds». В свою очередь «Quacquarelli Symonds» с 2010 г. выпускает рейтинг лучших университетов мира под названием «QS World University Rankings», который также считается одним из авторитетных в области высшего образования// <http://gtmarket.ru/ratings/the-world-university-rankings/info>

Таблица 9. Университеты стран Азии в рейтинге THE World University Rankings

Место в рейтинге	Название университета	Страна
27	Токийский университет	Япония
29	Национальный университет Сингапура	Сингапур
35	Университет Гонконга	Гонконг
46	Пекинский университет	КНР
50	Похангский научно-технологический университет (Pohang University of Science and Technology)	Республика Корея
52	Университет Синьхуа	КНР
54	Киотоский университет	Япония
59	Сеульский национальный университет	Республика Корея
65	Гонконгский научно-технологический университет	Гонконг
68	Корейский научно-технологический институт (Korea Advanced Institute of Science and Technology)	Республика Корея
86	Технологический университет Наньян (Nanyang Technological University)	Сингапур

Составлено по: <http://gtmarket.ru/ratings/the-world-university-rankings/info>

Южная Корея также представлены весьма достойно: 15, 17 и 14 вузов соответственно. Гонконг получил 6 мест в списке, но все в топ-50³². По версии же британского агентства «QS», 73 японских университета вошли в рейтинг 300, в том числе 13 – в первой полусотне ведущих азиатских вузов, и 7 – в первую двадцатку³³. Однако, с каждым годом (рейтинг составляется с 2009 г.) к Японии приближается Республика Корея и Китай, что отражено и в рейтингах, упоминавшихся нами ранее. В рейтинге 2011 г. самую верхнюю строчку рейтинга «QS» впервые занял молодой Гонконгский университет науки и техники, успех которого, по

³² http://www.parta.org/news/?news_id=2065

³³ «QS» Quacquarelli Symonds ориентируется на несколько ключевых показателей: отзывы студентов о вузах, отзывы работодателей о выпускниках вузов, цитируемость научных работ, написанных в стенах той или иной alma mater и академическая репутация//<http://www.topuniversities.com/university-rankings-articles/asian-university-rankings/japanese-universities-lose-ground-asia>

мнению экспертов, в первую очередь объясняется тем, что большинство его студентов – выходцы из других стран (все предметы в HKUST преподают на английском языке, опция весьма актуальная для продвижения интернационализации японских вузов). Рейтинги последних 2 лет, по-видимому, отражают образовательные тенденции, сложившиеся в регионе: многие японские университеты уступают первые места корейским, китайским и малайзийским вузам, которые медленно, но верно завоевывают рынок высшего образования в Азии. Однако Токийский университет по-прежнему лидирует в таких сферах, как академическая репутация и отчёты работодателей³⁴. Таким образом, рейтинговые оценки высшего образования в Японии в сравнении с другими странами региона демонстрируют наличие определенного конкурентного преимущества у Японии, которое, однако, уже не является абсолютным.

Комплексная оценка уровня социально-экономического развития Японии и стран Восточной Азии будет гораздо более конкретной с привлечением результатов исследований Азиатского банка развития (АБР). Статистические ресурсы и аналитические материалы банка оперируют системой показателей, включающей индикаторы, специфические именно для развивающихся стран региона, что позволяет приблизиться к качественной оценке результатов их экономического развития, но в то же время там имеются и сопоставимые данные по Японии (а также по другим развитым странам – Австралии и Новой Зеландии).

Проблемы развития стран Восточной Азии и концепция «инклюзивного» роста: позиции Японии

Наиболее полные комплексные исследования уровня социально-экономического развития стран региона проводятся АБР в контексте анализа направлений и проблем реализации странами региона концепции социально-экономического развития так называемого «инклюзивного роста» («Inclusive growth»), которая в настоящее время продвигается во многих развивающихся странах, активно изучается экспертами международных организаций и консалтинговых агентств, поддерживается самими этими организациями, в частности Всемирным банком, ОЭСР, ЭСКАТО³⁵.

³⁴ Использованы фрагменты комментария журнала «Компас Гид» // <http://kompasgid.ru/?p=13457>

³⁵ В апреле 2013 г. Президент Всемирного банка Джим Ен Ким заявил, что для реализации к 2030 г. цели по базовой ликвидации крайней нищеты в мире ключевую важность имеет быстрый и инклюзивный экономический рост в развивающихся странах. Он также высказал мнение, что для реализации цели по ликвидации бедности, во-первых, необходимо, чтобы развивающиеся страны еще больше увеличили темп продолжавшегося в последние 15 лет высокого экономического роста; во-вторых, необходимо превращение экономического роста в средство для ликвидации бедности и роста занятости, содействие инклюзивному росту, со-

Сама же концепция (как и пути ее практического воплощения) в наиболее полном виде была разработана экспертами АБР и стала одной из 3 частей стратегии развития до 2020 г.³⁶

Инклюзивный рост, по определению АБР, это экономический рост, обеспечивающий равные условия и равный доступ к экономическим возможностям всех (для отдельных людей и групп, для регионов) и ориентированный не только на внешний, но и на внутренний спрос (что означает определенную смену приоритетов для экспортоориентированных экономик). Фактически переход к инклюзивному росту означает переориентацию экономической стратегии ряда стран, в первую очередь развивающихся (хотя и не только), с «экономики статистических достижений», когда целью было догнать развитые страны по основным макроэкономическим показателям (что в значительной мере удалось Китаю) на основе проведения политики активной индустриализации, к «экономике качества». Догоняющая индустриализация, по сути своей, это – экономика мобилизационного типа, когда государство, опираясь на национальный консенсус, либо используя жесткие административные механизмы концентрирует национальные ресурсы на выполнении задач построения современной индустрии, решая таким образом задачу преодоления отсталости. Этот этап развития прошли многие страны, и один из наиболее успешных примеров – Япония 1950-х – начала 1970-х годов. Впоследствии, как известно, подобную стратегию (разумеется, с учетом национальной специфики) использовали и/или продолжают использовать «новые индустриальные экономики» первой и второй волн, а также Китай и Индия.

Отличительными негативными последствиями даже успешных догоняющих экономик мобилизационного типа, как показывает опыт многих стран, являлось относительное отставание социальной инфраструктуры, загрязнение окружающей среды, углубление региональных диспропор-

крашение разрыва между богатыми и бедными; наконец, все страны также должны уменьшать последствия климатических бедствий, продовольственных, энергетических и финансовых кризисов//<http://russian.cri.cn/841/2013/04/19/1s465319.htm>

Идеи инклюзивного роста как основы новой модели макроэкономической политики в развивающихся странах активно поддерживаются и ООН. Инклюзивный и экологически чистый рост является ключом к созданию новых центров экономического динамизма среди сохраняющейся глобальной неустойчивости, отмечается в ведущем издании Экономической и социальной комиссии ООН для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО)// http://news.headline.kz/mneniya_i_kommentarii/vremya_korrektirovat_makroekonomiku.html; <http://www.econews.uz/index.php/item/1974-forward-looking-macroeconomic-strategy-for-inclusive-and-sustainable-development.html>

³⁶ Strategy 2020: The Long-Term Strategic Framework of the Asian Development Bank, ADB 2008. Две других составляющих – экологически устойчивое развитие и региональная интеграция // Framework of Inclusive Growth Indicators 2012. Key Indicators for Asia and the Pacific Special Supplement. 2nd Edition. P. 3.

ций, сохранение (а, возможно, и увеличение) разрыва в уровне и качестве жизни между городом и деревней. Разумеется, не для всех стран и не всегда характерен именно весь «набор проблем», но все же они достаточно типичны. Японии, например, которая после второй мировой войны проходила этап реиндустриализации, к настоящему времени удалось справиться со многими негативными экстерналиями стратегии, которая выражалась лозунгом «экономический рост превыше всего».

Однако для развивающихся стран, которые находятся на этапе догоняющей индустриализации в совершенно других исторических условиях, проблема «качества экономического роста» интерпретируется в соответствии с новыми вызовами современности. Глобализация и постиндустриализация мировой экономики предопределяет гораздо более высокую интенсивность импульсов, которые воздействуют на национальные экономики извне и в положительном, и в отрицательном направлениях. Иными словами, более высокая взаимозависимость стран, нарастание интенсивности трансграничных хозяйственных операций приводят и к возникновению новых возможностей для развивающихся экономик и новых рисков. Так, не секрет, что высокие темпы роста ряда развивающихся экономик Азии, в том числе Южной Кореи, Китая, Индии были достигнуты благодаря масштабному экспорту товаров и услуг в развитые страны и встраиванию местных компаний в производственные цепочки ТНК развитых стран.

Безусловно, это было и остается положительным фактором для этих стран, однако, чрезмерная экспортная ориентация развивающихся экономик приводит к формированию экономической структуры «анклавного типа», имея в виду что экономический рост имеет очаговый характер, как в отраслевом (приоритет экспортных отраслей), так и географическом плане. В результате при впечатляющих темпах роста и достижениях не менее впечатляющих объемах ВВП, огромные массы населения развивающихся стран оказываются «на обочине» экономического прогресса: не могут воспользоваться его плодами и не имеют доступа к его возможностям – качественному образованию и здравоохранению, достойному трудоустройству, комфортному жилью, интересному досугу. В результате даже наиболее успешные страны Восточной Азии, являясь лидерами, например, в экспорте целого ряда высокотехнологичных товаров, одновременно сталкиваются с проблемами, казалось бы, совершенно других эпох – недостаток пресной воды, высокая младенческая смертность, гендерное неравенство и др. Эти проблемы для многих стран усугубляются демографическими особенностями, а также активизацией международных миграционных потоков.

Концепция инклюзивного роста как раз и может стать для некоторых стран основой новой экономической стратегии и даже альтернативной парадигмой роста, которая позволит этим странам развиваться в боль-

шей степени на основе эндогенных факторов, снижая зависимость от внешних рынков, и расширяя свой внутренний рынок за счет роста доходов граждан и создания и/или совершенствования производственной и социальной инфраструктуры.

Концепция инклюзивного роста, по версии АБР, включает три блока (или направления) развития (см. схему 1), по этим же трем направлениям и оценивается ситуация в странах. Концепция инклюзивного развития и сдвиги в макроэкономической политике развивающихся стран Восточной Азии – проблема крайне интересная сама по себе, однако в рамках данной статьи мы не имеем возможности анализировать ее более подробно. Мы также не обсуждаем вопрос о том, будет и в какой мере реализована новая модель³⁷.

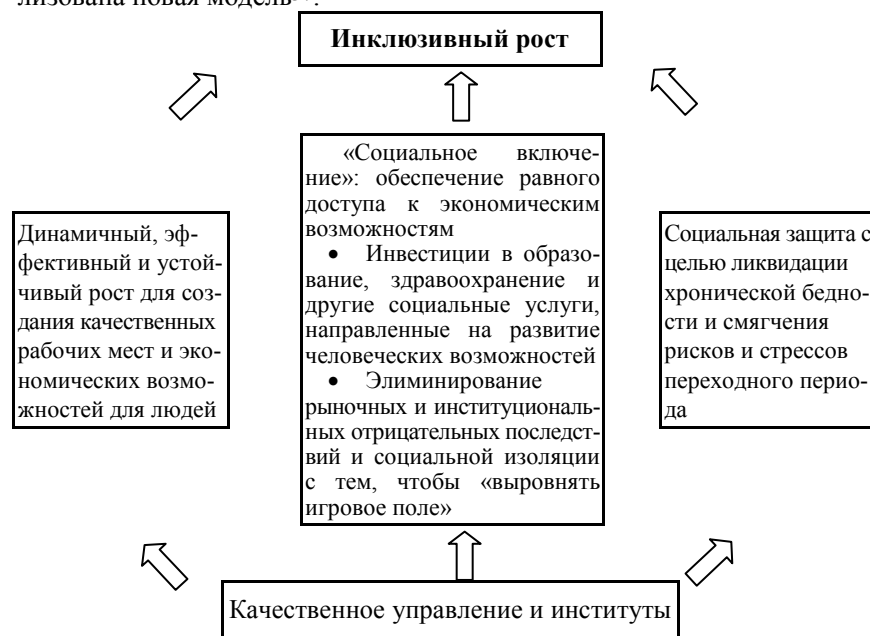

Схема 1. Структура концепции инклюзивного роста

³⁷ Еще раз отметим, что данная концепция нашла приверженцев в правящих элитах ряда развивающихся стран Азии, в том числе Китае и Индии. Так, на XVIII съезде КПК, состоявшемся в ноябре 2012 г., генеральный секретарь КПК Ху Цзиньтао в своем докладе прямо заявил, что в случае, если стране не удастся справиться с коррупцией, **социальным расслоением** (выделено мною – И. Т.) и добиться соблюдения принципов внутрипартийной демократии, это может обернуться провалом партии и самого государства// http://www.gazeta.ru/politics/2012/11/08_a_4844969.shtml

Составлено по: Framework of Inclusive Growth Indicators 2012. Key Indicators for Asia and the Pacific Special Supplement. 2nd Edition. P. 3.

Для нас важно понимание и принятие того факта, что переход стран Восточной Азии к новой парадигме роста и даже некоторые, пусть небольшие сдвиги в данном направлении создают для Японии новые условия и новые возможности на рынках стран региона, а оценка уровня развития на основе параметров инклюзивного роста помогает определить те растущие сегменты рынков, где Япония может быть конкурентоспособна.

Система индикаторов инклюзивного роста АБР включает 35 показателей, относящихся к таким сферам, как социальное неравенство и бедность, экономический рост и доходы, уровень развития и доступность социальной инфраструктуры, занятость. Мы выбираем те из них (всего 16), на основе которых можно выявить перспективные сегменты спроса для японских компаний (см. Таблицу 10).

Проанализировав данные таблицы, можно сделать следующие выводы. Во-первых, по уровню социально-экономического развития Японии по-прежнему заметно обгоняет большинство исследуемых стран Восточной Азии. Несмотря на то, что по некоторым из выбранных нами параметров Япония имеет не самые высокие показатели (например, число лет обучения молодежи, число учеников в расчете на одного учителя, число медицинских работников, доля привитых детей, доля дорог с твердым покрытием), в целом показатели уровня жизни в Японии существенно выше, чем в других странах выборки. Если подсчитать среднее значение относительных «положительных» показателей (высокий уровень которых отражает более высокое качество жизни) [столбцы 8, 12–14], то для Японии оно составит 94,5%, Республики Корея и Малайзии – 92,8%, Китая – 76,9%³⁸. Вместе с тем по некоторым позициям по Японии данные вообще не приводятся, вероятно, по той причине, что явлений и проблем, которые соответствующие показатели оценивают, в Японии нет (столбцы 6, 10, 15).

Во-вторых, следует отметить тенденцию к определенному сближению уровней социально-экономического развития исследуемых стран Восточной Азии и Японии. Этот тренд отражается в опережающем росте подушевого дохода в других странах Восточной Азии по сравнению с Японией, росте большинства «положительных» показателей в этих странах в период 1990–2000-х годов, улучшении показателей развития инфраструктуры, росте расходов на социальную сферу во многих странах (образование, здравоохранение).

³⁸ Подсчитано по данным Таблицы 10. По последнему доступному году.

Таблица 10.
Сравнительная оценка уровней социально-экономического развития Японии, новых индустриальных экономик и развивающихся стран Восточной Азии на основе системы индикаторов инклюзивного роста АБР.

	Образование		Здравоохранение	
	Среднее число лет обучения (молодежь в возрасте от 15 до 24 лет)	Доля государственных расходов на образование в совокупных общественных расходах, %*	Число учеников на одного учителя (начальная школа)	Детская смертность (на 1 тыс. живорожденных)
	1990/2010	1995/2011	1990/2010	1990/2000
	1	2	3	4
Япония	11,0/12,1	14,7/8,7 (2010)	21/18	6/3
Республика Корея	11,0/12,7	18,9/15,1	32/21	8/5
Малайзия	10,2/12,0	20,9/21,6	20/13 (2009)	18/6
Вьетнам	4,5/8,8	...	30/20	51/23
Китай	7,6/10,9	17,5/14,0 (2010)	22 (2001)/17	48/18
Таиланд	7,2/10,6	22,4/19,4	21/16 (2008)	32/13
Индонезия	6,5/7,7	...	22/16	85/35
Филиппины	8,1/9,7	16,6/16,5	35/31 (2001/2009)	59/29
Индия	4,6/7,1	18,1/16,5 (1999/2008)	40/40 (2004)	115/63
Гонконг	12,5/12,6	17,7/17,6	21/15	...
Сингапур	8,4/10,8	18,9/21,0 (2010)	25/17 (1996/2009)	8/3
Тайвань	11,1/13,0	10,0/13,1 (2010)	19/15 (2011)	...

*Доля в расходах центрального бюджета по Китаю и Японии – доля в консолидированных общественных расходах

<i>Здравоохранение</i>				
	Доля государственных расходов на здравоохранение в совокупных общественных расходах, %* 1995/2011	Доля детей в возрасте до 5 лет с недостатком веса (% от общего числа детей данной возрастной категории)**	Число врачей общего профиля, медсестер и среднего медицинского персонала в расчете на 10 тыс. жителей 1990–2010**	Доля детей в возрасте до 1 года, получивших прививку DTP3 1990/2010
	5	6	7	8
Япония	20,9/19,0 (2010)	...	82,5/63,0	90/98
Республика Корея	0,8/1,0 (1996/)	...	34,1/73,8	75/94
Малайзия	5,5/7,5	22,1/12,9	24,0/36,7	90/94
Вьетнам	...	36,9/20,2	12,9/22,3	88/93
Китай	.../5,3(2010)	12,6/3,4	21,8/28,0	97/99
Таиланд	7,5/9,9	16,3/7,03	9,4/18,2	92/99
Индонезия	...	29,8/17,9	9,6/23,3	60/83
Филиппины	2,3/2,3	29,9/20,7	27,2/71,5	88/87
Индия	3,9/4,0 (1999/2008)	52,8/43,5	17,2/16,0	70/72
Гонконг	12,7/11,6	...	69,8/74,6	...
Сингапур	7,6/8,1(2010)	3,3/...	56,6/77,3	85/97
Тайвань	0,5/1,4(2010)	11,0/5,3	29,7/74,8	...
<i>Инфраструктура</i>				
	Число мобильных телефонов на 100 чел. 2000/2011	Доля населения, имеющего доступ к электросетям в общей численности населения, % 2000/2009	Потребление электроэнергии на душу населения, кВт/ч. 1990/2009	Доля дорог с твердым покрытием в общей протяженности дорог (%) 1990/2009
	9	10	11	12
Япония	53,1/102,7	...	6486/7819	69,2/80,1
Республика Корея	58,3/108,5	...	2373/8980	71,5/79,3

Малайзия	21,9/127,0	96,9/99,4	1171/361	70,0/81,3 (2004)
Вьетнам	1,0/143, 4	75,8/97,6	98/918	23,5/47,6 (2007)
Китай****	6,7/73,2	98,6/99,4	512/2631	72,1/53,5 (2008)
Таиланд	4,8/113,2	82,1/99,3	703/2045	55,3/98,5 (2000)
Индонезия	1,7/97,7	53,4/64,5	160/590	45,1/56,9
Филиппины	8,3/92,0	87,4/89,7	363/593	16,6/9,9 (1994/2003)
Индия	0,3/72,0	43,0/75,0	268/571	47,3/49,5 (1991/2008)
Гонконг	80,3/209,6	...	4178/5925	100,0/100,0
Сингапур	70,1/149,5	100,0/100,0	4983/7949	97,1/100,0
Тайвань	81,5/124,1	98,6/99,0	...	84,6/95,5 (2002)
		<i>Инфраструктура</i>		<i>Доход</i>
	Доля населения, пользующихся санитарно-гигиеническими удобствами (сливные туалеты или туалеты с септиками) в общей численности населения, % 2000/2010	Доля населения, имеющего доступ к чистой питьевой воде, в общей численности населения, % 2000/2010	Доля населения, использующего твердое топливо для приготовления пищи, % 1990/2010	Среднегодовые темпы роста дохода на душу населения, %, по ППС 2005, 2005–2010
	13	14	15	16
Япония	100/100	100/100	...	0,3
Республика Корея	100/100	90/98 (1991/)	12,8/14,7 (2005)	3,3
Малайзия	84/96	88/100	.../0,8 (2003)	2,7
Вьетнам	37/76	57/95	87,0/67,0 (1997/2005)	5,9
Китай****	24/64	67/91	52,4/48,8 (2000/2005)	10,6
Таиланд	84/96	86/96		2,8
Индонезия	32/54	70/82	44,8/54,6 (2002/2007)	4,6

Филиппины	57/74	85/92	.../44,5 (2003)	3,1
Индия	18/34	69/92	81,8/56,9 (1991/2006)	6,6
Гонконг	...	...	...	3,2
Сингапур	99/100	100/100	...	2,8
Тайвань	...	...	...	...

** По каждой стране приведены наиболее ранние из доступных (1990-е годы) и поздние данные (до 2010 г.)

*** Данные на начало 1990-х гг./данные на 2009–2011 гг.

**** Данные за 1995 г. – вместе с расходами на образование

Составлено по: Framework of Inclusive Growth Indicators 2012. Key Indicators for Asia and the Pacific Special Supplement. 2nd Edition. P.48, 50, 52, 54, 60, 62–69.5

В то же время эти расходы, по-видимому, недостаточны по сравнению с масштабom имеющихся проблем (с учетом огромной численности населения ряда стран), и если государства региона будут действительно проводить политику инклюзивного роста, затраты, вероятно, будут увеличиваться. Так, например, по мнению вице-президента Азиатского банка развития С. Грофа, в последние годы затраты китайского правительства на общественные услуги, несмотря на значительный рост, оставались на низком уровне. В Китае для развития социального обеспечения, образования и здравоохранения направляется 35% финансовых поступлений, в то время как в странах со средним уровнем доходов этот показатель достигает 52%³⁹.

В целом же, на основании сравнительного анализа системы индикаторов инклюзивного развития АБР и комплекса показателей других международных организаций, которые были рассмотрены нами выше, можно сказать, что Япония, несмотря на замедление темпов роста и череду кризисных явлений последних лет и десятилетий остается в клубе наиболее развитых в социально-экономическом отношении стран мира. Этот факт, однако не отменяет необходимости поиска нового места в международном разделении труда и, что еще более важно, новой основы для роста.

Тенденции социально-экономического развития стран Восточной Азии, возможность их перехода к «инклюзивному» росту создает значительный рыночный потенциал для японских компаний.

По нашему мнению, для японского бизнеса могут быть интересны следующие растущие сегменты рынка этих стран.

По мере роста подушевого дохода в странах Восточной Азии (см. Таблицу 10) расширяются и масштабы **потребительского рынка**, и, в

³⁹ <http://russian.people.com.cn/31518/8181489.html>

первую очередь, его высокий и средний ценовой сегмент (что связано и с растущим разрывом в уровнях доходов населения в этих странах)⁴⁰. По оценке консалтингового агентства McKinsey, к 2025 г. численность среднего класса Китая и Индии может составить около 600 млн. чел.⁴¹ В ряде стран формируются и емкие рынки предметов роскоши. Так, по прогнозу консалтинговой фирмы The Boston Consulting Group (BCG), в ближайшие 5–7 лет крупнейшим в мире рынком предметов роскоши может стать Китай⁴². Например, в 2011 г. 54% зарубежных продаж компании «ТОТО» (крупный японский производитель сантехники и оборудования для различных помещений, работающий в премиальном сегменте) приходилось на Китай (для сравнения доля рынка Северной Америки составляла 24%, Европы – 3%, других стран Азии и Океании – 19%)⁴³. Рост потребительского рынка в азиатских странах открывает возможности для продвижения в эти страны японских розничных торговых сетей различного формата – от знаменитых японских универмагов до «удобных магазинов» круглосуточного обслуживания, что, собственно, уже и происходит.

В то же время в большинстве стран Восточной Азии постепенно увеличивается и рынок общественных товаров и услуг. Так, почти во всех развивающихся странах восточной Азии имеется отставание **инфраструктурной сферы**, причем проблемы этой сферы могут относиться, образно говоря, к разным эпохам. Этим странам необходимо развивать дорожную сеть (дороги с твердым покрытием) и одновременно решать проблемы дорожного движения в крупных городах, связанные со стремительной урбанизацией и «автомобилизацией». Развитые страны, в том числе Япония, решали эти проблемы по большей части последовательно, поэтому сложность задач в данной сфере для развивающихся стран выше. Но японские компании как раз и могут предложить им самые современные технологии и решения. Данный сегмент спроса представляется особенно перспективным для японского бизнеса еще и в связи с тем, что в самой Японии сейчас активно разрабатываются и внедряются так называемые «умные» дорожные системы, способные оптимизировать транспортные потоки и одновременно способствовать сокращению вредного воздействия транспорта на окружающую среду.

⁴⁰ Оценка АБР. – Framework of Inclusive Growth Indicators 2012. Key Indicators for Asia and the Pacific Special Supplement. 2nd Edition. P. 27–28.

⁴¹ Fischer P. Eurasia' Emerging Megamarkets. Building Your Tomorrow in China, India and Russia. – Booksurge, 2010. P. 64–65.

⁴² <http://www.meta.kz/371685-krupnejshim-v-mire-rynkom-predmetov-roskoshi-k.html>

⁴³ TOTO Corporate report 2012 – http://www.toto.co.jp/company/profile_en/library/index.htm

Крупные проекты в сфере строительства портов, аэропортов, логистических центров также являются очень перспективными для японских компаний.

В сфере **энергетики** правительства развивающихся стран Восточной Азии также вынуждены параллельно решать противоположные на первый взгляд задачи — роста энергопотребления и экономии энергии. С одной стороны, им необходимо увеличивать энергопотребление, т. е. добиваться 100-процентного доступа населения к сетям (эта задача еще не решена во многих странах, см. Таблицу 10) и бесперебойного снабжения предприятий. С другой стороны, быстро растущие экономики, например, Китай и Индия становятся настолько крупными потребителями энергоресурсов, что их спрос оказывает существенное воздействие на мировые рынки этих продуктов. В ситуации, когда азиатским экономикам необходимо расширять электроэнергетические мощности и одновременно вводить модели эффективного производства и потребления энергии, открываются огромные возможности для японских компаний в сфере поставок технологий, энергетического оборудования, энергосберегающей бытовой техники и систем организации энергоснабжения целых районов и населенных пунктов.

Передовые энергосистемы, как и высокотехнические схемы организации дорожного движения могут также становиться частью проектов так называемого **«умного города» (smart city)**. Концепция «умного города», которая активно разрабатывается и уже реализуется в Японии, имеет целью создание экологически дружелюбной и комфортной для людей жилой среды (районы или небольшие города) и предусматривает комплексное планирование, создание базовой и интеллектуальной инфраструктуры (в том числе с использованием энергосберегающих технологий и современных систем организации транспорта), наличие комплекса бытовых услуги и обеспечение культурного досуга и возможностей для творческой реализации людей (стиль жизни, искусство и т. д.)⁴⁴.

Многие развивающиеся страны Восточной Азии в последние десятилетия активно инвестируют в сферу **здравоохранения**, особенно эти сдвиги заметны в Малайзии, Филиппинах, Таиланде, НИЭ первой волны. Японская фармацевтика, медицинское оборудование, в том числе диагностическое, технологии и сами медицинские услуги, а также опыт и

⁴⁴ Формат данной статьи, к сожалению, не позволяет более подробно остановиться на этом вопросе, однако автор продолжает исследования в данной области, результаты которых появятся в дальнейших публикациях. Однако отметим, что консорциумы (в которых участвуют «Шарп», «Хитати» и другие крупные японские ТНК) японских компаний уже работают в сфере создания так называемых «умных городов». Подобные проекты реализуются Китаем и Сингапуром (Sino-Singapore Tianjin Eco-city)

знания в сфере организации эффективного и качественного медицинского обслуживания, которые способны предоставить японские компании и медицинские учреждения, могут быть очень востребованы в азиатских странах. Вместе с тем необходимо принимать во внимание и тот факт, что на данном рынке японские компании уже сталкиваются с серьезной конкуренцией, причем не только со стороны западных компаний, но и локальных. Например, сектор медицинских услуг активно развивается в Малайзии и ценовая конкурентоспособность таких услуг весьма высока⁴⁵. Тем не менее, средний и высокий ценовой сегмент рынков медицинских услуг восточноазиатских стран или, по крайней мере, его часть вполне может быть занята японскими компаниями. В частности, Япония вполне может быть конкурентоспособна в сфере оказания услуг (кстати, не только медицинских, и не только услуг, но и различных товаров) престарелым гражданам, а этот рынок в азиатских странах растет по мере роста продолжительности жизни и в результате проведения политики ограничения рождаемости (в Китае). Так, уже упоминавшаяся нами выше компания «ТОТО», которая еще в 1980-е годы начала производить специальное сантехническое оборудование для пожилых людей, успешно работает и в Китае: ее операционная прибыль в этой стране в 2004–2010 гг. выросла в 2,6 раза⁴⁶.

Что касается сектора **образовательных услуг** Японии, то его экспортные возможности ограничиваются недостатком англоязычных программ в японских университетах. Хотя движение в направлении интернационализации образования в Японии, конечно, есть. Примерами могут служить и международные программы Азиатско-Тихоокеанского университета Ритсумэйкан (Ritsumeikan Asia Pacific University), и многочисленные курсы и тренинги по инженерным специальностям для специалистов из азиатских стран⁴⁷. В то же время и в этой сфере у

⁴⁵ Приведем выдержку из рекламы медицинского туризма. «Малайзия входит в пятерку стран — лидеров медицинского туризма и занимает среди них почетное третье место. Экономические успехи страны позволили создать одну из лучших в Юго-Восточной Азии систему здравоохранения и на ее базе развивать индустрию международного въездного медицинского туризма. В последние годы эта отрасль получает поддержку правительства, а Ассоциация частных клиник Малайзии, куда входят 35 медицинских учреждений, успешно продвигает Малайзию на международном рынке медицинских услуг. В 2008 г. местные медицинские центры приняли более 295 000 иностранных пациентов. Ожидается, что этот показатель будет ежегодно увеличиваться на 30%. Малайзия привлекает иностранных пациентов широким спектром медицинских услуг на уровне мировых стандартов, стоимость которых значительно ниже, чем в США, Израиле и Германии, а также великолепным сервисом» // <http://medvoyage.info/countries/malaysia.html>

⁴⁶ JETRO Trade Investment report 2011. P. 99 // http://www.jetro.go.jp/en/reports/white_paper

⁴⁷ JETRO Global Trade and Investment Report 2012. P. 15.

Японии уже есть сильные конкуренты – Малайзия, Гонконг, Сингапур, Китай (см. Таблицу 9 и комментарии к ней).

Большим потенциалом для японских компаний обладает и азиатский рынок **экобизнеса**. По оценкам ДЖЭТРО, его объем составляет около 3044 млрд. фунтов, в том числе 411 млрд. фунтов приходится на Китай (13,5% от азиатского), 191 млрд. (6,3%) – на Индию⁴⁸.

Перечень возможностей освоения рынков восточноазиатских стран можно продолжить, однако, напомним читателю, что целью данной статьи является не разработка стратегий или тем более бизнес-планов для японских компаний, а исследование новых тенденций в международной среде деятельности этих компаний и выявление новых возможностей их позиционирования на рынках соседних восточноазиатских стран, связанных с изменением траектории и моделей развития этих стран.

Эта новая траектория – «инклюзивный рост», предполагающий, как мы указывали выше, более сбалансированное развитие экономической и социальной сфер и обеспечение доступа к результатам экономического прогресса и возможностям, которые он предоставляет, всем слоям населения. Реализация подобной модели предполагает развитие, в первую очередь, сферы общественных услуг и инфраструктуры, где японские компании конкурентоспособны, а также стимулирование роста внутреннего рынка.

В то же время следует отметить, что и в самой Японии уровень развития инфраструктуры (особенно социальной) оставляет широкие возможности инвестирования в данную сферу, а уровень жизни в стране обеспечивает значительные потенциальные возможности роста сферы услуг. Так, в настоящее время в Японии бурно развивается индустрия развлечений, и японская мультипликация, мода и другие «креативные отрасли» (термин Министерства экономики, торговли и промышленности Японии) вполне конкурентоспособны на международном уровне⁴⁹. Перспективным и реальным направлением на пути к изменению традиционной специализации страны на мировом рынке остается и совершенствование инновационного потенциала страны. И в определенном

смысле модель «инклюзивного роста», если рассматривать ее в аспекте преимущественной ориентации экономики на внутренний рынок, актуальна и для самой Японии.

Нельзя также не отметить, что возможности «нового завоевания» азиатских рынков японскими компаниями подкрепляются и усилиями японского правительства – средствами «экономической дипломатии» (подписание соглашений об экономическом партнерстве), экономической помощью (инфраструктурные проекты в странах Азии – самое значимое направление японской официальной помощи развитию), стратегией культурного проникновения (программа Cool Japan МЭП).

Все это – и объективные тенденции в развитии японской и мировой экономики, и изменения, происходящие в жизни (не только экономической) восточноазиатских стран, и стратегии японского бизнеса, и политика правительства Японии – создает реальную основу для эффективного, хотя и нелегкого перепозиционирования японской экономики в азиатском мире. И, возможно, Япония будет занимать место вожака в «стае летящих гусей» в новом качестве, демонстрируя модель азиатской развитой экономики с высоким качеством жизни.

⁴⁸ JETRO Trade Investment report 2010. P. 109// http://www.jetro.go.jp/en/reports/white_paper

⁴⁹ Экспорт продуктов культурной индустрии увеличился за 1996 – 2006 гг. более чем в 3 раза – с 837 млрд. иен (8 млрд. долл.) до 2, 5 трлн. иен (25 млрд. долл.). Для сравнения отметим, что за этот же период весь японский промышленный экспорт в целом вырос примерно на 68%, с 44, 7 трлн. иен (447 млрд. долл.) до 75, 2 трлн. иен (752 млрд. долл.) Таким образом, рост экспорта товаров культурной индустрии в значительной степени опережал расширение объемов общего экспорта // <http://menatepspb.com/krizis-v-yaponii/3343-stagnaciya-nacionalnoj-ekonomiki.html>

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПРОБЛЕМЫ ЯПОНСКОГО АГРАРНОГО СЕКТОРА В КОНТЕКСТЕ СОГЛАШЕНИЙ О СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛЕ

В течение последних двух десятилетий двусторонние соглашения о свободной торговле (ССТ) получили широкое распространение. Если в течение 1955–1990 гг. было заключено всего 16 соглашений, то за последовавшие 20 лет – уже свыше 180. К заключению такого рода договоренностей страны подтолкнули серьезные разногласия среди членов ВТО при обсуждении и принятии очередных решений на заседаниях этой организации. Наиболее глубокие разногласия между отдельными группами стран возникали, в частности, по вопросам торговли сельскохозяйственной продукцией и государственной поддержки аграрных секторов экономики.

Болевые точки аграрного сектора японской экономики и внешнеторговое регулирование на глобальном уровне

В настоящее время в аграрном секторе японской экономики выделяются два наиболее слабых места. Это – недостаточный уровень производства сельскохозяйственной продукции и ее низкая конкурентоспособность. Уровень производства в 1960-е годы вполне удовлетворял потребности страны в продовольствии. Однако постоянный рост населения и его доходов, увеличение потребления продовольствия и его дифференциация, т. е. появление спроса на такую продукцию, о которой большинство японцев ранее и не знало, – все это привело к постепенному снижению уровня обеспеченности страны собственным производством и необходимости импорта продовольствия в больших количествах.

Япония – единственная из развитых стран является нетто импортером продовольствия. Она ввозит примерно 30% необходимой ей сельскохозяйственной продукции, если считать по ее стоимости, и 60%, если считать по килокалориям, заключенным в ней. Количество ввозимой

сельскохозяйственной продукции Японией весьма впечатляет: по данным ФАО, на нее приходится 5,1% всего импорта мировой сельскохозяйственной продукции (при доли населения в 1,9%), в том числе 16,5% кукурузы, 3,7% пшеницы, 4,5% сои, 15% свинины, 7,4% говядины и 10,5% мяса птицы (2009 г.)¹.

Ее основные поставщики – Соединенные штаты Америки, которые в 2011 г. предоставили Японии 25,8 % ее продовольственного импорта², страны АСЕАН (10 стран) – 16,9 %, Европа (27 стран) – 14,7 % и КНР – 10,5%³.

В отношении импорта сельскохозяйственной продукции правительство в настоящее время руководствуется положениями статьи 18 Нового Основного сельскохозяйственного закона (1999 г.): «Государство будет принимать необходимые меры для обеспечения стабильного импорта сельскохозяйственной продукции, внутреннее производство которой не может удовлетворить спрос, а также меры по тарифному регулированию и ограничению импорта в случае неотложной необходимости, когда он оказывает или может оказать значительное негативное влияние на производство отечественной продукции, конкурирующей с импортной»⁴.

Основными направлениями для обеспечения гарантированного импорта продовольствия считаются: диверсификация его источников; производство сельскохозяйственной продукции в других странах с последующим ввозом ее в Японию; увеличение производства сельскохозяйственной продукции в развивающихся странах с целью расширения масштабов мирового продовольственного рынка в целом.

В политике дифференциации источников приобретения продуктов питания появились некоторые подвижки. Хотя США и продолжают занимать главное место среди других поставщиков, их доля снизилась. Постепенно растет импорт из стран Восточной Азии. Важную роль начал играть Китай. В 2009 г. он поставил 12,8 % продовольственных товаров, в том числе 17,4 % рыбы и морской продукции, 7,6 % мяса, 4,3 % зерновых, почти 47 % овощей и 14,5 % фруктов⁵. Основная проблема Китайской продукции – далеко не всегда хорошее качество. В частности, Япония не раз предъявляла претензии к замороженной овощной продукции.

¹ Хэйсэй 23 нэндо сёкурё ногё носон хакусё санко токэйхё (Статистическое приложение к Белой книге по вопросам продовольствия, сельского хозяйства и деревни за 2011 фин.г.), Токио, 2012. С. 34, 35.

² В том числе 90, 1 % кукурузы, 65, 6 % сои и 20, 7 % свинины.

³ Хэйсэй 23 сёкурё ногё носон хакусё (Белая книга по вопросам продовольствия, сельского хозяйства и деревни за 2011 фин.г.). Токио, 2012. С. 16.

⁴ <http://www.shugiin.go.jp>

⁵ Подсчитано по www.stat.go.jp/data/nenkan/

Кроме того, у японцев вызывает беспокойство и уровень защиты интеллектуальной собственности в этой стране⁶.

Производство продуктов питания за границей японскими фирмами с целью диверсификации импортной базы началось достаточно давно. Создавались как самостоятельные, так и смешанные предприятия. Этим занимались, главным образом, универсальные торговые и пищевые компании. В качестве посреднической организации была создана Корпорация по развитию сельского хозяйства за границей. Эти проекты в основном предусматривали организацию предприятий для выращивания кукурузы, бананов, сои, производства продуктов животноводства, главным образом, в Юго-Восточной Азии (например, в Таиланде и на Тайване) и в Латинской Америке. Хотя некоторый опыт в этой сфере оказался не совсем удачным (в частности, универсальная торговая компания «Мицуи» была вынуждена свернуть производство кукурузы и некоторых других культур, которое она вела в Индонезии в конце 1960-х годов), эта практика продолжает расширяться в разных странах. «Только за границей можно найти место, чтобы производить сельскохозяйственную продукцию эффективно», – заявил президент компании «Кобэ Буссан» Сагава Кандзи⁷. Торговая компания «Мицуи» снова собирается увеличить свои инвестиции в зарубежное сельское хозяйство (в частности, в Бразилии для производства соевых бобов⁸).

Определенную роль в дифференциации импорта продовольствия играют и вложения Японии в программу «Официальная помощь развитию» (ОПР). При оказании помощи в области сельского хозяйства японцы руководствуются принципом «если дать человеку пищу, он будет сыт один день; если же научить его производить, он будет сыт всю жизнь». Поэтому они осуществляют ее главным образом за счет проектов, направленных на создание сельскохозяйственной инфраструктуры, а не в форме предоставления продовольствия (как это делают США). В 2005 г. именно на нее было ассигновано свыше 42 % средств, направленных Японией на создание экономической инфраструктуры в развивающихся странах (непосредственная продовольственная помощь не включена)⁹. Постоянно растет число японских сельскохозяйственных специалистов, работающих за рубежом, и число лиц из развивающихся стран, обучающихся или стажировавшихся в Японии. Только за 2002–2006 гг. число студентов в японских профильных учреждениях увеличилось с 11,7 до

⁶ Имеются факты, когда продукция, импортируемая из Китая и Южной Кореи (в частности, наиболее популярных в Японии сортов клубники, бобовых и цветов), оказывается выращенной из семян, контрабандой вывезенных из Японии в эти страны.

⁷ The Nikkei. 20.08.2008.

⁸ www.bloomberg.com; Nikkei morning edition. 18.04.2008.

⁹ [http://www.mofa.go.jp/POLICY/oda/...](http://www.mofa.go.jp/POLICY/oda/)

19,4 тыс. человек, число стажеров – с 3,4 до 9,5 тыс. человек¹⁰. Возрастает и количество разрабатываемых проектов: в 1975 г. их было 23, в 1995 г. – 74 (включая и переходящие, начатые в предыдущие годы)¹¹. Хотя в нулевые годы размеры японской помощи, направляемой в азиатский регион по линии ОПР, постепенно сокращались, в 2005 г. она все еще составляла свыше 36 % всей японской ОПР¹².

В целом вложения Японии в сельское, лесное и рыбное хозяйство и, главным образом, в пищевую промышленность за рубежом выросли за 1975–2000 гг. более чем в 17 раз. Затем они несколько снизились, составив в 2004 г. свыше 35 млрд. долл. Число японских зарубежных предприятий пищевой промышленности, а также занятых производством кормов и органических удобрений увеличилось с 81 в 1980 г. до 393 в 2005 г., т. е. в 4,8 раза, объем их продаж – в 10,7 раза. Несколько более одной пятой этого объема было вывезено в Японию. В 2005 г. в Японию было экспортировано 43,3 % продукции японских предприятий сельского, лесного и рыбного хозяйства за рубежом. За 2003–2009 гг. число японских пищевых фирм в Азии выросло с 220 до 288, в том числе в Китае – с 112 до 171¹³. Эти предприятия выполняют две функции: с одной стороны, они являются для своей страны надежным источником импортной продукции, а с другой – помогают развивать соответствующие производства в развивающихся странах, что повышает уровень производства продовольствия в мире в целом.

Недавно появилась новая японская инициатива – финансирование сельскохозяйственного производства в развивающихся странах с последующей продажей продукции на мировом рынке. По мнению директора отдела внешнеторговой политики Министерства сельского, лесного и рыбного хозяйства (далее: Министерства сельского хозяйства) Хирано Мунэмицу, увеличение производства сельскохозяйственной продукции в мире создаст большие возможности для обеспечения стабильных поставок продуктов питания в Японию. При этом он заявил, что Япония, конечно, не собирается инвестировать в страны Африки, где жители страдают от недостатка продовольствия, а планирует осуществить капиталовложения в районы Центральной и Южной Америки и Восточной Европы¹⁴, как в возможных экспортеров кукурузы, соевых бобов и пшеницы¹⁵.

¹⁰ Хэйсэй 20 нэмпан сёкурё, ногё, носон хакусё санко токэйхё (Статистическое приложение к Белой книге по вопросам продовольствия, сельского хозяйства и деревни) Токио, 2008. С. 55.

¹¹ Нихон ногё нэнкан (Японский сельскохозяйственный ежегодник) 1997, Токио, 1996. С. 529.

¹² Facts and Figures in Japan. Tokyo, 2007. P. 61.

¹³ Хэйсэй 20 нэмпан сёкурё... 2008. С. 38; Хэйсэй 23 хакусё, б/с.

¹⁴ The Financial Times. 29.04.2009.

¹⁵ www.bloomberg.com

Причиной низкой конкурентоспособности японской сельскохозяйственной продукции на мировом рынке (т. е. второе слабое место японского аграрного сектора) являются высокая себестоимость этой продукции и соответственно высокие, намного превосходящие мировые¹⁶ цены, которые уплачивает за них японский потребитель. Такое положение создалось из-за протекционистской политики правительства, пронизывающей всевозможные аспекты функционирования этой отрасли. В течение нескольких десятилетий государство устанавливало цены на сельскохозяйственную продукцию, которые покрывали издержки ее производства, кредитовало и финансировало отрасль, создавая производственную инфраструктуру, обеспечивало внедрение научных достижений в сельскохозяйственную практику и, что не менее важно, сдерживало импорт сравнительно дешевого продовольствия. Вначале главным образом это были количественные ограничения (квоты) на ввоз той или иной продукции, затем после завершения переговоров во время Уругвайского раунда ВТО, т. е. с середины 1990-х годов, – в основном исключительно высокие тарифы.

Государственное регулирование отрасли сыграло важную, если не главную, роль в становлении современного сельского хозяйства. Но созданные тепличные условия его функционирования привели к сохранению нерентабельных хозяйств и низкому уровню его конкурентоспособности.

Несколько слов о том, почему Япония так упорно защищает аграрный сектор, хотя в настоящее время сельское хозяйство в количественном отношении занимает в экономике весьма скромное место. В 2010 г. на него приходился лишь 1% ВВП, 5,1 % населения, 3,4% занятых, 2,2% основного капитала, 2,0% бюджета страны, 0,4% экспорта, и только доля импорта продолжала оставаться сравнительно высокой – 7,9%¹⁷. Но его значение для страны выходит далеко за эти незначительные цифры. Эта отрасль не только производит продовольствие, она выполняет и ряд других функций и, прежде всего, сохранение окружающей среды. Технологичность выращивания риса – основной сельскохозяйственной культуры страны на затопляемых полях не приводит к оскудению почвы. Эти поля играют и определенную роль в поддержании экологического баланса, предотвращая наводнения, почвенную эрозию и оползни, функционируя в качестве временных резервуаров, в том числе для пополнения

¹⁶ На рис они выше в четыре раза, на масло, говядину – в три раза, на пшеницу – в два раза (New York Times 11.11.2010).

¹⁷ В 1960 г. эти цифры составляли соответственно: (цифры по ВВП отсутствуют), 37,0; 26,8; 4,9; 7,9; 4,3 и 38,3% (Хэйсэй 23 нэндо сёкурё ногё носон хакусё токэйхё / Статистическое приложение к Белой книге по вопросам продовольствия, сельского хозяйства и деревни за 2011 г. / Токио, 2012, . С. 53.).

грунтовых вод, и в известной мере смягчают климат. По подсчетам Министерства сельского хозяйства, вклад сельскохозяйственной земли в сохранение окружающей среды лишь в два раза уступает вкладу лесных массивов¹⁸, хотя площадь последних в пять раз больше, чем обрабатываемые земли.

И, конечно же, страна должна защищать своих граждан – производителей сельскохозяйственной продукции, которые могут очень серьезно пострадать от конкурентного импорта. Чтобы повысить эффективность сельскохозяйственного производства и соответственно его конкурентоспособность, требуются институциональные реформы, которые смогут изменить структуру отрасли, из которой уйдут нерентабельные хозяйства. Однако уже в течение многих лет правящие круги не решаются на проведение кардинальных изменений в аграрной политике из боязни потерять большое число своих избирателей из сельских районов, которые все еще вместе с семьями составляют довольно большой электорат правящей партии. Кроме того, нельзя забывать, что многие бывшие деревенские жители, уже живущие и работающие в городах, не теряют связь со своей *фурусато* (малой родиной) и продолжают голосовать за правящую партию. В результате протекционистская аграрная политика, которая в течение первых послевоенных десятилетий сыграла положительную роль в модернизации сельского хозяйства, из-за политических амбиций правящей партии становится тормозом на пути дальнейшего развития отрасли.

Фактор многофункциональности сельского хозяйства, наряду с принципами «сосуществования различных типов сельского хозяйства», «необходимости учета обеспечения продовольственной безопасности в условиях открытого рынка» и «установления приемлемых тарифных ставок для каждого данного продукта с учетом баланса производства и потребления его в стране» – неоднократно приводились представителями Японии на международных переговорах по вопросам внешней торговли как основания для отдельных исключений при принятии решений о ликвидации ввозных квот или снижения тарифов. И надо сказать, что до последнего времени ей с группой ряда других заинтересованных в этом вопросе стран удавалось отстаивать право на высокие тарифы для наиболее «чувствительных» («значимых») товарных позиций.

В настоящее время тарифы на 100 видов сельскохозяйственной продукции превышают 200 %. На рис, например, это 778 %, бобовые – 403, арахис – 593, муку тапиоки – 583, ячмень – 256, пшеницу – 252 шелк-сырец – 245, крахмал – 234, сухое обезжиренное молоко – 218, сахар-

¹⁸ Сякай мондай гэнпо. 1988. № 311. С. 11.

сырец – 328, масло – 360, съдобный корень *конняку* – 1706 %¹⁹. До последнего времени сохранялись и количественные ограничения на ввоз в страну риса, которым уже давно Япония обеспечивает себя полностью. Но, по решению ВТО, ей пришлось его импортировать, правда, в ограниченном объеме.

Поскольку перипетии переговоров по вопросам сельскохозяйственной продукции в рамках ВТО и связанные с ними проблемы уже подробно освещались автором в ряде статей²⁰, здесь целесообразно отметить лишь некоторые события нулевых годов. Так, в июле 2004 г. между участниками ВТО на Дохийском раунде переговоров было достигнуто рамочное соглашение в отношении торговли сельскохозяйственной продукцией (переговоры 2003 г. окончились провалом, одной из причин которого были разногласия по вопросам субсидирования аграрного сектора и таможенных пошлин). Было принято решение о ликвидации экспортных субсидий и снижении ввозных пошлин. Однако стороны согласились, что национальные правительства государств-импортеров будут иметь право устанавливать достаточно высокие пошлины на ввоз тех видов продукции, которые они сочтут наиболее значимыми (чувствительными) для своей экономики²¹. Это решение можно рассматривать как очередную серьезную победу группы стран-импортеров во главе с Японией, хотя многие вопросы, в том числе о верхнем пределе тарифов и количестве видов продукции, на которую распространяются высокие пошлины, еще предстояло согласовывать. Остались нерешенными и вопросы снижения тарифов на другие виды сельскохозяйственной продукции. Переговоры по вопросу о свободной торговле на уровне представителей соответствующих министерств в Женеве в июле 2008 г. также практически не достигли своей цели. Страны-импортеры в значительной степени сумели отстоять свои позиции: было решено, что снижение тарифов не затронет 6 % всей номенклатуры сельскохозяйственной продукции²². Таким образом, не только японские рисопроизводители остаются, как и прежде, защищенными перед странами-экспортерами. Как сообщило агентство «Киодо цусин» 30 июля 2008 г., услышав эту

¹⁹ <http://factsanddetails.com/japan.php?itemid=1807&catid=>; данные на 2010 г. Столь высокий тариф объясняется тем, что в районе выращивания этой культуры именно от нее зависит экономическое положение занятых.

²⁰ См., например, Проблема либерализации импорта сельскохозяйственной продукции//Япония. Ежегодник 2001/2002. М., 2002.

²¹ Нихон кэйдай симбун. 03.08.04.

²² Речь идет о проценте продукции, которую импортеры считают «значимой». Предлагалось оставить лишь 4% (при том, что США требовали 1%), Япония настаивала на 8 % (в настоящее время тарифы, превышающие 100 %, распространяются в Японии на 125 позиций – продукты из риса, молоко и сахар, т.е. 9, 4 % всех 1332 сельскохозяйственных продуктов).

новость, с облегчением вздохнули производители сахарного тростника в префектуре Окинава и фермеры на Хоккайдо – производители масла и картофельного крахмала.

Соглашения о свободной торговле, заключаемые Японией

Япония подключилась к заключению двусторонних ССТ лишь с нулевых годов нового века. А до этого времени во внешней торговой политике она отдавала предпочтение многосторонним договорам (считая главным либерализацию этой сферы на глобальном уровне) по линии международных организаций, где она упорно отстаивает свою жестко протекционистскую аграрную политику.

Постоянные трудности в переговорах в рамках ВТО и успешные двусторонние соглашения о свободной торговле, заключаемые другими странами, побудили Японию обратиться и к этой модели переговоров. Этому способствовало быстрое развитие ряда азиатских стран и, в частности, начало переговоров Китая с АСЕАН, а также желание воспользоваться теми преимуществами, которые можно получить во время таких переговоров, что доказали уже ССТ, заключенные другими странами. Об этом свидетельствует документ о японской стратегии в отношении соглашений о свободной торговле, опубликованный МИД Японии в 2002 г., краткое содержание которого приводится в интересной и глубокой статье Е. Б. Ковригина и Д. В. Суслова «Новое во внешнеэкономической политике Японии: двусторонние соглашения о свободной торговле»²³.

В отличие от соглашений о свободной торговле (*дзю бозки кётэй*), заключаемых западными странами, Япония, как правило, предпочитает соглашения об экономическом партнерстве (*СЭП, кэйдай рэнкэй кётэй*), которые предусматривают более широкий формат договоренностей. Он касается не только либерализации торговли товарами и услугами, как это предусматривается в соглашениях о свободной торговле, но и другими ресурсами, а также двустороннее сотрудничество в области инвестиций, конкуренции, улучшения условий для бизнеса, обмена специалистами и пр. Но в целом разницу между двумя видами соглашений в известной мере можно считать условной, поскольку и в ряде ССТ (например, в тех, которые заключали США или Европейский Союз) присутствуют и другие экономические условия. Для простоты изложения в данной главе будет, как правило, использоваться термин «соглашение о свободной торговле», поскольку беспошлинная торговля – общий фактор для всех видов таких договоров.

Все эти соглашения предусматривают, прежде всего, снижение и в конечном итоге ликвидацию торговых тарифов. При заключении внеш-

²³ Знакомьтесь – Япония. 2008, № 48, с. 2–16; № 49. С. 2–19.

неэкономических двусторонних сделок, как и на многосторонних переговорах, для Японии часто камнем преткновения как раз и являются тарифы, касающиеся сельскохозяйственной продукции, так как их снижение и тем более ликвидация могут серьезно повлиять на положение в аграрном секторе ее экономики. Это – одна из причин, почему Япония в отличие от других развитых стран сравнительно поздно начала заключать двусторонние соглашения об экономическом партнерстве или о свободной торговле, хотя и была очень заинтересована в снижении пошлин на свои экспортные товары.

Первое такое соглашение было заключено с Сингапуром, может быть, именно потому, что импорт продовольственной продукции оттуда был практически ничтожным (в 2009 г. менее 1%). А вот, например, переговоры о заключении договоров с Таиландом и Мексикой в 2003 г. зашли в тупик как раз из-за разногласий по вопросу о пошлинах на сельскохозяйственные товары. Но все же в марте 2004 г. соглашение с Мексикой было подписано и вошло в силу в 2005 г.²⁴, а с Таиландом переговоры затянулись надолго.

В 2006 г. вошло в силу ССТ с Малайзией, в 2007 г. – с Чили и Таиландом, в 2008 г. – с Индонезией, Брунеем, с АСЕАН и Филиппинами, в 2009 г. – со Швейцарией и Вьетнамом, в 2011 г. – с Индией, в 2012 г. – с Перу. В настоящее время ведутся переговоры с Республикой Корея (начатые еще с конца 2003 г., но затем прерванные), с Австралией (важным для Японии внешнеторговым партнером, откуда она получает уголь и железную руду, а также примерно десятую часть импортируемого страной продовольствия) и странами Персидского залива²⁵. Следует заметить, что двусторонние переговоры о ССТ Японии с Республикой Корея и Японии с КНР отягощены политическими обстоятельствами – наследием войны и сегодняшними взаимными территориальными претензиями.

В ноябре 2010 г. в резолюции заседания кабинета министров было зафиксировано положительное значение заключения ССТ или СЭП, поскольку они представляют собой высокий уровень экономического партнерства и, считая объектом либерализации все товарные позиции, учитывают значение «чувствительных». А в конце 2011 г. Япония заявила о стремлении наладить всеобъемлющее стратегическое экономическое сотрудничество со всеми основными внешнеторговыми партнерами. Речь идет, в частности, о намерении создать Азиатско-Тихоокеанскую зону свободной торговли (*Адзия Тайхэйё дзию боэки эн*) и для этого

²⁴ Япония была вынуждена согласиться на снижение тарифов на куриное мясо, говядину, свинину и апельсины в обмен на беспошлинные поставки туда своего стального проката и автомобилей, что для нее было гораздо важнее.

²⁵ Хэйсэй 23 нэндо сёкурё ногё носон хакусё. С. 175.

форсировать переговоры о сотрудничестве между Японией и Южной Кореей, Японией и Австралией, Японией и Китаем, участвовать в форматах АСЕАН+3 (Япония, Китай и Южная Корея) и АСЕАН+6 (+3+Индия, Австралия и Новая Зеландия) и переговорах о вступлении в Транстихоокеанское партнерство (ТТП, *Кантайхэй патонаситпу*)²⁶, о чем подробнее будет сказано в отдельном разделе.

К апрелю 2013 г. Япония заключила соглашения о свободной торговле и об экономическом сотрудничестве с 13 странами, большинство из них – азиатские. Продолжаются переговоры с Индией, Южной Кореей, Австралией. Изучаются вопросы целесообразности ведения переговоров, в частности, с Монголией (в начале апреля 2013 г. прошел третий раунд переговоров по СЭП), Канадой и рядом других стран²⁷. 26 марта 2013 г. в Сеуле начался первый раунд переговоров о заключении трехстороннего ССТ между Японией, Китаем и Южной Кореей²⁸.

Поскольку в данной главе монографии нас интересуют, прежде всего, отношения Японии со странами Азии, остановимся подробнее на содержании договоров с теми из них, которые занимают сравнительно большое место в японском продовольственном импорте.

Соглашение с Таиландом (откуда в 2009 г. Япония ввезла 6,1 % своего продовольственного импорта) было подписано лишь в 2007 г. Тайские представители только в конце 2004 г. сняли свое требование о снижении тарифов на ввоз риса (это было главным препятствием на переговорах) в обмен на согласие Японии снять или снизить тарифы на ввоз цыплят, сахара и крахмала, продукции рыболовства и лесного хозяйства. Кроме того, в соглашение вошли пункты о сотрудничестве между сельскохозяйственными кооперативами по вопросу о подготовке кадров для Таиланда, об оказании помощи в повышении уровня безопасности продукции и некоторые другие. Таиланд, в свою очередь, согласился снять пошлины на японские фрукты и овощи (с тарифом в 10–40 %), на некоторые – сразу, а, например, на клубнику и дыни – через два года. Несколько позже Таиланд стал настаивать на принятии Японией значительного числа поваров и курортных массажистов, особенно после того, как отдельным категориям филиппинских специалистов разрешили работать в Японии²⁹.

Речь идет о том, что при заключении двустороннего соглашения с Филиппинами было принято решение о взаимном приеме бизнесменов,

²⁶ См. Хэйсэй 23... хакусё. С. 174.

²⁷ Там же. С. 175.

²⁸ [www.uoi.com/Business_News/2013/03/26/South Korea](http://www.uoi.com/Business_News/2013/03/26/South%20Korea); www.mofa.go.jp/press/release/

²⁹ Нихон кэйдзай симбун. 10.10.2004; Annual Report...FY2006. P. 12; Ногё то кэйдзай. 2006, спец. вып. С. 95; <http://www.jcer.or.jp/eng/pdf/Balboa.pdf>

инвесторов, квалифицированных рабочих и пр. лиц на 90 дней с последующим продлением срока пребывания на один или три года. Филиппинская сторона настояла, чтобы Япония принимала бы их медицинских сестер и сиделок³⁰. Что касается сельскохозяйственной продукции (в 2009 г. на долю Филиппин пришлось 3,4 % японского импорта продовольствия), то были снижены тарифы на бананы и ананасы, но большинство ее видов было исключено из каких-либо обязательств, или оставлено для дальнейших переговоров. В частности, были исключены: бескостная говядина, молоко и сметана, масло, пшеница, ячмень, рис, растительное масло и пр., а также ряд морепродуктов. Из числа позиций, оставленных для последующих переговоров, можно назвать говядину, свинину, некоторые молочные продукты, кукурузную муку и крахмал³¹.

На переговорах с Малайзией в 2005 г. Япония обязалась немедленно отменить тарифы на такие продукты как манго, дуриан, папайя, бамия, креветки, гребешки, какао и на 1000 т бананов и через пять лет снизить с 29,8% до 25% пошлину на маргарин, а также в течение 10 лет постепенно устранять тарифы на некоторые сельскохозяйственные товары и продукты рыболовства. Но при этом Япония пошла на немедленную ликвидацию пошлин на всю продукцию деревообработки, за исключением фанеры, одной из главных статей экспорта Малайзии в Японию. Торговля наиболее значимыми видами продукции (рис, пшеница, ячмень, масло, молочная продукция, говядина, свинина, крахмал и некоторые виды морепродуктов) осталась на уровне квот.

В соглашении с Индонезией (в 2009 г. – 1,79% продовольственного импорта Японии) об экономическом партнерстве (2007 г.) были полностью исключены из каких-либо взятых обязательств, или дополнительных переговоров такая сельскохозяйственная продукция как бескостное мясо рогатого скота, свежий тихоокеанский лосось, замороженный красный и атлантический лосось, треска, селедки, форель, макрель, замороженное филе голубого тунца, морской гребешок, молоко и сметана, сыворотка, масло и молочные продукты, пшеница, ячмень, рис, пшеничная мука,

³⁰ Япония была вынуждена согласиться на неоднократные просьбы филиппинской стороны о приеме сиделок и медицинских сестер в обмен на отказ от снижения тарифов на исключительно важную для нее сельскохозяйственную продукцию. Но условия приема этих специалистов были выставлены достаточно серьезные: сестры должны были иметь лицензию и не менее трехлетний срок работы по специальности, полгода изучать японский язык и сдать экзамен по специальности на японском языке не более, чем с трех попыток; сиделки – иметь сертификат об окончании четырехгодичного курса, полгода изучать японский язык и сдать экзамен по специальности на японском языке. На экзаменах требовались знания иероглифики, и первый заезд этих специалистов потерпел фиаско: из 82 человек никто его не сдал, в 2010 г. лишь трое из 254 иммигрантов сумели взять этот барьер.

³¹ <http://www.jcer.or.jp/eng/pdf/Balboa.pdf>

животные и растительные жиры, ананасы весом более 900 г. Мясо рогатого скота, свинина некоторые молочные продукты, кукурузная мука и крахмал, тунец голубой, краб-дубильщик и пр. – остались в качестве предметов для дальнейших переговоров³².

Соглашение с АСЕАН определяет следующие сферы сотрудничества – охрана интеллектуальной собственности, сельское, лесное и рыбное хозяйство, энергетику, транспорт, логистику, туризм, подготовку кадров, мелкие и средние предприятия и пр. Оно предусматривает устранение в течение 10 лет пошлин на 93 % товаров, импортируемых Японией из стран АСЕАН, но так называемые «чувствительные» для Японии позиции – мясо, рыбопродукты, зерновые, молочные изделия, фрукты и овощи – составляют исключение. Но и на них стороны предполагают постепенно пошлины снижать. Однако тариф на рис соглашением не затрагивается³³.

На фоне внешнеторгового сотрудничества Японии со странами Азии привлекает внимание соглашение, заключенное в октябре 2011 г. в Джакарте министрами сельского хозяйства стран АСЕАН (10 стран) +3 (Японии, Китая и Южной Кореи)³⁴. Цель его – обеспечение продовольственной безопасности, смягчение бедности и ликвидация недоедания. Было принято решение о создании на случай чрезвычайной ситуации (в связи с землетрясениями, цунами, пожарами и прочими стихийными бедствиями) резервов для немедленного предоставления потерпевшей стороне помощи в виде риса или денежных средств для оплаты импорта. Соглашение предусматривает, что каждая страна должна выделить определенный резерв для оказания участвующим в соглашении странам экстренной помощи в форсмажорных обстоятельствах. Ее предоставляют либо по фьючерсным коммерческим контрактам, либо безвозмездно или в виде долговременных займов. Япония выделила 250 тыс. т, Китай – 300 тыс., Корея – 150 тыс., страны АСЕАН – 87 тыс. т. В октябре 2011 г. еще до официального опубликования соглашения Япония предоставила Таиланду 50 тыс. долл. в качестве экстренной помощи в связи с постигшем страну наводнением.

Япония и Транстихоокеанское экономическое партнерство

На сегодняшний день наиболее актуальным вопросом в японской внешнеторговой политике является проблема присоединения к переговорам о создании обширной зоны свободной торговли в формате Транстихоокеанского экономического партнерства, которое рассматривается

³² <http://www.jcer.or.jp/eng/pdf/Balboa.pdf>

³³ www.webeconomy.ru/index.php?page=cat&newsid=1250&type=news

³⁴ Хэйсэй 23... хакусё. С. 170.

как важный шаг на пути создания всеобъемлющей Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли, к формированию которой стремится Япония. Однако по вопросу о ТТП в стране развернулась ожесточенная дискуссия. И притчей во языцах опять является положение в аграрном секторе.

Появление ТТП можно отнести к 2005 г., когда четыре государства – Сингапур, Новая Зеландия, Бруней и Чили договорились о создании Восточно-азиатского содружества – зоны свободной торговли между этими странами. Соглашение вошло в силу в 2006 г. К нему проявили интерес ряд других стран, и, прежде всего, США, которые с 2008 г. фактически возглавляют эту структуру. На 2013 г. в переговорах о присоединении к этому содружеству, которое получило новое название – Транстихоокеанское стратегическое партнерство – участвует уже 11 государств. К четырем основателям добавились США, Австралия, Вьетнам, Малайзия, Перу, Канада, Мексика. С марта 2010 г. прошло уже 16 раундов переговоров, 17-й намечен на май 2013 г. в Лиме (Перу).

На переговорах рассматриваются вопросы не только о правилах свободной торговли товарами (т. е. снижении и ликвидации пошлин). Они ведутся по 21 позиции: инвестиции, научное сотрудничество, финансовые услуги, услуги связи, электронная торговля, защита прав интеллектуальной собственности, соблюдение санитарных норм и норм международных экологических соглашений, трудовое сотрудничество, улучшение условий труда, согласование конкурентной политики и других нетарифных проблем и т. п.³⁵

На сегодняшний день пока не определены масштабы немедленной ликвидации пошлин. В принципе предполагается, что это должно произойти в течение 10 лет. В соглашении, подписанном четырьмя странами, речь шла о немедленной ликвидации тарифов на 80 % товарных позиций, а для оставшихся 20 % – о постепенном их снижении в установленный десятилетний период. В соглашениях об экономическом партнерстве, заключенных Японией с другими странами, речь идет о ликвидации тарифов на 90 % суммы торговых сделок в течение десяти лет. Что касается «товаров-исключений», то на сегодняшней стадии переговоров этот вопрос еще не решен. В соглашении, подписанном четырьмя странами, Чили, например, добилась «исключения» на срок свыше 10 лет для молочной продукции, а на десятилетний – на сахар, Бруней – на десятилетний срок на алкоголь, табак и фейерверк. В заключенных Японией СЭП разрешается исключать 10 % позиций, в том числе и при последующих переговорах³⁶.

³⁵ Хэйсэй 23.....хакусё. С. 177.

³⁶ Хэйсэй 23хакусё. С. 177.

В ноябре 2010 г. японское правительство приняло документ под названием «Основная политика по вопросу о всеобъемлющем экономическом партнерстве», в котором была продемонстрирована приверженность Японии свободной торговле. В нем отмечалось, что в современных условиях необходимо углублять экономические отношения со всеми странами и, в частности, Азиатско-Тихоокеанского региона, который очень важен для Японии со всех точек зрения, и она заинтересована в его развитии и процветании и что инициатива создания зоны свободной торговли в нем поможет сформировать единый Азиатско-Тихоокеанский регион. Поэтому правительство приняло решение «открыть страну» и «повести ее в новое будущее». Одновременно было принято решение послать ответственных чиновников в те страны, которые уже ведут соответствующие переговоры, чтобы они более детально изучили проблему и собрали необходимую информацию³⁷.

В ноябре 2011 г. тогдашний премьер Нода Ёсихико заявил о решении начать консультации по вопросу о ТТП с заинтересованными странами, а решение об участии в переговорах по этой проблеме будет приниматься с учетом мнений японского населения и интересов страны. Мнения же общественности Японии по этому вопросу неоднозначны. Достаточно сказать, что экспортеры активно поддерживают ликвидацию пошлин, в то время как, например, импортеры продовольствия и его производители – категорически не приемлют такой ситуации.

Дело в том, что в случае присоединения к этому соглашению, стране придется ликвидировать тарифы примерно на 5900 позиций. Пока что уже заключенные двусторонние соглашения об экономическом партнерстве оставили тарифы по 940 позициям, в том числе 850 были, связаны с сельским хозяйством. Согласно правительственным подсчетам, если Япония станет участником этого соглашения, то ее ВВП может вырасти примерно на 0,48–0,65%, если же нет, то снизится на 0,13–0,14%³⁸ и, что для нее особенно серьезно, она останется, по мнению председателя Японской федерации экономических организаций (Ниппон Кэйданрэн) Ёнэкура Хиромаса, «за бортом глобального экономического роста»³⁹. И в этом случае, по подсчетам Министерства экономики, торговли и промышленности, ее ВВП недосчитается свыше 10 трлн. иен, и будет ликвидировано 8 млн. рабочих мест⁴⁰.

В общем, проблема эта для Японии весьма сложная, так как поднимает очень много вопросов. Например, таких как необходимость резкого

³⁷ www.kantei.go.jp/foreign/kan/topics/20101106basicpolicyepa.pdf

³⁸ The Nikkei. 28.10.10, утренний выпуск.

³⁹ The New York Times. 11.11.2010.

⁴⁰ The New York Times. 11.11.2010.

повышения эффективности сельскохозяйственного производства, изыскания денежных средств для выплаты компенсаций фермерам, ужесточение требований со стороны США о снятии ограничений на импорт американской говядины, или требования развивающихся стран о приеме иностранных рабочих, к чему Япония относится очень настороженно и т. п.

Против участия в этих переговорах выступают, прежде всего, фермеры и их организации. Критики сторонников соглашений о свободной торговле говорят, что ТТП угробит отечественное сельское хозяйство⁴¹. Председатель Всеяпонского совета сельскохозяйственных кооперативов Мотэки Мамору заявил на пресс-конференции в октябре 2010 г., что этот шаг несовместим с обеспечением продовольственной безопасности Японии, что, по его мнению, вопрос «присоединиться или не присоединиться к переговорам», означает «обеспечить или разрушить будущее страны»⁴². Ему вторит в феврале 2013 г. уже новый глава этой организации – Бандзай Акира. Комментируя встречу С. Абэ и президента Обамы (февраль 2013 г.), он сказал: «Мы протестуем против присоединения к переговорам на существующих условиях... правительство и политические партии не должны принимать решения, которые подрывают наше доверие» и далее: «Скоропалительные решения по этому вопросу нанесут ущерб национальным интересам»⁴³.

Министерство сельского хозяйства также стремится воспрепятствовать переговорам по этому вопросу. Оно опубликовало расчеты, согласно которым при ликвидации тарифов только на 19 основных сельскохозяйственных позиций будут потеряны рабочие места, а аграрный сектор недосчитается 3 трлн. иен⁴⁴. Часть членов Демократической партии Японии (ДПЯ), в том числе и парламентарии, также высказывались отрицательно. По подсчетам группы экспертов, сделанным в мае текущего года, при присоединении к ТТП Япония может потерять 1% ВВП (4,8 трлн. иен), в то время, как правительство в марте месяце подсчитало, что ВВП увеличится на 0,66 пунктов, т. е. на 3,2 трлн. иен. Правда, согласно тем же правительственным подсчетам, стоимость производства сельского, лесного и рыбного хозяйства упадет на 3 трлн. иен, в том числе на 90 % за счет сельскохозяйственной продукции⁴⁵.

Негативно оценивают присоединение к ТТП и некоторые представители академических кругов, считая, что этот проект выгоден именно

США и, ничего не давая японской экономике в целом, может разрушить ее сельское хозяйство⁴⁶. Например, почетный профессор университета Сидзуока Дои Эйди считает, что из-за ТТП пострадает не только сельское хозяйство, но и все связанные с ним отрасли, подсчитав, что стоимость сельскохозяйственного производства упадет на 3,5 трлн. иен, а 1,9 млн. человек, главным образом фермеры, потеряют работу⁴⁷.

В то же время очень многие аналитики, наоборот, считают, что участие Японии в ТТП в долгосрочной перспективе окажет положительное влияние на развитие японского сельского хозяйства, или что именно это торговое партнерство «сможет стать такой крайне необходимой шоковой терапией» для японского аграрного сектора⁴⁸. И, что особенно важно, так это мнения фермеров, которые, порвав с системой сельскохозяйственных кооперативов, применяют в своей работе индустриальные методы современного менеджмента. Они понимают, что в случае присоединения к ТТП, они смогут повысить конкурентоспособность без всякой помощи со стороны аграрного лобби и правительства. Но, как иронично замечает автор статьи, где приводятся эти факты, такие фермеры, в отличие от сельскохозяйственных кооперативов не имеют времени для организации демонстраций и написания петиций, и поэтому их голос часто не слышен⁴⁹.

Во время опроса населения в отношении участия страны в ТТП, проведенного «Kyodo News», за присоединение к вышеозначенным переговорам высказались 46,6 % респондентов, против – 38,6 %. И это не удивительно, ибо цены в Японии на продукты питания значительно превышают среднемировые⁵⁰.

Пришедшая к власти в конце 2012 г. Либерально-демократическая партия (ЛДП) в большинстве своем поддержала стремление руководства присоединиться к переговорам о вступлении в Транстихоокеанское партнерство. На встрече с президентом США Абамай 22 февраля 2013 г. С. Абэ официально заявил об этом желании Японии, а Обама обещал оказать политическую поддержку со стороны Америки. В Совместном заявлении было зафиксировано, что обе стороны имеют «чувствительные» позиции в своих двусторонних отношениях (в Японии это – сельскохозяйственная продукция, в США – некоторые товары обрабатывающей

⁴¹ Nikkei Weekly 25.02.2013.

⁴² The Nikkei. 28.10.2010; 29.10.10, утренний выпуск.

⁴³ Kyodo, 23.02.2013.

⁴⁴ www.ifmr.uz/index.php?option=com=1<28<view=itemf

⁴⁵ 24 нэндо сёкурё ногё носон хакусё (Белая книга по вопросам продовольствия, сельского хозяйства и деревни за 2012 г.). Токио, 2013. С. 75/www.maff.go.jp/i/wpaper/w_mail/h24/pdf

⁴⁶ Nikkei Weekly. 20.12.2010.

⁴⁷ The Japan Times. 23.05.2013.

⁴⁸ The New York Times. 11.11.2010; The Nikkei. 24.11.2011.

⁴⁹ The Nikkei. 27.01.2013 (утренний выпуск).

⁵⁰ The New York Times. 11.11.2010. По данным ОЭСР, цены на японскую сельскохозяйственную продукцию в целом превышают среднемировые на 56 % (www.oecd-ilibrary.org/agriculture-and-food/data/).

промышленности), и согласились, что еще не пришло время брать на себя какие-либо обязательства по ликвидации всех тарифов, поскольку этот вопрос будет решаться уже во время переговоров. Оба правительства также заявили, что вопрос о присоединении Японии к переговорам остается предметом дальнейшего обсуждения. Комментируя это Заявление, член палаты представителей Сандер Левин, в частности, предупредил, что любое соглашение, связанное с Японией, не получит согласия Конгресса, если эта страна не откроет свой сельскохозяйственный и автомобильный рынок⁵¹.

15 марта 2013 г. Абэ Синдзо официально объявил о принятии решения о вступление в переговорный процесс по ТТП.

Каждая страна, участвующая в переговорах, хотя и стремится ликвидировать тарифы, но все-таки хотела бы исключить кое-какие позиции. Так, например, США хочет оставить пошлины на сахар и молочную продукцию, Канада – тоже на молочную продукцию. Представители ЛДП и ее партнера по правительству партии Новая Комэйто заинтересованы исключить из нулевого тарифа, прежде всего, рис и сахар. Они хотели бы также расширить эту группу до пяти позиций, включив пшеницу, молочную продукцию и говядину. Сделать исключение именно для этих пяти позиций просили у правительства и представители Всеяпонского центрального совета сельскохозяйственных кооперативов. Однако большинство официальных лиц считает, что это не пройдет. Хотя правила ТТП и предполагают исключения, но только в пределах 2 %. При исключении пяти позиций, нулевой тариф охватит только 94,6 % всех товаров. Если же речь пойдет только о рисе, то свободная торговля коснется 99,4 %, так что у японского правительства и правящих партий появится возможность защитить и производителей сахара на Окинава⁵². Но главное, конечно, это рис, ибо для японцев рис – это «японское все». Это – не только основа питания, но и один из важнейших элементов культуры народа, его цивилизации. Этот психологический аспект никогда нельзя упускать из виду, ибо все, что касается риса, касается и всего общества. Но весь вопрос в том, что именно при производстве риса его себестоимость и соответственно цены на него очень высоки⁵³.

Правительство провело переговоры с США и отдельно с каждой из других стран – участниц переговоров по ТТП (такова принятая проце-

дура) и в конце апреля 2013 г. получило согласие со стороны всех будущих партнеров⁵⁴, кроме США, решение которых должен одобрить конгресс. В Японии полагают присоединиться к переговорам во время очередного их раунда в течение 15 – 25 июля 2013 г., но, видимо, не раньше 23 июля, когда конгресс должен одобрить это решение⁵⁵. По состоянию на конец мая, в переговорах о тарифах на сельскохозяйственную продукцию, в чем очень заинтересована Япония, пока еще никакого прогресса нет.

Меры, принятые ранее, и новые планы аграрной «перестройки»

В течение уже нескольких десятилетий правительство предпринимает различные меры, направленные на повышение эффективности сельскохозяйственного производства. Предполагается увеличение размеров хозяйствования, т. е. создание более крупных ферм, как путем увеличения размеров обрабатываемой земли в хозяйстве, так и путем более интенсивного его ведения.

Определенные успехи по реализации этих мер уже можно зафиксировать. Так, почти в три раза увеличился средний размер площади в хозяйстве против 1960 г.; в птицеводстве и животноводстве растет число сравнительно крупных хозяйств, которые дают основную долю продукции; постепенно увеличивается число ферм, производство в которых учитывает необходимость сохранения окружающей среды; проведен ряд мер по дерегулированию производства сельскохозяйственной продукции и ее реализации; в сферу сбыта внедряется частный сектор; внесены поправки к законам о сельскохозяйственных кооперативах и Центральном сельскохозяйственном банке, направленные на активизацию их деятельности и т. п. Остановимся подробнее на некоторых других важных мероприятиях, внесших свой вклад в развитие отрасли, и отдельных предложениях, направленных на достижение этой цели.

В соответствии с Законом о сельскохозяйственной земле в 2003 г. несельскохозяйственные фирмы получили право на аренду сельскохозяйственной земли. После принятия ряда последующих поправок первоначальные ограничения на их деятельность были сняты, и с конца 2009 г. они получили возможность арендовать землю в любом районе страны. По данным Министерства сельского хозяйства, за три года, прошедших после внесения поправок в 2009 г., свыше одной тысячи фирм начали заниматься производством сельскохозяйственной продукции. Это, главным образом, пищевые компании, занятые производством животноводческой продукции, и строительные. Примерно половина из

⁵¹ www.reuters.com/article/2013/02/22/us-usa-japan-abe-trade-idUSBRE91L1A92013...

⁵² The Nikkei. 03.03.2013.

⁵³ Цена производства риса в 1999 г. в Японии составляла 314 иен за кг, импортный рис из США стоил 81 иену за кг, из КНР – 62 иены, в 2008 г. эти цифры составляли соответственно 282 иены за кг, 167 и 163 иены за кг // <http://factsanddetails.com/japan.php?ilemid=1807&catid=>

⁵⁴ The Japan Times. 20.04.2013.

⁵⁵ <http://the-japan-news.com/news/article/000011353>; The Japan Times. 26.05.13.

них выращивает овощи и лишь 17% заняты производством риса и пшеницы⁵⁶, поскольку эти виды продукции требуют больших участков земли и специализированных машин. С этими фирмами, с их практикой эффективного менеджмента многие аналитики связывают надежды на успешное развитие отрасли.

В нулевые годы японские власти начали прилагать усилия к активизации экспорта сельскохозяйственной продукции, что является одним из направлений новой «агрессивной» («наступательной») аграрной политики (принятой в 1999 г.) в условиях заключения соглашений о свободной торговле. Увеличение экспорта, кроме того, считается одним из факторов повышения уровня самообеспеченности продовольствием, а сейчас – и одной из главных мер укрепления аграрного сектора. Несмотря на высокие цены, японская продукция пользуется спросом среди зажиточных слоев населения ряда стран, в том числе азиатских. В 2003 г. в рамках JETRO был создан комитет содействия продвижению японских продовольственных товаров в страны Азии. Министерство сельского хозяйства призвало муниципалитеты содействовать расширению экспорта из своих сельских районов под маркой «Японский брэнд»⁵⁷. За 2000–2005 гг. стоимость ее экспорта (без учета морепродуктов) выросла более чем на 30%. В марте 2005 г. для координации деятельности общественного и частного секторов при правительстве начал функционировать Всеяпонский совет форсирования экспорта продукции сельского, лесного и рыбного хозяйства⁵⁸. Предполагалось, что сумма экспорта к 2013 г. достигнет 1 трлн. иен (включая морскую продукцию), но трагические события марта 2011 г. несколько замедлили этот процесс.

В качестве одной из мер по увеличению размеров хозяйств, т. е. создания возможностей экономии на масштабах производства, является принятая в 2012 г. правительством программа, направленная на изменение старой производственной инфраструктуры – ликвидацию межей (тропинок, борозд, дорожек) между чеками риса. В Японии около 60% всех рисовых чеков имеют размер примерно в 0,3 га (это – стандарт, введенный правительством в 1960–70-е годы) и только 8 % – 1 га и более. Программа предусматривала выплату фермерам субсидий в размере 100 тыс. иен за каждое 0,1 га, приращенное к обрабатываемому участку. Такого рода пограничные полосы уже убраны в 1200 сообществ⁵⁹.

⁵⁶ The Nikkei. 13.02.2013.

⁵⁷ Это, главным образом, яблоки, японские груши, чай, ямс, сёю, мисо и другие продукты переработки, а также цветы.

⁵⁸ Annual Report on Food Agriculture and Rural Areas. 2005, p.20; Horē to кэйдзай. 2006. №10, с. 15.

⁵⁹ The Nikkei. 22.02.2013 (утренний выпуск).

Та же цель – увеличение размеров хозяйствования – присутствует и в предложениях по ликвидации чересполосицы. В Японии исторически сложилось так, что обрабатываемая земля в хозяйстве состоит из нескольких, а зачастую и многих (до 60 и более) участков, которые нередко находятся друг от друга на большом расстоянии и, к тому же, их форма бывает весьма причудливой. Из-за этого даже в крупном по размеру земельной площади хозяйстве сложно эффективно использовать современную технику. Поэтому очень важно, чтобы укрупнение размеров хозяйств проводилось не путем обмена прав на землю между собственниками (что ранее иногда имело место), когда в неизменном виде остаются очертания границ участков, а на основе соединения разрозненных полей в единое пространство, чтобы можно было эффективно провести работы по улучшению земель, изменить формы и размеры отдельных участков.

По мнению японских аналитиков, полигоном для проведения таких мероприятий могла бы стать опустошенная, а затем восстановленная после стихийного бедствия 11 марта земля⁶⁰. Уже предлагаются соответствующие проекты. В частности, в преф.Мияги рассматривается вопрос о создании на основе государственно-частного партнерства суперсовременной фермы размером в 200–300 га. В проекте предполагают принять участие такие известные компании как «Фудзицу», «Хитати», «Шарп». Проявляют интерес также «Панасоник», «NEC», «Яммар» и др., приглашаются и различные НИИ. Руководство фермой будет возложено на местные сельскохозяйственные компании⁶¹.

Однако препятствий на пути к повышению эффективности производства, кроме уже отмеченных выше, еще достаточно много. Наиболее серьезные это – изношенная ирригационная инфраструктура, а также старение населения. Неисправность примерно 20% водного оборудования – резервуаров, ирригационных каналов, дренажных насосов и пр. затрудняет соблюдение необходимой технологии производства. Кроме того, поврежденные трубы водоснабжения вызывают подмыв грунта и приводят к появлению провалов на дорогах.

Не менее важным препятствием является недостаток молодой рабочей силы. В настоящее время в сельской местности проживает 2510 тыс. человек, в том числе 60% лиц старше 65 лет⁶², в то время как в среднем

⁶⁰ А на остальной территории такие работы можно будет проводить в качестве общественных работ при участии государства, местных органов власти и индивидуальных хозяйств. В этом случае предлагается оценить землю до проведения работ по улучшению земель и после их завершения, и все различия в объединяемых участках – в качестве воды, уровней склонов и других природных условий – подсчитать в денежной форме.

⁶¹ The Nikkei. 05.01.2012.

⁶² www.maff.go.jp/j/tokei/shihyo/index/html

таких в стране – 23,3 %. Та же пропорция сохраняется и среди лиц, занятых в отрасли не менее 150 дней в году. Средний возраст здесь 66 лет. Лет через пять, как предполагают, примерно 700 тыс. человек перестанут заниматься сельским хозяйством. А заменить их некем. Дело осложняется тем, что у стариков, как правило, очень мелкие участки земли. В одном небольшом городке в префектуре Мияги возраст более чем 80% фермеров превышает 65 лет, а размер большинства их участков обычно не превышает 0,1 га. Один из таких фермеров даже жаловался, что никто не хочет такой клочок арендовать. По словам одного из чиновников Министерства сельского хозяйства, сельскохозяйственные корпорации и молодые фермеры хотели бы взять в аренду эти маленькие кусочки земли, уже объединенными в сравнительно крупный участок⁶³.

Постепенно начинают вырисовываться контуры аграрной реформы, которая будет объявлена, по словам С. Абэ, в рамках новой стратегии экономического роста в июне текущего, 2013, года.

Так, например, С. Абэ заявил 19 февраля 2013 г. на заседании Совета по вопросам конкурентоспособности, что он будет стремиться превратить сельское хозяйство в перспективную отрасль, что будут налажены связи с различными производствами, включая логистику и информационные технологии, и сельское хозяйство станет привлекательным для молодежи⁶⁴.

На том же заседании министр сельского хозяйства Хаяси Ёсимаса, со своей стороны, рассказал о плане увеличения экспорта сельскохозяйственной продукции (провозгласил цель увеличить его к 2020 г. вдвое, в том числе с помощью недавно созданного частно-государственного фонда), углубления сотрудничества между производством сельскохозяйственной продукции, торговлей и промышленностью, а также более эффективного использования обрабатываемой земли⁶⁵.

Представители частного сектора – пятеро членов Совета по вопросам конкурентоспособности (в том числе Микитани Хироси, президент компании «Ракутэн» и Нинами Такэси, президент компании «Лаусон») заявили о необходимости добиться того, чтобы через 10–15 лет средний размер площади в хозяйстве достиг 50 га, и была прекращена политика ограничения производства риса. А другие пятеро членов этого Совета (в том числе Сато Ясухиро, президент финансовой группы «Мидзухо») призвали создать сельское хозяйство, которое сможет работать без субсидий⁶⁶.

⁶³ The Nikkei. 22.02.2013.

⁶⁴ The Nikkei. 19.02.1013.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ The Nikkei. 19.02.2013.

Правительство планирует создание специальной комиссии с премьер-министром во главе с целью укрепления аграрного сектора в связи с возможным вступлением страны в переговоры о присоединении к ТТП. Комиссия начнет свою работу в мае. Ее цель – обсудить меры по продвижению экспорта сельскохозяйственной продукции, защиты сельскохозяйственной земли, стабилизации доходов фермеров и по подготовке их преемников. В состав комиссии предположительно войдут министр сельского хозяйства Хаяси Ёсимаса, генеральный секретарь кабинета Сига Ёсихидэ и государственный министр по экономической и фискальной политике Амари Акира, который возглавит рабочую группу по делам ТТП⁶⁷.

В Министерстве сельского хозяйства готовится законодательство, согласно которому префектурная администрация получит право временно брать в аренду необрабатываемые земли (сейчас их насчитывается примерно 400 тыс. га), объединять их в один участок и сдавать в аренду тем, кто будет ее обрабатывать, например, сельскохозяйственным компаниям. Если найти быстро арендатора не получится, префектура сама должна взять этот участок в аренду и, привлекая к участию близлежащих фермеров, создать крупный массив, который можно будет передать в аренду сельскохозяйственной фирме. Предполагается также упростить процесс установления права пользования на пустующие земли. Сейчас для этого требуется пройти сложную процедуру, которая может занять до пяти лет. Упрощенный метод даст возможность получить необходимые права еще до того, как земля будет заброшена⁶⁸. По словам министра сельского хозяйства Хаяси Ёсимаса, такое законодательство будет представлено на очередную сессию парламента в начале следующего года, чтобы поправки к Закону о сельскохозяйственной земле могли войти в силу в 2014 фин. г.

На пресс-конференции после первого заседания (24 января 2013 г.) Совета по продвижению структурных реформ его глава Ока Мотоюки заявил, что для того, чтобы повысить конкурентоспособность сельского хозяйства, надо создать благоприятные условия для деятельности корпораций в аграрном секторе⁶⁹. Этот вопрос ставится уже давно. Промышленные и торговые компании требуют принятия закона, по которому они смогут не арендовать, а покупать землю. Аналитики не раз выступали с предложениями о необходимости принять закон, по которому несельскохозяйственные компании смогут это делать, но, конечно, с условием, что в течение определенного срока (предлагалось – 30 лет) земля будет ис-

⁶⁷ The Japan Times. 04.04.2013.

⁶⁸ The Nikkei. 16.02.2013 (утренний выпуск).

⁶⁹ The Nikkei. 27.01.2013 (утренний выпуск).

пользоваться только под сельскохозяйственные нужды. Однако пока что законодательство по этому вопросу только постепенно смягчается.

Комментируя выступление министра сельского хозяйства, профессор Токийского университета Хомма Масаёси, отметил, что в его предложениях ничего не говорится о налогах, которые являются барьером на пути объединения мелких владений, в то время как экономия на масштабах производства – важнейший фактор повышения продуктивности в отрасли. По его мнению, жены и дети, которые имеют право на частичное снижение налога на наследство, должны заплатить эту сумму, если земля будет использоваться не под сельскохозяйственные нужды или вообще будет заброшена. Но это относится только к землям, которые унаследованы после 2004 фин. г. Правительство, – говорит М. Хомма, – должно также разобраться с такими важными проблемами как сокращение площадей под рисом и реформирование сельскохозяйственных кооперативов⁷⁰.

Среди планов укрепления аграрного сектора, которые обсуждаются японской общественностью, наряду с финансированием процесса объединения земель и увеличением субсидий для развития сельских районов, серьезное внимание обращается и на расширение экспортных возможностей, в том числе и производства на экспорт риса⁷¹.

По мнению специалистов, необходимо прекратить ограничивать производство риса (что требует правительство и выдает для этого субсидии). Более того, наоборот, они считают, что рис можно выращивать в любом количестве, ибо он высокого качества и всегда найдет спрос на мировом рынке (при условии, конечно, что себестоимость будет снижена). Они полагают, что существующие в настоящее время условия в аграрном секторе не дают возможности талантливым фермерам проявить свои способности, а стране – свой экономический потенциал⁷². По подсчетам аналитиков, при увеличении производства риса в условиях снижения внутреннего спроса (он постоянно падает, прежде всего, из-за дифференциации структуры питания) цены упадут, и все проблемы на внешнем рынке разрешатся сами собой. Сейчас же население несет двойную нагрузку – покупает дорогой рис и платит налоги, которые идут на субсидии для сокращения площадей под этой культурой. А чтобы их выплачивать, чиновники Министерства сельского хозяйства стараются увеличивать сельскохозяйственный бюджет под благовидным предлогом повышения степени самообеспеченности продуктами питания⁷³.

⁷⁰ The Nikkei. 19.02.2013 (утренний выпуск).

⁷¹ The Nikkei. 26.02.2013.

⁷² Japan Echo, June 2009, p.21, 22 24; Нихон кэйдзай симбун. 19.05.2009.

⁷³ См., например статью Asakawa Yoshihiro. Playing Tricks with the Food Self-Sufficiency Ratio//Japan Echo, June 2009.

Учитывая снижение уровня потребления риса в своей стране и планы правительства вступить в переговоры по ТТП, японские сельскохозяйственные фирмы ищут новые каналы сбыта. Они, в частности, кооперируются с европейскими и азиатскими фирмами с целью выращивания там риса «японика», который стал популярен за границей благодаря широкому интересу иностранцев к японской кухне. Они надеются таким путем сократить издержки на его перевозку и повысить конкурентоспособность.

Так, сельскохозяйственная компания «Тамаки» из Ниигата планирует выращивать с 2014 г. рис на юге Европы, для чего намерена заключить соглашение с французской фирмой на использование участка в 50 га в баскском районе Испании. Она собирается к 2016 г. производить 250 т риса «Косихикари» (это – наиболее популярный сейчас сорт риса в Японии) и продавать его через сеть крупных европейских супермаркетов. «Тамаки» будет передавать ноу-хау своим партнерам взамен получения 5-процентной выручки от продаж в счет оплаты за технологический инструктор. У фирмы есть планы развернуть такую же деятельность и в Италии.

Другой производитель риса – фирма «Синсэнгуми» собирается выращивать сорт «Косихикари» примерно на 8 тыс. гектарах заливных полей на севере Таиланда, кооперируясь с известной тайской компанией по производству пива. Она уже устанавливает там оборудование для его производства. Рис предполагается продавать на Тайвань, другим азиатским странам, а также в США и Европе⁷⁴.

На наш взгляд, заслуживает внимание и ряд предложений по вопросу об изменении аграрной политики, высказанные профессором Школы политических и экономических наук университета Васэда Харада Ютака в статье «Может ли японское сельское хозяйство выжить в условиях либерализации?»⁷⁵. Он, в частности, считает, что Япония может увеличить объем экспорта за счет большего вывоза переработанной продукции. Единственное ограничение этому – высокий уровень цен на ингредиенты из-за импортных квот и других торговых барьеров, существующих для защиты отечественного производителя. При этом автор иронично замечает, что «очевидно, министерству сельского хозяйства никогда не приходило в голову, что либерализация сельскохозяйственного импорта могла бы помочь развитию <японской> пищевой промышленности»⁷⁶.

⁷⁴ Nikkei Weekly. 25.02.2013.

⁷⁵ <http://www.tokyofoundation.org/en/articles/2011/farming-survive-liberalization>

⁷⁶ При этом автор ссылается на соответствующий опыт Нидерландов и Бельгии, которые экспортируют переработанную продукцию в больших размерах (в то время как Япония – в мизерных), хотя практически все ингредиенты для переработки обе страны импортируют.

И еще одно его предложение достойно упоминания: если уж выдавать субсидии фермерам, то только пропорционально объему их производства. И, если в этом случае все же часть денежных средств попадет нерентабельным хозяйствам, т. е. не будет непосредственно способствовать росту эффективности производства, эта сумма, все равно, будет несравнимо меньше тех огромных затрат, которые понесло японское общество из-за контрпродуктивной аграрной политики, продолжавшейся в течение многих лет.

* * *

Что из всех перечисленных заявлений и предложений составит содержание сельскохозяйственной реформы, пока сказать трудно. Лишь после опубликования ее текста можно будет проанализировать конкретные положения. Но для того, чтобы оценить, насколько реформирование аграрного сектора будет результативным, должно, конечно, пройти определенное время.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЯПОНИЯ В РЕГИОНАЛЬНЫХ СТРУКТУРАХ В АТР: МЕХАНИЗМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Япония, которая в послевоенной истории традиционно играла ведущую роль в региональном экономическом взаимодействии в Юго-Восточной Азии, в последние несколько лет явно оказалась в тени Китайской народной республики (КНР, Китай). Тем не менее, она остается важным экономическим игроком и способна выступать политическим балансиром Китая в региональных форумах.

Где и с кем окажется Япония в этой меняющейся региональной экономической архитектуре? Страна является третьей по величине экономикой мира и важнейшим звеном в мировых логистических и производственных цепочках, поэтому ее участие необходимо для обеспечения надежности и жизнеспособности любого регионального экономического взаимодействия. Как бывший экономический локомотив региона, верный военно-политический союзник США, крупнейший торговый партнер и одновременно исторический соперник Китая в Северо-Восточной Азии, Япония в очередной раз оказалась перед сложным выбором: по какому пути пойти.

На сегодняшний день в АТР можно выделить два ключевых направления региональной экономической интеграции – это разнообразные механизмы под эгидой Ассоциации государств Юго-восточной Азии (АСЕАН), в которую входят Бруней-Даруссалам, Бирма (Мьянма), Камбоджа, Индонезия, Лаос, Малайзия, Филиппины, Сингапур, Таиланд, Вьетнам, включая взаимодействие большой восточноазиатской тройки (Япония – Республика Корея – Китай) и американская инициатива создания Транстихоокеанского партнерства (ТТП), во многом противопоставляемая АСЕАНовскому процессу.

Еще около десяти лет назад Япония несомненно была ключевым партнером АСЕАН в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В течение нескольких послевоенных десятилетий региональное сотрудничество

здесь в основном сводилось к развитию тесных добрососедских отношений между Токио и странами АСЕАН, или «отношениями от сердца к сердцу», как назвал их премьер-министр Т. Фукуда в своей доктрине 1977 г. Как наиболее развитая экономика в Восточной Азии, Япония была центром регионального экономического развития и ключевым источником официальной помощи развития (ОПР), которая способствовала формированию социальной инфраструктуры и имела решающее значение для экономического подъема многих стран Юго-Восточной Азии. Кроме того, Япония была одним из наиболее важных источников прямых иностранных инвестиций для этих стран. Многие из японских транснациональных корпораций в 1980-х годах переводили свои производственные базы в Юго-Восточную Азию, тем самым вкладывали огромные средства в экономику стран АСЕАН.

Японские прямые инвестиции были важны не только для создания новых рабочих мест, но и с точки зрения передачи технологий из Токио в страны Юго-Восточной Азии. На более фундаментальном уровне, это способствовало их экономическому развитию. Они получили возможность реализовывать «экспортно-ориентированную» стратегию развития, которая основана на экспорте промышленной продукции на европейский и североамериканский рынки. Значительная часть этой экспортной продукции была изготовлена на заводах, находившихся под управлением японских транснациональных корпораций. Учитывая масштабы экономического сотрудничества между Токио и странами АСЕАН в 1980-х, Япония стала единственной страной в Восточной Азии, которая наряду с другими промышленно развитыми странами была приглашена для участия в Постминистерских Конференциях АСЕАН, как официальный «партнер по диалогу».

Тем не менее, за последнее десятилетие Япония оказалась в тени Китая¹. Многие уже готовы утверждать, что теперь Пекин является наиболее важным партнером АСЕАН и центром регионального сотрудничества в Большой Восточной Азии, и эти утверждения в определенной степени оправданы. Наиболее очевидным отставание Японии оказалось после стремительного заключения соглашения о зоне свободной торговли между Китаем и АСЕАН в 2002 г. Лишь в ответ на это Токио тоже начал предпринимать серьезные усилия для того, чтобы достичь аналогичного уровня экономической интеграции со странами АСЕАН. Соглашение об экономическом партнерстве Япония-АСЕАН было заключено лишь в 2008 г., то есть на шесть лет позже, чем у Китая. Стоит также отметить, что только после того, как в 2003 г. Китай

присоединился к Договору АСЕАН о дружбе и сотрудничестве (основополагающему договору политического сотрудничества между АСЕАН и третьими странами), то же самое через год сделала Япония.

Присутствие Китая в Большой Восточной Азии как главного игрока с каждым годом становится все более заметным. Как один из членов-учредителей двух ключевых региональных механизмов (АСЕАН+3² и Восточно-азиатского саммита³) Пекин кажется незаменимым партнером стран АСЕАН. Расширение китайского рынка с населением более 1,3 млрд. человек, привлекает международных инвесторов, а правительства стран региона стремятся укрепить экономические отношения с Пекином.

Однако все эти факты не означают, что Япония ушла с региональной сцены, уступив место Китаю. Токио по-прежнему остается одним из самых важных источников прямых иностранных инвестиций и ОПР для стран АСЕАН. На нынешнем этапе японские прямые иностранные инвестиции поддерживают новую фазу экспортно-ориентированной стратегии АСЕАН. Вместо экспорта готовой продукции, страны АСЕАН в настоящее время экспортируют промышленные компоненты в Китай, где они собираются и направляются в Европу и Северную Америку. Многие из этих промышленных компонентов производятся на заводах, управляемых японскими многонациональными корпорациями.

Одновременно совершенно очевиден тот факт, что Япония не сильно преуспела на пути либерализации собственного рынка. Из 13 подписанных соглашений о свободной торговле, которые в данном случае называются Соглашениями об экономическом партнерстве⁴, ни одно не было заключено с какой-либо крупной экономической державой, за исключением, возможно, соглашения между Японией и Индией 2011 г. Многие из подписанных договоренностей не касаются торговли сельскохозяйственной продукцией (см. Таблицу 1). Для сравнения, Южная Корея, страна, с которой сейчас часто сравнивают Японию, заключила соглашения о свободной торговле с США, Европейским Союзом (ЕС) и в 2012 г. начала переговоры с Китаем. Если Япония сохранит подобное отставание по темпам либерализации своего рынка, то может случиться так, что в скором времени ее компании окажутся в весьма невыгодном положении относительно конкурентов.

В 2012–2013 гг. Япония запоздало пыталась наверстать упущенное, начав переговоры по заключению соглашения о свободной торговле с

² АСЕАН, Китай, Республика Корея, Япония

³ East Asia Summit (EAS) – механизм ежегодных встреч 18 стран (АСЕАН, Китай, Республика Корея, Япония, Австралия, Новая Зеландия, Индия, Россия и США).

⁴ Economic Partnership Agreement

¹ Ali M., Katsumata H. East Asian Regional Cooperation: Japan Falling Behind China? RSIS No. 002/2013 03.01. 2013//<http://www.rsis.edu.sg/publications/Perspective/RSIS0022013.pdf>

ЕС и трехстороннего соглашения о свободной торговле с Китаем и Южной Кореей, однако последние в связи с обострением политических противоречий и отказом китайских лидеров встречаться со своими японскими партнерами безнадежно забуксовали⁵.

Таблица 1.
Соглашения Японии о свободной торговле

Вступившие в силу	На стадии переговоров	На стадии обсуждения
Япония – АСЕАН ^a		
Япония – Бруней	Япония – Австралия	Япония – Канада
Япония – Камбоджа	АСЕАН+3	Япония – Монголия
Япония – Чили	АСЕАН+6	Япония – Южная Корея
Япония – Индия	Япония – Европейский Союз	ТТП
Япония – Индонезия	Япония – Китай –	
Япония – Малайзия	Южная Корея	
Япония – Мексика		
Япония – Перу		
Япония – Филиппины		
Япония – Сингапур		
Япония – Швейцария		
Япония – Таиланд		
Япония – Вьетнам		

Источник: Министерство иностранных дел Японии // <http://www.mofa.go.jp/policy/economy/fta/index.html>.

При этом Япония явно проявляет желание участвовать в формировании правил экономической деятельности в Азиатско-Тихоокеанском регионе и за его пределами, и весьма удобными механизмами для этого могут быть два формата: Региональное всеобъемлющее экономическое партнерств⁶ под эгидой АСЕАН и американская инициатива о создании Транстихоокеанского партнерства, на которой хотелось бы остановиться подробнее.

Изначально наиболее масштабным форумом для обсуждения вопросов региональной экономической либерализации был созданный в 1989 г. форум Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), ставивший целью создание зоны свободной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе к 2015 г. Однако глобальный характер АТЭС⁷ и не-

⁵ Insoo Nam China Asks to Postpone Japan, Korea Summit, Wall Street Journal, 18.04.2013 // <http://online.wsj.com/article/SB10001424127887324493704578430201541017478.html>

⁶ Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) – переговорный механизм, начатый в ноябре 2012 г., в составе АСЕАН+6, нацеленный на формирование зоны свободной торговли в АТР.

⁷ В АТЭС входит 27 стран.

обязательность принимаемых решений помешали достичь ощутимых результатов в масштабах всего региона. В 2005 г. между четырьмя участниками АТЭС – Сингапуром, Новой Зеландией, Чили и Брунеем было заключено четырехстороннее соглашение о свободной торговле, именно оно после присоединения США, Австралии, Перу и Вьетнама легло в основу американской инициативы о формировании Транстихоокеанского партнерства (ТТП). В октябре 2010 г. девятым участником стала Малайзия. Правительства Мексики и Канады включились в переговорный процесс с осени 2012 г., а в марте 2013 г. Япония заявила о своей готовности участвовать в переговорах.

Максимальное внимание к инициативе о создании Транстихоокеанского партнерства было привлечено во время саммита стран АТЭС в ноябре 2011 г., проходившего в США в г. Гонолулу. Тогда девять стран объявили о начале разработки проекта соглашения, которое должно быть подготовлено к концу 2013 г.

Это всеобъемлющее соглашение, по задумке авторов, должно покрывать широкий спектр сфер экономической деятельности (условия доступа на рынок товаров и услуг, государственные закупки, иностранные инвестиции, технические барьеры в торговле, средства правовой защиты, санитарные меры, права интеллектуальной собственности и проч.) Страны также согласились продолжать обсуждение сквозных вопросов, таких как унификация законодательств, создание благоприятных условий для конкуренции и коммерческой деятельности, развитие транснациональных логистических и производственных цепочек, интернационализацию малых и средних предприятий, экономическое развитие и возможные меры регулирования для государственных предприятий. Конечной целью переговоров является создание «исчерпывающего регионального соглашения нового поколения, которое позволит либерализовать торговлю и инвестиции, а также решить традиционные и новые проблемы международной торговли и ответить на вызовы XXI века»⁸.

Транстихоокеанское партнерство должно способствовать унификации множества двусторонних и региональных торговых соглашений, действующих сейчас в Азиатско-Тихоокеанском регионе и поэтому рассматривается его авторами как составная часть более широкого механизма либерализации торговли этого региона, иногда называемого Азиатско-Тихоокеанской зоной свободной торговли (АТЗСТ). В отличие от прежних соглашений новый механизм будет учитывать новые торговые проблемы, возникающие в XXI в, например в сфере облачных технологий, которые не учитываются даже ВТО, потому что они ранее не сущест-

⁸ Trans-Pacific Partnership Leaders Statement, November 11, 2011 // <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/11/12/trans-pacific-partnership-leaders-statement>

вовали или были сочтены незначительными. Этот механизм потенциально открыт для вступления новых стран, отвечающих определенным весьма строгим критериям.

Первоначальная заинтересованность Японии в участии была озвучена премьер-министром Ё. Нода еще в ноябре 2011 г. В следующие месяцы японские сторонники ТТП (представители крупнейших компаний и корпораций), и противники ТТП (представители очень активной и политически влиятельной сельскохозяйственной отрасли) включились в обсуждение. После победы на выборах в конце 2012 г. лидер вернувшейся к власти Либерально-демократической партии Японии (ЛДП) Абэ Синдзо в своем заявлении от 15 марта 2013 г. объявил, что Япония готова присоединиться к переговорному процессу в рамках ТТП, которое в будущем, по мнению премьера, принесет многочисленные коммерческие выгоды, а главное, станет «базой для разработки правил» ведения других многосторонних торговых переговоров. По его словам, если Япония будет тянуть с присоединением к переговорам еще дольше, то может быть уже слишком поздно. «Это наш последний шанс, – заявил Абэ. – Если мы упустим эту возможность, то Япония будет попросту исключена из мирового процесса разработки правил, так как создание ТТП положит начало новому веку Азиатско-Тихоокеанского региона»⁹. Одновременно он отметил, что понимает опасения участников сельскохозяйственной отрасли, но при этом настаивает на том, что Японии нужно воспользоваться «этим последним окном возможностей» для присоединения к переговорам, если она нацелена на экономический рост.

25 июля 2013 года по итогам 18-ого раунда обсуждений, получив согласие остальных 11 стран, Япония стала полноправным 12-м участником переговорного процесса ТТП. Участие Японии в ТТП может усилить американские позиции в этой организации. У США и Японии есть несколько общих экономических задач, включая защиту прав интеллектуальной собственности, защиту иностранных инвестиций, разработку четких правил происхождения товара для стимулирования торговли и обеспечение доступности рынка услуг. Значительная часть деловых кругов США пообещала поддержать присоединение Японии к ТТП, в том случае, если будут найдены пути решения старых проблем, которые постоянно мешали экономическому партнерству США и Японии. Заинтересованные участники определили три конкретные проблемы: отмена ограничений на импорт говядины из США, доступ на японский рынок

⁹ Press Conference by Prime Minister Shinzo Abe, 15.03.2013 // http://www.kantei.go.jp/foreign/96_abe/statement/201303/15kaiken_e.html

автомобилей американского производства и льготные условия страхования для американских компаний¹⁰.

Внутри Японии основным аргументом в пользу участия в ТТП является необходимость поиска новых источников экономического роста. За несколько десятилетий экономической стагнации экономическое и политическое влияние страны в Азиатско-Тихоокеанском регионе значительно сократилось по сравнению с влиянием Китая. Затянувшиеся на десятилетия торговые переговоры в рамках Всемирной торговой организации в совокупности с резким увеличением количества двусторонних и многосторонних соглашений о свободной торговле за последние десять лет привели к тому, что Япония стремится как можно более интенсивно заключать собственные соглашения о свободной торговле.

Для нее как важного звена глобальных цепочек поставок в Азии, вступление в ТТП может способствовать повышению эффективности операций внутри этих цепочек. Однако более глобальная Транстихоокеанская экономическая интеграция вполне может, напротив, привести к ухудшению позиций Японии в производственных и экспортных сетях.

Полноправное участие в ТТП может стимулировать проведение экономических реформ внутри страны. На протяжении многих лет эксперты и государственные деятели утверждали, что для оживления японской экономики необходимы структурные реформы. А одним из способов, по их мнению, преодоления сопротивления реформам, проявляющегося в виде защиты личных интересов, является заключение комплексных, тщательно продуманных соглашений о свободной торговле, которые предоставили бы политическую защиту реформаторски настроенным людям и группам. Кроме того, в рамках переговоров по вступлению в ТТП Япония смогла бы получить дополнительные выгоды, предложив провести структурные реформы в обмен на уступки со стороны других стран участников Партнерства.

Вопрос участия Японии в Транстихоокеанском партнерстве вызывает огромный политический резонанс. Ни в правящей Либерально-демократической партии, ни в крупнейшей оппозиционной Демократической партии Японии (ДПЯ) нет единства мнений по вопросу ТТП. Вплоть до заявления, сделанного Абэ в марте 2013 г., ни один из премьер-министров, которых в Японии сменилось семеро за последние семь лет, не смог стать лидером, способным объединить сторонников вступления в ТТП из обеих партий. Подобная политическая ослабленность усугубила традиционные для Японии институциональные ограничения власти

¹⁰ William H. Cooper, Mark E. Manyin Japan's Possible Entry Into the Trans-Pacific Partnership and Its Implications, Congressional Research Service, April 2013 // <http://www.fas.org/sgp/crs/row/R42676.pdf>

премьера, что позволило заинтересованным силам фактически блокировать попытки двух предыдущих кабинетов вступить в переговоры по ТТП. На данный момент Абэ, кажется, удалось преодолеть эти препятствия, во-первых, за счет своих высоких рейтингов популярности, во-вторых, за счет централизации принятия решений по ТТП в руках кабинета премьер-министра, что может значительно ослабить позиции противников ТТП в самой правящей партии.

Наиболее громко против ТТП, равно как и против буквально всех соглашений о либерализации торговли, рассматриваемых в Японии на протяжении последних 40–50 лет выступает Всеяпонский совет сельскохозяйственных кооперативов¹¹, призывая исключить из перечня товаров для беспошлинной торговли более 800 продуктов сельского хозяйства. Мощное сельскохозяйственное лобби, пользуясь тем, что сельские районы Японии представлены значительным количеством мест в парламенте, имеет значительное влияние как в правящей ЛДП, так и в оппозиционной ДПЯ и продвигает целый ряд политических решений, выгодных сельскохозяйственному сектору. Например, многие товары сельского хозяйства защищены высокими пошлинами: рис (778 %), пшеница (252 %), (данные по другим товарам – см. Таблицу 2). Кроме того, целый ряд законодательных норм направлен на сохранение текущего положения, при котором японское сельское хозяйство остается мелко-масштабным, в нем все больше занято стареющих работников и работающих по совместительству, при этом сектор в целом остается непродуктивным по сравнению с сельским хозяйством большинства других стран. Правительство Японии ежегодно выделяет 1 трлн. иен (около 12 млрд. долл.) в виде прямых выплат фермерским хозяйствам¹². Сообщается, что правительство Абэ и ЛДП рассматривают возможность выделения дополнительного пакета субсидий японскому сельскому хозяйству в качестве компенсации убытков, ожидаемых в случае успешного завершения переговоров по ТТП.

Всеяпонский совет сельскохозяйственных кооперативов совместно с другими влиятельными заинтересованными группами ведет агрессивную кампанию против вступления в ТТП. Наиболее значимая из таких групп – Японская ассоциация медицинских работников, по мнению которой вступление в ТТП если и не уничтожит, то серьезно подорвет японскую систему универсального страхования здоровья, вынуждая закупать медикаменты и медицинское оборудование по более высоким

¹¹ Руководящий орган сельскохозяйственной кооперации страны. JA-ZENCHU (Central Union of Agricultural Co-operatives)// <http://www.zenchu-ja.or.jp>

¹² Mulgam A. Japan's new agricultural policy plan neglects trade liberalisation, EastasiaForum, 02.11.2011 // www.eastasiaforum.org/2011/11/02/japan-s-new-agricultural-policy-plan-neglects-trade-liberalisation

Таблица 2.
Сравнение пошлин на отдельные виды сельскохозяйственной продукции в Японии и США
(Средние значения, приведенные к данным страны наибольшего благоприятствования)

Категория	Япония	США
Продукты животноводства	18,9	2,3
Молочные продукты	93,3	20,3
Фрукты и овощи	10,6	4,9
Кофе и чай	15,3	3,2
Злаки и производные	42,0	3,5
Масличные культуры, жиры и масла	9,0	4,6
Сахар и кондитерские изделия	27,2	10,3
Напитки и табак	14,6	15,6

Источник: Данные ВТО о размерах пошлин http://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/tariff_profiles12_e.pdf

ценам. В 2012 г. до победы Абэ на выборах, возглавляемая им ЛДП выступала против начала переговоров и считала их возможными, только если окончательное соглашение будет подразумевать ряд исключений. Такую позицию многие рассматривали как попытку привлечь избирателей, не поддерживающих ТТП. Многие эксперты сходятся во мнении, что вплоть до заявления Абэ, сделанного в марте 2013 г., традиционным для Японии сельскохозяйственным и медицинским лобби, а также другим противникам ТТП удавалось успешно контролировать дискуссию о ТТП внутри Японии. Они заручились поддержкой значительного числа законодателей, в том числе 200 членов ЛДП (более половины фракции ЛДП в парламенте), которые до решения Абэ примкнули к группе, призывающей Японию не вступать в ТТП. Тем не менее, в середине марта в результате бурных внутренних дебатов ЛДП формально выступила в поддержку решения Абэ. В то же время, экспертная группа по вопросам ТТП в составе ЛДП определила список из пяти «важных» видов продукции, требующих особой защиты – рис, сахарный тростник и сахарная продукция, пшеница, молочные продукты и говядина¹³.

В то же время, ЛДП также выступала против определенных требований по урегулированию споров между инвесторами и государством,

¹³ Костюнина Г. М. Транстихоокеанское стратегическое партнерство: расстановка сил и роль в формировании зоны свободной торговли в АТР// Вестник МГИМО, 2012 №4 (25) // www.vestnik.mgimo.ru/files/25/14_kostunina.pdf

с которыми, вероятно, пришлось бы согласиться при вступлении в ТТП. Так, партия заявляла, что сферы госзакупок и финансовых услуг должны базироваться на «особых характеристиках» Японии. Пока не ясно, в какой мере эти взгляды станут частью официальной позиции японского правительства. Наличие сомнений по вопросам ТТП в стане правящей партии говорит о том, что если Япония все же начнет переговоры, то правительству Абэ будет сложно заручиться внутренней поддержкой при принятии болезненных решений об уступках, особенно в случае возможного падения рейтинга популярности правительства.

Учитывая экономическую «невнятность» остальных потенциальных участников ТТП, членство Японии в этой структуре на деле будет фактически означать создание зоны свободной торговли в первую очередь между США и Японией. Вступление Японии в ТТП может существенно изменить структуру и динамику экономических отношений этих двух стран. На протяжении многих лет законодатели в сфере торговли, представители бизнеса, и региональные специалисты обеих стран вынашивали идею Американо-японского соглашения о свободной торговле. Пока не начались реальные переговоры по ТТП, она не набирала обороты, поскольку препятствия, такие как японская сельскохозяйственная политика, проблемы автомобильной торговли, законодательство и действия японского правительства, оставались непреодолимы. Японии и США придется устранить все эти препятствия, если страны собираются успешно работать в рамках ТТП.

Прогноз по вступлению Японии в ТТП пока остается неясным и зависит от целого ряда факторов. Пожалуй, важнейшим из них можно назвать способность японских политиков достигнуть единого мнения о том, стоит ли продолжать переговоры. Если решение будет положительным, то встает вопрос о том, сможет ли Япония договориться с участниками ТТП об условиях вступления.

От того, как решится этот вопрос, будут зависеть двусторонние японо-американские торговые отношения, будущее двустороннего союза, который ориентирован в первую очередь на общие угрозы в сфере национальной безопасности. С одной стороны, в случае успеха, партнерство сможет вдохнуть новую жизнь в стабильные, но стагнирующие взаимоотношения, подтолкнув страны к решению наболевших и сложных вопросов, и переведя отношения стран на новый уровень. С другой стороны, неудача может показать, что коренные проблемы весьма глубоки и непреодолимы, а сами правительства неспособны договориться с внутренними оппозиционными силами в пользу более открытых торговых отношений.

Помимо интересов в сфере торговли и инвестиций, присоединение Японии к ТТП может затронуть интересы США в сфере внутренней и внешней политики. Формирование Транстихоокеанского партнерства

является неотъемлемой частью объявленной в конце 2011 г. американской внешнеполитической стратегии по «восстановлению равновесия» внешней политики США в Азиатско-Тихоокеанском регионе за счет более активного участия в формулировании правил и норм региона¹⁴. Данная стратегия предполагает серию дипломатических, военных и экономических действий, которые предприняли или планируют предпринять США для оказания влияния на развитие ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Присоединение США и Японии к единому соглашению о свободной торговле может быть расценено как способ заявить о нерушимости их союза и, соответственно, упрочить американский авторитет в регионе.

Помимо этого, многие в Японии питают надежду на то, что вступление в ТТП укрепит стратегические позиции Японии в Азии, и в дополнение к уже существующему альянсу с США, может стать хорошим подспорьем в усилиях последних лет, направленных на укрепление взаимоотношений Токио с соседними азиатскими государствами. Именно поэтому с того момента, как премьер-министр Абэ привел свою партию к власти в конце 2012 г., одним из важнейших приоритетов он называет восстановление позиций Японии за счет оживления экономики и укрепления взаимоотношений с США¹⁵. Эти шаги вызваны опасениями того, что стремительно развивающийся Китай уменьшает вес Японии и ставит под угрозу ее безопасность и экономические интересы.

Действительно, желание КНР заключать свои собственные двусторонние и многосторонние экономические соглашения привело, в некотором роде, к соревнованию по формированию будущей экономической структуры Азии, жертвой которых может стать Япония. Запустив в 2002 году функционирование зоны свободной торговли со странами АСЕАН, Китай не только получил торгово-экономические преимущества, но и укрепил свои стратегические интересы в этом регионе, обозначив собственную ведущую роль в Азии в целом. Общая зона свободной торговли Китай-АСЕАН объединяет 1,7 млрд. чел. населения с объемом ВВП в 2 трлн. долл. США и занимает третью строчку в мировом табели о рангах среди зон свободной торговли вслед за ЕС и НАФТА. Одновременное стремление Китая и Японии к укреплению своих позиций в Юго-Восточной Азии привели к расширению формата «АСЕАН+1» до «АСЕАН+3» с участием Кореи. Повестка обсуждений АСЕАН+3 сосредоточена на вопросах денежно-кредитной политики (координация валютной поли-

¹⁴ Clinton H. America's Pacific Century, Foreign Policy, November 2011 http://www.foreignpolicy.com/articles/2011/10/11/americas_pacific_century

¹⁵ Abe S. "Japan is Back," Speech at the Center for Strategic and International Studies, 22.02.2013 http://www.mofa.go.jp/announce/pm/abe/us_20130222en.html

тики, введение восточно-азиатской валюты, инициативы по развитию финансовых рынков), активно обсуждалась возможность создания зоны свободной торговли АСЕАН+3 (EAFTA, East Asia Free Trade Area). Однако в связи с обострением в 2012-13 гг. территориальных и политических противоречий Японии с Китаем и Южной Кореей, переговоры в трехстороннем формате (Китай-Япония-Корея), а вслед за ними и переговоры АСЕАН+3 зашли в тупик.

На этом фоне в 2012 году Китай фактически берет под свой контроль переговорный процесс в рамках АСЕАН+6, именуемый также RCEP (Regional Comprehensive Economic Partnership). Изначально данный формат был инициирован Японией в 2006 году. Теперь Китай позиционирует АСЕАН+6 как ключевой многосторонний интеграционный механизм, направленный на либерализацию торговли, формирование региональной инфраструктуры и стабильных цепочек поставок во многом в противовес ТТП. Несмотря на обострившиеся территориальные противоречия между Китаем и странами ЮВА (Вьетнам, Филиппины) в регионе Южно-Китайского моря планируется, что к концу 2015 года соглашение RCEP будет подписано.

Таким образом, Япония одновременно оказалась участником двух конкурирующих механизмов либерализации торговли в регионе АТР. Несмотря на заявления японской стороны о возможности подобного параллельного участия налицо явные противоречия, в основе которых лежат принципиальные различия «жесткого» американского и «мягкого» асеановского подходов к процессу либерализации.

Подводя итог, хочется отметить, что участие Японии в региональных экономических механизмах в ближайшем будущем будет определяться не только чисто экономическими, но и политическими интересами, стремлением к «сдерживанию» Китая, попытками вслед за США вернуть себе лидирующую роль в регионе и потребностью в поиске новых рынков. Тем самым, сохраняется традиционная дилемма послевоенной японской внешней политики – необходимость выбора между США и Азией. Даже несмотря на провозглашение новой азиатской доктрины¹⁶, на данном этапе вопрос «с кем быть?» явно решается в пользу следования в фарватере США. Остаётся только надеяться, что данный выбор окажется правильным в стратегической перспективе.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В РАЗВИТИИ ЯПОНО-КИТАЙСКИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В силу принадлежности Японии и Китая к одному социокультурному и геополитическому пространству, их взаимоотношения всегда были очень тесными и в то же время довольно сложными. С одной стороны, страны имеют много общего. В первую очередь это касается социокультурной сферы: общие для двух народов базовые культурные ценности можно обнаружить практически на всех уровнях общественной жизни двух стран, в том числе в экономике и политике. С другой стороны, за долгую историю двусторонних отношений у Японии и Китая накопилось много противоречий в политической сфере. Периодически давая о себе знать, они оказывают влияние на различные аспекты японо-китайских отношений и мешают их поступательному развитию.

Пожалуй, наиболее динамично развивающейся сферой взаимоотношений Японии и Китая является экономическое сотрудничество. За несколько последних десятилетий между ними сформировались прочные связи по линии торговли и инвестиций. Это привело к заметному углублению взаимозависимости двух экономик, в определенной степени сделав их неотъемлемыми частями друг друга. Важное место, которое занимают Китайская народная республика (КНР) и Япония в современной мировой экономике, и их глубокая взаимозависимость требуют изучения японо-китайских экономических отношений с учетом различных факторов их развития.

Ряд обострившихся в последние годы политических противоречий между Японией и КНР (в особенности, национализация японским правительством осенью 2012 г. части спорных островов Сэнкаку, также известных как Дяоюйдао), привлек внимание мировой общественности и вновь заставил задуматься о роли политических факторов в развитии японо-китайских экономических отношений, о том, насколько сильное

¹⁶ Michishita N. Abe Doctrine to remake Japan-Asean relations, The Straits Times, 06.03.2013 // <http://www.stasiareport.com/the-big-story/asia-report/japan/story/abe-doctrine-remake-japan-asean-relations-20130306>

и долговременное влияние эти факторы могут оказывать на стабильность двухсторонних экономических связей.

В настоящей главе будет рассмотрена роль политических факторов в развитии японо-китайских экономических отношений в послевоенный период с акцентом на несколько последних десятилетий. Взаимосвязь экономики и политики в отношениях Японии и Китая (как и в международных экономических отношениях в целом) является общепризнанным фактом и отмечена в ряде исследований российских и зарубежных востоковедов в контексте рассмотрения более широких вопросов¹. Однако работ, посвященных специально этой теме, в России до сих пор практически нет.

Прежде чем перейти к исследованию проблемы, определим, что будет пониматься под политическими факторами в двусторонних экономических отношениях. В широком смысле политические факторы – это внешняя и внутренняя политика японского и китайского руководства. В зависимости от текущих потребностей государства правительства Японии и Китая меняли свои внешне- и внутривнутриполитические ориентиры на протяжении всего послевоенного периода, и это сказывалось на состоянии их экономических отношений. Так, например, большую роль для стабильности экономических связей двух стран всегда играли внутривнутриполитические процессы в КНР.

В узком смысле – это специфические проблемы политического характера, которые существуют в японо-китайских отношениях и сказываются на их экономических связях. Среди наиболее острых проблем можно отметить отзвуки японской агрессии 1930–40-х гг. и предшествовавшей ей унижительной для Китая экспансии, которые время от времени служат поводом для усиления взаимной неприязни сторон и даже приводят к масштабным протестам в Китае. В связи с воспоминаниями об этом особенно болезненно воспринимаются в КНР посещения японскими высшими должностными лицами святилища Ясукуни и искаженное, по мнению Пекина, отражение масштабов вышеупомянутой агрессии в японских учебниках истории². К проблемам такого же рода относятся территориальные вопросы – конфликт вокруг спорных островов Сэнкаку / Дяоюйдао в акватории Восточно-Китайского моря и тайваньский вопрос.

Значительную роль в развитии японо-китайских экономических отношений играет также американский фактор и расстановка сил в Азиатско-

¹ См., например, работы Кистанова В. О., Лебедевой И. П., Семина А. В., Стрельцова Д. В., Р. Тэйлора, Лю Цзяньюна, Каваниси Сигэтакэ и др.

² Подробнее о роли исторической памяти в японо-китайских отношениях см. Молодяков В. Э. Япония в меняющемся мире. Идеология. История. Имидж. М., 2011.

Тихоокеанском регионе³. Широкий анализ геополитической ситуации выходит за рамки данной работы. Отметим лишь, что действие политических факторов усугубляется противостоянием Японии и Китая и возрастающей конкуренцией между ними. При возникновении любых конфликтов все большее значение приобретает вопрос престижа и желание доказать партнеру свое превосходство.

Влияние политических факторов на экономические связи Японии и КНР проявляется по-разному. В наиболее радикальных случаях обострение противоречий может отражаться на внешнеэкономической политике правительств и приводить к применению странами экономических санкций по отношению друг к другу. Последствия политической напряженности часто проявляются и на микроуровне в виде реакции предприятий или потребителей на те или иные события, что также сказывается на макроэкономических показателях. Хотя количественный вклад политических факторов в изменение этих показателей оценить довольно сложно, можно заметить взаимосвязь между определенными событиями и динамикой японо-китайской торговли, инвестиций и других характеристик экономических связей.

Для понимания роли политических факторов в развитии японо-китайских экономических отношений на современном этапе, обратимся сначала к послевоенной истории. Следует отметить, что на протяжении второй половины XX в. движущей силой сближения стран были скорее экономические факторы, нежели политические. Хотя политические противоречия периодически приводили к «охлаждению» отношений в экономической сфере, можно сказать, что объективные выгоды экономического сближения подталкивали страны к взаимным уступкам.

Показателен пример поддержания экономических связей между КНР и Японией еще до нормализации политических отношений между ними в 1972 г. Даже в условиях отсутствия дипломатических связей страны стремились установить стабильные торговые контакты друг с другом. Об этом свидетельствует подписание нескольких неправительственных соглашений о торговле еще в 1950-е годы.

Однако попытки наладить торговые связи сталкивались с политическими препятствиями и не всегда оказывались успешными. Возникшая в 1950-е гг. в результате протайваньской позиции японского правительства и непризнания Китайской народной республики напряженность между странами мешала расширению их двухсторонней торговли. Так,

³ Региональный аспект японо-китайских отношений, политическое противостояние между странами и роль в нем других игроков современной мировой политики подробно рассмотрены в монографии *Семина А. В. Японо-китайские отношения: состояние, проблемы, тенденции (конец XX – начало XXI вв.)*. М., 2008.

действие Четвертого неправительственного соглашения о торговле было приостановлено, и экономические отношения между странами были практически разорваны после инцидента с китайскими флагами в Нагасаки в 1958 г.⁴ Однако прекращение торговых связей было невыгодно ни для одной из сторон, и после проведения переговоров и выдвигения в августе того же года правительством КНР требования, чтобы Япония соблюдала три принципа внешней политики (прекратить политику враждебности по отношению к Китаю, не участвовать в заговоре по созданию «двух Китаев», не препятствовать нормализации китайско-японских отношений) торговые связи между странами начали восстанавливаться⁵.

Через полтора года после событий в Нагасаки, 20 сентября 1959 г. премьер-министр Японии Т. Исибаси и премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай выступили с совместной декларацией «О неделимости политики и экономики». Эта идея была также лейтмотивом предложенных в 1960 г. Чжоу Эньлаем трех принципов торговли: «заключение правительственных соглашений, заключение неправительственных контрактов, учет интересов друг друга».

Еще через два года, в 1962 г., был подписан меморандум Ляо-Такасаки, открывший путь к активизации японо-китайских торговых связей. Меморандум был результатом переговоров японских и китайских предпринимателей, специалистов по экономике и политических деятелей. Переговоры активно проводились с конца 1950-х гг. при поддержке и участии глав и других высших должностных лиц обоих государств в форме периодических обоюдных визитов делегаций. Их целью был поиск способов расширения торговых связей и углубления экономического сотрудничества стран в условиях отсутствия дипломатических отношений и сохранявшейся политической напряженности. Предполагалось, что улучшение экономических отношений между Японией и Китаем будет способствовать и их политическому сближению. Так называемая «торговля по меморандумам» (*MT бозэки*) осуществлялась вплоть до восстановления в 1972 г. дипломатических отношений. По своей сути она имела полугосударственный характер, так как фактически осуществлялась при поддержке японского и китайского правительств⁶.

⁴ Инцидент состоял в том, что 2 мая 1958 г. два протайваньски настроенных активиста сорвали флаги Китайской народной республики на выставке в Нагасаки, посвященной традиционным искусствам Китая. Активисты были арестованы японской полицией, но вскоре выпущены на свободу, что было воспринято правительством КНР как оскорбление национального достоинства.

⁵ Чжунжи гуаньси ши. (История китайско-японских отношений). Пекин, 2006. Т. 3. С. 172, 217.

⁶ Там же, с. 223–227; 284–285.

Таким образом, несмотря на политические разногласия, страны делали определенные шаги навстречу друг другу, соглашаясь порой на некоторые уступки. Это не удивительно, если учесть характер экономических связей, которые сложились между ними еще в довоенный период. В первой половине XX в. в экономику Китая (главным образом в Маньчжурии) японским промышленным капиталом были осуществлены значительные инвестиции. К окончанию войны Китай был важнейшим для Японии поставщиком сырья (в первую очередь каменного угля) и одним из основных рынков сбыта японской промышленной продукции. Очевидно, что Япония нуждалась в Китае как в одной из опор для восстановления своей экономики после войны; Китай, в свою очередь, испытывал потребность в японской стали и оборудовании для модернизации промышленности.

Политические противоречия и отсутствие дипломатических отношений (которое означало фактически отсутствие государственных гарантий при заключении любых внешнеэкономических сделок) были, тем не менее, серьезным ограничивающим фактором на пути расширения японо-китайского экономического сотрудничества. Особенно заметный урон взаимной торговле был нанесен приостановлением Четвертого торгового соглашения в 1958 г. Эта мера привела к падению товарооборота почти на 80%. После подписания меморандума Ляо-Такасаки ситуация улучшилась, однако очевидно, что несмотря на попытки преодолеть политические разногласия, экономическое сотрудничество стран в первые послевоенные десятилетия было не столь активным. Об этом свидетельствует тот факт, что за весь послевоенный период вплоть до нормализации отношений между странами в 1972 г. их товарооборот так и не достиг отметки в 1 млрд. долл. (см. табл. 1).

Заметный прорыв в японо-китайских экономических отношениях, в первую очередь в торговле, произошел только в 1970-е гг. На восстановление дипломатических связей между странами товарооборот отреагировал заметным ускорением темпов роста, а за последующие десятилетия при практически ежегодной положительной динамике он вырос в несколько сотен раз, превзойдя в 2010 г. отметку 300 млрд. долл.

В качестве еще одного важнейшего (особенно в последние двадцать лет) направления развития японо-китайских экономических отношений нельзя не отметить прямые иностранные инвестиции. Большую роль здесь сыграла политика правительства КНР по привлечению иностранного предпринимательского капитала в экономику страны.

Осознавая необходимость иностранных инвестиций и технологий для решения задач модернизации, китайское руководство создавало с конца 1970-х гг. (в рамках начатой в этот период политики «реформ и открытости») благоприятные условия для деятельности здесь иностранных

Таблица 1. Динамика торговли Японии с КНР (1951–2012 гг.)

Год	Экспорт		Импорт		Товарооборот	
	Объем (млн. долл. США)	Доля в общем объеме экспорта Японии, %	Объем (млн. долл. США)	Доля в общем объеме импорта Японии, %	Объем (млн. долл. США)	Темпы прироста, %
1951	5,8	0,4	21,6	1,1	27,4	-53,5
1953	4,5	0,4	29,7	1,2	34,2	120,9
1955	28,5	1,4	80,8	3,3	109,3	82,6
1957	60,5	2,1	80,5	1,9	141,0	-6,6
1959	3,6	0,1	18,9	0,5	22,6	-78,5
1961	16,6	0,4	30,9	0,5	47,5	102,7
1963	62,4	1,1	74,6	1,1	137,0	62,2
1965	245,0	2,9	224,7	2,8	469,7	51,3
1967	288,3	2,8	269,4	2,3	557,7	-10,2
1969	390,8	2,4	234,5	1,6	625,3	13,8
1971	578,2	2,1	323,2	1,4	901,4	9,5
1973	1039,5	2,8	974,0	2,6	2013,5	83,0
1975	2258,6	4,1	1531,1	2,7	3789,7	15,2
1977	1938,6	2,4	1546,9	2,2	3485,5	14,9
1979	3698,7	3,6	2954,8	2,7	6653,5	31,0
1981	5095,5	3,4	5291,8	3,7	10387,3	10,5
1983	4912,3	3,3	5087,4	4,0	9999,7	12,8
1985	12477,4	7,1	6482,7	5,0	18960,1	43,9
1987	8249,8	3,6	7401,4	4,9	15651,2	0,9
1989	8515,9	3,1	11145,8	5,3	19661,7	1,7
1991	8593,1	2,7	14215,8	6,0	22809,0	25,4
1992	11949,1	3,5	16952,8	7,3	28901,9	26,7
1993	17273,1	4,8	20564,8	8,6	37837,8	30,9
1994	18681,6	4,7	27566,0	10,1	46247,6	22,2
1995	21930,8	5,0	35922,3	10,7	57853,2	25,1
1996	21889,8	5,3	40550,0	11,6	62439,8	7,9
1997	21784,7	5,2	42066,0	12,4	63850,7	2,3

1998	20021,6	5,2	36895,9	13,2	56917,5	-10,9
1999	23329,1	5,6	42850,2	13,9	66179,2	16,3
2000	30427,5	6,3	55303,4	14,5	85730,9	29,5
2001	31090,7	7,7	58104,7	16,6	89195,5	4,0
2002	39865,6	9,6	61694,6	18,4	101557,2	13,8
2003	57219,2	12,2	75192,8	19,7	132412,0	22,5
2004	73818,0	13,1	94227,2	20,7	168045,2	26,9
2005	80340,1	13,4	109104,8	21,0	189444,9	12,7
2006	92851,7	14,3	118516,3	20,5	211368,0	11,6
2007	109060,3	15,3	127643,6	20,6	236704,0	12,0
2008	124035,4	16,0	142337,1	18,8	266372,5	12,5
2009	109666,1	18,9	122515,5	22,3	232181,6	-12,8
2010	149099,6	19,5	152755,8	22,1	301855,4	30,0
2011	161494,2	19,7	183422,0	21,5	344916,2	14,3
2012	144686,2	18,1	189018,8	21,3	333705,0	-3,3

Составлено по данным <http://www.mofa.go.jp/>, <http://www.customs.go.jp/>, <http://www.jetro.go.jp/>

компаний. Сначала это делалось в экспериментальном порядке на отдельных территориях (преимущественно в особых экономических зонах в восточных и юго-восточных провинциях), а затем – во все большем числе регионов⁷. Данная политика проводилась последовательно, и сфера применения преференциального режима постепенно расширялась. Много положительных изменений произошло в процессе переговоров Китая о присоединении ко Всемирной торговой организации (ВТО) в 1990-е гг. и в дальнейшем, уже после официального вхождения страны в ее состав (2001 г.). Приведение законодательства КНР в соответствие с общепринятыми международными стандартами существенно облегчило деятельность иностранных компаний в этой стране. Иностранным предпринимателям был также предоставлен доступ в целый ряд новых регионов и отраслей экономики КНР, существенно расширены их права и возможности⁸.

⁷ Либерализация режима привлечения прямых иностранных инвестиций в экономику Китая в рамках политики «реформ и открытости» подробно рассмотрена в работах Мозиаса П. М.

⁸ Подробнее см. Кульнева П. В. Либерализация инвестиционного режима в Китае: новый этап // Мировая экономика и международные отношения, 2009, №12.

Таблица 2.
Динамика прямых инвестиций японских компаний в КНР
(1986–2012 гг.)

Год	Инвестиционные контракты			Фактически осуществленные инвестиции		
	Кол-во	Прирост (%)	Доля в общем количестве инвестиционных контрактов китайских предприятий с иностранными (%)	Объем (млн. долл. США)	Прирост (%)	Доля в общем объеме прямых иностранных инвестиций в Китае (%)
1979–85	211	–	3,3	830,00	–	17,6
1986	94	–	6,3	263,35	–	14,1
1987	113	20,2	5,1	219,70	-16,6	9,5
1988	237	109,7	4,0	514,53	134,2	16,1
1989	294	24,1	5,1	356,34	-30,7	10,5
1990	341	16,0	4,7	503,38	41,3	14,4
1991	599	75,7	4,6	532,50	5,8	12,2
1992	1805	201,3	3,7	709,83	33,3	6,4
1993	3488	93,2	4,2	1324,10	86,5	4,8
1994	3018	-13,5	6,4	2075,29	56,7	6,1
1995	2946	-2,4	8,0	3108,46	49,8	8,3
1996	1742	-40,9	7,1	3679,35	18,4	8,8
1997	1402	-19,5	6,7	4326,47	17,6	9,6
1998	1198	-14,6	6,1	3400,36	-21,4	7,5
1999	1167	-2,6	6,9	2973,08	-12,6	7,4
2000	1614	38,3	7,2	2915,85	-1,9	7,2
2001	2019	25,1	7,7	4348,42	49,1	9,3
2002	2745	36,0	8,0	4190,09	-3,6	7,9
2003	3254	18,5	7,9	5054,19	20,6	9,4
2004	3454	6,1	7,9	5500,00	8,8	9,1
2005	3269	-5,4	7,4	6530,00	18,7	10,8
2006	2590	-20,8	6,2	4759,00	-27,1	7,6
2007	1974	-23,8	5,2	3589,00	-24,6	4,8
2008	1438	-27,2	5,2	3652,35	1,8	4,0

2009	1275	-11,3	5,4	4104,97	12,4	4,6
2010	1762	38,2	6,4	4083,72	-0,5	3,9
2011	1859	5,5	6,7	6329,63	55,0	5,5
2012	—	—	—	7380,00	16,6	6,6
Общ.	45908	—	6,2	87253,96	—	6,5

Составлено по данным <http://fdi.gov.cn>, <http://www.stats.gov.cn>

Как видно из данных табл. 2, улучшение инвестиционного климата в КНР стало крайне важным фактором активизации деятельности японских компаний в этой стране в 1980-е гг. и способствовало в дальнейшем стремительному росту объема их капиталовложений и количества контрактов с китайскими предприятиями. Благодаря политике руководства КНР, географической близости стран и исторически сложившимся экономическим связям между ними Япония стала одним из крупнейших иностранных инвесторов в Китае. Инвестиции, в свою очередь, повлияли впоследствии на увеличение двустороннего товарооборота.

Имевшая виды на Китай как на потенциального экономического партнера (особенно после объявления правительством КНР о начале политики «реформ и открытости») Япония также прилагала дополнительные усилия для углубления своих экономических связей с этой страной. Так, одной из целей предоставления Китаю с конца 1970-х гг. официальной помощи развитию (ОПР) в форме льготных иенных займов, безвозмездной финансовой и технической помощи было его превращение в производственную базу Японии за рубежом. Японские правительственные инвестиции в китайскую инфраструктуру и необходимая для модернизации экономики КНР технологическая помощь должны были создать в стране благоприятные условия для деятельности японских корпораций.

В целом, как на начальных этапах восстановления японо-китайских экономических отношений после Второй мировой войны, так и в последующие периоды сотрудничества стран поддерживающая роль японского государства была достаточно велика. Как справедливо отмечает Е. Б. Ковригин, без решающего участия японского правительства Китай не стал бы ведущим партнером Японии по линии инвестиций и внешней торговли⁹.

Японская ОПР предоставлялась Китаю на протяжении 30 лет, после чего была постепенно свернута по ряду причин. Официально заявленные

⁹ Ковригин Е. Б. Япония – Китай: официальная помощь развитию как инструмент экономического взаимодействия // Пространственная экономика, 2012, №3. С. 13–16 // http://spatial-economics.com/images/spatial-economics/3_2012/kovrigin.pdf

причины имеют по большей части политический характер, и среди них можно отметить недостаточно высокую, по мнению японской стороны, оценку ее помощи Китаю; неясность в отношении направлений использования ОПР и подозрения в том, что часть средств используется втайне на нужды военной модернизации КНР; несоблюдение Китаем норм демократии и прав человека; достижение в КНР достаточно высокого, по оценке Японии, уровня развития экономики, на котором финансовая и технологическая поддержка более не являются необходимыми¹⁰.

Последний, не политический аргумент связан, по всей вероятности, с восприятием Китая как конкурента в Азиатско-Тихоокеанском регионе (созданного во многом самой же Японией). Представляется, что он сыграл далеко не последнюю роль в свертывании программы. Учитывая, что ОПР считается средством экономической дипломатии и политического влияния Японии в стратегически важных для нее регионах, отказ от использования этого средства можно понимать как смещение акцента с политических факторов на экономические.

Отразилось ли прекращение программы ОПР на дальнейшем расширении японо-китайских экономических связей? Поскольку правительство Японии отказалось от программы не сразу, а сокращало объемы ассигнований постепенно (с начала 2000-х гг. вплоть до 2008 г., когда программа была практически завершена), это не было шоком ни для китайской экономики, ни для японских предприятий. К тому же, выполняя лишь вспомогательные функции, ОПР никогда не была главным средством поддержания двусторонних экономических связей, а ко времени свертывания программы они были уже настолько прочными, что объемы помощи никак не могли играть решающей роли в их дальнейшем развитии. Если в начале 1990-х гг. общая сумма ОПР в отдельные годы была эквивалентна 5% японо-китайского товарооборота и превышала объем вкладываемых японскими предприятиями в КНР прямых инвестиций, то к 2000 г. этот показатель составлял уже менее 1% двустороннего товарооборота, а прямые инвестиции японских компаний в Китае превышали объемы ОПР в разы (см. табл. 3). В связи с этим ощутимого урона экономическим связям между странами прекращение ОПР не нанесло. Напротив, хотя программа и не оправдала надежд на то, чтобы стать средством японского политического влияния на Китай, можно сказать, что она в полной мере выполнила свою экономическую функцию, особенно на начальном этапе восстановления японо-китайских экономических отношений.

Благодаря положительному настрою руководства обеих стран на взаимное укрепление и расширение экономических связей общая динамика

Таблица 3.
Сравнение масштабов ОПР с основными показателями
японо-китайского экономического сотрудничества

Год	Объем японской помощи, млн. долл.	Фактически осуществленные инвестиции, млн. долл.	Товарооборот, млн. долл.
1988	673,7	514,5	19334,8
1989	832,2	356,3	19661,7
1990	723,0	503,4	18183,0
1991	585,3	532,5	22809,0
1992	1050,8	709,8	28901,9
1993	1350,8	1324,1	37837,8
1994	1479,4	2075,3	46247,6
1995	1380,2	3108,5	57853,2
1996	861,7	3679,4	62439,8
1997	576,9	4326,5	63850,7
1998	1158,2	3400,4	56917,5
1999	1226,0	2973,1	66179,2
2000	769,2	2915,9	85730,9
2001	686,1	4348,4	89195,5
2002	828,7	4190,1	101557,2
2003	759,7	5054,2	132412,0
2004	964,7	5500,0	168045,2
2005	1064,3	6530,0	189444,9
2006	569,4	4759,0	211368,0
2007	435,6	3589,0	236704,0
2008	278,3	3652,4	266372,5

Источники: <http://www.mofa.go.jp/>; <http://www.customs.go.jp/>; <http://www.jetro.go.jp/>; <http://fdi.gov.cn>

двустороннего товарооборота и японских инвестиций в КНР на протяжении практически всего послевоенного периода была положительной (см. табл. 1 и табл. 2). Однако рост этих показателей происходил неравномерно, и в отдельные годы, как представляется, подвергался влиянию политических факторов. Хотя радикальной смены внешнеэкономического курса китайского и японского руководств не произошло, политические противоречия между странами оказывали влияние на японо-китайские экономические отношения в краткосрочном плане.

¹⁰ См., например, работы Ковригина Е. Б. и Семина А. В.

Большой интерес для анализа воздействия политических факторов на японо-китайские экономические связи представляет модель, предложенная профессором китайского университета Цинхуа Лю Цзяньюном¹¹. Он ввел градацию состояния японо-китайских отношений (которая может применяться и при исследовании взаимоотношений между любыми другими странами) от «бума политических связей – бума экономических связей» (*чжэнжэ-цзинжэ*) до «охлаждения политических связей – охлаждения экономических отношений» (*чжэнлэн-цзинлэн*), включая различные промежуточные сочетания и варианты – «горячий» (*жэ*), «теплый» (*вэнь*), «прохладный» (*лян*), «холодный» (*лэн*)¹².

Таблица 4.
Градация состояния политических отношений двух стран

Состояние отношений	Число взаимных визитов высших должностных лиц на уровне премьер-министров и выше	Число взаимных визитов высших должностных лиц на уровне заместителей премьер-министров и выше	Число взаимных визитов высших должностных лиц на уровне глав министерств и выше
Холодные отношения	0–1 визит	0–2 визита	0–5 визитов
Прохладные отношения	1–2 визита	2–3 визита	3–5 визитов
Теплые отношения	2–4 визита	3–5 визитов	5–8 визитов
Бум политических связей	более 4 визитов	более 5 визитов	более 8 визитов

Источник: Лю Цзяньюн. Чжунго юй Жибэнь. Бяньхуачжун-дэ «чжэнлэн-цзиньжэ» гуаньси (Китай и Япония. Меняющиеся отношения «политической холодности – экономического бума»). Пекин, 2007. С. 63.

Состояние («температура») политических отношений измеряется по количеству взаимных официальных визитов высших должностных лиц трех уровней: премьер-министров и выше, заместителей премьер-министров и выше, глав министерств и выше (соответствующие критерии для каждого из состояний см. в табл. 4). С учетом различий в государственном устройстве в случае Японии «уровень премьер-министра и выше»

¹¹ Лю Цзяньюн. Чжунго юй Жибэнь. Бяньхуачжун-дэ «чжэнлэн-цзиньжэ» гуаньси. (Китай и Япония. Меняющиеся отношения «политической холодности – экономического бума»). Пекин, 2007. С. 48–86.

¹² *Чжэн* – политика (*чжэнчжи*); *цзин* – экономика (от *цзинци*); *лэн* – холод, холодный; *лян* – прохладный; *вэнь* – теплый; *жэ* – жар, горячий (кит. яз.).

подразумевает императора, премьер-министра или главу одной из палат парламента; в случае КНР «уровень премьер-министра и выше» соответствует должностям генерального секретаря ЦК КПК, председателя КНР, премьера Госсовета КНР, председателя постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей (ВСП) или председателя Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК)¹³.

При определении состояния политических отношений производится оценка общей ситуации с визитами по всем трем уровням. При этом наиболее весомое значение имеют визиты уровня премьер-министров и выше. Так, например, если за рассматриваемый год состоялось пять взаимных визитов глав министерств и ни одного визита более высокого уровня, отношения считаются холодными. В то же время, если число взаимных визитов высших должностных лиц на уровне премьер-министров и выше было равно пяти при отсутствии визитов на более низких уровнях, это расценивается как бум политических связей.

Состояние экономических связей двух стран определяется по изменению параметров, отражающих активность взаимной торговли и прямых инвестиций (см. табл. 5).

Таблица 5.
Градация состояния экономических отношений Японии и Китая

Состояние отношений	Прирост двустороннего товарооборота, %	Доля прироста двустороннего товарооборота в общем приросте товарооборота Китая, %	Темпы прироста согласованных прямых инвестиций японских компаний в Китае, %
Холодные отношения	отрицательный	менее 30%	отрицательный
Прохладные отношения	нулевой или менее 5%	менее 50%	нулевой или менее 10%
Теплые отношения	5–20%	менее 70%	10–30%
Бум экономических связей	более 20%	больше или равна 100%	более 30%

Источник: Лю Цзяньюн. Чжунго юй Жибэнь. Бяньхуачжун-дэ «чжэнлэн-цзиньжэ» гуаньси (Китай и Япония. Меняющиеся отношения «политической холодности – экономического бума»). Пекин, 2007. С. 64.

¹³ Должности генерального секретаря ЦК КПК и председателя КНР, как правило, занимает один человек.

Лю Цзяньюн отмечает, что при разнонаправленности показателей торговли и прямых инвестиций лучше ориентироваться на торговые показатели, поскольку они менее подвержены влиянию краткосрочных колебаний валютных курсов. Значения инвестиций же следует сглаживать по методу скользящей средней с интервалом выравнивания $n=4$, учитывая также количество заключенных контрактов¹⁴. Оценка состояния экономических отношений между двумя странами производится, таким образом, исходя из общей ситуации, но с акцентом на торговые показатели в спорных или пограничных случаях.

Ориентируясь на вышеуказанные критерии, мы построили сводную таблицу изменения состояния японо-китайских экономических и политических отношений за период 1972–2012 гг. (табл. 6).

При определении состояния политических связей двух стран не везде были использованы критерии Лю Цзяньюна. Представляется, что помимо взаимных визитов высших должностных лиц, важно также учитывать предыдущую историю развития отношений двух государств, подписание различного рода межправительственных и неправительственных соглашений, а также другие усилия, предпринимаемые для их политического сближения. Так, несмотря на малое количество взаимных официальных визитов высших должностных лиц в первое десятилетие после нормализации японо-китайских отношений, в этот период странами было подписано немало важных межправительственных соглашений и внешнеполитическая активность была крайне высокой, в особенности в сравнении с предшествовавшими десятилетиями. Поэтому политические отношения Японии и Китая на данном этапе никак нельзя назвать «холодными».

В связи с особенностями доступных нам статистических данных при оценке состояния экономических связей были также сделаны некоторые допущения. Хотя Лю Цзяньюн предлагает вычислять долю прироста двустороннего товарооборота в общем приросте товарооборота Китая, в нашем случае, поскольку мы используем японские статистические источники, было удобнее производить вычисления относительно внешнего товарооборота Японии. Ввиду того, что с 2007 г. китайские статистические службы не предоставляют данные по согласованным прямым инвестициям, мы заменили их на фактически осуществленные инвестиции. Все это, тем не менее, не мешает увидеть основные тенденции.

¹⁴ Лю Цзяньюн, указ. соч. С. 64.

Таблица 6.
Основные этапы развития политических и экономических отношений Японии и Китая с 1972 г. по настоящее время

Год	Состояние политических отношений	Состояние экономических отношений	Год	Состояние политических отношений	Состояние экономических отношений
1972	Теплые	Бум эк. связей	1993	Теплые	Бум эк. связей
1973	Теплые	Бум эк. связей	1994	Бум политических связей	Бум эк. связей
1974	Теплые	Бум эк. Связей	1995	Бум политических связей	Бум эк. связей
1975	Теплые	Теплые	1996	Холодные	Теплые
1976	Прохладные	Холодные	1997	Теплые	Теплые
1977	Прохладные	Теплые	1998	Теплые	Холодные
1978	Теплые	Бум эк. связей	1999	Теплые	Прохладные
1979	Теплые	Бум эк. связей	2000	Теплые	Бум эк. связей
1980	Прохладные	Бум эк. связей	2001	Прохладные	Теплые
1981	Прохладные	Теплые	2002	Холодные	Теплые
1982	Теплые	Холодные	2003	Холодные	Бум эк. связей
1983	Теплые	Теплые	2004	Прохладные	Бум эк. связей
1984	Теплые	Бум эк. связей	2005	Холодные	Теплые
1985	Теплые	Бум эк. связей	2006	Теплые	Теплые
1986	Холодные	Холодные	2007	Теплые	Теплые
1987	Холодные	Прохладные	2008	Прохладные	Теплые
1988	Прохладные	Бум эк. связей	2009	Теплые	Теплые
1989	Прохладные	Прохладные	2010	Прохладные	Бум эк. связей
1990	Прохладные	Холодные	2011	Прохладные	Бум эк. связей
1991	Теплые	Бум эк. связей	2012	Холодные	Прохладные
1992	Бум политических связей	Бум эк. связей	2013	—	—

Источники: Лю Цзяньюн. Чжунго юй Жибэнь. Бяньхуачжун-дэ «чжэнлэн-цзиньжэ» гуаньси (Китай и Япония. Меняющиеся отношения «политической холодности – экономического бума»). Пекин, 2007; Чжунжи гуаньси ши (История китайско-японских отношений). Пекин, 2006. Т. 3; <http://www.customs.go.jp/>; <http://fdi.gov.cn/>; китайские и японские СМИ.

По соотношению состояния политических и экономических связей между странами на определенных этапах развития их отношений можно судить о том, насколько (при прочих равных условиях) серьезное влияние оказывает политическая составляющая этих отношений на экономическую.

Сразу после нормализации японо-китайских отношений как политические, так и экономические связи двух стран развивались более или менее стабильно и поступательно, даже несмотря на продолжавшуюся Культурную революцию в Китае и обострившееся к концу 1970-х гг. недовольство китайского МИДа по поводу заключенного в обход КНР японо-корейского соглашения о совместной разработке двумя странами континентального шельфа (1974 г.). Однако беспорядки в Китае, несомненно, омрачали политический фон, и резкое снижение японо-китайского товарооборота в 1976 г. связывают именно с тем, что этот год был во многих отношениях тяжелым для КНР. Смерть сразу нескольких ключевых политических фигур, в том числе Чжоу Эньлая и Мао Цзэдуна, и связанная с этим неопределенность совпали с мощным землетрясением на северо-востоке страны, нанесящим удар по промышленности данного региона. Все это создало крайне неблагоприятные условия для развития японо-китайских экономических отношений¹⁵.

Довольно очевидной взаимосвязь экономики и политики была в 1980-е гг.: в этот период ряд подрывающих политическую стабильность эпизодов способствовал «охлаждению» отношений в экономической сфере. В 1980–81 гг. перегрев в экономике КНР и связанная с этим необходимость ограничения импорта и сворачивания ряда крупных проектов совпала с конфликтом по поводу корректировки содержания японских учебников истории. В 1985 г. недовольство в Китае официальным визитом японского премьера Я. Накасонэ в храм Ясукуни наложило на меры правительства КНР по урегулированию дефицита торгового баланса с Японией. Наблюдавшееся вслед за этими событиями снижение торговых и инвестиционных показателей, при наличии объективных экономических предпосылок, усугублялось политической напряженностью.

Еще один эпизод, заметно сказавшийся на активности японо-китайской торговли и предпринимательской деятельности японских компаний в Китае в 1980-е гг., – инцидент на площади Тяньаньмэнь (1989 г.). Создав дополнительные риски для иностранных инвесторов, это событие сильно ухудшило имидж Китая как экономического партнера и его инвестиционную привлекательность. Инцидент привел к снижению товарооборота между странами и оттоку японского капитала из КНР еще и потому, что японским правительством были введены экономические

санкции (заморожены иеновые кредиты КНР и приостановлены операции по государственному страхованию торговли с Китаем)¹⁶.

Однако после инцидента на площади Тяньаньмэнь отношения между странами восстановились достаточно быстро. Часть экономических санкций была снята уже в конце 1989 г., а в августе 1991 г. премьер-министр Японии Т. Кайфу по приглашению китайского правительства нанес в КНР официальный визит, став первым из руководителей некоммунистических государств, посетивших страну после инцидента¹⁷.

Начиная с 1990-х гг. как товарооборот между странами, так и прямые инвестиции японских компаний в Китае растут беспрецедентно высокими темпами. В основе этого роста – уже упомянутая последовательная либерализация инвестиционного режима в КНР, а также возросшая в этот период потребность японских компаний в активном экспорте предпринимательского капитала. Лю Цзяньюн отмечает, что с 1990-х гг. японо-китайские отношения перешли в новую стадию, когда состояние экономических связей стран перестало находиться в такой сильной зависимости от политических факторов, как прежде. Это привело даже к тому, что в начале XXI в., в крайне неблагоприятный для японо-китайских политических отношений период правления Дз. Коидзуми, возникла никогда не наблюдавшаяся ранее ситуация «расцвета экономических отношений при холодности в политике» (*чжэнлэн-цзинжэ*). На наш взгляд, это свидетельствует о прочности японо-китайских экономических связей на современном этапе и об установившейся сильной взаимозависимости их экономик.

Тем не менее, данная тенденция не означает, что политические факторы полностью утратили свое значение. Все возникшие в свое время между странами политические противоречия остаются актуальными по сей день. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что за последнее десятилетие можно было наблюдать довольно серьезные случаи, когда эти противоречия перерастали в торговые конфликты между странами.

В 2001 г. между Японией и Китаем впервые с момента восстановления их дипломатических отношений возникла настоящая «торговая война». Она началась с повышения Японией таможенных пошлин на импорт трех видов китайской сельскохозяйственной продукции и введения квот, при превышении которых данные товары облагались тарифами от 106 до 266%. Официальной причиной принятия таких мер была защита японских производителей, но китайская сторона увидела в них политическую подоплеку. Незадолго до этого между странами в оче-

¹⁶ Лю Цзяньюн, указ.соч. С. 53–55.

¹⁷ Чжунжи гуаньси ши. (История китайско-японских отношений). Пекин, 2006. Т. 3. С. 448–453.

¹⁵ http://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/bluebook/1977_1/s52-2-1-1.htm

редной раз возникли разногласия по поводу интерпретации истории в японских учебниках, и действия Токио были расценены как проявление недовольства поведением Пекина. Какими бы ни были причины повышения Японией таможенных тарифов, ответные меры Китая были достаточно жесткими. Правительство КНР ввело 100%-ные таможенные пошлины на импорт из Японии 60 товарных позиций. Среди них были такие важнейшие статьи японского экспорта, как автомобили, кондиционеры и сотовые телефоны. Конфликт удалось урегулировать только к началу 2002 г. посредством переговоров на высшем уровне¹⁸.

Еще один серьезный конфликт возник осенью 2010 г., когда Китай ввел квоту на экспорт редкоземельных металлов в Японию после очередного столкновения двух стран по поводу островов Сэнкаку. Редкоземельные металлы являются неотъемлемой частью производственного процесса в высокотехнологичных производствах, в частности, они входят в состав важных деталей и компонентов для автомобилей, компьютеров и смартфонов. Учитывая, что более 90% мировых поставок редкоземельных металлов приходится на Китай, а Япония является одним из лидеров мировой индустрии высоких технологий, нетрудно представить, насколько сильное влияние оказали на ее экономику ограничения Китаем экспорта этого товара. Сложившаяся ситуация, с одной стороны, заставила японские компании срочно искать пути более экономного использования редкоземельных металлов и диверсифицировать источники их поставок, с другой – поставила японских поставщиков деталей и компонентов для хайтек-продукции перед необходимостью перемещения бизнеса в Китай вслед за производителями самой этой продукции¹⁹.

Следует отметить, что возможности применения Китаем средств экономического давления, особенно после его присоединения к ВТО, ограничены нормами этой организации. Поэтому, как отмечают японские СМИ, иногда Китай использует не прямые, а косвенные методы воздействия на иностранные компании по политическим мотивам, в том числе через свои госпредприятия. Так, после публикации в июле 2012 г. американской компанией «Bloomberg» нежелательной для китайского руководства информации о благосостоянии семьи преемника Ху Цзиньтао Си Цзиньпина были введены ограничения на доступ к веб-сайту данной компании из континентального Китая. Помимо этого, китайские госпредприятия приостановили покупку финансовой информации у компании через ее основную платформу «Bloomberg Terminal», существенно подорвав ее позиции на китайском рынке²⁰. Как показы-

вает этот пример, для решения политических вопросов Китай может применять и разного рода нестандартные методы.

Недавние события также показали, что огромное значение для стабильности японо-китайских экономических связей имеют общественные настроения, которые сильно подвержены влиянию политических факторов. В настоящее время в китайском обществе все еще сохраняется достаточно большой заряд негатива по отношению к Японии. Так, по данным социологического опроса, проведенного в 2012 г. китайской газетой «China Daily» совместно с японской неправительственной организацией «Genron NPO», у жителей КНР среди первых ассоциаций с Японией, наряду с качеством японской техники и своеобразием кухни, все чаще возникают ассоциации с историческими и территориальными проблемами, которые омрачают общую картину восприятия ими этой страны. Нельзя не отметить, что негативные элементы в восприятии Китая существуют и у японской стороны. По данным обследований последних лет это, в первую очередь, обеспокоенность присутствующими в непосредственной близости от Японии экологическими проблемами, недоверие к качеству китайской продукции и недовольство реакцией КНР на ситуацию с островами Сэнкаку²¹.

Периодически возникающие в Китае массовые антияпонские выступления, которые сопровождаются общественными беспорядками, в том числе призывами бойкотировать японские товары и враждебностью по отношению ко всему, что связано с Японией, создают крайне неблагоприятные условия для деятельности ее компаний в этой стране. Помимо снижения объемов продаж, настроения местного населения отражаются и на многих других аспектах деятельности японских предприятий в Китае, в том числе на их отношениях с местным наемным персоналом, с поставщиками, с администрацией и государственными структурами. Не случайно социальная нестабильность выделена в отдельную категорию так называемых «китайских рисков» в классификации Джэтро, разработанной для японских компаний.

Особенно разрушительные для японского бизнеса выступления прошли в Китае в марте-апреле 2005 г. и сентябре 2012 г. В первом случае они были спровоцированы целым рядом наложившихся друг на друга обстоятельств: нарастающим недовольством по поводу посещений святыни Ясукуни премьер-министром Японии Дз. Коидзуми, активизацией поисковой деятельности японских добывающих компаний в Восточно-Китайском море, новым витком полемики по поводу содержания японских школьных учебников истории, а также сближением

¹⁸ Семин А. В., указ. соч. С. 18–19.

¹⁹ Сюкан тоёкэйдзай. 29. 09. 2012. С. 72–73.

²⁰ Newsweek. October 3, 2012 (японское издание). С. 32.

²¹ См. Ниттю кёдо ёрон тёса хикаку кэкка. (Результаты сравнения совместного исследования общественного мнения в Японии и Китае) за разные годы // <http://www.genron-npo.net/>

позиций Японии и США по тайваньскому вопросу и заявкой Токио на место постоянного члена Совета Безопасности ООН. В 2012 г. бурную реакцию китайской общественности вызвала национализация японским правительством трех спорных островов из гряды Сэнкаку.

Конфликт вокруг островов Сэнкаку / Дяоюйдао является, пожалуй, одним из самых серьезных и затянувшихся. Своего апогея он достиг именно в сентябре 2012 г., когда Япония на правительственном уровне сделала фактически бескомпромиссное заявление о своем суверенитете над островами. Масштабы возникшего в КНР общественного недовольства были беспрецедентны с момента восстановления японо-китайских дипломатических отношений. По некоторым оценкам, антияпонские демонстрации охватили около 120 городов Китая, а их участниками стали несколько десятков тысяч человек²². Ряд крупных японских супермаркетов, ресторанов, магазинов и заводов, производящих автомобили и электронику, были вынуждены временно закрыться или приостановить производство. Заметно сократились потоки туристов между странами.

Во время демонстраций оперирующие в Китае японские предприятия понесли серьезные финансовые потери. Так, погромы 15 сентября в г. Циндао стоили японскому супермаркету «Аеон» порядка 2,4 млрд. иен (около 30 млн. долл.)²³. Объем продаж автомобилей компании «Мицубиси» на китайском рынке в сентябре 2012 г. упал на 63% по сравнению с тем же периодом прошлого года; на 40% снизились в этом же месяце продажи компании «Тоёта», а у компаний «Ниссан» и «Мазда» продажи в результате демонстраций упали более чем на 30%²⁴. Объемы продаж японских электротоваров в Китае начали падать еще за месяц до выкупа островов Сэнкаку японским правительством, когда японо-китайские отношения только начинали накаляться в связи с этим вопросом. Так, в августе 2012 г. продажи электроники «Тосиба» в китайских розничных сетях упали на 40,3% по сравнению с предшествующим месяцем, «Саньё» – на 44,3%, «Панасоник» – на 23,4%, «Шарп» – на 21,1%²⁵.

Все это не могло не отразиться и на макроэкономических показателях. Довольно заметным было снижение объемов японского экспорта в КНР в 2012 г.: на протяжении практически всего года они были ниже значений 2011 г., особенно в четвертом квартале. Так, в октябре 2012 г. падение экспорта в сравнении с тем же месяцем 2011 г. составило 13,4%, в ноябре – 17,2%, а в декабре – уже 20,7%²⁶. Позиции японских

компаний были подорваны не только снижением популярности их продукции на китайском рынке, но и тем, что китайская таможня замедлила на некоторое время оформление товаров из Японии²⁷. Отрицательная динамика японского экспорта привела в итоге к тому, что в 2012 г. впервые за последние несколько лет двусторонний товарооборот показал отрицательный прирост (–3,3%).

Что касается инвестиций, то поскольку инвестиционные контракты заключаются заранее и эта переменная не так подвержена влиянию политических факторов в краткосрочном периоде, заметных изменений в объемах японских прямых инвестиций в КНР не произошло. Однако по мнению некоторых экспертов, падение капиталовложений в августе и октябре 2012 г. (на 12,4 и 32,4% соответственно), а также в январе 2013 г. (на 20%)²⁸ – не что иное, как реакция на обострение японо-китайских политических противоречий²⁹. Вне всяких сомнений, события с островами Сэнкаку внесли свой вклад в замедление темпов роста японских прямых инвестиций в Китае в 2012 г.

* * *

В отношениях двух государств экономическая сфера может быть крайне чувствительной к изменениям политического климата, и пример Японии и Китая иллюстрирует это достаточно наглядно. Степень воздействия политики на экономику определяется тем, насколько готовы участники экономических процессов (правительства обеих стран, транснациональные корпорации, представители малого и среднего бизнеса, потребители) пожертвовать экономической выгодой ради отстаивания политических интересов своего государства.

Очевидно, что по мере углубления экономической взаимозависимости Японии и Китая реакция сторон на те или иные политические конфликты приводит ко все более ощутимым экономическим потерям, поскольку разрушает сформировавшуюся систему экономических связей. Ситуация осложняется тем, что в современных условиях проблема взаимосвязи экономики и политики относится уже не только к Японии и Китаю, но и ко всему прилегающему к странам региону. Количество филиалов японских компаний в Восточной и Юго-Восточной Азии постоянно увеличивается, и товаропотоки между ними возрастают³⁰. На

²² <http://www.jiji.com/jc/zc?key=%c8%bf%c6%fc%a5%c7%a5%e2&k=201209/2012091800931>

²³ Сюкан тоёкэйдзай. 29. 09. 2012. С. 68

²⁴ <http://www.yomiuri.co.jp/atcars/news/20121006-OYT8T00273.htm>; <http://jp.reuters.com/article/JPauto/idJPTYE89401N20121005>; <http://mainichi.jp/select/news/20121006k0000m020098000c.html>

²⁵ http://news.searchina.ne.jp/disp.cgi?y=2012&d=0912&f=business_0912_161.shtml

²⁶ По данным <http://www.jetro.go.jp/>

²⁷ <http://mainichi.jp/select/news/20120920k0000m020079000c.html>

²⁸ По данным <http://fdi.gov.cn>

²⁹ Нихон-но тай-гю тоси 20% гэн. Ити гацу, Сэнкаку мондай дэ кэбикаэ. (Снижение японских инвестиций в Китае на 20%. Замедление в связи с проблемой островов Сэнкаку) // <http://www.iza.ne.jp/news/newsarticle/business/financial/631897/>

³⁰ См. Лебедева И. П. Глобализация японского промышленного производства. М., 2012.

повестке дня – создание зоны свободной торговли между Китаем, Японией и Республикой Корея. Повреждение какого-либо из звеньев цепочки экономических связей на локальном уровне может иметь глобальные последствия для экономической безопасности. В этих условиях одной из важнейших задач для нового кабинета С. Абэ становится грамотное выстраивание отношений с Китаем. Ввиду обострившейся ситуации с островами Сэнкаку японское правительство должно выстраивать эти отношения таким образом, чтобы найти баланс между интересами Японии в Восточно-Китайском море и стремлением к установлению стабильных экономических отношений с КНР.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

СВОЕОБРАЗИЕ ПОСЛЕВОЕННЫХ ЯПОНО-ТАЙВАНЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Япония и Тайвань на протяжении многих десятилетий являются важными экономическими и стратегическими партнерами и, как не раз подчеркивали в своих заявлениях лидеры этих стран, «жизненно важными» друг для друга. Независимо от политической ситуации и текущего статуса двусторонних отношений, Тайвань и Япония всегда осознавали необходимость в их укреплении и поддержании экономических, культурных и политических связей. Своеобразие этих двусторонних отношений состоит в том, что в течение двадцати лет, начиная с 1952 г., они имели официальный характер, а после 1972 г., т. е. со времени нормализации отношений Японии с КНР, находятся на уровне поддержания неофициальных контактов Токио и Тайбэя.

В период колониального освоения (1895–1945 гг.) Тайвань являлся для Японии важнейшим источником сырья и рынком сбыта продукции. Сейчас он обеспечивает Японию полуфабрикатной продукцией и компонентами электронной промышленности, является выгодной сферой приложения инвестиций ее корпораций. В стратегическом плане, Тайвань со второй половины XIX до середины XX века рассматривался Японией, по словам Окума Сигэнобу, как «ключ к восточным и западным морям»¹ и стратегический опорный пункт для продвижения в Юго-Восточную Азию («мост к Югу»). В настоящее время Тайвань постепенно становится частью региональной системы ПРО, создаваемой США в АТР, важным компонентом которой является и Япония, поэтому его значение для Токио, особенно в условиях стремительного роста влияния и мощи КНР в регионе, сложно переоценить.

¹ Окума Сигэнобу, лидер партии Кайсинто (Партия реформ и прогресса), один из организаторов японской экспедиции на Тайвань 1874 г. Подробнее см.: *Окума Сигэнобу. История 85 лет жизни маркиза Окума*. Т.2., Токио, 1926. С. 197–198. Цит. по: *Тодер Ф.А. История Тайваня*. 19 век. М., 1978. С. 190.

Япония, являясь на протяжении первой половины XX в. метрополией Тайваня, практически с нуля создала развитую инфраструктуру острова, усовершенствовала производство сельскохозяйственной продукции и заложила основу для дальнейшего развития его промышленности. В настоящий момент Япония занимает второе место во внешнеторговом обороте Тайваня и является крупнейшим инвестором в его экономику. После окончания Второй мировой войны Япония и США являлись опорой для Тайваня в борьбе против коммунизма, а после 1949 г. – гарантами безопасности в Тайваньском проливе. Тайвань продолжает укреплять связи с Японией в рамках японо-американского Договора о взаимном сотрудничестве и гарантии безопасности и не стремится выходить из состава «окружающих Японию районов», обеспечивая, таким образом, сохранение статус-кво острова при действующей формуле «принципа одного Китая».

Представляется важным проследить ход развития отношений между Японией и Тайванем в послевоенный период, определить, каким образом повлияла японская колониальная политика на дальнейшие связи Японии и Тайваня, а также проанализировать, как развивались японо-тайваньские отношения в условиях меняющейся политической ситуации в АТР и в мире.

Колониальное наследие

С начала XX в., на протяжении почти полувека, Японская империя создавала в Восточной Азии «сферу сопроцветания», центром которой являлась Япония, и в которую были включены все оккупированные ею территории. Важной особенностью японской колониальной политики являлось максимальная интеграция колоний в систему экономических связей империи. Географическая близость подконтрольных территорий, их единая культурная и цивилизационная база создали условия, при которых экономики колоний могли быть сильно связаны с экономикой метрополии. В таких условиях формировались новые предприятия, промышленные производства и торговые корпорации, имеющие теснейшие связи с их аналогами в Японии. Экономическая интеграция Тайваня с Японией являлась одной из основных причин того, что торговля и движение капитала между странами в послевоенный период росли очень быстрыми темпами.

Тайвань в первой половине XX в., как уже упоминалось, являлся для Японии рынком сбыта полуфабрикатной продукции и основным поставщиком сырья. По мере развития производства он начал производить некоторую часть экспортной продукции Японии. К 1920-м гг. Тайвань выполняет уже не только посреднические функции, но и само-

стоятельно начинает сбывать товары на зарубежные рынки. В результате, к 30-м гг. XX в. внешнеторговый оборот острова составлял 8,1% от общей суммы внешнеторгового оборота Японии (включая торговлю с колониями и заграницу) и 1/3 внешнеторгового оборота с колониями².

До окончания Второй мировой войны Тайвань оставался одной из наиболее освоенных и наиболее интегрированных с метрополией колонией. Создание развитой инфраструктуры, реализация санитарных мер и борьба с эпидемиями, масштабный вывоз капитала, строительство промышленных предприятий, превращение его в независимую в финансовом отношении колонию – все это, в первую очередь, отвечало интересам Японии, но одновременно имело важное значение для развития самого острова. Уже во время колониального периода наметилась тенденция увеличения роста экспорта по отношению к импорту (именно ориентация на экспорт в дальнейшем станет приоритетным направлением экономического развития Тайваня во второй половине XX в.): за 1911–1938 гг. его экспорт увеличивался на 6,7%, импорт – на 4,9% в год. Вместе с Кореей в первой половине 1930-х гг. Тайвань обеспечивал до 30% импорта и 35% экспорта Японии³.

После окончания Второй мировой войны в результате «славного возвращения» Тайвань остров вошел в состав Китайской Республики. На протяжении 1945–1949 гг. он являлся провинцией КР, а после поражения Гоминьдана в 1949 г. в гражданской войне оставался единственной территорией, на которую распространялась власть мигрировавшего с материка правительства Гоминьдана во главе с Чан Кайши. Китайское руководство получило на Тайване множество объектов инфраструктуры, современных предприятий, социальных учреждений, построенных японцами, а также оборудование и военную технику⁴, и стало активно использовать методы управления японского периода.

Полномочия президента Китайской Республики были не меньше, чем те, которыми обладал японский генерал-губернатор Тайваня. Согласно

² Янайбара Тадао. Формоза под властью японского империализма. М., 1934. С. 56–58.

³ Для сравнения: доля всех колоний во внешнеторговом обороте Франции в 30-е гг. XX в. составляла не более 10–12%. Подробнее см.: Калашников Н. И. Тайвань и Корея под властью Японии: особенности и результаты колониальной политики // Восток. №6, М., 1999. С. 20.

⁴ Правительство Гоминьдана получило: 1200 государственных школ, 174 средних школы, 6 институтов; государственные и частные больницы (12 ед.); санитарные лаборатории, исследовательские центры; порты, железные и шоссейные дороги, аэродромы, электростанции, предприятия по производству сахара, бумаги, химических удобрений, цемента, сталелитейный завод, производство алюминия, нефти, судостроительный завод; ирригационные системы, склады сельскохозяйственной продукции; издательства, гостиницы, театры; военное оборудование, топливные склады, военные машины (2 тыс. ед.), 525 судов, 900 самолетов, 65 аэродромов. Подробнее см.: Ши Мин. Тайвань жэнь сы бай нянь ши. (400 лет тайваньской истории) San Jose CA, 1980, т. 1–2. С. 706–707.

Временным правилам национальной мобилизации на период подавления коммунистического мятежа (принятым в 1948 г.), он был наделен чрезвычайными полномочиями, и его решения могли вступать в силу, минуя утверждение в законодательных органах⁵.

Методы японского контроля за населением были переняты правительством Чан Кайши практически без изменений. Гоминьданом была выстроена система государственного контроля над всеми сферами жизни населения, как это было и при японцах. В первую очередь, использовалась система баоцзя (保甲, яп. — *хоко*)⁶, образовательная и культурная политика⁷. Но если при японцах делался особый упор на распространение японского языка и японизацию местного населения⁸, то после 1945 г. образовательная политика была нацелена на китаизацию населения: в процессе обучения совмещались элементы «традиционного китайского» и политического образования⁹.

Посредством контроля различных сфер жизни китайские власти, равно как и японские, формировали определенное общественное мнение на основе своей идеологии. Идеологической базой колониальной политики Японии была внешнеполитическая программа — создания «сферы процветания Великой Восточной Азии» и объединения стран Восточной Азии и стран Южных морей в борьбе против «белых»¹⁰. Чан Кайши во время правления на Тайване тоже пытался объединить народ в борьбе против общего врага — коммунистов, взять реванш на материке и объединить Китай. Антикоммунистическая идеология Гоминьдана лежала в основе всей культурной политики, которая опиралась на идеи Сунь Ятсена и традиционные китайские ценности¹¹.

⁵ Гудошников Л. М., Кокарев К. А. Политическая система Тайваня. М., 1997. С. 3.

⁶ Система баоцзя была введена в 1733 г. цинскими властями после участвовавших восстаний. Она предполагала объединение людей в общины по подворному принципу, на которых возлагались обязанности предоставления данных о различных сторонах жизни членов данной общины *хоко*. В рамках этой системы важным рычагом управления служил контроль за всеми перемещениями населения. Согласно данным за 1973 г., по причине неуведомления соответствующих органов полиции о миграциях было арестовано 90 тыс. человек. Подробнее см.: Ши Мин. Указ.соч. С. 895.

⁷ Мао Цзяци, ред. Тайвань сань ши нянь 1949–1979. (Тайвань за 30 лет. 1949–1979 гг.) Чжэнчжоу, 1988. С.20.

⁸ Головачев В. Ц. Образование, как фактор этнической политики в период японского колониального правления на Тайване (1895–1945). // Общество и государство в Китае. XXXIX н. к. — М., 2009. С.212–213.

⁹ Ши Мин. Указ.соч. С. 905.

¹⁰ Молодяков В. Э., Молодякова Э. В., Маркарян С. Б.. История Японии. 20 век. М., 2007. С. 194.

¹¹ Поражение Гоминьдана в материковом Китае Чан Кайши относил скорее к поражению в культурном и философском плане, считая, что силам Гоминьдана в борьбе с коммунизмом не

Политика управления Тайванем, которая реализовывалась в первые десятилетия после 1945 г., в целом следовала японской модели направляемого государством экономического развития. Хотя это модель была по сути эксплуататорской, тем не менее, она позволяла значительными темпами развивать экономику и повышать уровень жизни населения. Именно определенные успехи в колониальной политике Японии на Тайване явились причиной того, что принципы японского управления были не сразу заменены китайскими.

Период официальных отношений Японии и Тайваня.

Восстановление дипломатических отношений Японии и Тайваня происходило на фоне борьбы Чан Кайши с коммунистическим лагерем в материковом Китае. Для укрепления своих позиций и сохранения КР на острове ему было необходимо восстановить отношения с Японией. Для Японии это означало первый шаг на пути к выходу из международной изоляции. К моменту подписания мирного договора с Тайванем (28 апреля 1952 г.) уже была образована КНР, поэтому установление отношений с Тайванем означало непризнание коммунистического правительства Китая. Несмотря на то, что нормализация отношений с Тайванем в целом отвечала интересам Японии, значительная часть парламента страны выступала против осложнения отношений с КНР и осуждала ориентацию внешней политики на режим Чан Кайши¹². Премьер-министр Ёсида Сигэру в 1951 г. говорил о том, что «независимо от того, будет КНР «белой» или «красной», она является нашим соседом. Законы географии и экономики [...] будут сильнее каких-либо барьеров идеологического характера»¹³. Тем не менее, в итоге, Япония признала режим Чан Кайши.

Американская сторона настоятельно рекомендовала Токио установить отношения с Тайбэем. Позже, после подписания Сан-францисского договора в сентябре 1951 г., ратификация которого парламентом США была крайне необходима для Японии, Ёсида уведомлял в письме советнику Госдепартамента США Дж. Фостеру Даллесу о том, что его страна будет следовать политике США и установит официальные отношения с Тайбэем¹⁴.

хватало «философской основы для революции» и «единства идеологии». Именно поэтому контроль за культурной и духовной жизнью тайваньцев являлось одной из основных задач в управлении островом. Подробнее см.: Мао Цзяци, ред. Указ.соч. С. 9–12.

¹² Цзя Чаовэй. Жи тай гуан си дэ ли ши хэ сянь чжуан. (История японо-тайваньских отношений и их развитие на современном этапе). Пекин, 2011. С. 54–55.

¹³ Foreign affairs. 09.01.1951.

¹⁴ Цзя Чаовэй. Указ.соч. С. 53.

Необходимость международного признания КР и потребность Чан Кайши в японской и американской поддержке обусловили основные принципы мирного договора между Японией и Тайванем, согласно которым Япония подтверждает право Гоминьдана на управление Тайванем, не будет противодействовать становлению КР членом ООН и сохранению политического режима на острове и его международных позиций. КР, в свою очередь, отказывалась от претензий на компенсацию за ущерб, нанесенный Японией в ходе ее военного вторжения в Китай¹⁵. Еще одной уступкой со стороны Чан Кайши явилось признание в 1946 г. невинным главнокомандующего экспедиционной армией в Китае Окамура Ясудзи¹⁶. Что касается отказа КР от компенсации, то это условие соблюдалось только в отношении Тайваня, поскольку на момент подписания договора Чан Кайши уже не являлся представителем власти всего Китая. Но, тем не менее, тот факт, что с КР (Тайванем) все же были установлены официальные дипломатические отношения, свидетельствовал о том, что Япония формально признавала правительство Чан Кайши единственно легитимным.

Неопределенность статуса Тайваня, вытекающая из Сан-францисского договора (и позже подкрепленная в китайско-американском Шанхайском коммюнике 1972 г.), формально предоставляла Японии возможность выбора, с кем устанавливать официальные отношения – с КНР или КР. Эта неопределенность позволяла Японии поддерживать отношения одновременно с Тайванем и материковым Китаем, реализуя принцип «разделения политики и экономики».

Двадцатилетний период официальных отношений Японии и Тайваня нельзя назвать стабильным. На протяжении всего периода «холодной войны», особенно до 1972 г., особую роль в японо-тайваньских отношениях играли японо-китайские отношения. Попытки Японии поддерживать экономические связи с КНР всегда встречали резкую критику со стороны тайваньского руководства, прекращение реализации отдельных проектов и даже предупреждения Тайваня о возможности разрыва отношений с Японией. Тем не менее, несмотря на временные обострения, их связи укреплялись, увеличивалась взаимозависимость друг от друга, и потому после вынужденного разрыва официальных отношений в 1972 г. двусторонние отношения не могли быть полностью прекращены.

Дипломатические отношения с Тайванем, как уже упоминалось, входили в число первоочередных задач, стоявших перед Японией в по-

слевоенный период. Для того, чтобы сохранять связи с материковым Китаем, было решено проводить курс «разделения политики и экономики», что отличало политику Японии от политики сдерживания и контроля, которую проводили США в отношении КНР. Практически сразу после установления дипломатических отношений с Тайванем в Пекине было подписано первое японо-китайское торговое соглашение (1 июня 1952 г.), еще через год (29 октября 1953 г.) уже был заключен следующий торговый договор¹⁷. В это же время премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай подтверждал, что с Японией должны быть установлены мирные дружественные отношения и особенно подчеркивал важность японо-китайской торговли¹⁸.

При Хатояма Итиро (1954–1956) и Исибаси Тандзан (1956–1957) продолжался курс на укрепление отношений с КНР. Хатояма открыто заявлял, что Япония признает существование «двух Китаев». В ноябре 1954 г. он заявил, что «Чан Кайши и Мао Дзэдун проводят независимую политику в двух независимых странах, поэтому неудивительно, что Япония контактирует с обеими и развивает с ними торговые отношения»¹⁹. В политическом плане для КНР такая позиция была неприемлемой, но для Японии она служила формальной причиной поддержания связей с обоими берегами Тайваньского пролива.

Следующие три года при премьерстве Киси Нобусукэ (1957–1960), явились весьма благоприятными для развития двусторонних отношений, поскольку основу политического курса составляло укрепление отношений с США и Тайванем. 12 марта 1957 г. был создан Комитет по сотрудничеству между Японией и Тайванем. В интервью американским журналистам Киси заявлял, что для безопасности Японии самое главное – это не допустить захвата власти коммунистами на Тайване и в Корее²⁰. После инцидента 2 мая 1958 г. в Нагасаки во время открытия выставки китайских марок, когда два японца разорвали флаг КНР, торговые отношения с ней были приостановлены²¹.

Икэда Хаято (1960–1964) вновь вернулся к политическому курсу «разделения политики и экономики» в отношениях с КНР. По мере возрастания значения проблемы отношений Японии с Китаем и Тайванем в первой половине 1960-х гг. в Либерально-демократической партии (ЛДП) появились две исследовательские группы: прокитайски настроенная AA-ken (Asian and African Problem Study Group), выступавшая за

¹⁷ Цзя Чаовэй. Указ.соч. С. 62.

¹⁸ Цзя Чаовэй. Указ.соч. С. 63.

¹⁹ У Сюэвэнь. Жи бэнь вай цзяо гуй цзи. (Внешняя политика Японии). Токио, 1990. С. 92–93.

²⁰ Асахи симбун. 09.10.1958.

²¹ Цзя Чаовэй. Указ.соч. С. 65.

¹⁵ Китайская сторона в ходе переговоров о заключении мирного договора с Японией не смогла добиться того, чтобы в нем было указано, что КР имеет право требовать компенсацию за ущерб, хотя и отказывается от этой компенсации. Цзя Чаовэй. Указ.соч. С. 58–59.

¹⁶ Цзя Чаовэй. Указ.соч. С. 49.

расширение политических японо-китайских связей и предоставление Китаю членства в ООН, и протайваньски настроенная A-ken (Asian Problem Study Group), которая противодействовала участию КНР в работе ООН, препятствовала усилиям правительства, направленным на расширение контактов с КНР, а также расширению торговли с другими коммунистическими странами даже после нормализации отношений с КНР в 1972 г. Именно из-за протайваньски настроенных членов партии потребовалось 6 лет для заключения договора о мире и дружбе между Японией и КНР (1978 г.).²²

Следуя общему курсу на укрепление связей с КНР, Икэда назвал политику Тайваня в отношении КНР несостоятельной и не отвечающей реальному положению дел, в отношениях же с коммунистическим Китаем предполагалось следовать политике «мирного сосуществования»²³. В августе 1963 г. правительством Японии было одобрено предоставление КНР долгосрочных кредитов для закупки винилового оборудования, на что Тайвань отреагировал требованием о прекращении такого сотрудничества. Однако Япония, пользуясь формулой «разделения политики и экономики», отказалась удовлетворить его претензии. В результате, 21 сентября 1963 г. Тайвань отозвал своего представителя в Японии Чжан Лишэна, а Чан Кайши заговорил о возможности разрыва отношений с Японией из-за оказания ею экономической помощи КНР²⁴.

Для снятия напряженности в японо-тайваньских отношениях бывший премьер-министр Японии С. Ёсида был направлен с визитом в Тайбэй для переговоров с Чан Кайши. В феврале 1964 г. было подписано новое «Послание Ёсиды», в котором, подобно первому посланию 1952 г., говорилось о признании правительства Чан Кайши единственно легитимным, об укреплении японо-тайваньских связей и политике сдерживания КНР. Чан Кайши придавал этому документу большое значение и рассматривал его как дополнение к мирному договору между Тайванем и Японией²⁵.

Во время пребывания во главе кабинета Сато Эйсаку (1964–1972) Японии вновь развернулись в сторону Тайваня. В январе 1965 г. в ходе визита в США Э.Сато подтвердил приверженность Японии политике США, направленной, в частности, на сдерживание КНР. В феврале 1965 г. на основе 2-го «Послания Ёсиды» были приостановлены поставки

в КНР винилового оборудования, грузовых судов, аннулированы некоторые другие обязательства по торговому соглашению. В этот период Япония занимала более жесткую позицию в отношении представительства КНР в ООН. В отношениях с Тайванем укреплялись политические, торговые и культурные связи, более того, правительством Японии было одобрено предоставление Тайваню кредита в размере 150 млн. долл.²⁶

Японо-тайваньские отношения после 1972 г.

Статус японо-тайваньских отношений был кардинально изменен в 1972 г., когда Япония установила официальные отношения с КНР. К тому моменту материковый Китай уже восстановил свое членство в ООН (25 октября 1971 г.) и подписал с США коммюнике об установлении дипломатических отношений. Тем не менее, несмотря на разрыв США и Японией дипломатических отношений с Тайванем, статус последнего оставался неопределенным. Согласно китайско-американскому Шанхайскому коммюнике США «не оспаривают» и «выражают признание» позиции КНР в отношении Тайваня. Такая же формулировка звучала в коммюнике об установлении полных дипломатических отношений между КНР и США в 1979 г.²⁷

Несмотря на то, что официальные отношения Японии и Тайваня были приостановлены, а КНР, вступив в эпоху открытости внешнему миру, начала активно развивать отношения с Японией, японо-тайваньские отношения, по сути, не претерпели кардинальных изменений и продолжали развиваться на неофициальной основе.

1 декабря 1972 г. в Токио была создана Ассоциация по взаимному обмену (с представительством в Тайбэе), а 3 декабря в Тайбэе – Ассоциация связей со странами Восточной Азии (с представительством в Токио). В этом же году между Японией и Тайванем было подписано соглашение о создании представительств указанных учреждений за границей. Оно содержало основные принципы взаимодействия Японии и Тайваня, положения о собственности, инвестициях, защите граждан противоположной стороны, коммуникациях, культурном сотрудничестве и обучении. Посольство Тайваня в Токио закрылось 28 декабря 1972 г., а 4 января уже начала работу Ассоциация связей со странами Восточной Азии²⁸. Японская сторона стала поддерживать отношения с этой организацией

²² Тетеркина М. Ю. Современные японо-тайваньские отношения // Современная Япония: некоторые вопросы внешней и внутренней политики. М., 1998. С. 109–110.

²³ Цзя Чаовэй. Указ.соч. С. 66.

²⁴ Подробнее см.: Линь Цзиньцзин. Чжань хоу чжун жи гуан си чжи ши чжэн янь цзю (Японо-китайские отношения после войны). Тайбэй, 1984. Цит.по: Цзя Чаовэй. Указ.соч. С. 66.

²⁵ Подробнее см.: Линь Цзиньцзин. Указ.соч. Цит.по: Цзя Чаовэй. Указ.соч. С. 67.

²⁶ Цзя Чаовэй. Указ.соч. С. 67.

²⁷ Подробнее см.: Меркулов С. К. Американско-китайское сближение (вторая половина 70-х годов). М., 1980. С. 97–98. Цит.по: Ларин А. Г. «Принцип одного Китая» во взаимоотношениях берегов Тайваньского пролива // Сб. Синьхайская революция и республиканский Китай: век революций, эволюции и модернизации. М., 2013. С. 224.

²⁸ Цзя Чаовэй. Указ.соч. С. 77.

на неправительственной основе как с объединением частных предпринимателей²⁹.

Япония могла рассчитывать на развитие отношений с КНР только на основе строгого соблюдения правила неофициальных отношений с Тайванем, поэтому было наложено ограничение на посещения официальных лиц Японии Тайваня, а сотрудники тайваньского представительства в Японии были признаны иммигрантами. Однако с февраля 1976 г. тайваньские служащие и их семьи стали приравняться к рангу дипломатов, и для них было отменено применение закона о регистрации иностранцев (например, снятие отпечатков пальцев)³⁰.

В условиях кардинального изменения политической ситуации в начале 1970-х гг. в Японии возникли большие разногласия по вопросу тайваньской проблемы. Часть общества все еще воспринимала Тайвань как часть распавшейся Японской империи и предлагала объединить Японию и Тайвань, создав «Союз Японии и Тайваня» (台日□邦) или «Объединенное королевство Японии и Тайваня» (日台□合王国)³¹. Некоторые считали, что нужно продолжать следовать политике прошлых лет с опорой на США и посредством Тайваня управлять Китаем (以台制□)³². Другая часть общества поддерживала идею сближения с Тайванем и активной поддержки в получении им независимости. Тайваньская проблема в очередной раз стала предметом дискуссий в японском обществе. Если до 1972 г. Япония рассматривала Тайвань как равноценную замену китайского рынка, то теперь для сохранения баланса в отношениях с Китаем и Тайванем японские правящие круги наладили подобие специализации между промышленными и торговыми компаниями, одни из которых больше ориентировались на КНР, другие – на Тайвань³³. Однако со временем такое разделение соблюдалось нестрогое и постепенно начало исчезать³⁴.

Несмотря на неформальный характер японо-тайваньских отношений, их связи, экономические, культурные, а затем постепенно и политические, продолжали укрепляться. Нередко это вызывало протесты

китайской стороны, однако Япония неуклонно следовала политике баланса между КНР и Тайванем, извлекая выгоду из сотрудничества с обеими сторонами Тайваньского пролива. Так, в 1983 г. японское правительство отвергло требование китайской стороны пресечь практику выдачи тайваньской Ассоциации связей со странами Восточной Азии въездных виз японским гражданам, желающим посетить Тайвань³⁵. Бывший в то время министр иностранных дел Абэ Синтаро на пресс-конференции заявил, что «японское правительство не намерено каким-либо образом ограничивать развитие японо-тайваньских связей, которые имеют неофициальный характер»³⁶.

В июле 1982 г. состоялся первый после прекращения японо-тайваньских дипломатических отношений визит на Тайвань представителей японской политической элиты высокого ранга – японской делегации во главе с председателем специальной исследовательской комиссии ЛДП по экономическим мероприятиям С. Эдзакэ. Она была принята президентом Тайваня Цзян Цзинго и премьер-министром Сун Юнсуаном. На переговорах обсуждалась проблема торгового баланса между Японией и Тайванем, решался вопрос о расширении закупок тайваньских товаров³⁷.

В 1984 г. на Тайвань прибыла японская делегация во главе с председателем консультативного комитета С. Исихара. С ней встретился президент Тайваня Цзян Цзинго. В ходе беседы стороны обсудили военно-политическую ситуацию в Тайваньском проливе. С. Исихара выдвинул идею стимулирования подобных встреч и подкрепить ее принятием японским парламентом Закона об отношениях с Тайванем³⁸, аналогичным американскому Акту о взаимоотношениях с Тайванем³⁹. Тайваньская сторона убеждала японских делегатов повлиять на правительство с тем, чтобы ограничить участие Японии в реализации программы КНР «четырёх модернизаций» и предотвратить предоставление Китаю экономической помощи.

³⁵ Тетеркина М. Ю. Японо-тайваньские отношения... С. 153.

³⁶ Асахи симбун. 08.07.1983. Цит. по: Тетеркина М. Ю. Японо-тайваньские отношения... С. 153.

³⁷ Тетеркина М. Ю. Японо-тайваньские отношения... С. 156.

³⁸ Тетеркина М. Ю. Там же. С. 153.

³⁹ Закон об отношениях с Тайванем принят в США 10 апреля 1979 г., согласно которому США и Тайвань поддерживают дружественные связи, мир и стабильность в регионе, стремясь к решению тайваньской проблемы мирным путем; США рассматривают бойкот, эмбарго и иные попытки определить будущее Тайваня немирным путем как угрозу миру и безопасности и источником беспокойства для США; США снабжают Тайвань оружием оборонительного характера; США готовы противодействовать любому применению силы на Тайване, которое поставило бы под угрозу безопасность, социальную или экономическую систему Тайваня. Подробнее см.: Гордеева И. В. Об особенностях современной позиции Японии в отношении Тайваня // Проблемы Дальнего Востока №1, М., 2012. С. 38–48, 40.

²⁹ Тетеркина М. Ю. Японо-тайваньские отношения (1980–1990 гг.) // Информационный бюллетень №10, Актуальные проблемы Северо-Восточной Азии (Япония, Южная Корея, НИС). М., 1992. С. 151.

³⁰ Подробнее см.: Тайвань сёдзитэн (Справочник по Тайваню) // Тюгоку кэнкю сёхэн. 1988. Цит. по: Тетеркина М. Ю. Японо-тайваньские отношения... С. 151.

³¹ Подробнее см.: Чэнь Чжаобинь. Чжань хоу жи бэнь дэ чжун го чжэн цэ (Послевоенная политика Японии в отношении Китая). Токио, 2000.

³² Цин Гундун. Гун цзэ си и цюань мао (Кинти Миядзава). Токио, 1992.

³³ Игнатуценко С. К. Экономические отношения Японии с Южной Кореей, Тайванем и Гонконгом // Япония. Ежегодник. М., 1980. С. 182.

³⁴ Тетеркина М. Ю. Современные японо-тайваньские отношения... С. 110.

В 1987 г. произошло некоторое охлаждение китайско-японских отношений из-за решения японского суда о принадлежности Тайваню студенческого общежития в г. Киото. После 1972 г. собственность Тайваня в Японии (здания представительств, миссий, земля) должна была перейти к КНР, однако Япония в большинстве случаев оставляла права на эту недвижимость за Тайванем.

В сентябре 1987 г. представители Тайваня присутствовали на траурной церемонии по случаю кончины бывшего премьер-министра Японии Киси – сторонника развития японо-тайваньских связей. КНР выразила обеспокоенность тем, что тайваньский представитель может получить официальный статус на церемонии, что будет свидетельствовать о проведении Японией политики «двух Китаев». После этого заявления японским правительством было принято решение именовать представителя Тайваня одним из «особых друзей семьи Киси»⁴⁰. В январе 1988 г. на церемонии похорон президента Тайваня Цзян Цзингю присутствовали депутаты ЛДП и бывший премьер-министр Японии Т. Фукуда.

Таким образом, японо-тайваньские отношения после дипломатического признания КНР не утратили свою значимость, более того, произошло расширение контактов на рабочем уровне. Именно после прекращения официальных отношений с Тайванем произошла консолидация сил, ориентированных на поддержание тесных связей с Тайванем, возникло большое количество протайваньских обществ и ассоциаций («дружественные Тайваню организации»). Постепенно, начиная с конца 1980-х гг., японо-тайваньские отношения стали выходить за рамки исключительно экономических и культурных связей.

Расширение японо-тайваньских связей при президенте Ли Дэньхуэ (1988–2000 гг.).

1990-е годы – время активного развития японо-тайваньских отношений. Почти каждый год был отмечен новым прорывом в отношениях, уровень встреч японских и тайваньских представителей повышался. Однако стремление Японии и Тайваня к более тесному взаимодействию привело к новым противоречиям в их отношениях с КНР.

В 1989 г. по инициативе нового президента Тайваня Ли Дэньхуэ была создана неправительственная организация «Открытый азиатский форум», целью которой являлось развитие диалога в интеллектуальной и культурной сферах. Подчеркивалось, что не ставится никаких политических и идеологических целей⁴¹. Ассоциация связей с Восточной

Азией в 1992 г. была переименована в Тайбэйское экономическое и культурное представительство. Число сотрудников Тайбэйского представительства в Японии увеличилось к 1996 г. с 70 человек до 150, и было создано два отдела: один занимался проблемами экономического и научно-технического сотрудничества, другой – политическим взаимодействием⁴².

Главной особенностью японо-тайваньских отношений периода после окончания «холодной войны» является увеличение частоты взаимных официальных визитов. В июле 1990 г. тайваньская делегация во главе с заместителем председателя законодательного юаня Тайваня Лу Суньфанем посетила Японию. Это было первым официальным визитом со времени прекращения дипломатических отношений⁴³.

В 1991 г. в Японии было принято важное решение – позволить чиновникам уровня министра и замминистра посещать Тайвань с частными визитами и встречаться с представителями власти. В декабре 1991 г. по приглашению Демократической прогрессивной партии (ДПП) Тайваня Тайбэй посетила японская делегация научных и политических деятелей. На одной из встреч депутат парламента от Социалистической партии Японии (СПЯ, после 1996 г. – Социал-демократическая партия) Сёа Хидэюки заявил, что он надеется нарушить «табу» на обсуждение вопросов развития Тайваня, существующее в политических кругах Токио, так как «международное сообщество больше не может игнорировать Тайвань в экономическом и политическом плане»⁴⁴.

В ноябре 1992 г. состоялась встреча самого высокого уровня между представителями Японии и Тайваня за прошедшие 20 лет неофициальных отношений – председателя комитета исполнительного юаня по экономическому строительству Тайваня, председателя комитета промышленности и торговли Тайваня, заместителя генерального секретаря Канцелярии президента Тайваня и министра промышленности и торговли Японии⁴⁵.

В 1990-е годы прошел целый ряд встреч, важных для укрепления японо-тайваньских связей. В феврале 1993 г. министр иностранных дел Тайваня Цянь Фу впервые посетил Японию, после чего начальник управления по торговле японского Министерства промышленности и торговли прибыл с визитом на Тайвань. 19 ноября во время проведения саммита АТЭС премьер-министр Японии Хосокава Морихиро и начальник экономического управления Тайваня Сяо Ваньчан на одной из

⁴² Цзя Чаовэй. Указ.соч. С. 83.

⁴³ Цзя Чаовэй. Указ.соч. С. 84.

⁴⁴ Тетеркина М. Ю. Японо-тайваньские отношения... С. 152.

⁴⁵ Цзя Чаовэй. Указ.соч. С. 84.

⁴⁰ Тетеркина М. Ю. Японо-тайваньские отношения... С. 154.

⁴¹ Тетеркина М. Ю. Японо-тайваньские отношения... С. 155.

встреч обменялись рукопожатиями, продемонстрировав на международной площадке встречу представителей Японии и Тайваня такого высокого уровня. В 1994 г. Япония, несмотря на протесты КНР, позволила заместителю председателя правительства Тайваня Сю Лидэ приехать в Японию на церемонию открытия Азиатских игр (изначально планировалось пригласить президента Тайваня Ли Дэньхуэя, но из-за протестов КНР виза была выдана членам правительства). В феврале 1998 г. Ли Дэньхуэй посетил Японию как частное лицо (позднее было указано, что он приезжал в Японию на лечение). В этом же году Япония стала признавать тайваньские паспорта действительными для въезда граждан КР в Японию. В этот же период представители Японии и Тайваня неоднократно встречались на площадках международных форумов, на которых Тайвань несколько раз был назван японскими делегатами «страной».

Начиная с 1995 г. отношения КНР с Японией и Тайванем резко обострились, вызвав политический кризис в Тайваньском проливе. Летом 1995 г. Китай осуществил серию ракетных и военно-морских учений в районе Тайваня, а в 1996 г. были проведены широкомасштабные военные маневры. Демонстрация Пекином военной мощи в период подготовки к выборам президента на Тайване представлялась Японии не только воображаемой угрозой, потому как могла поставить Японию перед нелегким выбором в случае столкновения США и КНР в Тайваньском проливе⁴⁶.

После событий 1995–1996 гг. Япония стала играть более активную роль в поддержании безопасности в Тайваньском проливе. В сентябре 1997 г. на заседании американо-японского Консультативного совета по безопасности были приняты новые «Руководящие принципы сотрудничества США и Японии в сфере обороны», в которых содержалось положение об американо-японском взаимодействии в «окружающих Японию районах»⁴⁷.

Пекин посчитал фактическое включение Тайваня в зону американо-японской безопасности вмешательством в его внутренние дела. В 1998 г. в ходе визита Цзянь Цзэмина в Токио была достигнута устная договоренность о включении «трех нет» в совместную декларацию: не поддерживать «политику двух Китаев», не поддерживать стремления Тайваня к независимости, не поддерживать идею представительства Тайваня в международных организациях, например, ООН. Те же принципы были утверждены Б.Клинтоном во время его визита в КНР в 1998 г. Правительство Японии признало только первые два принципа, причем так и не закрепленные в письменном виде, и, несмотря на позицию КНР в

отношении американо-японского договора, не исключило Тайвань из программы совместной обороны с США⁴⁸. Тайвань приветствовал принятие документа⁴⁹, Китай воспринял договор как присоединение Японии к американским обязательствам защищать Тайвань в случае применения в отношении него силы⁵⁰.

Молодое поколение японцев было убеждено, что их стране следовало пересмотреть свою политику в отношении КНР (например, политику предоставления кредитов), так как Япония легко идет на уступки Китаю, когда речь идет о японо-тайваньских отношениях. Многие политики выдвигали идею более гибкой политики «одного Китая», поскольку существующая является однобокой⁵¹. В статьях японских информационных агентств за 1992–1996 гг. в большинстве случаев критикуется чрезмерно мягкая позиция Японии в отношении КНР и чрезмерно жесткая в отношении Тайваня⁵². Кризис в Тайваньском проливе 1996 г. разделил японское общество пополам: около 50% заявляли, что они не испытывают симпатий к КНР, 45% – что испытывают⁵³.

Временное осложнение отношений Японии с КНР компенсировалось более тесным взаимодействием с Тайванем. Этому способствовало несколько факторов:

- Стремительный экономический рост Тайваня, увеличение возможностей его рынка. С одной стороны, учитывая масштабы китайского рынка и ресурсов КНР, интересы Японии в Китае должны были быть больше, чем ее потребность в Тайване, однако столь высокие темпы роста тайваньской экономики увеличивали значимость острова для Японии.
- Тесные контакты и личные связи Ли Дэньхуэя со многими японскими политическими деятелями. Президент во многом способствовал созданию образа Тайваня как демократического, идеологически близкого Японии государства. Он рассматривался как партнер одного уровня

⁴⁸ *Qingxin Ken Wang*. Указ.соч. С. 367–368.

⁴⁹ Подробнее см.: *Daily yomiuri*, 24.09.1997.

⁵⁰ Позднее, в марте 2005 г., в Китае был принят закон о противодействии расколу государства, в котором содержались положения, касающиеся статуса Тайваня: «Тайвань сможет сохранить свою политическую систему и пользоваться автономией, но в случае крупного инцидента, способного закрепить независимый статус Тайваня или если какие-либо силы будут действовать в направлении независимости Тайваня, КНР оставляет за собой право в случае, если возможности мирного объединения будут исчерпаны, применить силу для защиты суверенитета КНР». Подробнее см.: *Гордеева И.В.* Указ.соч. С. 41–42.

⁵¹ *Тетеркина М. Ю.* Там же. С. 111–112.

⁵² *Цзя Чэовэй.* Указ.соч. С. 83.

⁵³ JEI report no. 8B, 28.02.1997. Цит.по: *Qingxin Ken Wang*. Taiwan in Japan's relations with China and the United States after Cold War // *Pacific Affairs* vol. 23 no. 5, 2000. P. 361.

⁴⁶ *Тетеркина М. Ю.* Современные японо-тайваньские отношения... С. 112.

⁴⁷ Подробнее см.: *Бунин В. Н.* Японо-американский союз безопасности. М., 2000.

с Японией⁵⁴. Избрание Ли Дэньхуэя президентом КР в японской прессе было названо «успешным развитием демократизации Тайваня»⁵⁵.

• Отдаление Тайваня от КНР, обострение ситуации в Тайваньском проливе. Ядерные испытания КНР в 1996 г. были интерпретированы Японией как предупреждающий сигнал Китая об угрозе силового вмешательства в политический режим Тайваня. Возможность присоединения острова к Китаю всегда воспринималась в Японии болезненно, т. к. в этом случае у КНР будет возможность перекрыть ее важнейшие транспортные пути в акватории Тайваня и создать дополнительную напряженность вокруг о-вов Сэнкаку/ Дяоюйдао⁵⁶.

В период президентства Ли Дэньхуэя Тайвань и Япония вышли на новый уровень сотрудничества. Практически беспрепятственно проходили встречи официальных лиц Японии и Тайваня, придавая двусторонним отношениям более официальный характер. Вместе с тем, хотя Тайвань стремился к более тесным связям с Японией и, одновременно, отдалялся от КНР, в целом он все же действовал в рамках формальных ограничений контактов. Япония, в свою очередь, тоже стремилась избегать провокационных для Китая действий и поддерживала выгодные для нее экономические и политические отношения с КНР.

Активное взаимодействие Токио и Тайбэя при президенте Чэнь Шуйбяне (2000–2008 гг.)

В мае 2000 г. на выборах президента Тайваня впервые победил представитель от Демократической прогрессивной партии, сторонник получения Тайванем статуса независимого государства Чэнь Шуйбянь. В отличие от своего предшественника, Чэнь Шуйбянь еще больше склонялся в отношениях с Японией в политическую и военно-стратегическую сферу сотрудничества. Тайваню для дипломатического признания необходимо было укреплять сотрудничество с США и усилить роль Японии в процессе получения независимости. Такая расстановка приоритетов обусловила активное взаимодействие Тайваня и Японии в самом начале XXI века.

Чэнь Шуйбянь еще до избрания его президентом Тайваня несколько раз был с визитом в Японии, в процессе переговоров заручался поддержкой этой страны в президентской гонке и устанавливал личные связи с ее политиками. После победы на выборах японская сторона на одной из частных встреч поздравила Чэнь Шуйбяня с избранием, газета

«Асахи симбун» взяла у нового президента интервью по вопросу дальнейшего развития японо-тайваньских отношений. Одновременно в Японии вышла его книга «Сын Тайваня» (台灣之子). 20 мая 2000 г. на церемонии инаугурации присутствовал тогдашний мэр Токио Исихара Синтаро. В тот же день состоялась встреча, на которой высказывалось пожелание продолжать углубление политических связей⁵⁷.

В ноябре 2002 г. японское правительство смягчило ограничения, которые были наложены на поездки официальных лиц Японии на Тайвань. Теперь чиновникам любого уровня разрешалось совершать частные поездки на Тайвань. Ежегодно на праздник 10-го октября (годовщина Синхайской революции) японская делегация (около 100 человек) и группы членов верхней и нижней палат парламента направляются на Тайвань для участия в различных праздничных мероприятиях. В 2003 г. в японском представительстве на Тайване впервые прошли праздничные мероприятия, посвященные дню рождения японского императора, на которых присутствовали генеральный секретарь Канцелярии президента Тайваня, министр иностранных дел и другие чиновники. Через несколько дней после этих событий на Тайвань прибыл с визитом бывший тогда премьер-министр Японии Мори Ёсиро⁵⁸.

В сентябре 2005 г. в Японии прошел «Японо-тайваньский форум», в котором принимала участие тайваньская делегация во главе с генеральным секретарем Канцелярии президента. На форуме обсуждался вопрос об изменении действующей системы «72-го года» (основным условием которой было прекращение официальных связей Японии и Тайваня), предлагалось также обсудить в парламенте вопрос о принятии закона об отношениях с Тайванем, аналогичного американскому. Принятие такого закона в Японии фактически означало бы создание новой системы взаимодействия на официальном уровне.

Тайвань рассматривался Японией как страна с такой же, как и у нее, политической системой, государством с демократическим устройством, что предопределяло более тесные двусторонние отношения. В мае 2000 г. Япония предложила рассмотреть кандидатуру Тайваня для вступления в ВОЗ, в августе СДПЯ предложила поддержать Тайвань в случае рассмотрения его кандидатуры на получение статуса страны-члена ООН. В этом же году начались консультации по поводу подписания японо-тайваньского договора о свободной торговле⁵⁹.

В начале 2000-х годов возникло большое количество организаций, направленных на укрепление связей с Японией, в том числе: Ассоциация

⁵⁴ Japan times. 03.01.1996.

⁵⁵ JET report no. 8B, 28.02.1997. Цит. по: Qingxin Ken Wang. Указ.соч. С. 360.

⁵⁶ Qingxin Ken Wang. Указ.соч. С. 358–361.

⁵⁷ Цзя Чаовэй. Указ.соч. С. 88–89.

⁵⁸ Цзя Чаовэй. Указ.соч. С. 89.

⁵⁹ Цзя Чаовэй. Указ.соч. С. 92.

дружбы Японии и Тайваня (台日友好会), Ассоциация дружбы между членами парламентов Японии и Тайваня (台日国会友好会). В соглашениях о создании данных организаций Тайвань назывался «свободной и демократической страной Азии», подчеркивалось, что взаимодействие Японии и Тайваня происходит на основе ценностей демократического общества⁶⁰. В законодательном юане была создана межпартийная группировка «Общество дружбы и взаимодействия с Японией» (台日交流・会). Кроме того, был создан Фонд взаимодействия между Японией и Тайванем, который стал еще одной площадкой для консультаций между членами ДПП и политическими кругами Японии. Путем налаживания контактов через подобные организации укреплялись связи на межпартийном уровне, происходил обмен мнениями между японскими и тайваньскими специалистами различных исследовательских центров, налаживались контакты с молодыми японскими политиками.

В период президентства Чэнь Шуйбяня Тайвань стремился превратить Японию во «вторую опору» и стратегического союзника. Отношениям с Японией (и США) придавалось особое значение, поскольку именно на нее возлагалась задача оказывать активную поддержку Тайваню в процессе получения им независимости. Японию же больше устраивает вариант, когда она может поддерживать хорошие отношения как с Тайванем, так и с КНР, поэтому полная политическая независимость Тайваня Японией не приветствуется. В 2003 г. правительство Д. Коидзуми по неофициальным каналам проинформировало Тайвань о нежелательности проведения референдума, меняющего его статус⁶¹.

Перемена вектора двусторонних отношений в период президентства Ма Инцзю.

Победа Ма Инцзю на выборах в марте 2008 г. означала возвращение к власти Гоминьдана, и, следовательно, изменение политического курса Тайваня. В представлении японских политиков приход к власти Ма Инцзю означал изменение «дружественных отношений с Японией» на «дружественные отношения с КНР», что кардинальным образом изменяло политическую ситуацию в Восточной Азии.

Уже с 2005 г. Япония относилась Ма Инцзю к категории политиков, враждебно настроенных в отношении Японии. Тогда, будучи мэром Тайбэя, он критиковал излишне мягкую позицию Чэнь Шуйбяня в отношении спорных островов Сэнкаку/ Дяоюйдао и призывал вернуться за стол переговоров, а это было возможно только при условии более

жесткой позиции тайваньской стороны в отношении этих островов⁶². Помимо этого Ма Инцзю выступал с резкой критикой военных преступлений Японии в Китае в годы войны. В отношении событий прошлого он заявлял, что «нужно простить, но не забыть» те беды, которые принесла китайскому народу японская агрессия⁶³.

Многие японские политики считали избрание Ма Инцзю новым вызовом для японо-тайваньских отношений и призывали готовиться к принципиальному изменению геополитической обстановки, поскольку, обладая большинством в парламенте, Гоминьдан мог осуществить любые перемены в политической ориентации Тайваня⁶⁴.

Практически сразу после вступления в должность Ма Инцзю произошло несколько событий, которые заставляли Японию чувствовать опасения по поводу худшего для нее сценария развития отношений с Тайванем:

- Во время инаугурационной речи в мае 2008 г. Ма Инцзю, говоря о приоритетных направлениях внешней политики Тайваня, упомянул только США, ничего не сказав о Японии. Присутствовавший на церемонии японский представитель оценил этот поступок как невнимательное отношение к двусторонним отношениям и его стране, об этом он доложил руководству.
- Инцидент, произошедший в июне 2008 г. с тайваньским рыболовецким судном, которое было задержано вблизи о-вов Дяоюйдао японским патрульным катером.
- Отставка руководителя тайваньского представительства в Японии Сюй Шикая, причем с конца мая по июль эта должность оставалась незанятой, что было расценено японской стороной как неуважительное отношение со стороны Тайваня⁶⁵. (В дальнейшем, при назначении нового главы представительства Ма Инцзю учел пожелания японской стороны и направил в качестве главы миссии Фэн Цзитаю, кандидатура которого была одобрена Японией).

Несмотря на указанные события, Ма Инцзю многократно заверял японских коллег в том, что он будет проводить «дружественную Японию» политику и поддерживать развитие двусторонних контактов. Он также подчеркивал, что нормализация отношений Тайваня и КНР не исключает развития отношений с Японией. Урегулирование отношений с КНР снимает напряженность в Тайваньском проливе, что, по мнению

⁶² Цзя Чаовэй. Указ.соч. С. 102.

⁶³ Гордеева И. В. Указ.соч. С. 45.

⁶⁴ Цзя Чаовэй. Указ.соч. С. 100.

⁶⁵ Цзя Чаовэй. Указ.соч. С. 101–103.

⁶⁰ Цзя Чаовэй. Указ.соч. С. 95.

⁶¹ Гордеева И. В. Указ.соч. С. 40.

Ма Инцзю, отвечает интересам Японии⁶⁶. Тем не менее, в японских политических кругах сохранялось недоверие к новому лидеру Тайваня из-за его чрезмерно быстрого сближения с материком.

В течение предыдущих двадцати лет тайваньские политики в отношениях с КНР придерживались «курса на получение Тайванем независимости, стремления к демократии, противостояния КНР»⁶⁷. Ма Инцзю избрал политику соблюдения «Консенсуса 1992 г.» (договоренности, предполагающей признание обеими сторонами единства и единственности Китая: «Китай и Тайвань – не отдельные государства»). Такая политика в отношении КНР означала возврат японо-тайваньских отношений к формату полностью неофициальных, поэтому для Японии важнейшей задачей было предотвратить откат назад в отношениях с Тайванем. Япония не раз напоминала Тайваню о том, что только при определенной независимости Тайваня от КНР может быть продолжено плодотворное сотрудничество и диалог между двумя сторонами⁶⁸.

В 2008–2009 гг. на Тайване было создано несколько межведомственных комитетов, призванных укреплять кооперацию с японскими коллегами и создавать условия для подготовки договора о свободной торговле между Японией и Тайванем. В 2008 г. прошли первые заседания таких комитетов, в которых принимали участие представители почти всех министерств правительства Тайваня. В г. Саппоро был создан еще один филиал тайваньского представительства, таким образом, общее количество представительств острова в Японии достигло шести.

Во время визита председателя Гоминьдана У Босюна в Японию в декабре 2008 г. была озвучена позиция Тайваня в отношении развития отношений с Японией. Поскольку, начиная с 1972 г., отношения между ними всегда имели специфический характер, то и сейчас их стоит рассматривать как «особые партнерские отношения» (ранее отношения Японии и Тайваня определялись как «дружеские отношения» и «отношения стратегического партнерства»).

В 2009 г. министром иностранных дел Тайваня Оу Хунлянем была разработана программа развития отношений Тайваня с Японией по 5 основным направлениям: продолжение экономического сотрудничества по основным совместным проектам; культурные обмены; молодежная политика, студенческие обмены в период обучения; развитие туристической сферы (в проекте – установление прямого авиасообщения между городами Тайбэй и Мацзюя); поддержание диалога между сотрудниками научных центров Японии и Тайваня. Особых успехов достигла

молодежная политика: в 2008 г. 60 тайваньских студентов проходили практику в вузах Японии, в 2009 г. – 100 человек. Ежегодно молодежи предоставляется возможность проходить практику и работать в вузах Японии и Тайваня во время каникул⁶⁹.

Внешняя политика Тайваня после 2008 г. отличается значительной сдержанностью в его отношениях с КНР, желанием избежать конфликтных ситуаций для построения выгодного и в равной степени выигрышного сотрудничества с материковым Китаем. Такая позиция заставила Японию более настойчиво присматриваться к действиям Тайваня и, по возможности, не допускать чрезмерного сближения Тайваня и КНР. Для Тайваня отношения с Японией, как и раньше, остаются крайне важными. Во время кризиса 2008 г. Япония помогла постепенно стабилизировать экономику Тайваня, являясь его основным инвестором и кредитором.

В стратегическом отношении Япония продолжает играть важную роль в поддержании «неопределенного» статуса Тайваня, который вполне устраивает КР. Курс на укрепление отношений Тайваня с КНР, взятый Ма Инцзю, означает прекращение периода, когда сторонам приходилось делать выбор между двумя одинаково важными партнерами. Политика Тайваня, направленная на поддержание отношений как с материковым Китаем, так и с Японией, по сути, является повторением той политики, которую реализовывала Япония в 1950–1960-х гг. в отношении Тайваня, балансируя между равно выгодными для нее связями с КНР и Тайванем.

Нынешний президент Тайваня выступает в пользу дальнейшего укрепления американо-японского договора по безопасности, рассматривая его как лучшую гарантию обеспечения региональной безопасности⁷⁰. В то же время, новый курс Тайваня на сближение с КНР не может не беспокоить Японию. Во время проведения Японо-тайваньского форума в Тайбэе в конце 2010 г. член демократической партии Н. Кадама еще раз напомнил, что «объединение Тайваня с материковым Китаем разрушит островную линию, образуемую Алеутскими о-вами, Курилами, собственно Японией, о-вами Рюкю, Тайванем, Филиппинами и о. Борнео, что сделает невозможным остановить продвижение ВМС КНР в зону Тихого океана»⁷¹. Тайвань – важнейшая часть морских коммуникаций Японии, и по-прежнему «представляет жизненно важный интерес для Японии»⁷².

⁶⁹ Цзя Чаовэй. Указ.соч. С. 106–107.

⁷⁰ Ma hopes for good Taiwan-Japan relations//www.chinapost.com.tw/taiwan.foreign-affairs/2010/0724/265926/Ma-hopes.htm

⁷¹ Vice President calls for Japan-Taiwan FTA//www.chinapost.com.tw/taiwan-business/2010/12/21/284469/Vice-President.htm

⁷² Sankei shimbun. 30.01.2008.

⁶⁶ Хуань цю ши бао. 09.12.2008.

⁶⁷ Цзя Чаовэй. Указ.соч. С. 103.

⁶⁸ Цзя Чаовэй. Указ.соч. С. 104.

Отношение к тайваньскому вопросу КНР, Японии и Тайваня

КНР, безусловно, играет ключевую роль в японо-тайваньских отношениях. Проблема «неопределенности статуса» Тайваня (тайваньский вопрос) по-прежнему остается нерешенной. В 1972 г. КНР получила международное признание, поэтому ее позиция в отношении Тайваня уже не могла оставаться исключительно «личным мнением» китайской стороны. Несмотря на то, что США (а вслед за ними и Япония) всего лишь «не оспаривают» позицию КНР в отношении Тайваня, тем не менее «принцип одного Китая» твердо соблюдался странами.

Неопределенность статуса Тайваня давала возможность Японии устанавливать с ним более тесные контакты, что в некоторых случаях приводило к протестам со стороны КНР и даже серьезному осложнению японо-китайских отношений. Китай, ссылаясь на японо-китайский договор 1972 г., всегда подчеркивает важность основного условия установления дипломатических отношений с Японией – признание единого и единственного Китая. Именно поэтому попытки активного взаимодействия на официальном уровне между Тайванем и Японией воспринимались КНР как нарушение условий японо-китайского договора о нормализации отношений (1972 г.) и договора о мире и дружбе (1979 г.).

В течение 1970–1980-х гг. Япония строго соблюдала правило ограничения официальных контактов с Тайванем, так как только в этом случае могла рассчитывать на поддержание экономических отношений с КНР. В 1990-е годы на фоне активизации японо-тайваньского взаимодействия и расширения круга вопросов, по которым происходило сотрудничество, позиция Японии в отношении тайваньского вопроса стала более жесткой. Япония даже заявляла, что выражение «Тайваньский вопрос – это вопрос, касающийся внутренней политики Китая», является мнением китайского, но не японского руководства⁷³.

В период президентства Чэнь Шуйбяня Япония, хотя и продолжала укреплять связи с Тайванем, не стремилась играть активную роль в процессе получения Тайванем независимости. После кризиса в Тайваньском проливе 1996 г. японская сторона стала делать акцент на разрешении конфликта мирными средствами, выражала надежду на поиск компромисса и возобновление диалога между сторонами Тайваньского пролива. Несмотря на кризис в Тайваньском проливе Япония продолжала поддерживать хорошие отношения с КНР – даже после проведения Китаем ядерных испытаний японская сторона ограничилась официальным протестом Пекину 6 марта 1996 г. и выразила «забоченность по

поводу происшедшего». Проблема замораживания китайских займов в 1996 г. решалась очень аккуратно, поскольку для Японии отношения с КНР представляли такую же важность, как и отношения с США⁷⁴. Через два года была подписана Совместная декларация Японии и КНР о дружбе, партнерстве и сотрудничестве. Отношение Японии к КНР было озвучено представителем японского МИДа в 1998 г.: «Поскольку мы не можем перенести наш архипелаг подальше от Китая и Тайваня, мы должны строить долгосрочные хорошие отношения и с Китаем, и с Тайванем. Это ситуация, когда мы не можем позволить себе идти на риск. [...] Наша позиция более уязвима и, я бы даже сказал, еще более ограничена, чем позиция США»⁷⁵.

Начиная с 2008 г. Япония придерживалась трех принципов, выдвинутых Ма Инцзю в отношении тайваньского вопроса: «нет объединению, нет независимости, нет применению силы» (不统, 不独, 不武), следовала экономической политике «через Тайвань контролировать Китай» (以台制). Интересно, что теперь не Япония, а Тайвань подчеркивает необходимость сохранения статус-кво по тайваньской проблеме.

В настоящее время руководители КНР мирной стратегией достаточно успешно побуждают Тайвань открыться навстречу материка и уже не настолько болезненно воспринимают активные связи Японии и Тайваня. Возможное воссоединение Тайваня и КНР, как считают в Токио, существенно усилило бы экономические и военные возможности Пекина, что в значительной степени изменило бы военно-стратегический баланс сил в Восточной Азии⁷⁶. Япония, хотя и не желает осложнений в отношениях с Китаем по тайваньскому вопросу, все же не приветствует слишком быстрые темпы сближения Тайбэя и Пекина. Ее устраивает сохранение относительно независимого положения Тайваня и поддержание неофициальных отношений с Тайбэем при действующей формуле «принципа одного Китая».

* * *

Основа японо-тайваньского сотрудничества была заложена в период японской оккупации Тайваня. Япония сумела установить прочные экономические и культурные связи с Тайванем в период его освоения, что создало благоприятные условия для их взаимодействия во второй половине XX в. Определенные сходства китайского управления Тайванем с японской моделью еще раз подтверждают разумность и успешность

⁷⁴ Japan times. 26.03.1996.

⁷⁵ Подробнее см.: Christopher B. Johnstone. Japan's China Policy: Implications for US-Japan Relations // Asian survey, vol. 38 no. 11, 1998. P. 1057–1085.

⁷⁶ Гордеева И. В. Указ.соч. С. 38–40.

⁷³ Цзя Чжаовэй. Указ.соч. С. 85.

японской политики на Тайване. В период официальных отношений между Японией и Тайванем важным фактором в их взаимодействии стала играть КНР – более тесные японо-китайские связи почти всегда означали ухудшение японо-тайваньских отношений. Однако, несмотря на временные осложнения, между Японией и Тайванем укреплялись торговые связи, культурное взаимодействие, расширялись политические контакты. После разрыва дипломатических отношений и признания Японией КНР в 1972 г. японо-тайваньские отношения не утратили свою значимость – произошло расширение контактов на рабочем уровне, японо-тайваньская торговля и научно-технические связи приобретали все большие масштабы. Начиная с середины 90-х гг. XX века между Японией и Тайванем активизировалось военно-стратегическое сотрудничество. Тайвань теперь согласно «Принципам сотрудничества США и Японии в сфере обороны» входит в число «районов, окружающих Японию», что предполагает более тесные контакты его с Японией в сфере безопасности.

На фоне активизации сотрудничества между Японией и Тайванем, их отношения постепенно выходили за рамки экономического и культурного взаимодействия. В конце XX в. японо-тайваньские контакты стали расширяться на политическом уровне, отношения приобретали более официальный характер. При этом, они все же действовали в рамках «принципа одного Китая» и стремились не обострять отношений с КНР, связям с которой придают большое значение как в Японии, так и на Тайване.

В настоящее время отношения Японии и Тайваня продолжают развиваться на неофициальной основе, укрепляются торговые, культурные и научно-технические связи. Несмотря на то, что нынешнее руководство Тайваня взяло курс на некоторое сближение с материковым Китаем, Тайвань продолжает оставаться важным звеном в региональной системе обороны, создаваемой США и Японией в АТР, и поддерживать тесные контакты с Японией в этой сфере.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ЯПОНО-АМЕРИКАНСКИЙ ДОГОВОР БЕЗОПАСНОСТИ В КОНТЕКСТЕ «ВОЗВРАЩЕНИЯ США В АЗИЮ»

Международные отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) отличаются особой динамикой. Этот наиболее густонаселенный регион демонстрирует впечатляющие темпы экономического роста, что повышает его значимость для мировой экономики. Здесь также сконцентрирован значительный военный потенциал. При высокой степени милитаризации, в том числе за счет ядерного оружия, в регионе остается немало источников потенциальных конфликтов, прежде всего из-за территориальных споров.

Повышение значения Азии как ведущего центра мировой торговли привело к росту экономической важности торговых путей, проходящих через Индийский и Тихий океаны. В последние годы особое внимание к региону вновь обозначили США. Вашингтон заявил о намерении привлечь новые военные, дипломатические и экономические ресурсы с тем, чтобы повысить влияние Америки в регионе, что особенно важно в контексте экономического и военного возвышения Китая. Усилившаяся активность Китая по отстаиванию своих интересов в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, а также решение США переключить внимание на Индо-Тихоокеанский регион несут новые стратегические вызовы для Японии как одного из главных союзников США в регионе.

Поворот в сторону Азии: преемственность и новшества

Точкой отсчета «поворота в сторону Азии» принято считать речь Б. Обамы в Канберре в ноябре 2011 г. Выступая в австралийском парламенте, президент объявил о том, что с завершением войны в Ираке и выводом войск из Афганистана США намерены переключить внимание на АТР. По словам американского лидера, «США как тихоокеанская держава в долгосрочной перспективе будут играть большую роль в

формировании региона и его будущего, опираясь на основополагающие принципы и в тесном партнерстве с союзниками и друзьями»¹. Новая политика администрации Б. Обамы в отношении АТР получила название «поворот в сторону Азии» (pivot to Asia). Однако вскоре выражение «поворот», которое можно было одновременно интерпретировать как «разворот спиной к другим регионам», заменено другой формулировкой, которую можно перевести как «перебалансирование по направлению к Азии» – rebalancing toward Asia.² По мнению наблюдателей, такое выражение также подразумевает долгосрочный характер намерений Вашингтона. Важно также отметить, что, по словам помощника президента США Т. Донилона, понятие «перебалансирование» подразумевает перегруппировку сил не только по направлению к Азии, но и в рамках Азии, особое внимание уделяя Юго-Восточной Азии и Ассоциации стран Юго-Восточной Азии³. В Японии новую политику США в регионе часто называют «возвращением в Азию» (*Адзия кайки*). В данной статье будут использованы все три понятия как синонимичные.

Свое видение целей политики США в регионе Б. Обама определил следующим образом: это международный порядок, в котором соблюдаются права и обязанности всех государств и народов, где обеспечивается выполнение международного права и норм, где отсутствуют препятствия для развития торговли и свободы навигации, где новые державы делают вклад в региональную безопасность, и где споры решаются мирным путем.

Новая политика США состоит из нескольких направлений: укрепление альянсов, углубление партнерства с растущими державами; строительство стабильных, продуктивных и конструктивных отношений с Китаем; а также укрепление региональных институтов и содействие строительству региональной экономической архитектуры⁴.

Во многом поворот в сторону Азии представляет собой скорее продолжение и расширение, чем трансформацию американского внешнеполитического курса. В новой стратегии США очевидны черты преемственности. В военной сфере администрация Б.Обамы во многом укрепляет

курс Дж. Буша на повышенное внимание к южной и западной частям региона, с опорой на мобильность с целью проведения экспедиционных операций в отдаленных театрах действий, а не на статичные базы. Администрация Б. Обамы продолжает и расширяет инициативы Дж. Буша по укреплению отношений с союзниками, переговорам по Транстихоокеанскому партнерству (ТТП), а также налаживанию партнерских отношений с Индией, Индонезией и Вьетнамом.

Многое из того, что составляет сущность «поворота в сторону Азии», было начато с момента прихода первой администрации Б. Обамы к власти. Намерение уделять повышенное внимание АТР его администрация обозначила еще в начале своей работы. Так, первая зарубежная поездка тогдашнего госсекретаря Х. Клинтон состоялась в Азию, где первой остановкой стала Япония. Последний раз госсекретарь США начинал свои зарубежные поездки с Азии в 1961 г.⁵

С начала 2009 г. администрация демократов последовательно уделяла больше внимания странам ЮВА, а также обозначила намерение активней участвовать в работе многосторонних институтов в регионе. При Б. Обаме США начали участвовать в Восточноазиатском саммите, приняли решение подписать Договор о дружбе и сотрудничестве с АСЕАН, стали активней участвовать в работе Азиатского тихоокеанского форума и организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества.

В то же время нынешней стратегии присущи и некоторые новые черты. Аналитики выделяют три основных характеристики, свидетельствующие о новизне политики США в отношении Азии.

Во-первых, это новые военные приоритеты и принципы размещения войск. В четырехлетнем обзоре обороны сказано: «Региональная и глобальная среда безопасности сегодня более сложная. Глобальное миротворчество, операции по стабилизации и восстановлению, нераспространение оружия массового уничтожения, сотрудничество в сфере противоракетной обороны (ПРО), инициативы в сфере энергетической безопасности являются критически важными вопросами регионального оборонного сотрудничества. Новая картина в сфере безопасности требует более широко рассредоточенного и адаптивного присутствия США в Азии, которое опирается на способности региональных союзников и партнеров и уравнивает их»⁶.

С этим связано решение о размещении войск и оборудования в Австралии, Сингапуре, намерение укрепить военное сотрудничество с

¹ Remarks by President Obama to the Australian Parliament. 17.11.2011 (<http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/11/17/remarks-president-obama-australian-parliament>).

² *Накаяма Тосихиро*. Обама дайторё-но котоба. (Анализируя слова президента Обамы) (<http://www.yomiuri.co.jp/dy/features/INSIDEOBAMASSPEECHES/pdf/130106.pdf>).

³ President Obama's Asia policy and upcoming trip to the region. Tom Donilon. November 15, 2012. Center for strategic and international studies (http://csis.org/files/attachments/121511_Donilon_Statesmens_Forum_TS.pdf).

⁴ Remarks by Tom Donilon. The United States and Asia-Pacific in 2013. The Asia society. New York. 11.03.2013 (www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/03/11/remarks-tom-donilon).

⁵ President Obama's Asia policy and upcoming trip to the region. Tom Donilon. November 15, 2012. Center for strategic and international studies

(http://csis.org/files/attachments/121511_Donilon_Statesmens_Forum_TS.pdf).

⁶ Quadrennial Defense review. 2010, p. 60.

Филиппинами. Кроме того, в период сокращения военного бюджета власти США подчеркивают, что снижение расходов не коснется присутствия в АТР, при этом будут минимизированы сокращения в сфере ВМС. По словам министра обороны США Л. Панетты, к 2020 г. 60% американских военных кораблей, включая шесть групп эсминцев, будут расположены в АТР⁷.

Во-вторых, США выдвинули более интегрированный и охватывающий весь регион подход к АТР. Сущность этого подхода состоит в сочетании всех сфер сотрудничества, одновременной выработке и реализации военных, дипломатических и экономических инициатив. В частности, особое внимание администрация Б. Обамы уделяет проекту ТТП, который рассматривается как один из основных элементов «поворота в сторону Азии». Помимо укрепления традиционных связей с Японией, Южной Кореей, Австралией и Филиппинами, США будут больше внимания уделять отношениям со странами ЮВА. Дипломатическая активность США направлена не только на развитие двусторонних связей, но и на поддержание работы многосторонних организаций. По мнению аналитиков, теперь США считают ЮВА ареной борьбы за влияние с Китаем. Однако страны ЮВА вряд ли захотят оказаться в положении выбора между США и Китаем.⁸

В-третьих, это новое видение географии региона, простирающейся вплоть до Индийского океана. Речь идет о включении прибрежных государств Южной Азии в географию «поворота в сторону Азии» вследствие их стратегической важности с точки зрения путей транспортировки энергоресурсов и коммерческих грузов, проходящих через Индийский океан и Малаккский пролив по пути в Восточную Азию⁹. В этой связи в американском лексиконе стало употребляться понятие «Индо-тихоокеанский регион», впервые официально использованное Х.Клинтон в октябре 2010 г.¹⁰

Наблюдающееся сегодня повышенное внимание к Азии – это скорее изменение методов (уровня ресурсов и внимания со стороны руководства), чем изменение целей. Основополагающие интересы США в регионе – стабильность, свобода навигации, свобода торговли, поддержка демократии и права человека – остаются неизменными. По мнению японского аналитика Н. Ямагути, учитывая, что курс на большую вовле-

ченность в азиатские дела был провозглашен Б.Обамой еще в начале первого срока президентства, обозначенное возвращение в Азию – не просто смена политических приоритетов в связи с последними событиями в стратегической среде. Скорее это политический курс, отражающий естественное геостратегическое положение США¹¹.

Американская сторона неоднократно подчеркивала, что «перебалансирование» не ставит целью сдерживание Китая. Тем не менее, военную составляющую новой стратегии США в регионе нередко воспринимают именно как направленную против КНР. Доклад «Поддержание глобального лидерства США: приоритеты в области обороны в XXI веке», выпущенный Департаментом обороны США в январе 2012 г., отмечает «необходимость перебалансирования сил в сторону АТР», объясняя ее тем, что «интересы США в сфере экономики и безопасности неразделимо связаны с развитием событий в районе, простирающемся от западной части Тихого океана и Восточной Азии до Индийского океана и Южной Азии»¹².

Одной из наиболее серьезных проблем в регионе, по мнению США, являются растущие возможности Китая по недопущению и ограничению доступа (anti-access/area denial, AA/AD), направленные на то, чтобы не допустить иностранное государство или, в случае проникновения, максимально ограничить его маневренность в зоне своих интересов, обозначенной так называемыми первой и второй островными линиями¹³. С этой целью Китай наращивает потенциал баллистических и крылатых ракет, бомбардировщиков, подводных лодок, радаров и разведывательных спутников, патрульных судов, с тем чтобы максимально затруднить операции внутри первой линии островов. Также он работает над противоспутниковым и кибер- оружием для того чтобы нарушить работу коммуникационных систем, на которые опираются ВС США¹⁴. Рост таких возможностей будет означать ограничение маневренности иностранных вооруженных сил в Азии (прежде всего, США и Японии) и приведет к изменению стратегической ситуации в регионе.

С целью реагирования на AA/AD возможности Вашингтон принял концепцию Объединенного оперативного доступа, позволяющую достичь военного превосходства одновременно в разных областях (не

⁷ The China syndrome. The economist. 09.06.2012.

⁸ Накаяма Тосихиро. Обама дайторё-но котоба.

(<http://www.yomiuri.co.jp/dy/features/INSIDEOBAMASSPEECHES/pdf/130106.pdf>).

⁹ Pivot to the Pacific? Obama administration's 'rebalancing' toward Asia. CRS report for congress. 28.03.2012. Congressional research service, p. 4 (www.fas.org).

¹⁰ India and the idea of the Indo-Pacific. // East Asia forum. 20.10.2012.

¹¹ Yamaguchi Noboru. America's "Return" to Asia Requires Japan's Strategic response. AJISS commentary. 25.04.2012. #147(www.jiia.or.jp/en_commentary/201204/25-1.html).

¹² Sustaining US global leadership: priorities for 21 century defense. January 2012, p. 2.

¹³ Первая островная линия идет от Курильских островов через Японию, Тайвань, Филиппины до о-ва Калимантан, вторая островная линия проходит к северу от о-вов Бонин, на юг через Марианские острова, Гуам и Каролинские острова.

¹⁴ The China syndrome. 9.06.2012. The economist(The Economist.com/node/21556587).

только в воздухе, на море, на суше, но и в кибер-пространстве и в космосе) для обеспечения свободы действий при выполнении миссии.¹⁵

В новых условиях повышенного внимания к региону со стороны США нагрузка на традиционные союзы возрастает, особенно на союз с Японией, который является основным элементом поддержания стабильности в Азии. Задачи работы по укреплению альянсов заключаются в следующем: поддерживать политический консенсус относительно целей альянсов; обеспечивать их гибкость и способность адаптироваться, с тем чтобы реагировать на новые вызовы и использовать новые возможности; гарантировать, что оборонные возможности и коммуникационная инфраструктура альянсов операционно и материально способна сдерживать провокации со стороны всего спектра государств и негосударственных акторов¹⁶.

По мнению эксперта Совета по международным отношениям США, в ближайшее время Японии и США следует предметно обсудить роли, миссии и возможности альянса. При этом приоритетными миссиями являются развитие системы противоракетной обороны, обеспечение безопасности морской деятельности, а также сотрудничество в сфере борьбы с гуманитарными и природными катастрофами. Необходима большая интегрированность вооруженных сил обеих стран, особенно в свете укрепления сотрудничества по ПРО и по обеспечению безопасности на море. Очевидно, что в новой стратегической среде американо-японский альянс должен стать более эффективным инструментом формирования будущего Азии.¹⁷

Эволюция японо-американского военно-политического союза

Японо-американский альянс давно вышел за рамки «узкой» задачи обеспечения безопасности Японии. Сегодня он не только играет роль гаранта стабильности в Восточной Азии, но и является «общественным достоянием», с глобальной сферой стратегических интересов, включающих помимо вопросов традиционной безопасности такие направления, как борьба с международным терроризмом, распространением оружия массового уничтожения, борьба со стихийными бедствиями.

Знаковыми событиями с точки зрения понимания новой роли альянса стали пересмотр Руководящих принципов оборонного сотрудничества

¹⁵ Подробнее см.: Joint operational access concept. 17.01.2012. Department of defense.

¹⁶ H. Clinton. America's Pacific Century. The future of politics will be decided in Asia, not Afghanistan or Iraq, and the United States will be right at the center of the action. // Foreign policy. November 2011.

¹⁷ S. A. Smith. A strategy for the U.S.-Japan alliance. Policy innovation memorandum No. 19. April 2012— Council on foreign relations(www.cfr.org).

1997 г., обозначивший обязательства союза в деле поддержания региональной безопасности, а также отправка сил самообороны в Индийский океан, свидетельствовавшая о том, что союз выполняет глобальные обязательства в сфере безопасности. Укрепление японо-американского сотрудничества в сфере обороны в результате осуществления миссий в Афганистане и Ираке заложило основы для дальнейших инициатив, выводящих двусторонние отношения в сфере безопасности на новый уровень в контексте региональной и глобальной безопасности. Основным итогом этих инициатив стало укрепление стратегических отношений, в частности, в плане сочетания стратегических целей двух государств и укрепления оперативной совместимости вооруженных сил в мирное время и во время военных ситуаций. Повышение уровня отношений в сфере оборонного сотрудничества усилило переход от регионального к глобальному измерению, охватывающему широкий круг деятельности и миссий¹⁸.

Так, в 2005 г. стороны впервые приняли программный документ под названием Общие стратегические цели, обозначивший широкую сферу совместных интересов не только в АТР, но и в мире. Происходит укрепление механизма координации и взаимодействия между вооруженными силами двух стран. Например, функции военного командования Первого корпуса Армии США (силы быстрого развертывания, географическая сфера действия которых охватывает район АТР и Ближнего Востока) были перенесены из США в Кэмп Зама, префектуру Канагава. Значение этого шага заключалось в том, чтобы сделать Японию передовым командным постом для глобального проецирования американской военной силы. США использовали базы в Японии для направления вооруженных сил в районы, географически не входящие в территорию действия Договора безопасности (например, для участия в войне в Ираке). Таким образом, происходило дальнейшее укрепление оперативной совместимости между США и Японией¹⁹.

На американской базе ВВС Ёкока, куда было перенесено командование воздушными силами самообороны, развернут центр координации совместными операциями, позволяющий наладить тесное взаимодействие в сфере противовоздушной и противоракетной обороны Японии и США. В рамках создания ПРО театра военных действий на четырех японских эсминцах установлены противоракетные системы «Иджис», оснащенные ракетами-перехватчиками SM-3, на территории страны

¹⁸ B. Singh. Japan's Security Identity. From a Peace-State to an International-State. 2013, Palgrave, p. 126.

¹⁹ Ch. Hughes. Japan's remilitarisation. 2009, London, p. 92.

размещено 16 противоракетных комплексов РАС-3, а также элементы системы раннего предупреждения²⁰.

Одновременно с расширением зоны совместных интересов происходит усложнение функций японских сил самообороны. Они состоят не только в защите территории страны от нападения, но и включают участие в миротворческих операциях, операциях по восстановлению, ликвидации последствий гуманитарных катастроф и стихийных бедствий. Международная деятельность является одной из приоритетных миссий сил самообороны. Они принимают участие в операциях, проходящих за пределами Японии, в различных уголках мира. Процесс глобализации и расширения содержания их миссий не только способствует изменению их восприятия в мире и регионе, размыванию запретов времен «холодной войны», связанных с их деятельностью, но и обогащает опытом практического функционирования в различных ситуациях.

Японо-американский союз сегодня представляет собой не только сложный механизм взаимодействия в различных ситуациях, но и несет определенную идейно-ценностную нагрузку. В частности, в Белой книге по обороне утверждается, что «японо-американский альянс играет все более важную роль в продвижении общих фундаментальных ценностей в международном сообществе, таких как демократия, верховенство закона, уважение к правам человека и экономика капиталистического типа»²¹.

Безусловно, альянс движется в сторону большей интегрированности. В то же время стоит отметить, что исторически этот процесс всегда был обусловлен не только логикой поддержания стабильных тесных отношений, но и стремлением обезопасить себя от рисков, проистекающих из самого существования союза. Рассматривая японо-американские отношения через призму теории союзов, можно говорить о существовании дилеммы безопасности, которая заключается в балансировании между двумя состояниями – отчуждения, или риска быть «покинутым» или «брошенным на произвол судьбы» более сильным союзником, и принуждения, или риска быть втянутым в военные действия, ведущиеся союзником (abandonment/entrapment).

Япония применяет ряд тактических приемов, направленных на хеджирование рисков, связанных с альянсом. Примерами этого является, в частности, расплывчатость формулировок, касающихся «чрезвычайных ситуаций» в районах, прилегающих к Японии, использование конституционного запрета на коллективную самооборону, стремление сохранить независимость основных военных мощностей и т. д.²²

²⁰ Japan shows off its missile-defense system//The Wall street journal.09.12.2012.

²¹ Defense of Japan Tokyo. 2012, p. 220.

²² C. W. Hughes, A. Fukushima. U.S.-Japan security relations. Toward bilateralism plus? P. 76–77 // Beyond bilateralism. U.S.-Japan relations in the new Asia-Pacific. E. S. Krauss, T. J. Pempel eds.. Stanford, 2004.

Учитывая осознание Японией важного значения альянса, а также принимаемые ею шаги, направленные на укрепление альянса, наиболее вероятный сценарий дилеммы безопасности для Японии заключается во втягивании (принуждении к участию) в региональную и глобальную военную стратегию США. В то же время, дилемма отчуждения/принуждения становится все более актуальной в условиях, когда угрозы безопасности Японии в регионе возрастают, а относительное влияние страны в Азии уменьшается²³.

ДПЯ и проблемы японо-американских отношений

Япония стала первой страной, которую Б.Обама посетил в ходе азиатского турне в 2009 г. Выступая в Сантори-холле, американский президент заявил, что как Азиатско-Тихоокеанская страна, США намерены участвовать в обсуждении будущего региона, а также в процессе учреждения и становления региональных организаций²⁴. В частности, он подчеркнул, что США намерены укрепить старые союзы и построить новые партнерства с государствами региона. Однако в тот период времени Вашингтон не был готов серьезно заниматься проблемами Азии, так как его внимание было сосредоточено на операциях в Ираке и Афганистане, а также на налаживании стратегических отношений с Россией²⁵. Кроме того, азиатская политика Б. Обамы подверглась серьезным испытаниям в результате исторической смены власти в Японии.

Начало работы нового президента США по времени почти совпало с началом правления Демократической партии Японии (ДПЯ). Правительство, возглавляемое лидером ДПЯ Ю. Хатояма, обозначило желание добиваться для Японии равноправия в рамках союза с США. Символом равноправия должны были стать такие решения, как завершение дозправочной миссии сил самообороны в Индийском океане, намерение придать огласке секретные соглашения 1960-х годов о транзите ядерного оружия через японскую территорию, а также пересмотр договоренности о переносе авиабазы Корпуса морской пехоты США Футэмма из г. Гинован в г. Наго в префектуре Окинава. Если первое решение было воспринято в Вашингтоне спокойно, то дискуссия о местонахождении базы из технического вопроса переросла в серьезную проблему, заслонившую собой остальные темы военного сотрудничества и негативно сказавшуюся на состоянии двусторонних отношений в целом.

²³ M. Green. The Democratic Party of Japan and the future of the U.S.-Japan alliance//The Journal of Japanese studies. Vol. 37, №1. Winter 2011, p. 103.

²⁴ Remarks by president Barack Obama at Suntory Hall (<http://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-president-barack-obama-suntory-hal>).

²⁵ Моримото Сатоси. Бэйкоку-но Адзиа дзюси сэйсаку то нитибэй домэй. (Политика США в Азии и японо-американский союз) // Кокусай мондай, №609, март 2012, стр. 38.

Кроме того, провозглашенные демократами принципы предполагали отказ от непубличных договоренностей и перевод всей политики в сфере военной безопасности в плоскость публичных и юридически безупречных документов. Если ранее деликатные вопросы военного и военно-технического сотрудничества с США можно было регулировать в непубличном формате, то теперь любые договоренности между союзниками стали требовать соответствующего публично-правового оформления²⁶.

Больше публичности получил и процесс рассмотрения бюджета на обеспечение американских военных сил на территории Японии. Ранее формирование и одобрение бюджета представляло собой административные функции, выполняемые Министерством финансов и в основном невидимые для широкой публики. С 2009 г. ДПЯ решила повысить прозрачность принятия бюджета, что означало, что расходы, в том числе и оборонные, стали предметом широкого внимания и тщательного обсуждения. Это затруднило процесс принятия финансовых решений, снизило скорость их принятия, а также вызвало ненужный ажиотаж в СМИ. Неудивительно, что и обсуждение вопроса расходов на содержание ВС США в связи с необходимостью перезаключения Соглашения о финансовой поддержке принимающей стороны (Host nation support) на территории Японии стало предметом жарких дебатов в обществе. Забегая вперед, следует отметить, что хотя в январе 2011 г. было подписано новое пятилетнее соглашение, сохранившее уровень прежней финансовой поддержки, аналитики уверены, что если бы не кризис, связанный с действиями Китая в сентябре 2010 г., финансовая поддержка почти наверняка была бы значительно урезана²⁷.

С недоумением в Вашингтоне было воспринято намерение Ю. Хатоямы продвигать идеи создания Восточноазиатского сообщества и сближения с Китаем в противовес США. Если в преддверии прихода ДПЯ к власти Вашингтон был готов проявить терпение и понимание, то вскоре новая политика демократов стала фактором, затрудняющим осуществление эффективного военно-политического взаимодействия.

Во время визита Б. Обамы в Токио в ноябре 2009 г. Ю. Хатояма предложил начать консультации по углублению альянса в преддверии 50-летия Договора безопасности. Он выдвинул идею укрепления сотрудничества не только в сфере традиционной безопасности, но и в таких областях, как предотвращение стихийных бедствий, охрана окружающей

среды и т. д. Однако в связи с отсутствием прогресса в переговорах по поводу переноса базы Футэмма американская сторона отказалась проводить такие консультации. В годовщину подписания Договора безопасности в январе 2010 г. стороны даже не приняли совместного заявления на высшем уровне, ограничившись заявлением Консультативного комитета. Напряженность удалось снять только в феврале 2010 г., когда между министрами иностранных дел двух стран была достигнута договоренность о начале консультаций с целью корректировки Договора безопасности²⁸.

Политические изменения, произошедшие в Токио, не только усугубили противостояние по поводу базы Футэмма, но и отложили процесс двустороннего оборонного планирования. В условиях динамично меняющейся обстановки в Восточной Азии предметное обсуждение направлений военного сотрудничества между главными союзниками в регионе значительно запаздывало.

Не сумев найти альтернативу плану переноса базы Футэмма, Ю. Хатояма был вынужден признать существующее соглашение 2006 г. Неспособность выполнить предвыборные обещания стала одной из причин его отставки. Тем не менее, инициированный Ю. Хатоямой ажиотаж вокруг проблемы до сих пор не позволяет добиться реализации существующего соглашения. Сложившаяся ситуация дала повод некоторым аналитикам сделать далеко идущие выводы о том, что Футэмма стала предвестником растущей непредсказуемости Японии.²⁹

Пришедшему на смену Ю. Хатояме Н. Кан удалось несколько снизить градус напряженности в двусторонних отношениях. Его попытки сгладить ситуацию вокруг базы Футэмма, а также «отыграть назад» попытку поворота в сторону Китая были положительно оценены в Вашингтоне. Однако наиболее остро необходимость опираться на союз с США в Японии осознали после инцидента вокруг островов Сэнкаку в сентябре 2010 г., повлекшего за собой неожиданно жесткую реакцию Пекина. В условиях произошедшего кризиса госсекретарь Х. Клинтон оперативно выразила поддержку японской стороны, заявив, что Договор безопасности распространяется на спорные острова. С этого момента Токио «вернулся» в накатанную колею японо-американских отношений. Уже на встрече в ноябре 2010 г. Б. Обама пригласил своего японского коллегу в Вашингтон для принятия совместного заявления, посвященного видению альянса в XXI в.

В силу объективных причин визиту Н. Кан не было суждено состояться, что, однако, не означало паузы в двусторонних отношениях. Напротив,

²⁶ Стрельцов Д. В. Новые моменты в развитии японо-американского военно-политического союза, Ежегодник . Япония 2012. М. 2012, стр. 77.

²⁷ E. Heginbotham, E. Ratner, R. J. Samuels, Tokyo's transformation // Foreign affairs. Sept/Oct 2011, p. 144–145.

²⁸ Шлындов А. В., Тебин Н. П. Преемственность политики новой администрации в сфере безопасности // Япония после смены власти 2011, с. 163.

²⁹ E. Heginbotham ... Ibid. P. 144

после трагических событий 11 марта 2011 г. состояние отношений улучшилось. Моральная и материальная поддержка, оказанная США, а также совместная операция «Друзья», в ходе которой американские вооруженные силы под командованием сил самообороны осуществляли операции по поиску и спасению жертв землетрясения и цунами, а также по ликвидации последствий тройного бедствия, стали наглядным доказательством важности японо-американского союза для безопасности и восстановления Японии.

В июне 2011 г. состоялось обстоятельное обсуждение направлений военного сотрудничества в рамках Японо-американского консультативного комитета по вопросам безопасности (2+2). Стороны приняли третий вариант Общих стратегических целей (ОСЦ), в котором были отражены новые приоритеты сотрудничества в контексте меняющейся обстановки в АТР, с учетом выхода Четырехлетнего обзора по обороне в Вашингтоне и принятия Основных направлений программы национальной обороны в Японии на период с 2011 г.

В новом документе сделан акцент на дальнейшем развитии сотрудничества с союзниками и партнерами США в регионе, с прицелом на формирование новых мини-многосторонних механизмов. В частности, речь идет о трехстороннем диалоге в сфере безопасности и обороны не только с Австралией, но и с Южной Кореей. На определенном этапе японо-корейские отношения в сфере безопасности развивались достаточно динамично. В июне 2012 г. США, Япония и Корея приняли участие в совместных морских учениях. Летом того же года планировалось подписание важных документов в военной сфере – Соглашения о безопасности военной информации и Соглашения о взаимных поставках и техническом обслуживании. Ранее такие соглашения существовали у Японии только с США и Австралией. Однако подписание этих документов в последний момент сорвалось в связи с обострением в отношениях, связанным с территориальным спором вокруг островов Такэсима. Исторические и территориальные вопросы продолжают препятствовать налаживанию полноценного сотрудничества между двумя ближайшими союзниками США в регионе. На сегодняшний день перед Токио остро стоит задача нормализации отношений с Сеулом. Еще одним форматом, предложенным в ОСЦ 2011 г., является налаживание трехстороннего диалога США–Япония–Индия. Сотрудничество на этом направлении продвигается вполне успешно. Первый раунд трехстороннего диалога состоялся в декабре 2011 г., и с тех пор было проведено три встречи подобного характера.

Новым элементом нынешних ОСЦ является намерение укреплять сотрудничество между США, Японией и АСЕАН в сфере безопасности.

Таким образом, если американское «перебалансирование» предполагает большее внимание к Юго-Восточной Азии, то и Япония вслед за союзником корректирует свои приоритеты. Она активно участвует в военных учениях в ЮВА, в том числе в сфере ликвидации последствий стихийных бедствий, эвакуации населения, оказания гуманитарного содействия. Также Япония использует стратегическую официальную помощь развитию (ОПР) как инструмент содействия АСЕАН. По линии ОПР Япония планирует предоставить патрульные суда Филиппинам, оспаривающим с Китаем территории в Южно-Китайском Море. Совместные военные учения и стратегическая ОПР, в том числе в виде поставок оборудования, укрепляющего потенциал морских держав, будут составлять основу политики в отношении АСЕАН в контексте укрепления региональной безопасности. Таким образом, Япония способствует поддержанию американского военного присутствия в регионе, помогая союзникам и партнерам США в АТР укреплять свои позиции.

Новой перспективной областью японо-американского взаимодействия является сотрудничество в сфере космоса и кибербезопасности. С учетом растущих возможностей Китая в этих областях и в свете американской военной концепции Объединенного оперативного доступа можно предположить, что необходимость такого сотрудничества во многом продиктована угрозой, исходящей от Китая. В марте 2013 г. стороны провели первый комплексный диалог по космосу, а в мае состоялся первый диалог по вопросам безопасности кибер-пространства.

Следует также отметить взаимодействие сторон в сфере борьбы с нетрадиционными вызовами безопасности. Опыт совместных действий по борьбе с последствиями цунами в Индийском океане в 2004 г., а также операция «Друзья» после тройного бедствия в Японии показали, что стороны обладают ресурсами, знаниями и операционными возможностями реагировать на крупномасштабные стихийные бедствия³⁰. Токио и Вашингтон обозначили намерение значительно усилить это направление двустороннего сотрудничества, в том числе с помощью создания в Японии логистического узла по сотрудничеству в сфере борьбы со стихийными бедствиями и по гуманитарному содействию. Это будет способствовать закреплению за Японией роли регионального лидера в деле борьбы со стихийными бедствиями и оказания гуманитарного содействия. Одновременно повысится значение альянса как провайдера нетрадиционной безопасности в регионе, что немаловажно с точки зрения долгосрочной перспективы американского присутствия в регионе.

Развитие двусторонних отношений в период нахождения у власти Ё. Нода подтверждало то, что они вернулись в нормальную колею. Это

³⁰ Ryo Sahashi. New common strategic objectives for the US-Japan alliance. Continuing quiet transformation // East-west center (<http://www.eastwestcenter.org/sites/default/files/private/apb125.pdf>).

значило, говоря словами американского ученого Т. Пемпела, что проблемы альянса решались в основном чиновниками среднего звена по обе стороны Тихого океана. Решения, как правило, представляли собой результат особых договоренностей функционального характера, которые позволяли отделять проблемы друг от друга и заключать конкретные сделки по принципу *ad hoc*. После каждый такой сделки, равно как и в моменты внешних кризисов, угрожающих одной из сторон, правительство проводило ритуальный обмен широко освещаемых в прессе заверений во всеобъемлющем характере и неизменности взаимных обязательств³¹.

В феврале 2012 г. Вашингтон и Токио договорились разделить вопрос переноса авиабазы Футэмма и вопрос передислокации ВС США на Гуам. Это позволило сдвинуть с мертвой точки процесс реформирования американского присутствия в западной части Тихого океана. В заявлении Консультативного комитета от 27 апреля 2012 г. министры подтвердили значимость скорректированного плана передислокации американских войск. В апреле 2012 г. впервые со времени прихода Ю. Хатомы состоялся визит главы японского государства в США, где лидеры наконец обнародовали совместное заявление «Общее видение альянса в XXI в.». В нем стороны вновь подчеркнули важность альянса для обеспечения безопасности Японии а также для обеспечения мира, безопасности и экономического процветания в АТР. Лидеры подтвердили намерение расширять двустороннее сотрудничество в сфере безопасности и обороны на основании концепции динамической обороны и перебалансирования США в Азии, подчеркнув важность плана передислокации американских войск для повышения способности отвечать на чрезвычайные ситуации в регионе. Таким образом, процесс управления альянсом, несколько нарушенный с приходом к власти Ю. Хатояма, был восстановлен к концу периода пребывания демократов у власти. Об этом свидетельствовало не только содержание новых двусторонних документов, но и словесные оценки, которыми обменялись лидеры во время саммита. Ё. Нода констатировал, что союз достиг новых высот, а Б. Обама подчеркнул, что его японскому коллеге удалось оживить альянс³².

Период пребывания у власти Демократической партии Японии с точки зрения развития японо-американского союза можно оценивать неоднозначно. С одной стороны, на первоначальном этапе ряд инициатив

³¹ T. J. Pempel. Challenges to bilateralism. Changing foes, capital flows, and complex forums // E. Krauss, T. J. Pempel. Eds. Beyond bilateralism. U.S.-Japan relations in the new Asia-Pacific. 2004. Stanford, P. 11.

³² Remarks by President Obama and Prime Minister Noda of Japan at Joint Press Conference. 30.04.2012 (<http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2012/04/30/remarks-president-obama-and-prime-minister-noda-japan-joint-press-confer>).

японской стороны создал негативный фон, препятствующий плодотворному обсуждению ролей и миссий альянса в меняющейся региональной обстановке. С другой стороны, проблемы, с которыми столкнулись демократы, еще раз подтвердили безальтернативность опоры на США в условиях обострения северокорейской и китайской угрозы. В целом же пребывание ДПЯ у власти продемонстрировало преемственность японской политики в сфере безопасности и практически отсутствие разногласий между ЛДП и ДПЯ в вопросах, касающихся японо-американского союза.

Тем не менее, многочисленные проблемы, с которыми сталкивается Япония в последнее время, заставили некоторых аналитиков весьма скептически оценивать перспективы развития двустороннего сотрудничества. Так, по мнению М. Грина, если смена режима в Японии обозначает новую траекторию японской внешней политики или наступление эпохи политической неразберихи и «дрейфа», то стратегические последствия для США и всего мира будут глубокими³³. Р. Сэмьюэлс приходит к выводу о том, что хотя обеспечение функционирования японо-американского альянса остается главной задачей, Вашингтону следует быть готовым более тесно работать с другими партнерами в регионе³⁴.

Неутешительный диагноз ставят альянсу и эксперты Центра стратегических и международных исследований в докладе «Американо-японский альянс: закрепляя стабильность в Азии», выпущенном в августе 2012 г. Этот доклад, также известный как Доклад Ная-Армтейджа, по имени руководителей проекта профессора Дж. Ная и бывшего заместителя госсекретаря США Р. Армтейджа, третий из серии докладов Центра, посвященных японо-американским отношениям (предыдущие были выпущены в 2000 г. и 2007 г., а доклад 2000 г. фактически лег в основу японского направления внешней политики Дж. Буша, поскольку его авторы вошли в состав республиканской администрации). Доклады Ная-Армтейджа традиционно привлекают пристальное внимание политиков и ученых по обе стороны океана.

Американские эксперты констатируют, что «здоровье и благополучие одного из наиболее важных альянсов в мире находится под угрозой». При этом основная ответственность за это лежит на Японии. Для того, чтобы поддерживать существование альянса, США и Япония должны участвовать в нем как страны «первого уровня». Страна первого уровня «обладает значительным экономическим весом, боеспособными воо-

³³ M. Green. The Democratic Party of Japan and the future of the U.S.-Japan alliance // The Journal of Japanese studies. Vol. 37, No. 1. Winter 2011, p. 103.

³⁴ Eric Heginbotham, ... Ibid. P. 139.

руженными силами, глобальным видением, и проявляет лидерские качества в решении международных проблем». И если в отношении статуса США сомнений нет, то Япония, по мнению авторов доклада, находится перед выбором – продолжать оставаться страной «первого уровня» или позволить себе опуститься до «второго уровня». Важность этого выбора определяется в том числе изменениями стратегической среды, окружающей Японию. В условиях динамических перемен в АТР у Японии может больше не оказаться возможности определять судьбу региона³⁵.

Какие рекомендации даны Японии, если она пожелает остаться на первом уровне? Это возобновление атомной энергетики, активное вовлечение в многонациональные операции по борьбе с терроризмом, охране морских перевозок в Персидском заливе, обеспечению свободы морских линий коммуникаций, а также борьба с угрозами миру в регионе. Это присоединение к переговорам по ТТП, нормализация отношений с республикой Корея, участие в региональных форумах и в диалоге с демократическими партнерами, особенно Австралией, Индией, Филиппинами и Тайванем.

Особый акцент авторы доклада делают на пересмотре ролей, миссий и способностей. Япония должна расширить спектр своей ответственности, включая оборону Японии и оборону совместно с США во время чрезвычайных ситуаций в регионе. Альянс требует более масштабных, общих и взаимосвязанных мощностей в сфере разведки, наблюдения и сбора информации и операций, выходящих за рамки японской территории³⁶. С учетом времени выхода доклада можно предположить, что адресован он был прежде всего японской стороне, а авторы доклада обозначили болевые точки, на которые следовало бы обратить внимание следующему японскому лидеру.

Абэ Синдзо: возвращение Японии

В декабре 2012 г. в Японии прошли выборы, на которых победила Либерал-демократическая партия, возглавляемая бывшим премьер-министром С. Абэ. Возвращение С. Абэ, последовательного сторонника повышения военной роли Японии, было воспринято в Вашингтоне положительно. В то же время, националистические высказывания Абэ и членов его кабинета способны были подлить масла в огонь и так непростых отношений Токио с Сеулом и Пекином. В Вашингтоне задавались вопросом, сможет ли новый премьер-министр увести внешнюю

³⁵ The U.S.-Japan Alliance: Anchoring stability in Asia. A report of the CSIS Japan chair. August 2012. Center for Strategic and International Studies, p. 15.

³⁶ Ibid, p. 16.

политику от спорных региональных вопросов, которые могут навредить американским интересам³⁷.

Выступая перед парламентом в начале 2013 г., премьер-министр заявил, что «во время визита в США намерен продемонстрировать населению Японии и всего мира, что японо-американский альянс восстановлен»³⁸.

Находясь в Вашингтоне, С. Абэ выступил в Центре стратегических исследований. Обращаясь к уже упомянутому докладу Ная и Армитаджа, премьер-министр заявил: Япония не является и никогда не будет страной «второго уровня». По словам премьер-министра, «Япония возвращается». По мнению С. Абэ, миссия «сильной Японии» в контексте поддержания региональной безопасности должна состоять в следующем. Во-первых, в то время как Азиатско-Тихоокеанский регион, или даже, по выражению С. Абэ, Индо-Тихоокеанский регион, демонстрирует высокий уровень благосостояния, Япония будет продвигать правила деятельности в регионе, например, в сфере торговли, инвестиций, интеллектуальной собственности, труда, окружающей среды и т. д. Во-вторых, Япония должна выступать гарантом общих благ, доступных для всех, таких как выгода от морской деятельности. В-третьих, Японии следует более тесно работать с США, республикой Корея, Австралией и другими демократическими государствами региона, придерживающимися схожих взглядов³⁹. Таким образом, премьер-министр определил новые роли Японии в регионе – защитник правил, гарант общественных благ, эффективный союзник и партнер США и других демократических стран. Слова С. Абэ можно рассматривать как попытку выработать видение региональной роли Японии в контексте возвращения США в Азию. Однако в связи с нестабильной политической картиной в Японии нет гарантий того, что ему хватит времени на посту главы государства для осуществления этого видения.

Следует отметить, что в своих речах С. Абэ начал активно использовать понятие «Индо-Тихоокеанский регион», тем самым еще раз подчеркивая общее с Вашингтоном стратегическое видение региона, а также возвращаясь к выдвинутой им еще в 2007 г. идеи «Расширенной Азии» (*Какудай Адзиа*)⁴⁰. По словам премьер-министра, в условиях, когда внимание США переключается на регион слияния двух океанов –

³⁷ Pivot to the Pacific? The Obama administration's "rebalancing" toward Asia. CRS Report for congress. 28.03.2012, p. 4 (www.fas.org/sgp/crs/natsec/R42448.pdf).

³⁸ Выступление премьер-министра С. Абэ на 183 сессии парламента. 28.01.2013, (www.kantei.go.jp).

³⁹ Japan is back. Speech by Shinzo Abe. 22.02.2013 (http://www.mofa.go.jp/announce/pm/abe/us_20130222en.html).

⁴⁰ Слияние двух морей. Выступление премьер-министра С. Абэ в парламенте Индии. 22.08.2007 (http://www.mofa.go.jp/mofaj/press/enzetsu/19/eabe_0822.html).

Индийского и Тихого, японо-американский союз приобретает как никогда важное значение.

В рамках Индо-тихоокеанского региона С.Абэ выдвинул достаточно спорную геостратегическую концепцию. Ее сущность состоит в том, чтобы сформировать «Ромб безопасности», углами которого будут Австралия, Индия, Япония и штат Гавайи, с тем чтобы охранять общее морское пространство, простирающееся от Индийского океана до западной части Тихого океана»⁴¹. Концепция прежде всего направлена на сдерживание Китая, якобы стремящегося превратить ЮКМ в «Пекинское озеро». Тема морской активности Китая присутствовала в повестке дня встреч премьер-министра и министра иностранных дел с представителями Юго-Восточной и Южной Азии. Проводя параллели между конфликтами в Южно-Китайском море и территориальным спором в Восточно-Китайском море, Япония пытается заручиться поддержкой заинтересованных стран в политическом противостоянии Пекину. Такой подход нового главы государства, а также результаты серии визитов премьер-министра и министра иностранных дел в страны ЮВА в январе 2013 г., позволили аналитикам сделать вывод о том, что Япония начинает свой «поворот на юг», который направлен на обновление отношений в сфере обороны со старыми партнерами с целью сдерживания поведения Китая⁴².

Однако, как справедливо отмечает японский ученый Х. Сато, в существующей сейчас стратегической обстановке в АТР перспектив для реализации концепции «ромба безопасности» не видно. В то же время существует вероятность того, что она может вынудить другие страны предпринимать меры по сохранению равновесия и будет иметь результатом обеспокоенность соседних стран по поводу замыслов Японии⁴³.

Представляется, что возросшая региональная роль Японии в контексте американского «перебалансирования» будет приветствоваться США, однако только в той мере, в какой она не антагонизирует Китай. Очевидно, что для успешной реализации своего курса Вашингтону невыгодно осложнять отношения с Пекином. Впечатление, что «перебалансирование» ставит целью сдерживание Китая, несет потенциальные риски экономическим интересам США, для которых КНР – второй по объемам торговый партнер, третий по масштабу рынок экспорта и

⁴¹ Abe Shinzo. Asia's democratic security diamond. Project –syndicate. 27.12.2012, (<http://www.project-syndicate.org/commentary/a-strategic-alliance-for-japan-and-india-by-shinzo-abe>).

⁴² Japan pivots south, with eye on China. R. Heydarian. 26.01.2013 (<http://www.atimes.com/atimes/Japan/OA26Dh01.html>).

⁴³ Сато Хэйго. Японские геополитические концепции: значение концепции «бриллианта безопасности»//Япония наших дней. №1 (15), 2013, с. 106.

крупнейший иностранный держатель американского государственного долга⁴⁴.

Политика США в отношении Китая строится не только на его «огораживании», но и на «вовлечении», и поддержание конструктивных отношений с Пекином является первостепенной задачей Вашингтона. Обострение отношений между Японией и Китаем может нанести вред американской политике, проводимой в русле «возвращения в Азию». Вопрос об островах Сэнкаку из элемента укрепления альянса может перейти в элемент дестабилизации. Вашингтон стремится избежать ситуации, в которой ему пришлось бы задействовать свои обязательства по договору безопасности. Как отмечает японский профессор Ё. Сато, исходя из понимания, что Япония несет основную ответственность за оборону своих территорий, США могут воспользоваться этим, чтобы избежать конфронтации с Китаем. Это в свою очередь подорвет репутацию не только японо-американского союза, но и других союзов США в мире⁴⁵.

Несмотря на то, что США неоднократно повторяли, что договор безопасности распространяется на острова Сэнкаку, они никогда не обсуждали вопрос суверенитета этих территорий. Вашингтон стремится дистанцироваться от территориальных споров в Азии и призывает Японию и Китай проявлять сдержанность в этом вопросе. Таким образом, обостряя ситуацию вокруг Сэнкаку, Япония рискует ошибиться относительно намерений не только Китая, но и США⁴⁶.

Возможная негативная реакция Китая является также тем фактором, который заставляет США осторожно относиться и к инициативам С. Абэ в оборонной политике. Среди этих инициатив – снятие конституционного запрета на коллективную самооборону, принятие постоянно действующего закона о направлении сил самообороны за рубеж, а также намерение наращивать военные расходы. Придя к власти, премьер-министр возобновил изучение доклада о возможности применения права на коллективную самооборону, подготовленного комиссией еще во времена его первого премьерского срока.

Реализация права на коллективную самооборону, безусловно, приветствовалась бы американцами, поскольку позволила бы Японии стать более интегрированным элементом американской военной стратегии в регионе. Вашингтон опасается, что запрет на осуществление коллек-

⁴⁴ Pivot to the Pacific? The Obama administration's "rebalancing" toward Asia. CRS Report for congress. 28.03.2012, p. 8 (www.fas.org/sgp/crs/natsec/R42448.pdf).

⁴⁵ Japan frets over U.S. support over China disputes. 14.09.2012// The Time US (<http://nation.time.com/2012/09/14/84857/>).

⁴⁶ Is the U.S. Committed to Defend the Senkakus? Text of Article 5 of the U.S.-Japan Treaty. Forbes. 23.09.2012 (<http://www.forbes.com/sites/stephenharner/2012/09/23/is-the-u-s-committed-to-defend-the-senkakus-text-of-article-5-of-the-u-s-japan-treaty/2/>).

тивной самообороны может стать фактором пассивности Токио в деле коллективных форматов безопасности в АТР, на которые США стали делать ставку в контексте военного подъема Китая⁴⁷.

Сегодня перспектива признания права на коллективную самооборону не кажется столь невероятной, как еще два десятилетия назад. Возрастающий реализм во внешней политике и внимание к военной силе в условиях обострения региональных угроз создают благоприятную среду для подобных изменений. По мнению Д. Арасэ, институциональные и нормативные препятствия на пути изменений (в оборонной политике) были настолько выхолащены, что значительного внешнего кризиса в сфере безопасности будет достаточно для того, чтобы чаша весов опустилась в сторону пересмотра 9 статьи конституции⁴⁸.

Признание такого права будет означать, что наряду с «нормализацией» своего международного статуса Япония возьмет на себя больший риск быть вовлеченной в военные кампании Вашингтона и снизит возможности хеджирования рисков в рамках двустороннего союза. В то же время, более сильная в военном отношении Япония может стать в определенной степени дестабилизирующим элементом в регионе. Например, профессор Дж. Айкенберри сомневается, не приведет ли это к расшатыванию того порядка, который США пытаются сохранить. По мнению Айкенберри, равноправный альянс обязательно сделает Японию более заметным и активным игроком в сфере безопасности в регионе, но вопрос заключается в том, можно ли этого добиться без создания новых дилемм безопасности и провоцирования гонки вооружений в регионе, особенно в отношении Китая⁴⁹.

В контексте «возвращения США в Азию» большое значение имеют экономические аспекты, хотя в основном они остаются за рамками данной статьи. Вашингтон рассчитывает на присоединение Японии к Транстихоокеанскому партнерству, предполагающему создание зоны свободной торговли в Азии. Формирование ТТП позволит укрепить экономические позиции Вашингтона, создав альтернативу планам Китая по расширению зоны свободной торговли в регионе без участия США. О намерении участвовать в переговорах американцам заявил еще Ё. Нода, однако в силу неоднозначности этого проекта для японских интересов ему не удалось добиться конкретного решения о присоединении к переговорам. Итогом американского визита С. Абэ стало совместное

заявление, в котором стороны внесли ясность в вопрос о переговорах по ТТП. Было согласовано, что решения по особо чувствительным группам товаров (для Японии это прежде всего продукция сельскохозяйственного сектора) будут приняты в ходе самих переговоров, а не как условие присоединения к ним. Это позволило С. Абэ подтвердить приверженность предвыборной позиции ЛДП, которая заключалась в том, что Япония не присоединится к переговорам, если для этого потребуется отменить тарифы для всех видов продукции без исключения. В то же время это заявление открыло дорогу к решению Японии присоединиться к переговорам по ТТП, о чем С. Абэ объявил в марте 2013 г.

На сегодняшний день задачи региональной политики безопасности Токио заключаются в следующем. Япония намерена поддерживать оборонные возможности, а также вносить вклад в обеспечение региональной безопасности посредством углубления и развития японо-американского союза. В частности, речь идет о совместном планировании в сфере обороны Японии и ситуациях в районах вокруг Японии, противоракетной обороне, а также новых областях – космосе и кибербезопасности. Помимо этого, Япония намерена поддерживать стабильное расположение ВС США на своей территории, обеспечивать региональный потенциал сдерживания и активно работать на благо мира и безопасности в регионе в партнерстве с США⁵⁰.

В настоящий момент перед сторонами стоит задача выработки новых программных документов в оборонной сфере. Во время визита в Вашингтон Абэ подчеркнул, что японская сторона хотела бы начать пересмотр Руководящих принципов оборонного сотрудничества, с учетом меняющейся обстановки в сфере безопасности⁵¹.

В военном плане «возвращение США в Азию» будет поддерживаться концепцией «динамической обороны», выдвинутой в Основных направлениях Программы национальной обороны. Эта концепция, предполагающая обладание компактными, но гибкими и мобильными силами, направленная на укрепление юго-западных районов страны, будет иметь важное значение для американских операций, которые делают акцент на АА/АД возможности против соперников. Если Япония создаст небольшие, но надежные силы для защиты территориальных вод, воздушного пространства и островов, она поможет США в преодолении АА/АД препятствий в западной части Тихого океана⁵².

⁴⁷ Стрельцов Д. В. Ук.соч. с. 78.

⁴⁸ Arase David. Japanese security policy. From soft to hard power, P. 54//The US-Japan alliance. Balancing soft and hard power in east Asia. D.Arased and T.Akaha eds.. 2010. Routledge.

⁴⁹ G. John Ikenberry. America in East Asia. Power, markets, and grand strategy// Beyond bilateralism. E. Krauss, T. J. Pempel ed. U.S.-Japan relations in the new Asia-Pacific. 2004, Stanford, p. 53.

⁵⁰ Гайко сэйсё. Голубая книга по дипломатии Японии, Токио, 2012, р. 7.

⁵¹ Japan-U.S. summit meeting.22.02.2013
(http://www.mofa.go.jp/region/n-america/us/pmv_1302/130222_01.html).

⁵² Yamaguchi Noboru. America's "return to Asia" requires Japan's strategic response. 25.04.2012. AJISS commentary. No.147 (www.jiia.or.jp/en_commentary/201204/25-1.html).

Роль Японии в регионе в контексте возвращения США в Азию заключается не только в совершенствовании вооруженных сил с тем чтобы привести свою национальную оборонную стратегию в соответствие с американской. По мнению С. Абэ, японо-американский союз должен создать сеть, достаточно широкую для обеспечения безопасности и процветания в районе двух океанов. Поэтому связи между Японией и другими союзниками и партнерами США будут приобретать большее значение для Японии. С. Абэ подчеркнул, что Япония намерена укреплять связи с морскими державами Азии. Кроме того, в центре внимания Японии будет соблюдение гарантий того, что моря находятся под управлением закона, а не силы. В этой связи американское перебалансирование в АТР особенно приветствуется в Токио⁵³. Гарантом соблюдения верховенства закона в регионе Япония считает США. Таким образом, решение проблем безопасности и поддержание порядка в Индо-тихоокеанском регионе мыслится Токио в рамках японо-американского союза безопасности.

Заключение

Возвращение США в Азию означает, что роль Японии в обеспечении региональной безопасности в рамках союза будет возрастать. Наряду с трансформацией своей оборонной стратегии, ознаменовавшей переход к динамичной обороне, Япония намерена наращивать потенциал реагирования на чрезвычайные ситуации, относящиеся к так называемой «серой зоне» между состоянием мира и военными действиями. Внимание будет уделено возможностям в сфере разведки, наблюдения и сбора информации. Повышение уровня координации между подразделениями сил самообороны, а также улучшения оперативного взаимодействия с ВС США является важной задачей диалога в сфере безопасности между Токио и Вашингтоном. Следует ожидать очередных инициатив, касающихся сотрудничества в таких сравнительно новых сферах, как кибер-пространство и космос.

Кроме того, вклад Японии в региональную безопасность заключается в интенсификации сотрудничества с партнерами США по региону. В частности, об этом свидетельствует усилившееся внимание к военному взаимодействию со странами ЮВА, использование стратегической ОПП для укрепления потенциала морских стран региона. Ожидается также интенсификация сотрудничества с Индией. Налаживание тесных контактов с американскими союзниками по региону приобретает большее значение. Токио намерен активно участвовать в стратегии США по

созданию мини-многосторонних форматов сотрудничества в сфере безопасности. Однако если отношения с Австралией развиваются довольно успешно, то взаимодействие с Южной Кореей по-прежнему страдает из-за территориального спора.

Сегодня перед Токио стоит задача снизить градус напряженности в отношениях с Сеулом. Территориальные противоречия мешают созданию трехстороннего диалога между союзниками, препятствуют осуществлению американского курса на «перебалансирование». В то же время и состояние отношений с Китаем в определенной степени становится элементом, идущим в разрез с политикой США в регионе. Если на определенном этапе кризис вокруг островов Сэнкаку способствовал сближению Токио и Вашингтона и отказу демократов от стратегического выбора в пользу Китая в ущерб отношениям с США, то сегодня ситуация выглядит несколько иначе. Дальнейшая эскалация напряженности может дестабилизировать обстановку в регионе и нанести вред американскому курсу на окружение и вовлечение КНР.

Помимо вызовов структурного характера, связанных с необходимостью приспосабливаться к стремительно меняющейся стратегической обстановке в АТР, Япония сталкивается с вызовами внутреннего характера. Они заключаются в необходимости укрепления стабильности политической жизни страны, а также преодолении кризисных явлений в экономике, что будет влиять как на позиции Японии в регионе, так и на ее отношения в рамках альянса. Постоянная смена премьер-министров, продолжающаяся после ухода Дз.Коидзуми, затрудняет осуществление долгосрочного планирования между Токио и Вашингтоном, особенно в то время, когда США ищет надежных партнеров в деле осуществления стратегии «перебалансирования в Азию».

⁵³ The bounty of the open seas. Five principle for Japanese diplomacy.18.01.2013. – http://www.mofa.go.jp/announce/pm/abe/abe_0118e.html

ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ ЯПОНИИ: АФГАНСКИЙ ФАКТОР

Настоящая глава посвящена месту Афганистана в решении общего «евразийского уравнения» японской дипломатии. В ней затрагивается период наиболее активной, по мнению автора, выработки концептуального стратегического курса по отношению к региону, когда были заложены принципы взаимоотношений.

Япония является одной из ведущих стран-доноров официальной помощи развитию (ОПР) в Афганистане. Развертывание этой помощи приходится на период после террористических актов 11 сентября 2001 г. в США, когда Япония стала сотрудничать с Международными силами по содействию безопасности – коалицией, возглавляемой НАТО. Однако дипломатический интерес официального Токио к Афганистану проявился несколькими годами ранее с провозглашением евразийской дипломатии Хасимото Рютаро, которая вводила в японский дипломатический дискурс понятие Великого шелкового пути (ВШП) в отношении стран Центральной Азии¹. Параллельно с активизацией двусторонних связей Японией были инициированы и многосторонние международные проекты, касающиеся Афганистана, в которых японские высокопоставленные лица играли ведущую роль.

Центральные вопросы японской дипломатии на этом направлении можно сформулировать следующим образом: насколько стоит рассматривать афганское направление внешней политики Токио как часть оборонного договора с Вашингтоном в формате разделения ответственности; насколько эта линия самостоятельно сформирована японским внешне-

политическим истеблишментом в рамках евразийского видения; можно ли говорить о наличии и последовательности последнего? Как совмещается подход японского правительства к данной проблеме с общей региональной стратегией? Какую роль играет личный фактор в формировании японской дипломатии на афганском направлении?

Актуальность данной работы состоит в освещении формирующихся внутриазиатских отношений, которые можно рассматривать как по линии Север–Юг, так и Восток–Юг, учитывая особое положение Японии как третьей экономики мира и постиндустриальной державы, одновременно позиционирующей себя как одного из лидеров Азии и спонсоров международного развития. Афганистан и Центральная Азия в последние годы рассматриваются как объект соперничества великих держав в рамках так называемой «новой Большой игры»²: Китайской Народной Республики (КНР), Российской Федерации, США и др., которые борются за ресурсы региона и влияние на его страны. Вместе с тем, такой подход представляется несколько ограниченным и некорректным, поскольку он искусственно принижает роль самих стран Центральной Азии, рассматривая их преимущественно как объекты влияния, а не действующие лица, пусть и с меньшим внешнеполитическим потенциалом. По мнению автора статьи, значение самостоятельного курса стран Центральной Азии, особенно таких ключевых игроков, как Узбекистан, не следует недооценивать в анализе японской дипломатии ВШП.

Дипломатическая стратегия и международная безопасность: интерес Токио к Афганистану

Афганистан не входит в традиционный периметр «жесткой» безопасности непосредственно для Японии, то есть в Большую Восточную Азию. В официальных документах японского Министерства обороны он фигурирует, прежде всего, в рамках сотрудничества Японии с США и американскими партнерами по НАТО. Повышение внимания Касумигасэки к Центральной Азии в целом, которое можно датировать 1997–1998 гг., происходит примерно через год-два после установления движением «Талибан» контроля над афганской столицей Кабулом и провозглашения временного правительства осенью 1996 г.

Этот скачок интереса можно обозначить на примере двух инициатив: «Евразийской дипломатии со стороны Тихого океана» Р. Хасимото

¹ В речи Хасимото о Евразийской дипломатии не содержится прямого упоминания Афганистана, хотя говорится о мерах по поддержанию мира и стабильности в регионе Великого шелкового пути (в данном случае постсоветские Центральная Азия и Кавказ), что косвенно подразумевает связь с Афганистаном, учитывая фактическое установление правления Талибана на момент выступления Хасимото.

² Проводится аналогия с соперничеством Российской и Британской империй в Центральной Азии во второй половине XIX в., называвшимся «Большая игра». Японскими дипломатами, например, Кавато Акио и др., неоднократно высказывалась позиция, согласно которой Японии следует быть беспристрастным посредником и не участвовать никоим образом в подобных геополитических маневрах.

и запуска проекта Центральноазиатского сотрудничества (ЦАРЭС) со стороны Азиатского банка развития (АБР) и конкретно его тогдашнего главы Тино Тадао. Многие годы он является одной из центральных фигур, которые способствуют росту интереса Японии к постсоветской Центральной Азии. Обе линии, как это будет показано далее, свидетельствуют о достаточно автономном и долгосрочном евразийском курсе Токио. Он развивался иногда с традиционной оглядкой на старшего партнера по договору о безопасности, а иногда и служил примером для США, успешных за прошедшее десятилетие сменить несколько концепций в регионе: от Большой Центральной Азии через объединение Центральной Азии с Южной, придя к риторике о необходимости нового Шелкового пути.

Однако важно проследить развитие афганской дипломатии Токио, зафиксировать ее специфику в разные периоды и по возможности соотнести с изменением концепций безопасности. Таких временных отрезков в данном контексте предлагается выделить два: во-первых, постепенное начало с 1997 по 2001 г., то есть до трагических событий в США; во-вторых, полномасштабная активизация с 2001 по 2007 гг., то есть во время тесного сотрудничества правительств Либерально-демократической партии Японии (ЛДП), с США и НАТО в Афганистане.

Начнем с упомянутых внешнеполитических доктрин. Концепция Хасимото 1997 г.³ была во многом реакцией на развертывание евразийской дипломатии со стороны стран Северо-атлантического договора на постсоветском пространстве после окончания холодной войны, а также на рост могущества Китая.

Афганистан в этой речи не был упомянут: премьер формулировал новый подход прежде всего к России, Китаю и региону Великого шелкового пути, который в данном случае включал в себя новые независимые государства Центральной Азии и Кавказа. Однако с учетом процессов, развернувшихся в Центральной Азии за последующее время (так называемой «Новой большой игры» великих держав за природные ресурсы региона и диверсификацию путей их экспорта) стало возрастать значение Афганистана как важного элемента мозаики «нового Шелкового пути», где роль шелка взяли на себя углеводороды и другие полезные ископаемые, в частности, металлы⁴. При этом фактическим автором концепции являлся видный дипломат Того Кадзухико, на тот момент генеральный директор департамента японского МИДа по делам Европы и Океании, в конце 1990-х и начале 2000-х активно продвигавший идеи евразийской дипломатии в министерстве.

³ <http://www.kantei.go.jp/foreign/0731douyukai.html>

⁴ Kent E. Calder. The New Continentalism. Energy and Twenty-First-Century Eurasian Geopolitics. Yale University Press, 2012. P. 1–3.

Концепция «Дуга свободы и процветания» Асо Таро, посещавшего регион в рамках официальных делегаций как раз на рубеже веков⁵, уже четко фиксирует важность Афганистана. Фактическим автором этой концепции является Яти Сётаро, бывший первым заместителем министра иностранных дел в 2005–2008 гг., а на момент написания данной статьи считающийся ключевым советником премьера Абэ по внешней политике. Он подчеркивал важность не только самостоятельного курса Японии в Евразии, но и сотрудничества с НАТО, одной из составляющих которого было развитие связей с Кабулом.

Если сравнивать эти две концепции, то следует указать, что «Евразийская дипломатия» Хасимото имела по сути субрегиональный масштаб, выделяя конкретно Россию, Китай и постсоветские страны ВШП как перспективных для новых партнеров. Будучи, с одной стороны, реакцией на евразийскую дипломатию со стороны Атлантики, концепция вместе с тем появилась не только на критической точке взлёта Китая, но и незадолго до смены внешнеполитической доктрины в России, в частности, объявления Е. М. Примаковым курса на сближение с Китаем и Индией.

«Дуга процветания и стабильности» в этом смысле затрагивала гораздо больше регионов Евразии, имела идеологическое наполнение, постулируя цели демократизации, позиционируя Японию не столько как самостоятельного игрока со стороны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), сколько участника западного альянса. Появившись спустя десятилетие после «Евразийской дипломатии» и, соответственно, на момент явного выхода КНР на первые роли в международной политике «Дуга» выражала посыл сдерживания Китая и отчасти России, реагируя на укрепление их сотрудничества в рамках ШОС⁶. Характерно что, «шанхайская пятерка» – предшественник ШОС – оформилась в 1996 г., а в 2001 г. стала организацией в своем современном виде. 2005–2006 годы

⁵ Непосредственный опыт посещения чиновником региона имеет особое значение в случае Японии, где частые ротации и карьерные предпочтения дипломатов в пользу работы с западными странами отрицательно отражаются на экспертной и бюрократической «институциональной памяти» в отношении стран Южной, Западной и Центральной Азии.

⁶ Япония проявляла интерес к работе ШОС и некоторые японские исследователи, например, Ивасита Акихиро, призывали не сводить отношение к ШОС к алармизму, а занять конструктивную позицию и добиться статуса наблюдателя. Однако консервативный взгляд на ШОС как источник «закрытого регионализма» возобладал, чему явно способствовал отказ России и Китая в перспективе от японского членства, выдвинутого президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым. (см.: Timothy Craig. The Shanghai Cooperation Organisation : Origins and Implications // Monterey, Naval Postgraduate College, 2003. P. 43). Цитируется по: Kent E. Calder. The New Continentalism. Energy and Twenty-First-Century Eurasian Geopolitics. Yale University Press, 2012. P. 225.

– время появления «Дуги свободы и процветания» -- обозначили своего рода пик напряженности между членами ШОС и НАТО. Узбекистан сближается с ШОС после жесткой реакции западных стран на андижанские события 2005 г., а государства ШОС принимают заявление, направленное против размещения американских баз в регионе. Тогда же, по инициативе Ташкента, закрывается военная база США в Ханабаде. Японское же содействие войскам западной коалиции в Афганистане приобретает не только финансовый характер. Коидзуми направляет в Индийский океан дозправочную миссию Морских сил самообороны для поддержки военных кораблей ISAF⁷.

Восстановление Афганистана стало одной из центральных тем форума Центральная Азия+Япония, начавшего действовать в 2004 г. по инициативе министра иностранных дел Кавагути Ёрико и включавшего, впрочем нерегулярно, афганских высокопоставленных лиц в качестве гостей. Афганская «глава» дипломатии Коидзуми стала, таким образом, энергичным ответом на угрозы глобальной безопасности и международного терроризма в Центральной Азии, более критически настроенной к Западу.

Кроме того, в 2007 г. в «афганское уравнение» японской дипломатии косвенно попадает Австралия, как отмечает японский исследователь Юаса Такэси. Премьеры двух стран подписывают совместную декларацию по сотрудничеству в области безопасности, включающее в себя элементы трехстороннего партнерства с США и распространяющееся за пределы АТР. Примечательно, что с 2007 г. контингент австралийских военнослужащих в Афганистане становится крупнейшим среди стран, не являющихся членами НАТО. В том же году Абэ укрепляет отношения с Индией – одним из ключевых заинтересованных игроков в Центральной Азии⁸. Таким образом, Токио хеджирует угрозы безопасности с помощью союзов с соседними по региону державами. Примечательно, что по возвращении в 2012 г. Абэ к власти сохранился ориентир на партнерства, созданные в его первое премьерство. Контуры «демократического алмаза безопасности» – новой дипломатической концепции премьера – включили в себя Австралию, Индию и США⁹.

⁷ Показательно что японские моряки служили там до прихода в 2009 г. к власти первого кабинета Демократической партии Японии (ДПЯ) под руководством Хатояма Юкио, настроенного на пересмотр отношений с США в пользу большей самостоятельности Токио. Считая в традиционном для ДПЯ идеологическом ключе, что Япония должна играть в Афганистане роль более гражданскую, чем военную. Хатояма свернул миссию, однако компенсировал этот ход выделением дополнительного пакета финансирования Афганистану в 5 млрд. долл.

⁸ Юаса Такэси. Выступление в Международном университете Японии, Токио. 5 июня 2013 г.

⁹ Shinzo Abe. Asia's Democratic Security Diamond // www.project-syndicate.org/commentary/a-strategic-alliance-for-japan-and-india-by-shinzo-abe

Не последнюю роль в анализе смены внешнеполитических концепций играло и фракционное измерение в ЛДП. Так, Хасимото, выдвигавший идею «Евразийской дипломатии», возглавлял фракцию Хэйсэй Кэнкюкай, более дружественную по отношению к Пекину, нежели к Тайбэю, чем можно объяснить настрой курса Хасимото скорее на вовлечение Китая, чем на сдерживание. Выходцем из фракции Хасимото был также его преемник К. Обути, совершивший летом 1997 г. визит в составе делегации из 60 человек во все постсоветские республики региона, кроме Таджикистана, тогда затронутого гражданской войной. Став премьером, Обути продолжил линию Хасимото¹⁰ до того, как его сменил Мори Ёсиро, приведя к власти свою фракцию.

«Дуга» была предложена министром иностранных дел Асо Таро во время премьерства преемника Коидзуми – Абэ Синдзо. Оба бывших премьера принадлежали к фракции Сэйва Сэйсаку Кэнкюкай, тогда возглавляемой Мори Ёсиро (считающейся умеренно националистической и неоконсервативной), основанной прадедом Абэ – Киси Нобусукэ. Она – имела более тесные связи с Тайванем, нежели с материковым Китаем.

Таким образом «Дуга» явилась выражением опасений в отношении подъема КНР и выражением курса ЛДП на укрепление японо-американского союза. Когда же кабинет Асо сменился правительством Фукуда Ясуо, настроенного к Китаю более дружелюбно, хотя и тоже являвшегося членом фракции Мори, канула в лету и концепция «Дуги».

Во время правления Демократической партии Японии среди сотрудников МИДа больше бытовало упоминание «Дуги мира и процветания»¹¹. В замене «свободы» на «мир» можно было усмотреть как раз замиренные меры синофильского истеблишмента ДПЯ по минимизации раздражения со стороны Пекина. В определенном смысле смену курса по отношению к региону можно объяснить и фактором фракционного соперничества.

В случае с Афганистаном основными парадигмами безопасности, в рамках которых официальный Токио формулировал свой внешнеполитический курс по отношению к этой стране, являлись концепции «глобальной безопасности» (global security), «человеческой безопасности» (human security) и «безопасности корней травы» (grass root security). Иначе говоря, на повестке дня японо-афганских отношений стоит гуманитарная поддержка, борьба с бедностью и другими явлениями,

¹⁰ Kawato Akio. What is Japan up to in Central Asia? // Len, Christopher, Tomohiko Uyama, and Tetsuya Hirose, eds. Japan's Silk Road Diplomacy: Paving the Road Ahead, Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2008. P.18 // http://www.isdp.eu/images/stories/isdp-main-pdf/2008_len-et-al-eds_japans-silk-road-diplomacy.pdf

¹¹ Интервью с сотрудником японского МИД, март 2012 г., Токио.

дающими почву для международного терроризма, развитие инфраструктуры и другое содействие, оказываемое Японией как вклад ответственного члена международного сообщества в дело мира и стабильности. В этой связи основную «ткань» двусторонних отношений составляет предоставляемая Японией финансовая помощь, причем в рамках масштабных региональных проектов, выходящих за рамки непосредственно одной страны, что объединяет Афганистан с его постсоветскими соседями.

Японская чековая книжка для Центральной Азии: инструмент влияния или фактор безопасности?

Кратко опишем японскую ОПР в Афганистане. В период с 1979 г. по 2013 г., в эту центральноазиатскую страну было вложено около 5,3 млрд. долл. из которых львиная доля – приблизительно 4,8 млрд. долл. или 90% – пришлось на время после терактов 11 сентября 2001 г.¹² Еще 3 млрд. долл. Япония запланировала выделить Кабулу в течение пяти лет с 2012 г.

В бюджете Японского агентства по международному сотрудничеству (JICA) на 2011 фин. г. Афганистан занимает второе место по объему помощи (19,2 млрд. иен, или 231,4 млн. долл. по курсу на соответствующую дату) в регионе Южной Азии после Шри-Ланки, несколько обгоняя Пакистан¹³. Объем ОПР, выделенный Японией Афганистану в 2000-е годы (около 4,8 млрд. долл.), сравним с финансовой помощью КНР – одному из основных получателей японской помощи, причем с учетом того, что ОПР Кабулу состоит из безвозмездных грантов и технического сотрудничества, тогда как в ОПР Китаю преобладают льготные кредиты¹⁴.

С одной стороны, это естественно, принимая во внимания очевидную разницу в кредитоспособности этих государств, с другой стороны, лишний раз подчеркивает важность Афганистана в дипломатической повестке дня Токио. Кроме того, знаковые международные конференции по помощи Афганистану тоже проходили по инициативе Токио, в частности в 2002 г. и в 2012 г.¹⁵ Вместе с тем, доля японской ОПР в

общем объеме международной помощи Афганистану в 2000-х гг. варьировалась между 3-й и 5-й позициями, неизменно пропуская вперед США, Великобританию, Канаду и Германию¹⁶. Таким образом, Япония для Афганистана донор хотя и важный, но не первостепенно.

При этом стоит обратить внимание, что во внутренней номенклатуре японского правительства региональная принадлежность Афганистана меняется от ведомства к ведомству. Так, на сайте МИДа страна относится к Ближнему Востоку, на сайте JICA попадает в Южную Азию, а на сайте библиотеки JICA становится частью Восточной и Южной Азии. Дело обстоит сходным образом и с бывшими советскими республиками Центральной Азии, которые входят в Европу в типологии японского МИДа и в Центральную Азию и Кавказ по классификации JICA. Далеко идущие выводы на основании этой информации не представляются возможными. Однако нельзя исключать отголоски такой характеристики японской внешней политики, отмечаемой аналитиками, как недостаточность межведомственной координации различных частей правительства, по крайней мере в том, что касается единого регионального стратегического видения.

Вместе с тем налицо разнородность проблематики Афганистана и постсоветских центральноазиатских республик, с вытекающей трудностью географического районирования. Несмотря на географическую и культурную близость, Афганистан с 30-летней историей гражданской войны представляет собой одно из «несостоявшихся государств» мира с потребностью в решении базовых нужд, тогда как его соседи из бывшего СССР – переходные экономики, большинство из которых обладает богатыми природными ресурсами и сильным государственным режимом¹⁷.

В современном японском научном обороте, употребляемом в отношении политической географии Центральной Азии, чаще, чем в других странах, фигурирует субрегион Центральная Евразия, куда попадает

¹⁶ Ёнэда Хироси. Сусуму тую адзия то но дзай. Бунка корю то кокусай кёрёку // Хиросима: Кэйсуйся, 2012. С. 250–251.

¹⁷ Речь здесь, прежде всего, о Казахстане, Туркменистане и Узбекистане. Таджикистан иногда тоже причисляли к несостоявшимся государствам ввиду хрупкости внутренней стабильности и региональной клановости, фактически перевешивающей реальные полномочия центральных властей, однако по сравнению с периодом после окончания гражданской войны в конце 1990-х гг., ситуация стабилизировалась. Киргизия очевидно более стабильна, чем Таджикистан, обладает меньшими запасами природных богатств, чем соседи, однако прошла через две революционные смены правления. Угроза исламского фундаментализма является предметом озабоченности прежде всего стран, граничащих друг с другом в Ферганской долине: Киргизии, Таджикистана и Узбекистана.

¹² http://www.mofa.go.jp/region/middle_e/afghanistan/pdfs/japan_assistance.pdf (последние обращения к этой и всем последующим интернет-ссылкам датируются 2 июня 2013 г.)

¹³ JICA Annual Report 2012, p. 36. <http://www.jica.go.jp/english/publications/reports/annual/2012/c8h0vm00002qe6vj-att/all.pdf>

¹⁴ Ковригин Е. Б. Китайско-японские отношения через призму официальной помощи развитию (ОПР) в 1980–2000-х годах // Япония. Ежегодник. 2012. М., 2012. С. 98.

¹⁵ Tokyo Conference on Afghanistan. The Tokyo Declaration. Partnership for Self-Reliance in Afghanistan. From Transition to Transformation. July 8, 2012 // http://www.mofa.go.jp/region/middle_e/afghanistan/tokyo_conference_2012/tokyo_declaration_en1.html

северная часть Афганистана¹⁸. Вместе с тем стоит отметить, что в академическом обороте последний всплеск современного интереса к Великому Шелковому пути можно отнести еще к концу 1980-х годов, когда этому региону были посвящены масштабные проекты ЮНЕСКО с активным участием Японии и выпущен знаменитый цикл телепередач по каналу NHK. В частности, ученые из университета Сока (Хатиодзи, Токио) и Центра по изучению ВШП (Камакура) были вовлечены в археологические исследования в Сурхандарьинской области на юге Узбекистана¹⁹, некогда входившего наряду с северными областями Афганистана в Кушанскую империю, считающуюся одним из «ретрансляторов» буддизма на Дальний Восток.

Буддийское наследие в Афганистане имело важное значение и для японо-афганских отношений. Токио продолжал направлять финансовую помощь в страну и после прихода талибов к власти. Однако в марте 2001 г. японские парламентарии пригрозили прекратить финансовую поддержку Афганистана в случае исполнения талибами планов по разрушению двух древних буддийских статуй в Бамияне. Надо сказать, что кнут в ход пошел после пряника: японская сторона предлагала различные решения проблемы, вплоть до вывоза статуй в Японию. Неизвестно, как ситуация могла повернуться после того, как памятники в итоге были разрушены²⁰. Тем более, что Талибан и до этого делал жесткие заявления – например, потребовав закрыть представительство ООН, после чего заместитель генсека ООН Осима Кэндзо предупредил о надвигающейся гуманитарной катастрофе, усугубляемой гражданской войной и засухой. Однако в апреле 2001 г. премьером Японии стал Коидзуми Дзюнъитиро, который взял четкий курс на поддержку операций НАТО и США в Афганистане после терактов в Нью-Йорке, в том числе с помощью финансового содействия.

¹⁸ Например, соответствующие центры университетов Васэда // http://www.kikou.waseda.ac.jp/WSD322_open.php?Kikoid=01&KenkyujoId=5P&kbn=0, Хоккайдо // <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/casia/>; Токийского университета // <http://www.l.u-tokyo.ac.jp/tokyo-ias/centraleurasia/ceurasia/>

¹⁹ Речь идет, в частности, о городище Дальверзинтала, находящемся на территории древних государств региона – Согдианы и Кушанского царства. Исследование роли ВШП в формировании истоков японского буддизма, является предметом гуманитарного сотрудничества Узбекистана и Афганистана как с обществом Сока Гаккай, так и с партией Новая Комэйто. Глава Сока Гаккай Интернешнл Икэда Дайсаку даже стал почетным гражданином узбекского города Навои // <http://www.silkway.uz/religii>

<http://www.sgi.org/news/events/events2007/events070922.html>

²⁰ Впоследствии афганское правительство заказало известному японскому световому художнику Ямагата Хиро проект по воссозданию изображений статуй с помощью лазерных систем, однако он пока находится в стадии рассмотрения // <http://world.time.com/2011/03/02/afghanistans-buddhas-can-be-rebuilt-but-should-they/> Российскому читателю Ямагата может быть известен по лазерному шоу по случаю 300-летия Санкт-Петербурга.

Проект ЦАРЭС формально берет свое начало в 1996 г., когда банк одобрил идею технического содействия для развития экономического сотрудничества в Центральной Азии, в частности между Казахстаном, Киргизией, Синьцзян-Уйгурским автономным округом КНР и Узбекистаном, к которым в 1998 г. присоединяется Таджикистан. Таким образом расширяется география организации до почти полного охвата постсоветской Центральной Азии. Туркменистан при Сапармурате Ниязове твердо держат курс на нейтралитет и неучастие в блоках. Однако постоянную институциональную форму программа получает в 2000 г., когда основывается секретариат ЦАРЭС. В 2001 г. в Маниле (где располагается штаб-квартира АБР) происходит первая встреча высокопоставленных чиновников стран-участниц, а в 2002 г. в филиппинской столице встречаются уже министры, и оформляются полноформатные институциональные рамки²¹.

Афганистан входит в проект только в 2005 г. – спустя год после создания форума «Центральная Азия + Япония» и начала участия Афганистана в саммитах ШОС. Однако очевидно, что задачи, поставленные перед ЦАРЭС в данном контексте, не могли решаться без учета афганского вопроса как в плане безопасности (Афганистан граничит с Туркменистаном, Узбекистаном, Таджикистаном и Китаем), так и в плане проложения транспортных коммуникаций на юг к Персидскому заливу. Дело в том, что ключевые транспортные и инфраструктурные проекты, осуществленные на территории центральноазиатских республик, являются частью Северной распределительной сети, снабжающей международные силы в Афганистане.

Примерами таких коммуникаций в Узбекистане являются, в частности, участки железной дороги Ташкент-Термез (в частности, отрезки Мараканд-Карши, Карши-Ташгузар-Кумкурган-Термез), профинансированные ИСА и АБР²². В сооружении железнодорожной ветки принимала участие компания «Мицуи», бывшая флагманом японских компаний и основным подрядчиком для выполнения работ в рамках японской ОПР в Узбекистане с объявления независимости страны до середины-конца нулевых годов нового века²³. Железную дорогу, соединяющую Термез

²¹ CAREC Timeline1996–2012// <http://www.carecprogram.org/uploads/docs/CAREC-Timeline-1996-2012.pdf>

²² ADB and JICA sign Uzbekistan electrification loans. 01 March 2012// <http://www.railway-gazette.com/news/projects-infrastructure/single-view/view/adb-and-jica-sign-uzbekistan-electrification-loans.html>

²³ Вовлеченность в коррупционный скандал вокруг ОПР с депутатом Судзуки Мунэо, с одной стороны, и постепенно ухудшающийся деловой климат Узбекистана, сводящий деловые операции к проектам ОПР, вынудили «Мицуи» практически свернуть свое присутствие к

с афганским Мазари-Шарифом, Узбекистан построил уже на деньги США²⁴.

Пограничные коммуникации, соединяющие Таджикистан и Афганистан, являются объектом сотрудничества нескольких сторон. На данный момент через реку Пяндж построено пять мостов, из которых четыре находятся со стороны Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана и построены с помощью Фонда Ага-хана, с которым тесно сотрудничает ЛСА. Пятый мост построен на средства США, тогда как Япония спонсировала автодорогу, соединяющую этот мост с городом Дусти. Глава Афганистана Хамид Карзай объявил о намерении сократить время прохождения грузов из Ташкента в порты Ирана и Пакистана за счет улучшенной афганской инфраструктуры²⁵.

Третьей постсоветской республикой, граничащей с Афганистаном, является Туркменистан, однако в его случае трансграничные инфраструктурные проекты только начинаются. В 1997 г. ЛСА выделяло порядка 45 млн. долл. на общую модернизацию туркменских железных дорог. Однако учитывая нейтралитет республики и неучастие ее в коалициях и блоках при С. Ниязове, об участии в афганских делах речи не шло. Однако весной 2013 г. президент Гурбангулы Бердымухаммедов вместе со своими афганским и таджикским визави объявил о постройке дороги Таджикистан-Афганистан-Туркменистан (соединяющей туркменский Акмурад и афганский Андхой), к финансированию которой были приглашены как Япония, так и АБР, наряду с Исламским банком развития²⁶.

В самом Афганистане ЛСА и АБР реализовали проекты по реконструкции международного аэропорта Кабула, основным автодорогам, включая национальную кольцевую автодорогу и секцию Кабул-Джалалабад, относящуюся к автостраде, соединяющей Афганистан с Пакистаном и развиваемой с помощью АБР. Отдельно стоит упомянуть развитие дорог и местных аэропортов в уже упоминавшейся провинции Бамиян²⁷.

Важность ЦАРЭС в контексте японской дипломатии ВШП объясняется рядом факторов. Первый из этих аспектов – институционально-личный. Как известно, банк был основан в рамках решения вопроса выплаты

послевоенных репараций со стороны Японии пострадавшим государствам Азии, в частности Юго-Восточной, с которой в 1970-е гг. у Японии наметилось сближение (в частности, в рамках так называемой «доктрины Фукуда»). На протяжении всей истории банка Япония играла в нем ключевую роль как основной акционер, все его директора были японцами (как правило, выходцами из Министерства финансов).

В 1999 г. в зачаточной стадии развития ЦАРЭС, директором АБР становится Тино Тадао – центральная фигура в центральноазиатской ОПР Японии с начала 1990-х годов и до нулевых годов XXI в. Личность Тино примечательна, поскольку первые контакты с постсоветскими республиками региона и, в частности Узбекистаном, проходили с его участием. В итоге во многом благодаря ему и во время его работы в Министерстве финансов и АБР Япония стала одним из ключевых доноров ВШП, а его коллеги-единомышленники по министерству финансов, стали занимать ключевые посты, связанные с регионом²⁸. Так, во время своих ранних визитов в Ташкент Тино сумел наладить доверительные отношения с президентом Узбекистана Исламом Каримовым. Этот факт важен, во-первых, тем, что несмотря на ранг заместителя министра, Тино регулярно удостоивался аудиенции у главы государства, что в условиях постсоветских республик с сильной президентской властью является залогом успешных контактов, а, во-вторых, помогло Тино впоследствии в развитии проектов АБР, когда он стал его главой.

Следует помнить, что Узбекистан является одной из амбициозных стран региона – наиболее населенной (на Узбекистан фактически приходится половина всего центральноазиатского населения), с развитым ресурсным и промышленным потенциалом, а также единственной страной, граничащей со всеми другими центральноазиатскими государствами, включая Афганистан, на севере которого проживает многочисленная узбекская община. И вместе с тем эти амбиции и стратегическое географическое положение стали для Ташкента мотивацией для давления на соседей и частой конфронтации с ними. В этом свете справедливым будет предположить, что личный контакт Тино с узбекским лидером был для проектов АБР как нельзя кстати.

Несомненно, здесь встает теоретический вопрос о понятии акторства и возможности отождествления конкретных действующих лиц с продви-

началу 2010-х гг. (см.: Интервью с бывшим сотрудником Министерства финансов, интервью с сотрудниками японского МИДа).

²⁴ <http://www.fergananews.com/articles/3233>

²⁵ Afghanistan-Tajikistan: New bridge to provide key economic link// <http://www.irinnews.org/report/28681/afghanistan-tajikistan-new-bridge-to-provide-key-economic-link>

²⁶ Afghan, Tajik, Turkmen heads seek loans for regional railway// <http://uk.reuters.com/article/2013/03/20/turkmenistan-railway-idUKL6N0CCEMK20130320>

²⁷ Japan's Assistance in Afghanistan: Towards Self-Reliance// http://www.mofa.go.jp/region/middle_e/afghanistan/pdfs/japan_assistance.pdf

²⁸ Например, коллега Тино, Накаяма Кёко, была послом Японии в Узбекистане в период с 1999 г. по 2002 г. Ее институциональная принадлежность к финансовой бюрократии, проактивная заинтересованность в развитии сотрудничества с Центральной Азией и личные контакты с депутатами парламента способствовали укреплению отношений между Японией и регионом. Накаяма была членом фракции Сэйва Сэйсаку Кэнкюкай, а ее муж, Накаяма Нариаки, занимал должность генерального секретаря этой ключевой фракции, вернувшей себе лидерство во время прихода к власти Ё. Мори в 2000 г.

жением национальных интересов Японии. Формально на Тино и его коллег-финансистов не была возложена дипломатическая миссия. Внешней политикой в Японии ведает непосредственно МИД, контроль которого над проектами JICA в 1990-е был сильнее по сравнению с современной ситуацией, а АБР – многосторонняя организация, занимающаяся борьбой с бедностью. Можно ли в таком случае считать проводниками японских интересов Тино и подобных ему сотрудников японского Министерства финансов, нередко имеющих как общие «alma mater», определенный профессиональный этос экономиста, так и послужной список в международных финансовых организациях (Бреттонвудские институты, АБР, Европейский банк реконструкции и развития)? О подотчетности МИДа, тем более в случае с АБР, говорить нельзя.

Однако традиционно вопросы финансовой помощи для Японии являлись прагматическим инструментом внешней политики, в чем Токио в конце 1980-х годов стали упрекать другие западные страны, впрочем, со спорным моральным правом на такую критику. Помимо того, очевидна роль Министерства финансов, поскольку последнее слово в выделении бюджета за ним, и межведомственные конфликты по этим вопросам проявлялись с самого начала японской «дипломатии чековой книжки» – с вопросов помощи Индонезии и другим странам Юго-Восточной Азии в 1960-е гг.

У этой межведомственной взаимосвязи есть и обратная сторона, а именно, уже упоминавшаяся нерегулярная скоординированность между различными министерствами японского кабинета. Так, бывший посол в Узбекистане Кавато Акио, пришедший на смену Накаяма Кёко, в своей статье о японской дипломатии ВШП²⁹ прямо указывает, что наличие у его предшественницы связей в Министерстве финансов и парламенте значительно облегчало ей работу в посольстве, в частности, в получении одобрения бюджетов, тогда как ему, кадровому дипломату из МИДа, приходилось прилагать дополнительные усилия.

Вместе с тем здесь стоит особенно выделить фактор мотивации «группы Тино»³⁰ в развитии отношений. Как отмечают в интервью коллеги и соратники Тино, помимо государственных соображений, ими двигали во многом личные симпатии к понравившемуся региону, ока-

завшемуся «дальним родственником» для японской цивилизации. Эти симпатии, трансформировавшиеся в добровольное лоббирование (в положительном смысле этого термина), стали залогом долгосрочной устойчивости каналов получения помощи для Центральной Азии.

Помимо описанного личностно-институционального фактора в политике японской ОНР в Центральной Азии, важен и второй фактор – идеологический. АБР – банк, помогающий правительствам стран-реципиентов финансировать социальную и государственную инфраструктуру, а также не ставящий вопрос выделения средств в зависимости от качества реформ, проводимых правительством. Это отличает его например, от Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР) или Всемирного банка, которые больше занимаются частным сектором, а также выдвигают требования по курсу реформ, которые необходимо проводить в стране-получателе помощи. Кроме того, упомянутые японские государственные финансисты (Тино и его коллеги, независимо от их институциональной принадлежности) во многом были сторонниками не шоковой терапии, а постепенных реформ для перехода от социализма к капитализму с сохранением контролирующей роли государства в промышленной политике.

Японские советники по реформам придавали приоритетное значение обеспечению экономического процветания и стабильности, которые должны были стать уже основой для политических реформ, а не наоборот. Эта формула, характерная для восточно-азиатского экономического чуда, используется и Асо Таро в концепции «Дуги свободы и процветания». Иными словами, для сильных президентских режимов Центральной Азии, регулярно подвергающихся критике со стороны Запада из-за «пробуксовки» в становлении демократии и рыночной экономики, АБР – партнер намного более предпочтительный и сговорчивый.

Интересно, что исторически в ЕБРР сложилось негласное «разделение труда», согласно которому шефство над отделом Центральной Азии взяла именно Япония, являющаяся акционером банка. Она продвигала и на уровне ОЭСР (Организации экономического сотрудничества и развития) членство постсоветских стран региона в оба региональных банка развития, что было на тот момент беспрецедентным фактом. Поэтому, когда в 2003 г. в отношениях между Узбекистаном и западными странами наметилось первое похолодание из-за критики политики Ташкента в области прав человека, высказанной сотрудниками ЕБРР на конференции с И. Каримовым, отношения Узбекистана с Японией по финансовой линии пострадали значительно меньше, чем с Европой и США, ввиду наличия альтернативного партнерства посредством АБР.

Более серьезное похолодание начало происходить в середине 2000-х, когда совпало несколько тенденций. «Поколение Тино», благосклонно

²⁹ Rozman, Gilbert, *Togo Kazuhiko and Ferguson Joseph. P. Japanese strategic thought toward Asia*. New York, 2007. P. 231.

³⁰ «Группа Тино» – название условное. Под ним автор подразумевает не организованное сообщество с формальными связями и центральным подчинением (не располагая данными о такой институционализации), а скорее сложившееся ad hoc сообщество профессионалов-коллег по Министерству финансов, работающих в различных государственных или межгосударственных финансовых организациях (АБР, ЕБРР, JICA, JBIC, Всемирный банк, МВФ) и не только связанных с Центральной Азией по долгу службы, но и активно участвующих в развитии сотрудничества с регионом.

настроенное к экономическому «пестованию» региона, стало менее отчетливо присутствовать в непосредственном формировании политического курса. Причинами тому стали ротация кадров и естественная смена поколений, а также реформы Министерства финансов, в результате которых многие специалисты по Центральной Азии оказались на должностях, не связанных с регионом. Сам Тино ушел с поста руководителя АБР в 2005 г., впрочем его преемник Курода Харухико сохранил положительный настрой к региону ВШП. Однако с кончиной Тино в 2008 г. страны Центральной Азии, несомненно, лишились одного из своих ведущих менторов, сторонников и активных «промоутеров» в Японии. Новое поколение государственных финансистов обладало меньшим энтузиазмом и было настроено более критично ко все более авторитарным режимам. Даже Киргизия, долгое время при президенте Акаеве считавшаяся «любимым учеником» японских реформаторов и примером новой демократии, свободной от ресурсного проклятия, впала в турбулентность после «тюльпановой революции» и прихода к власти Курманбека Бакиева.

Сказались и андижанские события 2005 г.: несмотря в целом на менее критичный тон по отношению к Ташкенту, нежели со стороны западных стран, Япония в ООН поддержала критическую резолюцию в адрес Узбекистана. Для узбекских дипломатов такие действия стали полной неожиданностью и были приняты в штыки Оксарой³¹. Любое вмешательство во внутренние дела здесь рассматривают как жесткое посягательство на национальные интересы.

Реакция узбекского дипкорпуса не заставила себя долго ждать. Узбекистан на голосовании не стал поддерживать Японию в качестве постоянного члена Совета Безопасности ООН. Это, в свою очередь, стало неожиданностью для уже упоминавшегося Осима Кэндзо, ставшего на тот момент послом Японии при ООН. Таким образом, двусторонние отношения были надолго омрачены, учитывая характерную для Ташкента «маятниковую» схему внешнеполитического маневрирования – периодической смены сближения с Россией на сближение с США. Формально диалог Японии с регионом сохраняется, однако протекает вяло: с момента основания форума «Центральная Азия+Япония» в 2004 г. в Астане за время правления ЛДП (до 2009 г.) прошло всего две встречи на министерском уровне (еще две были проведены ДПЯ в 2010 г. и в 2012 г.). На этот же период – 2005–2006 годы приходится резкий рывок китайских и южнокорейских фирм для занятия ведущих позиций в постсоветской Центральной Азии, косвенно говорящий об отходе Японии на второй план.

³¹ Официальная резиденция президента Узбекистана Ислама Каримова.

Тем не менее, несмотря на упомянутое похолодание и огромные объемы вливаний КНР и Республики Корея в экономики региона, изменение конъюнктуры с Узбекистаном и активизация ШОС не имели отголосков на японо-афганских отношениях. Кроме того, в актив Японии несомненно можно записать проект ЦАРЭС как на данный момент наиболее успешный из всех проектов нового Великого шелкового пути. Несмотря на то, что ЦАРЭС формально включает в себя многие организации, в том числе и многосторонние, а не только японские (Всемирный банк, Исламский банк развития)³², – он детище Азиатского банка развития, координируемого Японией.

В рамках ЦАРЭС уже был успешно освоен значительный объем средств и достигнуто много поставленных задач, в частности касающихся Афганистана. В то же время самостоятельные проекты США и КНР в регионе, активизировавшиеся во второй половине нулевых годов нового века, наталкиваются как на прохладу со стороны местных партнеров, так и на нехватку средств³³. Можно утверждать, что хронологически замыслы АБР по интеграции региона ВШП, датируемые второй половиной 1990-х гг., стали независимо от изначальной цели восстановления ВШП, удачным подспорьем для японских союзников, однако главное достижение в том, что ЦАРЭС и другие стройки действительно «перепрошили» регион, состоящий из стран, не имеющих выхода к морю, тем самым значительно улучшив его связь с внешним миром, а также функциональный потенциал для дальнейшей интеграции.

³² Сам этот факт весьма выгоден для японского же бюджета, поскольку позволяет диверсифицировать кредитные риски и привлечь средства, гораздо более масштабные, нежели Токио смог бы выделить только на двусторонней основе.

³³ Из выступления английского профессора Ширин Акинера в Кембриджском университете 26 мая 2013 г.

ЯПОНИЯ И СОПЕРНИЧЕСТВО «МЯГКИХ СИЛ» В АЗИИ

Понимание «мягкой силы» в Японии

Немногим более 20 лет назад известный американский политолог Джозеф Най выдвинул весьма популярную в наши дни концепцию «мягкой силы», опирающуюся на три основных ресурса – культуру, политические ценности и внешнюю политику. Единого определения этой концепции пока еще не выработано, поскольку в каждой стране это понятие дополняется своими особенностями. Но общий и основной ее смысл заключается в том, что сила и влияние страны на международной арене измеряются не только количеством боеголовок и экономической мощью, но политическими и культурными достижениями.

Другими словами, «мягкая сила» – это не завоевание и подчинение людей, а овладение их умами и привлечение их симпатий на свою сторону, к своей стране и ее культуре, приобщение к духовным и общественным ценностям, а также демонстрация позитивных сторон внешней политики своего государства. А достигается это разными путями, в том числе при помощи пропаганды языка, культуры, искусства, музыки, кинематографа, научных и спортивных достижений, образовательных программ и т. д. И таким образом, страна, привлекательная с точки зрения «мягкой силы», становится центром притяжения людей и инвестиций, растет ее политическое влияние и т. д.

Факт необходимости развития своей «мягкой силы» признается многими государствами, в том числе и в Азии. В 2007 г. бывший в то время китайский президент Ху Цзинтао указал XVII Съезду Коммунистической партии Китайской народной республики, что стране следует увеличить свою «мягкую силу». В 2010 г. Аннет Лу, тогдашний вице-президент Тайваня, посетила Республику Корея и выступила в поддержку использования Тайванем «мягкой силы» как модели для разрешения международных конфликтов¹.

Большое внимание в своей внешней политике уделяет «мягкой силе» и Япония. В Токио первыми на азиатском континенте, правда, с заметным опозданием по сравнению с западными странами, пришли к пониманию и активному использованию этого мощного инструмента международного влияния. Здесь его трактуют как «воздействие на мир с помощью цивилизационной и гуманитарно-культурной деятельности»² и рассматривают в тесном взаимодействии с культурной дипломатией.

Для разработки ее концептуальной основы в 2004 г. был создан Консультативный совет по содействию культурной дипломатии во главе с профессором университета Хосэй Аоки Тамоцу, одной из задач которого стало улучшение имиджа Японии в мире. При этом следует подчеркнуть, что в Японии традиционный подход к этой проблеме долгие годы базировался на иных принципах, нежели, к примеру, в США. Он был основан, главным образом, на экспорте традиционных культурных ценностей, таких как театр Кабуки, чайная церемония или искусство *икэбана*. Их продвижение во внешний мир было призвано показать историческую значимость Японии и ее многовековой культуры для мирового наследия.

Однако в нынешних условиях традиционная культура во многом уступает свои позиции современным культурным слоям, которые открывают кратчайший путь к завоеванию популярности Японии в мире. Вот почему предложенная Консультативным советом концепция делает упор на пропаганду массовой культуры как стартовой позиции для понимания Японии. «Такие культурные продукты, как *манга* (комиксы) и *анимэ* (анимационные фильмы) несут в себе эстетические чувства и традиционное художественное мастерство», – указывается в представленных документах³. Разработчики концепции характеризуют их как «новое выражение культурных традиций страны». «В век, когда обычные люди контролируют мировые рынки и оказывают все более возрастающее воздействие на политические, экономические и социальные проблемы, крайне важно предложить им простой путь вхождения в японскую культуру. Как только они окажутся внутри ее, они обнаружат множества других более глубоких ниш, ожидающих их»⁴.

В концепции утверждается, что проводниками современной японской культуры в своих странах должны стать поклонники *манга* и *анимэ*, известные под собирательным названием *отаку*. В этих целях, считают авторы концепции, необходимо создать условия для посещения Японии творческими личностями, прежде всего, молодежью для ознакомления

¹ Vestnik.uapa.ru/ru-ru/issue/2011/02/03

² <http://www.washprofile.org>

³ <http://www.japanecho.co.jp>

⁴ Там же.

с ее культурой и перспективой переноса влияния на родину адептов. В культурных обменах, подчеркивают японские эксперты, нельзя ограничиваться только организацией выставок японского искусства, постановкой традиционных драматических спектаклей и проведением лекций для неапонской аудитории. «Мы должны также стремиться к тому, чтобы как можно больше молодых талантливых людей приезжали в Японию из других стран, предоставлять им возможность самим почувствовать нашу страну, проводить здесь свои самостоятельные научные исследования, заниматься творческой деятельностью, получая вдохновение от своего нового окружения»⁵.

Глобальная задача, стоящая перед Японией, формулируется как необходимость «внедрить в мире дух гармонии (*ва*) и уважения к совместному сосуществованию (*кёсэй*)». «Сопереживание с другими людьми и гармония с природой – это основа японской философии и путь жизни японцев, которые наполняют буквально все, начиная с драматического искусства и кончая материальными ремеслами»⁶. Консультативный совет определяет эти ценности как национальное духовное наследие, которое должно быть сохранено, и призывает всех к его развитию и пропаганде. В контексте сегодняшних разговоров о «столкновении цивилизаций» распространение этого уважения к гармонии и совместному сосуществованию совет считает задачей особой важности и актуальности»⁷.

Впервые этот новый курс японского правительства озвучил в серии своих публичных выступлений в 2006 г. тогдашний министр иностранных дел Асо Таро. Впоследствии их основные положения были обобщены в его программной речи «Новый взгляд на культурную дипломатию» (2008 г.). А в 2009 г. уже на посту премьер-министра Японии Асо презентовал «Новую стратегию Японии в условиях современной эпохи», особо выделяя задачу дальнейшего продвижения «мягкой силы» как одного из наиболее перспективных направлений развития страны на ближайшие годы.

Вслед за этим в годы правления демократов понятие «мягкая сила» было заменено на новое словосочетание «разумная сила» (*smart power*), вошедшее в международный лексикон с приходом к власти Б. Обамы. Что же такое «разумная сила»? «Похоже, это означает силу, в которой слились «*hard power*» (жесткая сила), представленная военной силой, и «*soft power*» (мягкая сила), символизирующая собой культуру и ценности. Японская «*smart power*» – это значительная сила», – подчеркнул в одной из своих публичных лекций, опубликованных в журнале «Гайко

⁵ Там же

⁶ Там же.

⁷ Там же

фораму» (март 2009 г.) тогдашний заместитель министра иностранных дел Японии Ябунага Митодзи⁸.

И, тем не менее, несмотря на столь впечатляющие заявления японских политиков Японии пока еще не удается достичь уровня США по силе своего «мягкого» воздействия на другие государства. Ведь доминирование этой страны в мире на протяжении последнего полвека, по мнению Дж. Ная, базировалось не только на ее «жесткой силе» – военной мощи и т. д., но и на создании благоприятного имиджа, экспорта идей и ценностей (демократия, гражданские свободы, голливудские фильмы, диснеевская анимация, джаз и т. д.). Правда, и сам Дж. Най, и многие эксперты отмечают сегодня, что США постепенно теряют свою привлекательность в мире⁹.

Так, по версии английского журнала «Монокль», оценившего «мягкую силу» государств по 50 категориям, в 2012 г. пальма первенства от США перешла к Великобритании¹⁰. Критерии здесь просты. В 2012 г. в Лондоне прошли Олимпийские игры, на которых английские спортсмены завоевали третье место по числу золотых медалей. За прошедший год Англия приняла 29 млн. туристов, 22 британских альбома заняли первые места в зарубежных хит-парадах, вышел новый фильм про Джеймса Бонда и т. д. Показательно, что в этом рейтинге Япония заняла 6-е место после США и ведущих европейских государств.

На одно место ниже «мягкая сила» Японии была оценена в исследовании, проведенном в том же году в России компанией «Ernst&Young» совместно с московским институтом «Сколково», где ей было отведено 7-е место. За основу были взяты, к примеру, такие критерии, как ранг национальных компаний в рейтинге репутации журнала «Fortune», показатели миграционных и туристических потоков, верховенство закона, знание английского языка населением, выбросы парниковых газов, число граждан страны в мировой сотне влиятельных персон мира по версии журнала «Time», статус национальных вузов в рейтинге «Times Higher Education», число олимпийских медалей и пр. Кстати говоря, наша страна заняла в этом списке лишь 10-е место, уступая и «Большой семерке», и нашим партнерам по БРИКС – Китаю и Индии¹¹, которые, разместились сразу же после Японии.

Если говорить о долгосрочных тенденциях в этой области, то, по заявлению того же Дж. Ная, в XXI в. в мире следует ожидать два типа изменений. Первый – «перемещение силы, то есть изменение соотношения

⁸ Япония наших дней. 2009, №1. С.89.

⁹ Hghltd.yandex.net/yanbdbtm?text=мягк...

¹⁰ www.kp.ru/daily/25994.5/2923590/

¹¹ rus.ru/rv/rv/.../86815327.html

сил между государствами». В простых терминах это звучит «как переход влияния от Запада к Востоку». Второй тип – «рассеивание силы». Это, когда «сила переходит от государств, будь то на Западе или на Востоке, к негосударственным институтам»¹². При этом, конкретизируя процесс перемещения власти от Запада к Востоку, американский политолог предсказывает «подъем Азии». «В действительности это следовало бы называть восстановлением или возвращением Азии, – поясняет он. – Если мы взглянем на мир в 1800 г., то обнаружим, что больше половины жителей земного шара жили в Азии, и они производили более половины мировых товаров. Теперь быстро перенесемся в 1900 г.: половина населения Земли – больше, чем половина – по-прежнему живет в Азии, но производит только одну пятую мировой продукции. Что же произошло? Индустриальная революция, которая означала, что внезапно Европа и Америка стали господствующим центром мира. То, что мы увидим в XXI в., это постепенное возвращение Азии к тому, чтобы составлять половину населения мира и выпускать больше половины мировых товаров»¹³.

По мнению Ная, высказанному им в статье «Эффект мягкой силы», «азиатские страны имеют впечатляющие потенциальные ресурсы мягкой силы. Искусство, одежда, и кухня древних культур Азии оказывали сильное влияние на другие части света, но Азия переживала период относительного упадка, отстав от темпов промышленной революции на Западе, и это подорвало ее влияние. В 1950-х годах Азия ассоциировалась с образами нищеты и голода. В 1960-х годах на Западе имела место некоторая политическая одержимость жакетами в стиле Неру и маоистской революцией, но это продолжалось недолго... Возрождение Азии началось с экономического успеха Японии. К концу века ее поразительные экономические результаты не только сделали японцев богатыми, но и способствовали росту «мягкой силы» страны. Как первая незападная страна, сравнявшаяся с Западом по современности и одновременно доказавшая возможность сохранения уникальной культуры, Япония имеет больше потенциальных ресурсов «мягкой силы», чем любая другая азиатская страна»¹⁴.

Япония и ее ресурсы «мягкой силы»

В чем же состоят потенциальные ресурсы «мягкой силы» Японии? Дж. Най приводит следующие показатели: первое место в мире по оказанию

¹² <http://intopic.com/ru992/>

¹³ Там же

¹⁴ hghltd.yandex.net/yandbtr?text=мягк...

помощи развивающимся странам и одно из лидирующих мест по количеству зарегистрированных патентов, второе – по продажам книг и музыкальной продукции, третье – по затратам на научные исследования и т. д. В этом же ряду следует отметить самую большую в мире продолжительность жизни населения, а также тот немаловажный факт, что из двадцати пяти крупнейших в мире многонациональных корпораций три: «Тоёта», «Хонда» и «Сони» принадлежат Японии¹⁵. Таков выигрышный образ Японии в глазах мира, не говоря уже о его главной отличительной черте, особенно актуальной в развивающемся мире, – успешном опыте модернизации, достижениях, сопоставимых с американским и европейским уровнем экономического развития без ущерба для самобытной японской культуры.

Но самый главный ресурс, на котором заостряет внимание политолог, – глобальное влияние японской поп-культуры в мире и, прежде всего, в азиатских странах, начиная с *манга*, *анимэ*, кино, поп-музыки, моды, кухни и т. д. Достаточно напомнить, что 60% всей мировой анимации создается сегодня в Японии. И новые поколения молодежи во всем мире, и особенно азиатов выросли не на американских «Микки Маус» или же «Багс Банни», а на японских лентах «Могучий Атом», «Красавица-воин Сейлор Мун», «Дораэмон» и др. Кукольные *тамаго-ти*, *покемоны* и другие забавные существа в виде игрушек и других «сопутствующих» товаров вместе с Hello Kitty буквально наводнили собой весь мир. Японские видеоигры «Уличный боец», «Последняя фантазия» и др. занимают лидирующее положение среди лучших мировых образцов этой продукции. Но, пожалуй, основой всей этой разнообразной культурной индустрии по-прежнему являются комиксы, которые издаются на многих иностранных языках.

Япония занимает одно из первых мест по объему кинопродукции, которая уверенно завоевывает престижные призы на международных кинофестивалях в Каннах, Венеции и т. д. В последнее время большую популярность, особенно в странах Юго-Восточной Азии, приобрели японские теледрамы, сериалы и т. д. К 2015 г. правительство намерено запустить вещание *анимэ*, теледрам и другого контента примерно в 10 азиатских городах на специальном японском канале. Японская звукозаписывающая промышленность занимает второе место в мире. Японские певцы и популярные группы наподобие «АКБ-48», «Монингу мусумэ» и др. с огромным успехом гастролируют в Гонконге, Китае, Южной Корее и других странах, где им подражают во всем и местные поп-идолы, да и просто тинейджеры, живущие по стандартам японских глянцевых журналов. А недавно японские власти приняли решение об

¹⁵ Там же

открытии за границей торговых миникварталов наподобие модных районов Токио, таких, как Харадзюку, Сибуй, Гиндза. В них крупные японские ритейлеры будут реализовывать брендовые товары, а мелкие магазины – суверенирующую продукцию. Первым в этом проекте стал Сингапур, где уже запущена сеть японских магазинов одежды под названием Harajuku Street Style.

Отмечая огромные успехи Японии на поприще поп-культуры известный американский исследователь Дуглас Макгрей в 2002 г. ввел новое понятие «модный валовый национальный продукт (Gross National Cool)»¹⁶. С его легкой руки образ «Cool Japan» вскоре был широко растиражирован как внутри страны, так и особенно широко за ее пределами, превратившись в своеобразную ее визитную карточку. А в апреле 2008 г. здесь стартовала специальная государственная программа «Cool Japan» как часть глобальной стратегии «мягкой силы» и одновременно маркетинговой кампании, сделав это броское сочетание слов слоганом культурной дипломатии и национальных брендов Японии за рубежом. Ведущие СМИ вскоре отдали проекту колонки и передачи. Туристов приглашали в специальные туры и на семинары «Cool Japan» и т. д.

Однако к 2012 г., через десять лет после того, как Дуглас Макгрей подсчитал впечатляющие объемы «модного валового национального продукта» и подвел страну к осознанию возможности извлечения огромной прибыли из повсеместного увлечения японскими анимацией, играми, J-поп, *манга*, проект «Cool Japan» стремительно стал терять свою актуальность и коммерческий успех. Согласно докладу Министерства экономики, торговли и промышленности Японии за 2012 г., в рамках проекта «Cool Japan» реально реализуется только 5% производимого в Японии модного контента, что составляет лишь одну треть от 17,8% – показателя экспорта товаров американской креативной индустрии, поставляемой на мировой рынок¹⁷.

В Японии уже несколько лет назад пришли к осознанию неэффективности этого проекта, сравнивая его с провалом маркетинговой кампании под схожим названием «Cool Britannia», которая проводилась в 1990-х годах в Великобритании. Показательно, что даже известные деятели культуры Японии, чьи работы подпитывали интерес к этому тренду, в последнее время всячески дистанцируются от него. «Уважаемые рекламные агентства и чиновники, – написал в твиттере в начале 2012 г. прославленный художник Мураками Таками, – прошу вас, прекратите приглашать меня на мероприятия, связанные с проектом «Cool Japan»... Я никаким образом не связан с этим брендом»¹⁸.

¹⁶ Foreign Policy. 2002. May-June. P.130

¹⁷ www.diary.ru/~MisoM/p185943257.ht

¹⁸ Там же.

В 2010 г. газета «Ёмиури» выступила с откровенной критикой в адрес японского правительства, упрекая его в том, что чиновники лишь довольствуются модным имиджем страны, не вкладывая в это предприятие необходимых средств, что позволило Республике Корея стать сильным конкурентом Японии в области поп-культуры¹⁹. Похожей точки зрения придерживается и эксперт в области японской культурной индустрии Патрик В. Галбрейт, выражая уверенность в том, что «Япония была абсолютно не готова к успеху собственной популярной культуры за рубежом. Правительство спокойно наблюдает за этим процессом, не замечая при этом снижения политического и экономического влияния страны, но настало время действовать»²⁰. Другие исследователи вторят ему, указывая, что «без изменения стратегии мечта Японии зарабатывать на своей популярности в мире останется нереализованной»²¹. При этом ряд из них даже выражает надежду на то, что «более тонкий подход к позиционированию проекта как части политики «мягкой силы» помог бы залечить раны, нанесенные разрушительными цунами 2011 г., сгладить процесс формирования постиндустриальной экономики и даже активизировать японских производителей в условиях, когда страна конкурирует с соседними Южной Кореей и Китаем по всем направлениям, начиная с электроники и заканчивая спорными островами»²².

С другой стороны, по мере того, как японская политика «мягкой силы» вязнет в подобного рода проблемах, в экспертных кругах все громче раздаются голоса за отказ от концепции «Cool Japan» и прежних не оправдавших себя идеологических стереотипов. Призывают даже выйти за тесные рамки *манга* и *анимэ* и вновь возвратиться к традиционной культуре. И, тем не менее, в Токио пока не настроены кардинально менять свой курс, сосредоточив усилия на всесторонней корректировке концепции «Cool Japan» с целью дальнейшего развития основных отраслей японской культурной индустрии – *анимэ*, компьютерных игр, кухни, а также активизации их экспорта в другие страны.

На это указывает, в частности, вышедшее в 2013 г. распоряжение премьер-министра Абэ Синдзо о создании специальной консультативной группы для разработки нового крупного брендинг-проекта с тем же названием «Cool Japan», куда вошли известный дизайнер Косино Дзюнко, автор песен Акимото Ясуси, мастер чайной церемонии Сосицу Сэн и др. Власти ожидают, что с помощью этого проекта они вновь смогут поднять уровень популярности японской культуры в Китае, Франции,

¹⁹ Там же

²⁰ Там же

²¹ Там же.

²² Там же

США, Индии и Южной Кореи, а также в разы увеличить приток иностранных туристов в страну. Предполагается также, что обновленный проект «Cool Japan» обеспечит рост зарубежных продаж японских производителей модных товаров к 2020 г. до 130 млрд. долл.²³. А на поп-культуре предполагается заработать до 123 млрд. долл.²⁴.

Не менее важна и другая сторона проблемы. В Японии уверены, что эти меры помогут стране восстановить позиции культурного лидера в Азии, несколько пошатнувшиеся в последние годы в связи с мощным культурным наступлением Южной Кореи и новым подъемом «корейской волны».

«Корейская волна»

Понятием «корейская волна» обозначается наблюдаемое в последние годы стремительное распространение корейской культуры в мире, инициированное и спонсированное правительственными и частными структурами страны. Сначала вестниками и проводниками этой «волны» были в основном теледрамы и художественные фильмы, а также популярная музыка – К-Поп, вызвавшие в других странах настоящий культурный бум. А сегодня это понятие уже включает в себя и иностранный туризм, и модную одежду, и сувенирную продукцию, и национальную кухню, а также многое другое, что сделано в Южной Корее и работает на ее «мягкую силу».

«Корейская волна» поднялась в конце 1990-х гг., и многие эксперты связывают причины ее возникновения с азиатским финансовым кризисом, потрясшем Республику Корея в 1997–1998 гг., после чего по примеру Японии страна сделала ставку в своей экономике на развитие культурной индустрии и распространении ее продукции в странах региона. А следующим этапом реализации этой стратегии стал успешно проведенный Южной Кореей совместно с Японией чемпионат мира по футболу 2002 г., поднявший международный авторитет страны и способствовавший расцвету таких ныне всемирно известных лидеров южнокорейской индустрии, как автомобильная корпорация «Хёндай», гигант бытовой электроники «Самсунг» и др.

Первым берегом, на который обрушилась «корейская волна», стал Китай. Именно здесь местные журналисты, не без удивления, но и с большой опаской стали наблюдать за стремительным нашествием корейской поп-культуры, дав этому феномену поэтичное название «халлю». Вслед за Китаем в корейский культурный водоворот попала Япония. А

вместе с ней «волна» накрыла собой и другие азиатские государства и территории: Малайзию, Филиппины, Тайланд, Тайвань, Гонконг, Вьетнам, Камбоджу и т. д. Сегодня эта «стихия» уже достигла территории более 60 стран, в том числе Россию, Монголию, Узбекистан, Таджикистан, Египет и дошла до Европы и Америки, захватив по пути страны Ближнего Востока и даже часть Африки.

Корейская культурная индустрия, включая шоу-бизнес, зарабатывает ежегодно более 1 млрд. долл. на экспорте своей продукции²⁵, 99% которого приходится на азиатские страны. В Китае моду на все корейское именуют также «корейской лихорадкой». Предвестником начала корейского бума в Китае стал сериал «Что такое любовь?», после чего в страну хлынула мощным потоком и другая корейская телепродукция, а затем и поп-музыка. В 2006 г. южнокорейские драмы на китайских государственных телеканалах уже демонстрировались чаще, чем все остальные зарубежные программы вместе взятые. А корейская поп-музыка настолько прочно вошла в повседневный обиход жителей этой страны, что чуть ли не в каждом пекинском ресторане быстрого питания на экране монитора обязательно транслируются концерты корейских популярных поп-групп и модных эстрадных певцов.

Похожая ситуация складывается сегодня и на Тайване, переживающем быстро распространяющуюся моду на все корейское. Здесь массовый спрос на корейские драмы в одно мгновение стал настолько велик, что для их трансляции был открыт ряд специальных каналов. А первой корейской телепродукцией, с которой познакомился тайваньский зритель, стала лента, созданная по мотивам исторической драмы «Жемчужина дворца». Впечатления от увиденного было настолько сильны, что сразу же после ее показа в 2005 г. 195 тыс. тайванцев направились в Южную Корею, чтобы побывать на месте съемок полюбившегося сериала. Не менее привлекательными оказались корейские драмы и для гонконгских телезрителей. А во Вьетнаме одна из влиятельных государственных газет расценила факт необычайной популярности присутствия корейской тематики на местном телевидении как одно из десяти наиболее удивительных культурных событий 2011 г.

Но по настоящему удивительным явлением стало проникновение «корейской волны» в самую закрытую часть мира – Северную Корею, куда культурная продукция с Юга попадает, главным образом, контрабандным путем. Особо удивительно, а еще в большей степени показательно, что в этот незаконный бизнес, как правило, вовлечены в основном высокопоставленные чиновники, часто бывающие за границей по делам

²³ artnews.ru/cool-japan-quot-klevaya...

²⁴ www.diary.ru/~MisoM/p1850423257.ht...

²⁵ olimpiadalife.ru/.../planirueysya-chto-oli...

службы. А далее дело налажено четко: CD и DVD тайно тиражируются в собственных квартирах и продаются в виде пиратских копий. Причем спрос на них здесь огромный, а коллективные просмотры организуются с соблюдением всех правил конспирации.

И все-таки самое широкое распространение корейская культурная продукция получила в Японии, на которую приходится около 80% всего культурного экспорта страны. Тесные отношения двух соседних государств долгие годы были обусловлены не только географической близостью, но и религиозным и этно-культурным единством японского и корейского народов, судьба которых в то же самое время была омрачена тяжелым историческим прошлым – японской военной агрессией и ее 35-летнем колониальным режимом. Парадоксально, но, несмотря на долгий и строгий запрет на легальный допуск в Республику Корея товаров японской культурной индустрии, который окончательно был снят лишь в 1998 г, эта страна всегда являлась для Японии самым крупным, пусть и нелегальным рынком сбыта своих товаров и удобным «полигоном» для «обкатки» всех культурных новаций. Можно даже сказать, что, формируя вкусы и культурные запросы южнокорейских потребителей, Япония во многом способствовала рождению самой корейской поп-культуры, которая является по сути дела более или менее талантливой копией японской. Корейцы пошли по проторенному японцами пути, взяв за основу все самое лучшее и востребованное из японской поп-культуры и соединив это со своим уникальным национальным колоритом, при этом изрядно усилив его американскими стандартами, которые сильны в этой стране.

И результат превзошел все ожидания: корейская поп-культура сегодня наводнила японские телеэкраны и концертные площадки, создав реальную конкуренцию отечественной культурной индустрии. Так, исследования, проведенные в июле 2011 г. японским рекламным агентством «Хакуходо» в 10 азиатских городах – от Тайбэя до Мумбаи, показали, что, если Южная Корея по-прежнему заметно отстает от Японии по производству *анимэ* и *манга*, то уже сравнялась с ней в области поп-музыки и намного опередила японцев в производстве кинофильмов и телесериалов²⁶.

Каковы же причины повсеместной огромной популярности «корейской волны» в Японии и в других странах? Однозначно ответить трудно. С одной стороны, ряд экспертов указывает на специфику самой корейской поп-культуры, которая легко резонирует в душе азиатов благодаря своему сохранившемуся национальному колориту и общим духовным и моральным ценностям. С другой стороны, корейская поп-культура, подобно японской, обладает определенной универсальностью, делающей

ее доступной в иных цивилизационных реалиях. Этим, в частности, можно объяснить успех на Западе фильмов режиссера Ким Ки Док, который, кстати говоря, у себя на родине востребован намного меньше, чем за границей. Дело в том, что он четко усвоил потребности западного рынка, дополнив модные тренды пока еще не приевшейся здесь восточной экзотикой.

Другие исследователи связывают успех «корейской волны» с эффективно работающей агрессивной рекламой, которую ведет Сеул с целью пропаганды позитивного имиджа своей страны. Действительно, достаточно взглянуть на заголовки корейских газет и интернет-изданий, посвященных этому феномену, и все становится очевидным: «Пи покорил Голливуд», «Мадонна в восторге от Сон Хе Гё» и т. д.

Показательно и то, что пик корейской волны пришелся на 2004–2006 гг. В этот период среди традиционалистов в стране возникло недовольство излишней приверженностью президента страны Но Му Хёна и его окружения европейским ценностям. И в этом смысле пропаганду «корейской волны» можно воспринимать как своего рода пиар-ход местных идеологов, нацеленный на то, чтобы доказать своему народу непреходящую ценность корейской культуры в мире.

Все эти аргументы подводят к выводу о том, что для Южной Кореи феномен «корейской волны» является одним из эффективных инструментов «мягкой силы»: с ним связана государственная политика, идеология, имидж страны и народа, а также развитие национальной экономики и частного бизнеса. Вот почему сегодня корейское правительство вкладывает в культурную сферу в два раза больше бюджетных средств, чем та же Япония. Только в 2011 г. корейцы, к примеру, инвестировали в пиар-креативный контент в восемь раз больше, чем Япония²⁷. И в этом кроется главный ключ к разгадке корейского культурного феномена.

И, тем не менее, критики «корейской волны» уже несколько лет назад начали предсказывать ее скорое убывание, указывая на то, что начиная с 2007 г. «корейская волна», как и подобает волне, пошла на спад. Так, проведенный в феврале 2012 г. опрос с участием 1200 жителей трех азиатских стран – Японии, Китая, Тайваня, показал, что 62% респондентов полагает, что «волна» угаснет через 5 лет, а 18% уверены, что ее эра уже подходит к концу. Если сложить эти данные, то выходит, что 80% опрошенных не верят в перспективы дальнейшего подъема «корейской волны»²⁸.

Свидетельством этому служат и протестные настроения против засилья корейских драм на местном телевидении, которые в последние

²⁶ www.diary.ru/~MisoM/p185043257.htm...

²⁷ www.diary.ru/~MisoM/p1850423257./p185043257

²⁸ www.diary.ru/MisiM/p176383281.htm

годы особо сильны в Китае и Японии. И, тем не менее, резервы «корейской волны» далеко не исчерпаны. В Сеуле сегодня говорят о стабильном росте экспорта корейской культуры в долгосрочной перспективе, связывая это, прежде всего, с предстоящими зимними Олимпийскими играми, которые пройдут в 2018 г. в Пхёнчхане. Ведь достаточно вспомнить небывалый взлет популярности страны, ее культуры после летних Олимпийских игр в Сеуле в 1988 г. Сегодня уже сделаны некоторые расчеты. Так, ожидается, что предстоящая Олимпиада даст сильный толчок развитию горнолыжным курортам страны, на долю которых будет приходиться до 10% от общего числа иностранных туристов, посещающих страну, исчисляемого сегодня в 10 млн. человек. Прибыль же, которую получит Корея от Олимпиады 2018 г., в пять раз превысит прибыль от Олимпиады в Сеуле²⁹, не говоря уже о таких категориях, как имидж страны, который трудно измерить какими-либо цифрами.

Китайский вариант «мягкой силы»

Не менее масштабно и целенаправленно, чем Республика Корея, рост «мягкой силы» и распространение ее в странах региона демонстрирует в последние годы и современный Китай. На важность популяризации китайской культуры за рубежом и ее использования в качестве инструмента «мягкой силы» впервые указал на XVI съезде КПК (2002) тогдашний генеральный секретарь Цзян Цзэминь. По его словам, «практика реформ, открытость и модернизация страны, развитие лучших традиций китайской национальной культуры в сочетании с усвоением лучших образцов мировой культуры, – все это необходимо использовать «для активного создания нового, как по содержанию, так и по форме имиджа страны, неустанно повышая пригyatательность и обаяние социалистической культуры с китайской спецификой»³⁰.

В октябре 2011 г. на шестом пленуме ЦК КПК была утверждена комплексная стратегия «могущественного культурного государства». По сообщению китайского информационного агентства «Синьхуа», документ затрагивает две проблемы: укрепление глобальной притягательности Китая и нейтрализацию разлагающего влияния западной культуры на граждан КНР³¹.

Взяв за основу концепцию Джозефа Ная, китайские теоретики сразу же приступили к разработке своих собственных постулатов международных отношений. Специфика китайского понимания «мягкой силы»

²⁹ Olimpiadalife.ru/.../planiruetsya-chto-oli...

³⁰ moderrpolitics.ru/.../kultumfya-ehkspa...

³¹ Там же

подробно анализируется, в частности, в работах Пан Чжуньина, директора проблем глобализации Нанькайского университета. Автор особо выделяет такой важный аспект культурной политики Китая как «использование культуры как бренда»,³² под которым понимается, в первую очередь, распространение уникальной китайской культуры с помощью языка и художественной литературы.

Из этого следует, что китайский вариант «мягкой силы» вовсе не копирует американский. Если Америка ставит в основу своей «мягкой силы» пропаганду в мире, в первую очередь, своих политических ценностей, а уже вслед за этим поп-культуру, то Китай делает главную ставку на культуру. Причем, что характерно, не на современные культурные индустрии американского типа, в развитии которых Пекин еще пока не может конкурировать с Западом, а на свое уникальное древнее духовное и художественное наследие, которого в Соединенных Штатах просто нет.

Эта задача сегодня возложена на так называемые Институты и классы Конфуция – культурно-образовательные центры по обучению китайскому языку и ознакомлению с традиционной китайской культурой, созданные по подобию немецкого Института Гёте, Британского совета и других западных пропагандистских структур. Пожалуй, это самый успешный и перспективный проект в политике «мягкой силы» Китая. Число таких организаций в настоящее время уже превышает 850. Начав с Республики Кореи и стран Азии, китайцы вскоре внедрили это культурное начинание в более, чем 100 стран мира³³. И, несмотря на то, что в ряде стран, в частности, Канаде, США этот проект Китая вызывает всякого рода сопротивление, политические трения и междоусобицы проблемы, «дело Конфуция» живет и побеждает.

Однако это не означает, что КНР сегодня полностью отказывается от соперничества с другими странами в области современных культурных индустрий. К такой новой ориентации в своих представлениях о «мягкой силе» страны китайские эксперты пришли далеко не сразу, зачастую обвиняя Дж. Ная в упрощении и вульгаризации самой идеи «мягкой силы», когда тот в качестве примеров ее эффективности приводит американскую киноиндустрию, знаменитых американских спортсменов, высадку американцев на Луну и т. д. Не так давно здесь полагали, что китайская «мягкая сила» не должна использовать подобные инструменты западной поп-культуры, их осуждала и политическая элита страны. Однако в последнее время китайские функционеры стали

³² Россия и АТР. 2012, №1. С.87.

³³ по данным на конец 2011 г., 7 институтов функционируют в Индонезии, 9 – в Австралии, 12 – в Японии и 17 – в Южной Корее // rus.ruvr.ru/.../86815347.html

все чаще говорить о политической целесообразности продвижения лучших китайских лент на зарубежные экраны, поставок компьютерных игр на международные рынки и т. д. Неслучайно, за годы текущей 12-й пятилетки культурные индустрии предполагается превратить в опорную отрасль китайской экономики. Их доля в ВВП должна составить 5%, а в будущем достичь 10%, что соответствует уровню развитых стран³⁴.

Одновременно с этим Китай приступил к внедрению новых информационных ресурсов, создав телеканалы на английском, французском, испанском, арабском, португальском, японском и русском языках. На повестке дня у китайских разработчиков культурной политики стоит поиск оптимального баланса между древностью и современностью, между культурой и политикой в поисках идеальной модели «мягкой силы», эффективно действующей как в странах Азии, так Европы и Америки.

Прогнозы

Прослеживая основные тенденции в развитии «мягкой силы» ведущих государства Азии, вполне закономерно поставить вопрос о перспективах этого процесса, по крайней мере, в рамках региона. Ответить на него с абсолютной точностью пока трудно, однако можно высказать ряд предположений, базирующихся на прогнозах экспертов.

Начнем с Японии. Здесь вновь представляется уместным сослаться на мнение Дж. Ная, который полагает, что «мягкая сила» Японии при наличии признаков возрождения экономики страны может увеличиться еще больше. По-видимому, это касается, в первую очередь, японской поп-культуры, на важность развития которой первым указал Асо Таро на посту премьера, мечтая в свое время о куда более скромных, чем у нынешнего лидера страны Абэ Синдзо, цифрах. «Превращая популярность японской «мягкой силы» в бизнес, мы можем к 2020 г. создать колоссальную индустрию стоимостью в 20–30 трлн. иен и дать работу еще примерно 500 тыс. человек», – прогнозировал Асо³⁵. С другой стороны, глобальная экспансия японских комиксов и анимационной продукции преследует достижение и другой не менее важной цели. *Анимэ* и *манга*, по мнению экспертов, способны пробудить у иностранцев интерес к загадочной японской душе.

И вместе с тем эксперты говорят о существующих пределах в развитии «мягкой силы» Японии. Главным таким ограничителем считают, в первую очередь, «внутреннюю ориентацию ее культуры на сохранение, консервацию особенностей ее деловой этики и образа жизни. Именно

такая внутренняя установка мешает Японии претендовать на более широкое распространение ее влияния в мире»³⁶. Это фактор первый.

Фактор второй: военное прошлое Японии, которое до сих пор вызывает «остаточную подозрительность» в таких странах, как Китай и Корея, которая периодически усиливается там после выхода в Японии очередного учебника истории, некоторые сюжеты которого «обеляют» военную агрессию японцев против народов этих государств. То же самое касается и посещений японскими премьер-министрами святилища Ясукуни, где почитаются «все воины, павшие за империю».

Фактор третий – серьезные демографические проблемы в стране. По имеющимся прогнозам, к середине XXI в. население Японии может сократиться на 30%, если она не привлечет 17 млн. эмигрантов³⁷. В такой ситуации эта задача весьма сложная и практически малоразрешимая для страны, исторически сопротивляющейся иммиграции.

И, наконец, языковой барьер: японский язык, который, несмотря на усилия государственных и частных структур, рискует не получить широкого распространения в мире в обозримом будущем. А плохое в целом владение английским языком в Японии делает крайне сложным привлечение в страну высококвалифицированной рабочей силы и научных кадров.

При этом, пожалуй, наиболее существенным ограничением для Японии является стремительно растущая конкуренция со стороны растущих гигантов Азии – Китая и Индии с их огромным населением и быстрыми темпами экономического роста. И хотя ни одна из этих стран пока еще не занимает высокого положения в различных индексах потенциальных ресурсов «мягкой силы», заявляя о себе в большей мере в военной и других областях «жесткой силы», существуют четкие признаки их растущего культурного влияния в мире.

В 2000 г. китайский писатель Гао Синдзянь получил первую в истории Китая Нобелевскую премию в области литературы, а год спустя ее лауреатом стал представитель Индии В. С. Найпаул. Китайский фильм «Крадущийся тигр, затаившийся дракон» был признан самым кассовым неанглоязычным фильмом, а индийская картина «Свадьба в сезон дождей» с успехом обошла экраны всего мира, впрочем, как и многие другие ленты индийских кинематографистов, неизменно пользующие интересом у зарубежного зрителя, в особенности, на азиатском континенте. Индийский Болливуд может конкурировать с Голливудом по числу ежегодно выпускаемой продукции, но и китайские киностудии лишь немного отстают от этого азиатского киногиганта. По свидетельству

³⁴ globalaffairs.ru/.../Ot-myagkoi-sily-k-kul...

³⁵ <http://www.entertainm.ru/novosti/>

³⁶ www.bibliofond.ru/view.aspx?id=5638...

³⁷ yandex.net/yandbdm?text=мягк...

газеты «Жэньмин Жибао», Китай занимает третье место в мире в области кинопроизводства, первое место в мире по выпуску телесериалов и, кстати говоря, третье – по тиражу и числу наименований выпускаемых в год книг и т. д.³⁸ Другое дело – насколько показательны эти цифры. Вопрос далеко не праздный, так как по другим источникам, к примеру, общий объем доходов 500 китайских издательств уступает годовому доходу одного немецкого издательского концерна Bertelsmann³⁹.

И, тем не менее, по количественным показателям производства культурной продукции Китай уже приближается к мировым лидерам, не говоря уже о достижениях в спорте. Китайский спортсмен Яо Мин по праву считается одной из восходящих звезд Национальной баскетбольной ассоциации «Хьюстон Рокетс». А самый большой вклад страны в развитие мирового спорта – это проведение в Пекине в 2008 г. Всемирных летних Олимпийских игр. И подобные примеры можно еще долго перечислять, не говоря уже о таком мощном факторе «мягкой силы» Китая и Индии как огромные диаспоры, большая часть которых сосредоточена в США. Это – 2,4 млн. китайцев и 1,7 млн. индийцев, которые также способствуют росту интереса к их родным странам среди других американцев и т. д.

Однако в то время, как культура обеспечивает рост «мягкой силы» этих стран, их внутренняя политика ограничивает ее, в особенности в Китае, где нет гражданского общества, а власть нарушает права человека, опасаясь предоставить гражданам слишком много интеллектуальной и иной свободы, а также отчаянно сопротивляется внешнему влиянию. Индия же, по мнению экспертов, напротив, «извлекает выгоды из демократической политики, но страдает от чрезмерно бюрократизированного правительства»⁴⁰ и т. д. Налицо также и другие сходные для обеих стран проблемы: продолжительные диспуты вокруг Тайваня и Кашмира, коррупция в органах власти и т. д. Эти моменты резко снижают накопленный потенциал внешнего доверия к этим государствам.

«Каждый успех Пекина в культурной области на практике обеспечивается последующими событиями внутри страны», – заявляет Най⁴¹. Достаточно сказать, что позитивный успех Олимпиады-2008 ослабили репрессии против китайских правозащитников. За триумфом Экспо – 2010 в Шанхае последовал судебный приговор лауреату Нобелевской премии мира Лю Сяобо. А популярный на Западе китайский художник Ай Вэйвэй преследуется в Китае по обвинению в крупномасштабной

³⁸ globalaffairs.ru/.../Ot-myagkoi-sily-k-kul...

³⁹ globalaffairs.ru/.../Ot-myagkoi-sily-k-kul...

⁴⁰ hghltd.yandex.net/yandbtm?text=мягк...

⁴¹ globalaffairs.ru/.../Ot-myagkoi-sily-k-kul...

неуплате налогов. Более того, Най утверждает, что вложение Пекином миллиардов долларов в создание международного новостного телевидения Синьхуа и Центрального телевидения Китая оказалось безрезультативным – иностранная аудитория считает их рупорами китайской государственной пропаганды⁴². И более того, по мнению экспертов, позитивные оценки влияния Китая пока еще можно встретить лишь в Африке и Латинской Америке, тогда как в Америке, США, Японии и Южной Корее преобладают негативные отклики⁴³.

Означает ли это провал китайской политики «мягкой силы», о чем в последние годы стали говорить некоторые зарубежные политологи и публицисты. Думается, что оснований для таких заявлений нет. Ведь не так давно, в середине нулевых годов XXI в., еще до превращения «мягкой силы» в официальный лозунг КПК, тот же Дж. Най выражал искреннюю озабоченность стремительным развитием Китая и позитивными оценками его возрастающей роли в международном сообществе. Уже тогда американский политолог предвидел те трудности, с которыми может столкнуться Китай в «мягком» соперничестве с США. Это – отсутствие в КНР современных культурных индустрий, сопоставимых с Голливудом, достаточно низкий рейтинг китайских университетов, явно уступающий американским, отсутствие в Китае неправительственных организаций, которые служат источником «мягкой силы» Америки и т. д. И, тем не менее, он с тревогой призывал США срочно ограничить рост «мягкой силы» Китая, а также обратить внимание на баланс этой силы в Азии.

Как будут развиваться события в Азии – покажет время, но сегодня можно определенно говорить о том, что путь к региональному лидерству лежит, в том числе, через развитие «мягкой силы» стран, поставящих перед собой столь амбициозные цели, и что своими «мягкими силами», скорее всего, в обозримом будущем Японии, Китаю и Индии еще предстоит побороться.

⁴² Там же

⁴³ globalaffairs.ru/.../Ot-myagkoi-sily-k-kul...

СТРАНЫ БОЛЬШОЙ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В ЗЕРКАЛЕ ЯПОНСКИХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ¹

По объективным причинам азиатские страны занимают особое место в японских средствах массовой информации (СМИ), в целом опережая остальные части света, кроме тех случаев, когда там происходят события глобального масштаба, тем более прямо затрагивающие Японию или ее граждан. Объем и подача информации из этих стран и региона в целом четко отражают как традиционные подходы и стереотипы, сложившиеся на протяжении десятилетий, так и новые, иногда сиюминутные повороты и изменения в двусторонних отношениях или международной ситуации. Даже предварительный анализ количества и оценочных векторов материалов ведущих японских периодических изданий о государствах Большой Восточной Азии дает наглядную картину того, как воспринимается та или иная страна в настоящее время, какие страны представляют наибольший // наименьший интерес для Японии и в каком аспекте.

При этом необходимо учитывать, что, несмотря на общие приоритеты в трансляции и трактовке информации, каждая из ведущих общенациональных газет и связанных с ней СМИ (многие крупные газеты входят в холдинги, которые также выпускают журналы, книги и Интернет-контент, или имеют партнерские отношения с телевизионными компаниями, например газета «Санкэй» и телевидение «Фудзи») занимают особое, известное и, можно сказать, фиксированное место в общественно-политическом спектре, что неизбежно находит отражение в стиле и качестве подачи информации. Среди ведущих общенациональных газет сами япон-

цы обычно называют «Асахи» – «левой» (точнее было бы сказать, лево-либеральной, чтобы отличить ее от «красных» коммунистов, а также популистов и «зеленых» различного толка), «Майнити» – «центристской», «Йомиури» – «консервативной» (хотя ее отличие от «Майнити» едва ли заметно глазу «непосвященного»), «Санкэй» – «правой»; экономическая газета «Никкэй» считается «деловой» и не имеющей отчетливой политической окраски. Что касается фактической стороны информации, то ее могут поставлять как собственные корреспонденты, так и информационные агентства, в подавляющем большинстве случаев японские (Киодо, Дзидзи) или постоянно сотрудничающие с ними иностранные (Рейтер, Ассошиэйтед пресс). Иными словами, «случайной» информации в ведущих японских СМИ практически не бывает.

Несмотря на наступление века Интернета, в Японии газеты, в том числе в печатном, «бумажном» варианте, продолжают оставаться, наряду с телевидением, «четвертой властью». Они оказывают прямое влияние на общественное мнение страны, косвенное, хотя и несомненное, на ее политическую жизнь и, вероятно, на выработку национальной политики (оценивать степень и качество влияния СМИ в последнем случае автор не берется). Япония и в XXI в. остается страной крупных общенациональных и региональных газет, поскольку их Интернет-версии воспринимаются большинством потребителей не как специфически электронные СМИ, но именно как вариант печатных, тиражи которых составляют миллионы экземпляров. «Чтение как минимум одной общенациональной и одной местной газеты – признак социального *comme il faut*, даже если практическая польза от этого невелика; в конце концов, новости можно с меньшими усилиями и затратами времени узнать по радио или телевидению. В некоторых случаях к этому может добавляться своя «партийная» газета, например, «Акахата» для коммунистов или «Сэйкё» для членов массовой буддийской организации Сока гаккай и созданной на ее базе партии Комэйто. Конечно, «для интереса» многие предпочитают комиксы или скандально-бульварные издания вроде спортивных газет, но без «серьезной» газеты «серьезному» члену общества никак не обойтись. ... Телевидение апеллирует к зрению и слуху, к эмоциям, а не к анализу. Газета требует большего внимания, определенной работы мысли, поэтому большинству японцев кажется, что она «честнее», что она дает более сбалансированный, объективный взгляд на людей и вещи. Действительно, «солидные» газеты всеми силами стараются «сохранять лицо» и подчеркивают свою «солидность» как социальную значимость и осознание своей ответственности перед обществом»².

¹ В основу настоящей главы положены результаты длительного текущего анализа ведущих японских СМИ. В качестве референтной группы использованы печатные и интернет-версии главных общенациональных ежедневных газет «Йомиури», «Майнити», «Асахи» и «Санкэй» с привлечением материалов газеты «Никкэй» и новостной ленты информационного агентства Киодо за май 2013 г. Ссылки на конкретные публикации не приводятся.

² Молодяков В. Япония в меняющемся мире. Идеология. История. Имидж. М., 2011. С. 120–121.

Неслучайно поэтому, что «Йомиури» остается самой читаемой в мире газетой – тираж ее утреннего выпуска составляет 9,94 миллиона экземпляров, вечернего – 3,42 миллиона³.

Анализируя то, как отражаются в зеркале современных японских СМИ страны Большой Восточной Азии, автор отдал предпочтение географическому принципу как наиболее наглядному, расположив страны по степени их присутствия в информационном пространстве.

Китайская народная республика

Среди азиатских стран несомненным лидером в японских СМИ по количеству как новостных упоминаний, так и тематических статей является Китайская народная республика (КНР).

По числу упоминаний КНР во всех изданиях референтной группы заметно уступает США, однако необходимо отметить, что материалы на американские темы нередко имеют сугубо новостной характер: выпуск новой модели смартфона, бракосочетание популярных артистов и другие события частной жизни публичных персон – в то время как почти все сообщения о Китае имеют в той или иной степени аналитический или оценочный характер. Если сообщения из США или о США считаются интересными для читателя в любом случае, вне зависимости от тематики и повода, Китай и другие страны Азии интересуют японского «новостника», журналиста и читателя очень адресно, в контексте той или иной тематики. Иными словами, в первом случае «регион» перевешивает «тему», во втором (за единственным возможным исключением КНДР, и то с «обратным знаком») «тема» чаще перевешивает регион.

Статьи японской прессы о КНР, вне зависимости от политического «цвета» издания, посвящены самому широкому спектру вопросов, что отражает широту интересов самих СМИ и их читателей: экономика, территориальная проблема островов Сенкаку // Дяоюйдао, экология, кино, культура, сельское хозяйство, атомные электростанции, отношения с КНДР, кибератаки, финансовый рынок, медицина, образование, социальные проблемы, внешняя политика, позиция в отношении глобальных проблем, спорт, выставки и археологические находки. Однако «из всех щедрот большого каталога» японские СМИ в наибольшей степени интересуют три ведущих тематических направления.

Первое – экономика, включая фондовый рынок, экспортно-импортные отношения и внутреннюю экономическую ситуацию. Китай рассматривается и как производственная база и источник рабочей силы для филиалов японских производителей, и как огромный рынок потребления

³ Данные за 2012 год.

японских товаров. Его внутренние экономические проблемы рассматриваются прежде всего через призму их влияния – в том числе возможного – на Японию. Например, статья о повышении уровня заработной платы в КНР оказывается на первой полосе деловой газеты «Никкэй»: издание заостряет внимание на вопросе о том, как это скажется и уже сказывается на японских предприятиях, использующих китайскую рабочую силу, и в какие страны региона может быть перенаправлен отток японских предприятий в поисках более «дешевого» персонала. Даже социальные проблемы современного Китая, такие как сильное имущественное расслоение общества, рассматриваются с прикладной точки зрения – могут ли они повлиять на цену рабочей силы в Китае, и как они скажутся на внутреннем потреблении, прежде всего применительно к товарам из Японии. Наибольшие опасения в отношении китайской экономики вызывает опасность ее «перегрева» и возникновения эффекта «лопнувшего пузыря». Токийские экономические аналитики помнят о судьбе местного «мыльного пузыря», лопнувшего в начале 1990-х годов, хотя ситуация в этих двух случаях, конечно, принципиально различается во многих отношениях.

Второе направление, которому уделяется не меньшее внимание, – политическая ситуация. К этому относится не только то, что происходит внутри самой КНР, но, в большей степени, проблемы двусторонних отношений с Японией, растущее «присутствие» Китая в Азии и ответы официального Пекина на глобальные проблемы и мировые события. Например, в рассматриваемый период наибольшее внимание японских СМИ привлекли реакция Китая и других стран Азии на весьма вызывающие высказывания мэра города Осака Хасимото Тору, которого считают перспективным политиком «правопопулистского» толка, о «женщинах для утешения» (об этом подробнее в разделе, посвященном Республике Корея), реакция на очередное посещение группой японских депутатов и членов кабинета министров синтоистского храма Ясукуни, который во многих азиатских странах считается символом японского национализма и милитаризма (премьер Абэ, имеющий репутацию «ястреба», однако ограничился тем, что отправил храму дары-пожертвования), и предстоявшая встреча в верхах между лидерами КНР и США. Два первых сюжета являются значимыми и остро дискуссионными с точки зрения внутренней политики, а не только отношений Японии с соседними странами и, тем более, ее имиджа в мире (последним аспектом японские политики до сих пор пренебрегают, что периодически ставится им в вину общественностью и СМИ). В третьем сюжете нетрудно увидеть сочетание регионального и глобального аспектов, причем можно поспорить, какой из них является более важным для авторов и потребителей информации японских СМИ.

Много внимания в японском информационном пространстве традиционно уделяется Китаю в связи с напряженной ситуацией на Корейском полуострове – прежде всего тому, какую роль в дальнейшем развитии событий может сыграть Пекин, который поддерживает дружественные отношения с КНДР и обычно фигурирует в японской прессе как ее «союзник», а также заметному ужесточению в последнее время позиции Китая в отношении «Севера» (решение Банка Китая прекратить сотрудничество с Банком внешней торговли КНДР).

Третье направление, точнее, конкретная тема, которая на протяжении последнего года занимает, пожалуй, не меньше места, чем первые две, – территориальная проблема, вопрос о принадлежности островов Сенкаку // Дяоюйдао. Официальная позиция Токио, неоднократно озвученная самим премьер-министром Абэ Синдзо и членами его кабинета, заключается в том, что «территориальной проблемы» в данном случае не существует: Соединенные Штаты возвратили Японии эти острова вместе с Окинавой в 1971 г.; их принадлежность Японии подтверждена международным правом; КНР начала настаивать на своем праве суверенитета и требовать передачи островов только с середины 1970-х годов, когда стало известно о том, что этот район богат природными ресурсами. Практически любые события, связанные с этими островами, являются важным информационным поводом и попадают в «топ» общенациональных новостей, а выступления японских политиков или экспертов по данной проблеме гарантировано почетное место как на газетных и журнальных страницах, так и в телевизионных новостных программах вне зависимости от того, что они говорят. Например, сделанные в июне 2013 г. высказывания бывшего премьер-министра Хатояма Юкио о необходимости «понять» позицию КНР о том, что Япония «украла» у нее острова Сенкаку, вызвали предсказуемое возмущение не только со стороны правительства, но и практически у всех национальных СМИ. Актуальность проблемы Сенкаку для японского информационного пространства настолько велика, что она часто упоминается и в текстах, не имеющих прямого отношения к Китаю. Например, об этом говорилось в статьях и обзорах почти всех ведущих СМИ, посвященных итогам визита премьер-министра Абэ в Россию в конце апреля 2013 г. и обсуждению возможных перспектив решения территориального спора о южных Курилах.

Вне зависимости от политического оттенка, общее направление китайской тематики сходно у всех газет, однако обращает на себя внимание парадоксальное соотношение количества материалов и направленности издания⁴. Если «центристские» «Йомиури» и «Майнити» обычно редко

⁴ Статистические данные приводятся на основании анализа интернет-версий газет Йомиури, «Майнити», «Асахи» и «Санкэй».

выходят за рамки тем «экономика – КНДР – территориальная проблема – историческое прошлое», то «правая» «Санкэй» уделяла трем темам – искусство, экология и образование в КНР – почти такое же, если сравнивать по количеству материалов, внимание, как экономике и проблеме спорных островов. В то же время «левая» «Асахи» разместила на своих полосах столько же статей о высказываниях Хасимото и реакции на них в Китае, сколько и материалов, посвященных китайской экономике. Следует отметить, что «Асахи» вообще отличается повышенной чувствительностью к публичным высказываниям тех соотечественников, которых считает «националистами», на темы отношений с Китаем и другими азиатскими странами, в том числе применительно к событиям прошлого.

Образ КНР и отношение к ней в Японии, если судить на основе анализа текущих материалов ведущих общенациональных СМИ, в целом имеет нейтрально-негативный характер, причем в сообщениях информационных агентств явно доминирует нейтральный тон. Япония заинтересована в Китае как в огромном рынке сбыта и в рынке рабочей силы, однако его стремительный экономический рост вызывает неоднозначное, можно сказать, ревнивое отношение и различные опасения. Последние относятся к тому, что Китай может вытеснить Японию с передовых позиций в Азии, равно как и к тому, что китайская экономика может «перегреться», что приведет к ее кризису и негативно скажется на вынесенных туда японских предприятиях и на японских инвестициях в эту страну.

Аналогичная картина наблюдается и в отношении японских СМИ (а значит, и их потребителей) к КНР в политическом плане. С одной стороны, ревнивое неудовольствие и тревогу Японии вызывают возможность китайской гегемонии в Азии, определенная политическая непредсказуемость шагов ее руководства (одна из любимых тем «гаданий» местных политических аналитиков), наращивание военной мощи и военной активности, что прежде всего относится к флоту, и «непрозрачность», с точки зрения Токио, расходов Пекина на оборону. С другой стороны, Япония видит в Китае реального и, более того, фактически единственного партнера, обладающего рычагами влияния на КНДР, для решения всего комплекса проблем Корейского полуострова, начиная от запуска баллистических ракет и разработки атомного оружия и заканчивая проблемой насильно удерживаемых на «Севере» японских граждан.

«Центристские» и «левые» издания освещают вопросы, отношение к которым может быть либо нейтральным, либо отрицательным – например, экономика или территориальный вопрос, причем количество тем едва ли выходит за пределы десятка. В то же время «Санкэй», позицию которой нередко считают «антикитайской», за один только май 2013 г. обсудила двадцать четыре темы, связанные с КНР, – от подводных лодок

и АЭС до спорта, книжных новинок и вопросов искусства. Для сравнения: теме китайского искусства в этом издании были посвящены двенадцать статей, образованию и науке – тринадцать, экологии и природе – девять, при этом экономическим вопросам – двадцать девять материалов, спорным островам Сенкаку – восемнадцать. «Иомиури» и «Майнити» поместили соответственно шесть и четыре статьи об экономике, по две статьи о спорных островах Сенкаку. «Майнити» опубликовала два материала о китайском кино и три о культуре этой страны; «Иомиури» тематику искусства и культуры не затрагивала вовсе. Так же оба «центристских» издания не касались тем экологии, природы, образования, выставок и спорта.

Республика Корея

Основными темами японских СМИ применительно к Республике Корея (РК), как правило, являются экономика, проблемы безопасности Корейского полуострова, а также масс-культура и шоу-бизнес. Однако в рассматриваемый период главной «южнокорейской» темой обсуждения во всех японских изданиях, вне зависимости от их политического спектра, стали заявления мэра города Осака Хасимото Тору о целесообразности института «женщин для утешения» в японской армии во время Второй мировой войны и реакция на них в РК⁵. Этот, казалось бы, сугубо частный пример показательно характеризует не только атмосферу конкретного момента времени, но и особенности отношения японских СМИ к Южной Корее, к истории двусторонних отношений, к «трудным вопросам» прошлого и к проявлениям того, что может считаться национализмом.

Сначала обратимся к количественным показателям по референтной группе. Экономическим проблемам РК и ее отношениям с Японией «Иомиури» посвятила четыре статьи, «Майнити» – пять, «Асахи» – восемь, «Санкэй» – двадцать одну. О высказываниях мэра Осака, реакции на них в Корее и обратной реакции в Японии «Иомиури» разместила четыре материала, «Майнити» – пять, «Санкэй» – семнадцать, «Асахи» – двадцать один (отметим повышенное внимание к этой теме газет, находящихся на противоположных концах политического спектра, и отсутствие

⁵ В начале мая Хасимото сделал скандальное заявление о том, что создание публичных домов для нужд японских солдат в оккупированных Японией азиатских странах с так называемыми «женщинами для утешения» (существует также вариант «женщины комфорта», входящий к английскому переводу «comfort women») было вызвано необходимостью того времени. «Женщинами для утешения» во время Второй мировой войны называли женщин, насильственно согнанных в бордели для японских солдат. Это высказывание вызвало острую реакцию в Южной Корее и Китае.

ажиотажа в «центристских»). В контексте проблем Корейского полуострова и отношений с КНДР «Иомиури» опубликовала о Республике Корея три статьи, «Майнити» – две, «Санкэй» – четырнадцать, «Асахи» – пять.

Экономическая тема в связи с РК чаще всего поднимается не с точки зрения рынка – будь то сбыта или рабочей силы, как в случае с Китаем, – а в аспекте той конкурентной силы, которую представляют для Японии южнокорейские предприятия и компании. Особенно это относится к производителям электроники, прежде всего к «Самсунгу», который воспринимается как очень серьезный соперник в борьбе за мировые рынки, добившийся больших успехов, чем японские фирмы, в деле продвижения своей продукции, в частности телевизоров и смартфонов.

Высказывания Хасимото о том, что «женщины для утешения» были «необходимы» японским офицерам и солдатам для «отдыха после тяжелых боев» и что публичные дома имелись при многих армиях мира, подняли ожидаемую волну резких протестов в Южной Корее. В самой Японии они тоже подверглись критике со стороны политиков, общественности и СМИ, но острая реакция Сеула на них вызвала некоторый всплеск антикорейских настроений. Особенно это было заметно в Осака – «вотчине» политика, где он пользуется, без преувеличения, огромной популярностью. Дело дошло до того, что в корейских кварталах устраивались небольшие митинги и демонстрации (около 100 человек), участники которых высказывались в адрес корейцев и Кореи в откровенно оскорбительном тоне, что нехарактерно для публичной жизни «политкорректной» Японии. В отношении памяти об историческом прошлом японо-корейских отношений, включая сорокалетний колониальный период, – темы, которая в очередной раз возникла в связи с выступлениями Хасимото, – позиция всех изданий, вне зависимости от политических пристрастий, была однозначно критической по отношению к действиям Японии. Реакция в Корее была отражена без эмоций, как закономерное, хоть и неприятное, следствие выступлений амбициозного политика. Следует добавить, что разгромное поражение возглавляемой Хасимото Партии возрождения Японии на выборах в городское собрание Токио в начале июня, по единодушному мнению местных аналитиков, во многом обусловлено его высказываниями о Корее, которые вызвали негативную реакцию не только за рубежом, но и в самой Японии как потенциально опасные для ее имиджа в мире.

Республика Корея в глазах японских СМИ – несомненный и надежный партнер и союзник во всех вопросах, связанных с КНДР. Более того, любой частный вопрос межкорейских отношений (например, ситуация на совместном индустриальном комплексе в Кэсоне и переговоры о его дальнейшей судьбе или проблема перебежчиков с «Севера») обсужда-

ется в газетах со всеми подробностями и становится одной из основных новостей на телевидении.

Отличительная черта освещения Республики Корея японскими СМИ в сравнении с другими странами Азии, – активное и заинтересованное внимание ко всей информации, связанной с шоу-бизнесом, актерами, певцами, телесериалами и кинофильмами. По объемам информации по этой тематике Южная Корея не уступает США, а, возможно, и превосходит их. Это обусловлено тем, что уже около десяти лет в Японии наблюдается «бум корейской культуры». Его отправной точкой стал беспрецедентный успех на местном телевидении южнокорейского сериала «Зимняя соната», за которым последовало повальное увлечение наиболее популярных звезд японского кино и эстрады корейским языком, кухней и культурой. Вслед за успехом кинофильмов и телесериалов пришел черед эстрады. Появилось даже направление «Кэй-поп» – южнокорейская поп-музыка, ориентированная исключительно на японского слушателя. Его типичные представители – поп-группы, состоящие, как правило, из пяти и более девушек или молодых людей из РК, которые в совершенстве владеют японским языком и исполняют на нем песни. Участники популярных групп активно снимаются в японской рекламе, что приносит им еще большую узнаваемость. Таким образом, информация о южнокорейском шоу-бизнесе в Японии приобрела «внутренний» характер – всё новое, что есть в этой области, начиная от выпуска нового альбома и заканчивая любой презентацией с участием кумиров, освещается с тем же вниманием, что и события собственно японского шоу-бизнеса. Например, в рассматриваемый период «Майнити» посвятила четыре материала экономике Южной Кореи и столько же – поп-музыке, роли этой страны в мировой политике – две статьи, а киноискусству, телесериалам и событиям из жизни корейских артистов – пять.

Общий тон публикаций японских СМИ о Республике Корея имеет или нейтрально-деловой или позитивно-заинтересованный характер. Фактически единственным фактором, вызывающим отторжение или провоцирующим негативные высказывания (причем, со стороны «героев», а не авторов публикаций), является территориальный спор об островах Такэсима // Токто // Лиянкур. В последние месяцы, после президентских выборов в РК, этот вопрос перестал муссироваться со стороны Сеула, и интерес к нему японских СМИ соответственно почти угас. Точнее, спор с РК обычно упоминается лишь в связи с островами Сенкаку – в общем контексте территориальных проблем Японии с соседними странами. Вне зависимости от политической окраски изданий в японских СМИ не удалось обнаружить антикорейских выпадов. Это связано с общей атмосферой щепетильной «политкорректности» по от-

ношению к стране, которая сорок лет была японской колонией и тема «вины» за колониальное прошлое перед которой до сих пор не исчерпана как для самих корейцев, так и для немалой части японского общественного мнения. Немалую роль играет и «корейский бум»: обилие легкой «поп»-информации о Корее исподволь создает ей положительный или, по крайней мере, нейтральный имидж.

Корейская народно-демократическая республика

Тематика информации о «Северной Корее», как ее неизменно именуют японские СМИ вместо полного официального названия, по большей части сводится к классической триаде: атом – ракеты – насильно удерживаемые японские граждане⁶. Практически вся информация о Корейской народно-демократической республике так или иначе может быть отнесена к одному из этих блоков. В данном случае СМИ четко отражают официальную позицию Токио, озвученную на саммите «восьмерки» в Северной Ирландии в июне 2013 г., которая так же исчерпывается тремя перечисленными позициями. Гуманитарные вопросы внутривластного характера, такие как защита прав человека в КНДР или отсутствие политических свобод, проблемы нехватки продовольствия и т. д., как правило, не находят отражения в СМИ – за редким исключением, когда они упоминаются в связи с тремя наиболее важными для Японии проблемами. Вместе с тем для японской прессы и телевидения характерен постоянный интерес к «тайнам пхеньянского двора», включая гипотетическое соотношение сил различных групп внутри правящей элиты и частную жизнь высших руководителей страны, например, обстоятельства брака и семейной жизни Ким Чен Ына, а ранее – его обучения в Швейцарии.

Объем информации о КНДР в японских СМИ зависит прежде всего от того, какую позицию занимает эта страна по отношению к известным решениям Совета безопасности ООН, и от действий ее руководства в конкретные промежутки времени – иными словами, от наличия острого информационного повода. Так, северокорейская тематика не сходила со страниц газет и экранов телевизоров весь апрель 2013 г., пока существовала угроза запуска от одной до трех баллистических ракет.

⁶ Помимо общих вопросов безопасности на Корейском полуострове Япония требует освободить своих граждан, удерживаемых в КНДР с 1970-х годов. Токио настаивает на том, что северокорейские спецслужбы похитили 17 граждан Японии. КНДР признала лишь 13 фактов похищения. Пятеро заложников смогли вернуться в Японию по итогам визитов в КНДР тогдашнего премьер-министра Коидзуми Дзюнъитиро в 2002 и 2004 гг. Остальные восемь человек, как уверяет северокорейская сторона, умерли. Однако Япония считает представленные доказательства смерти неубедительными и продолжает требовать выдачи всех похищенных.

Вполне естественно, что тематика новостей в большинстве случаев ограничивалась этим вопросом. Затем главной темой стал неожиданный для «непосвященной» публики визит в Пхеньян советника премьер-министра Иидзима Исао, который был окружен флером полусекретности-полуприватности и тем большей таинственностью, чем более очевидными становились цели поездки. В условиях скупой, тщательно дозированной и нарочитой сухой официальной информации, обсуждение в СМИ свелось к пересказу фактической стороны дела: Иидзима прилетел в КНДР через Китай, встретился с председателем президиума Верховного народного собрания Ким Ён Намом (второй пост в северокорейской иерархии) и с секретарем Трудовой партии Кореи Ким Ён Иром, о чем сообщило северокорейское телевидение (в Японии осуществляется его тщательный мониторинг, а фрагменты передач нередко включаются в новостные и аналитические программы и в документальные фильмы), по возвращении в Токио доложил об итогах переговоров премьер-министру Абэ и генеральному секретарю кабинета министров Суга Ёсихидэ, но категорически отказался давать комментарии для прессы. Ни темы переговоров, ни содержание отчета Иидзима не были официально преданы гласности, но СМИ с самого начала визита утверждали, что Иидзима, готовивший визиты в КНДР премьер-министра Коидзуми Дзюньитиро в первой половине 2000-х годов, поехал в Пхеньян с целью добиться прогресса (или хотя бы его видимости) в решении проблемы японских граждан, насильно удерживаемых в этой стране с 1970–1980-х годов. Руководство КНДР утверждает, что более никого насильно не удерживает и потому считает проблему окончательно решенной.

Следует отметить, что упоминания о КНДР в связи с заявлениями Хасимото делались лишь в общем контексте освещения протестов против них в Китае и Южной Корее.

КНДР – единственная из рассматриваемых нами стран, общая тональность информации о которой в японских СМИ имеет ярко выраженный негативный характер. Для Японии это априори «империя зла», единственная возможность контакта с которой обусловлена позицией Пхеньяна по трем ключевым вопросам: атом – ракеты – насильно удерживаемые в КНДР японские граждане. Прочие публикации, связанные с этой страной, лишь подчеркивают общее негативное отношение к ней со стороны японских СМИ, разница в позиции которых может быть заметна лишь в степени «дозировки» негатива.

Китайская республика (Тайвань)

В отношении японских СМИ к Китайской республике, которую они обычно называют «Тайвань», сложно усмотреть какую-либо тенденцию,

что обусловлено формальным отсутствием дипломатических отношений и межправительственных контактов между Токио и Тайбэем при динамично развивающемся экономическом и культурном сотрудничестве и отсутствии в этой стране сколько-нибудь заметных антияпонских настроений.

Все общенациональные издания и телеканалы так или иначе затрагивают вопросы двустороннего экономического взаимодействия или экономического положения Тайваня, однако эти сюжеты почти никогда не выходят в «топ» новостей. Стабильность ситуации в этой стране в последние годы, после возвращения к власти партии Гоминьдан и судебного процесса над бывшим президентом Чэн Шуй-бянем (который считался «прояпонски» настроенным), делает ее малоперспективным ньюсмейкером. Например, за рассматриваемый период «Йомиури» поместила всего по одному материалу о внутриэкономическом положении Тайваня, политической ситуации в стране, возможностях поставки туда японских технологий строительства скоростных железных дорог и вопросах конкуренции тайванской продукции с японскими товарами. «Майнити» опубликовала по одной статье об экономике страны и ее сельском хозяйстве, зато целых три – о тайваньском кинематографе, интерес к которому в Японии за последние годы ощутимо вырос. «Асахи» посвятила четыре материала экономическим вопросам и по одному – реакции на высказывания Хасимото (как отмечалось выше, важному для этой газеты сюжету), системе образования на Тайване и спорту. В освещении тем, связанных с этой страной, как обычно лидировала «Санкэй», неофициально считающаяся рупором «тайваньского лобби» в Японии. Тематический диапазон десяти ее статей о Тайване включал экономическую ситуацию в стране, проблему спорных островов Сенкаку, на которые также формально претендует Республика Китай, реакцию на высказывания Хасимото, а также телевидение Тайваня, его природу и перспективы развития туризма на острове.

Индия

Общий объем информации об Индии в ведущих японских СМИ не может конкурировать с количеством публикаций о Китае и обоих корейских государствах. Однако то, что Индия не является приоритетным ньюсмейкером, не означает, что Токио не рассматривает Дели в качестве важного партнера; напротив, в последнее время двустороннее сотрудничество выходит на «стратегический и глобальный» уровень. Следует обратить особое внимание на то обстоятельство, что освещение индийской тематики в информационном пространстве Японии имеет наиболее равномерный и уравновешенный характер. Если информации мало, то ее мало по всем упоминаемым темам в равных пропорциях.

Важной новостью для всех без исключения японских СМИ стал состоявшийся в конце мая 2013 г. официальный визит в Токио индийского премьер-министра Манмохана Сингха. Итогом этого долго готовившегося мероприятия стало совместное заявление глав правительств, содержащее конкретную программу двустороннего сотрудничества на ближайшие годы. Однако с учетом того, что подробности отношений с Индией вызывают интерес лишь у ограниченного круга японских читателей, в центральных газетах данной тематике отводится скромное место. В преддверии визита Сингха внимание «центристских» СМИ привлекли такие вопросы, как перспективы японских технологий атомной энергетики на индийском рынке («Майнити») и внедрение системы сверхскоростных поездов «синкансэн» в этой стране («Иомиури»); «Иомиури» также осветила реакцию Индии на высказывания Хасимото и на проблему островов Сенкаку. Заметим, что в изданиях с более ярко выраженной политической направленностью – «правой» «Санкэй» и «левой» «Асахи» – вопросам экономического взаимодействия с Индией уделяется больше внимания, чем другим темам, однако в пропорциях, которые сложно назвать «перекосом». За месяц перед приездом Сингха в Токио «Санкэй» посвятила восемь материалов экономическим вопросам, связанным с Индией, но в дополнение к ним охватила широкий круг разнообразных тем – от атомной энергетики до истории и телевидения, от кухни до роли Индии в мировой политике, от экологии до планируемого на декабрь визита в эту страну императора Акихито (от одной до трех статей по каждой). «Асахи» посвятила четыре статьи вопросам экономики, но не оставила без внимания и такие темы как роль Индии в мировой экономике, образование, буддизм, Олимпийские игры, а также упомянула эту страну в связи с реакцией на высказывания Хасимото (по одному-два материала).

Анализ публикаций японской прессы об Индии позволяет сделать вывод, что их отличительная черта – отсутствие расхожих политических штампов, предвзятого освещения и заранее заготовленных шаблонов. Об этом говорит и равномерное распределение по количеству материалов на разные темы, и то, что сами эти темы, за неизбежным исключением экономических (данная тематика однозначно доминирует в «Никкэй»), имеют случайный характер выбора у каждого издания и не предопределяются некоей общей позицией. Подход к освещению вопросов, связанных с Индией, свободен от политико-исторических условностей и «политкорректности», которые столь ярко прослеживаются в отношении к Китаю и обоим корейским государствам. Выбор тем иногда кажется неожиданным для газеты, ориентированной на новости дня, на актуальную информацию. Напрашивается вывод, что применительно к Индии

японские журналисты могут писать на любую тему и в любом объеме, не ограничивая себя правилами «самоконтроля», следы которых нетрудно заметить в местных СМИ. Общий характер публикаций – положительный или нейтральный. Существующие в Индии социальные проблемы рассматриваются редко и отстраненно, вне связи с Японией и без оценки. В то же время рост индийской экономики и перспективы ее рынка, повышение уровня образования и достижения в сфере науки и культуры вызывают уважительный интерес.

Страны Юго-Восточной Азии

Страны Юго-Восточной Азии занимают сравнительно скромное место в информационном пространстве Японии и по ряду позиций фигурируют в СМИ скорее как некое целое, нежели индивидуально. Исключение, пожалуй, составляет «Санкэй», поскольку для этой газеты традиционно характерно повышенное внимание к азиатской тематике, включая страны ЮВА.

Важным информационным поводом неизменно остаются состояние и возможности экономического сотрудничества Токио со странами данного региона, которые считаются перспективным местом размещения японских предприятий (особенно в связи с повышением затрат на производство в КНР) и объектом инвестирования, а также рынком сбыта японских товаров и технологий. Например, «Санкэй» за один только май 2013 г. семь раз обращалась к вопросам экономики и экономического взаимодействия с Вьетнамом, восемь раз – с Таиландом, акцентируя внимание на относительной дешевизне тамошней рабочей силы. Актуальной темой остается внешнеэкономический потенциал технологий ядерной энергетики, будущее которой в самой Японии еще недавно стояло под вопросом, да и сейчас остается предметом острых дискуссий. Среди сравнительно немногочисленных публикаций о странах ЮВА обращают на себя внимание статьи о возможностях использования японских технологий «мирного атома» во Вьетнаме и Индонезии («Майнити»), об экспорте японских автомобилей и работе филиалов японских автоконцернов в Таиланде («Асахи»).

За пределами двусторонних отношений важнейшим информационным поводом для японских СМИ применительно к данному региону остается участие его стран в переговорах о создании Транстихоокеанского партнерства (ТТП). В рамках данной темы, где собственно экономические проблемы неразрывно переплетаются с политическими, внимание ведущих газет привлекли позиция Вьетнама («Санкэй»), Индонезии («Иомиури», «Асахи», «Санкэй»), Малайзии («Иомиури», «Асахи», «Санкэй»; для первых двух газет это единственный тематический

материал о Малайзии за месяц). Собственно политические сюжеты, связанные с этими странами, привлекают внимание главным образом специалистов-политологов и редко попадают на газетные страницы, но следует отметить внимание «Санкэй» к роли Вьетнама в азиатской политике, поскольку эта страна, исторически имеющая сложные отношения и территориальные проблемы с КНР, рассматривается в некоторых политических кругах Токио как один из потенциальных союзников в плане «сдерживания» Китая.

Отличительная особенность освещения стран Юго-Восточной Азии в японских СМИ – внимание к неполитической, «легкой» тематике, включая кухню, культуру и туризм. Лидером в данной области остается Таиланд, образ которого в информационном пространстве Японии является исключительно положительным и привлекательным, основываясь на тематике курортов, отдыха, косметики и ухода за телом. Особое внимание данным сюжетам в рассматриваемый период уделила «Майнити», хотя в подходе к освещению тайландских сюжетов в японской прессе не просматривается никакой явной заданности. Традиционно привлекательной для широкого японского читателя и телезрителя остается гастрономическая тематика, особенно если речь идет об относительно новой для него и еще недостаточно известной вьетнамской кухне. Сравнительно новой сферой внимания для японских СМИ стал азиатский кинематограф – вьетнамский («Санкэй»), тайландский («Майнити»), индонезийский («Йомиури», «Санкэй»).

Подводя итоги тематического, качественного и количественного анализа публикаций ведущих японских СМИ, посвященных странам Большой Восточной Азии, можно сделать следующие выводы.

Среди азиатских ньюсмейкеров безусловным лидером остается Китай, в освещении которого преобладает экономическая и политическая тематика. Образ КНР в ведущих японских СМИ в целом имеет нейтрально-негативный характер, причем в сообщениях информационных агентств явно доминирует нейтральный тон. Критика действий официального Пекина имеет подчеркнутый сдержанный характер, однако кризисные моменты и противоречия в двусторонних отношениях не замалчиваются.

Следующим по значимости ньюсмейкером являются два корейских государства, но отношение к ним японских СМИ различается почти до полной противоположности. Освещение сюжетов, связанных с Республикой Корея, имеет нейтрально-деловой или позитивно-заинтересованный характер. Не в последнюю очередь это связано с общей атмосферой «политкорректности» по отношению к стране, которая 40 лет была японской колонией. Особенностью южнокорейской тематики является обилие «поп»-информации, что исподволь создает этой стране положи-

тельный имидж. КНДР – единственная из рассматриваемых стран, тональность информации о которой в японских СМИ имеет однозначно негативный характер, а разница в позиции отдельных изданий заметна лишь в «дозировке» негатива.

Общий характер публикаций японских СМИ об Индии – положительный или нейтральный, с особым вниманием к экономической тематике и к ее успехам в сфере как экономики, так и образования, культуры и искусства. В освещении этой страны заметно отсутствие политических штампов, предвзятого освещения и заранее заготовленных шаблонов, а также ориентация на будущее, на перспективы двусторонних отношений.

Тайвань и страны Юго-Восточной Азии занимают скромное место в информационном пространстве Японии, но материалы о них имеют по большей части позитивный характер. В публикациях данной тематики преобладают, с одной стороны, экономические сюжеты (двустороннее сотрудничество и перспективы Транстихоокеанского партнерства), с другой – «легкая» информация, связанная с культурой, искусством и туризмом.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

<i>Добринская Ольга Алексеевна</i>	кандидат исторических наук, Институт востоковедения РАН
<i>Катасонова Елена Леонидовна</i>	доктор исторических наук, Институт востоковедения РАН
<i>Кульнева Полина Викторовна</i>	младший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН
<i>Лебедева Ирина Павловна</i>	доктор экономических наук, Институт востоковедения РАН
<i>Маркарян Седя Багдасаровна</i>	доктор экономических наук, Институт востоковедения РАН
<i>Молодяков Василий Элинархович</i>	доктор политических наук, Институт Востоковедения РАН, университет Такусёку (Япония)
<i>Молодякова Эльгена Васильевна</i>	доктор исторических наук, Институт востоковедения РАН
<i>Мурашкин Николай Юрьевич</i> <i>Нака Ксения Олеговна</i>	докторант Университета Кембриджа корреспондент токийского бюро РИА «Новости»
<i>Перминова Вера Александровна</i>	аспирант, Институт востоковедения РАН
<i>Стапран Наталья Валерьевна</i>	кандидат исторических наук, МГИМО(У) МИД России
<i>Тимонина Ирина Львовна</i>	доктор экономических наук, Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М. В. Ломоносова

CONTRIBUTORS

<i>Dobrinskaya Olga Alekseevna</i>	Ph. D. Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
<i>Katasonova Yelena Leonidovna</i>	Prof. (History), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
<i>Kulneva Polina Viktorovna</i>	Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
<i>Lebedeva Irina Pavlovna</i>	Prof. (Economics), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
<i>Markarian Seda Bagdasarovna</i>	Prof. (Economics), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
<i>Molodyakov Vasily Elinarkhovich</i>	Prof. (History, Political Science) Takushoku University (Japan), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
<i>Molodyakova Elgena Vasilyevna</i>	Prof. (History), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
<i>Murashkin Nikolai Yuryevitch</i>	Ph. D. candidate (History), Cambridge University
<i>Naka Kseniya Olegovna</i>	Senior Correspondent, RIA «Novosti», Tokyo
<i>Perminova Vera Aleksandrovna</i>	Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
<i>Stapran Nataliya Valerievna</i>	Ph.D (History) Moscow State Institute of International Relations (U.), Ministry of Foreign Relations R.F.
<i>Timonina Irina Lvovna</i>	Prof. (Economics), Moscow State University

Институт востоковедения РАН
Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences

Межрегиональная общественная организация
«Ассоциация японоведов»

Япония в Азии: параметры сотрудничества

Руководитель *Э. В. Молодякова*
проекта

Ответственные *Э. В. Молодякова,*
редакторы *С. Б. Маркарьян*

Ответственный за выпуск *А. Г. Макаров*

На обложке фотографии *О. В. Андреевой*

Дизайн обложки *К. Струков*

Подписано в печать с оригинал-макета 11. 09. 2013.
Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага оф. №1. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 19. Тираж 500 экз.

АНО НИЦ «АИРО–XXI»
107207, Москва, Чусовская ул., д. 11, к. 7.
Телефон: 8-917-547-84-24. e-mail: andmak@airo-xxi.ru
